



ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 13 (3) • 2020

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 30,135 усл. п.л. Заказ № 472.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Политическая история межцерковных отношений

- 7 Печатнов В.О., Печатнов Вал.В. – МИД и реформа заграничных церквей Русской православной церкви в 1860-х гг.
- 26 Кудрявцева Е.П. – Русско-греческие политические и церковные связи в 20–30-х гг. XIX в.

Азиатское направление международных политических и экономических отношений

- 41 Васильев А.М. – Война и переговоры. Как Вьетнам победил американского колосса
- 68 Стрельцов Д.В. – Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития
- 86 Добринская О.А. – Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии
- 112 Гемуева К.А. – Китайское экономическое присутствие в Восточной Африке на примере Кении
- 138 Lucky Igohosa Ugbudian – Production of Rice: The Role of Indian-Nigerian Bilateral Cooperation in Food Security
- 151 Галищева Н.В. – Роль мелкого производства в достижении устойчивого развития в Индии
- 170 Rebrey S. – Women in small and medium enterprises and entrepreneurship in Japan

Ближневосточное направление международных отношений

- 186 Мирзеханов В.С., Трунов Ф.О. – Германо-иранские отношения в политико-военной сфере: невозможность раскрытия потенциала?
- 205 Fariborz Arghavani Pirsalami, Seyed Javad Salehi, Hossein Alipour – Developing Sino- Israeli Relations in the Post-Cold War Era: Analyzing Desecuritization Scenarios for Iran

Глобальная экономика в эпоху коронавируса

- 225 Малова Т.А. – О чём сигнализируют парадоксы глобальной экономики
- 243 Смирнов Е.Н. – «Мировая экономика коронавируса»: поиск оптимальных путей преодоления последствий кризиса
- 267 Данилин И.В., Мамедьяров З.А. – Роль глобальных платформ в стимулировании цифровой трансформации: компетенционный и инновационный аспекты

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 283 Слука Н.А. – «Геополитический вызов» исследовательскому буму глобальных городов

Table of Contents • 13(3) • 2020

RESEARCH ARTICLES

Political History of Interchurch Relations

- 7 Pechatnov V.O., Pechatnov Val. V. – Russian Foreign Ministry and the Reorganization of Russian Orthodox Churches Abroad in 1860s
- 26 Kudryavtseva E.P. – Russian-Greek Political and Ecclesiastical Relations in 20-30s of the 19th Century

Asian Vector of International Political and Economic Relations

- 41 Vasiliev A.M. – War and Negotiations. How Vietnam Defeated the American Colossus
- 68 Streltsov D.V. – Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors
- 86 Dobrinskaya O.A. – Official Development Assistance in Japan's Strategy in Central Asia
- 112 Gemueva K.A. – Chinese Economic Presence in East Africa: the Case of Kenya
- 138 Lucky Igohosa Ugbudian – Production of Rice: The Role of Indian-Nigerian Bilateral Cooperation in Food Security
- 151 Galistcheva N.V. – The Role of Small-Scale Industries in Achieving the Sustainable Development: the Experience of India
- 170 Rebrey S. – Women in Small and Medium Enterprises and Entrepreneurship in Japan

Middle Eastern Vector of International Relations

- 186 Mirzekhanov S. Velikhan, Trunov Ph.O. – Germany-Iran Relations in Political-Military Sphere: The Impossible Unlocking of Potential?
- 205 Fariborz Arghavani Pirsalami, Seyed Javad Salehi, Hossein Alipour – Developing Sino-Israeli Relations in the Post-Cold War Era: Analyzing Desecuritization Scenarios for Iran

Global economy in the era of coronavirus

- 225 Malova T.A. – What Signal Paradoxes of Global Economy
- 243 Smirnov E.N. – “The World Economy of Coronavirus”: Search for Optimal Ways to Overcome the Consequences of the Crisis
- 267 Danilin I.V., Mamedyarov Z.A. – The Role of Global Platforms in Advancing Digital Transformation: Competence and Innovation Aspects

BOOK REVIEWS

- 283 Sluka N.A. – «Geopolitical Challenge» to the Global Urban Research Boom

МИД и реформа заграничных церквей Русской православной церкви в 1860-х гг.

В.О. Печатнов, Вал.В. Печатнов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье на основе ранее не использованных исследователями документов Архива внешней политики Российской империи рассматривается взаимодействие российской дипломатии и заграничных церквей РПЦ в ходе реформы системы управления этими церквями в первой половине 1860-х гг. Это преобразование, проводившееся на фоне «Великих реформ» Александра II, было призвано повысить эффективность системы управления заграничными церквями. Разработчики реформы, начатой по инициативе самого императора, исходили из необходимости преодолеть разноречивость в системе управления, штатном расписании причтов и финансировании церквей, а также определить круг прав и обязанностей зарубежного клира в его отношениях с руководством дипломатических представительств. В этих целях вводилось единообразное управление заграничными церквями с административным подчинением их Министерству иностранных дел. В статье раскрывается центральная роль МИД под руководством А.М. Горчакова в разработке и осуществлении этой реформы, которая проводилась на межведомственной основе с участием Св. Синода, Министерства двора и Министерства финансов. При разработке реформы учитывались мнения руководства дипломатических миссий и настоятелей заграничных церквей. Авторы прослеживают весь процесс сложных межведомственных согласований, в результате которого был достигнут баланс интересов всех участников. Созданная в итоге система государственно-церковного взаимодействия оказалась эффективной и просуществовала до конца Российской империи. Через призму этой реформы в статье даётся картина состояния заграничных церквей и состава их священнослужителей, составлявших цвет Русской православной церкви. Реформа представляет интерес и как наглядный пример административных преобразований в рамках государственного аппарата Российской империи.

Ключевые слова: МИД Российской империи, посольства, миссии, РПЦ, Св. Синод, православные посольские церкви

УДК: 322.2

Поступила в редакцию: 20.03.2019 г.

Принята к публикации: 12.04.2020 г.

В последние годы история русского православия за рубежом привлекает растущее внимание отечественных исследователей. Появилось немало работ, посвящённых деятельности РПЦ в различных странах и даже истории отдельных православных храмов в странах Европы и Азии. Своё место в этих исследованиях занимает изучение роли российской дипломатии в защите и продвижении православия, включая поддержку миссионерской деятельности РПЦ¹. Однако взаимодействие Русской православной церкви с российской дипломатией изучено ещё недостаточно, в том числе – роль Министерства иностранных дел Российской империи в управлении заграничными учреждениями РПЦ. Настоящая статья, написанная на основе мало использованных документов Архива внешней политики Российской империи², продолжает эту тему, начатую в работе Е.П. Кудрявцевой на страницах «Вестника МГИМО-Университета» по материалам первой половины XIX в. (Кудрявцева 2017). Речь идёт о следующем периоде деятельности православных церквей при посольствах и дипломатических миссиях России, в течение которого при самом активном участии МИД проводилась серьёзная организационная перестройка. Эта реформа интересна ещё и как конкретный пример функционирования государственной машины Российской империи, действовавшей неспешно, но основательно, с тщательной проработкой всех аспектов задуманных преобразований и хорошо отлаженным механизмом подготовки и принятия решений.

Основа системы управления зарубежными церковными учреждениями Русской православной церкви сложилась в ходе реорганизации МИДа в 1830-х гг.

¹ *История русского православного зарубежья*. 2016. Том 1. Русское Православное зарубежье до 1917 г. Книга 1. Русское православное присутствие на христианском Востоке, X–XX в. – Москва: Издательство Московской Патриархии Русской православной церкви; *Россия в Святой Земле. Документы и материалы*. 2000. В 2 тт. Москва; Попов А.В. 2005. *Русское православное зарубежье: история и источники*. Москва: ИПВА.; Климент (Капалин), митроп. 2009. *Русская православная церковь на Аляске до 1917 года*. Москва: Олма Медиа Групп; Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. 2015. *Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке*. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История; *История Русской духовной миссии в Коре*. 1999. Сб. статей. Москва: Издательство Свято-Владимирского Братства; *Православие на Дальнем Востоке*. 2001. Вып. 1-3. Под ред. академика М.Н. Боголюбова. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; Янышевский М.Н. 2013. *Россия в Святой Земле. Русская духовная миссия, Генеральное консульство в Иерусалиме и Иерусалимский Патриарх в начале XX века*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва; Гогорян К.Э. 2016. *Русское зарубежное духовенство в Западной Европе в XIX веке: общие тенденции и специфика*. *Вестник ПСТГУ*. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 6 (73). С. 45-54; *Русские храмы и обители в Европе*. 2005. Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. Санкт-Петербург: Лики России; *Русское Православие в Бельгии*. 2013. В 2 т. Т. 1. Статьи и очерки. 448 с.; Т. 2: Документы, воспоминания и переписка. Ред.-сост. Е.Н. Егорова. 275 с. Москва: Свято-Екатерининский мужской монастырь; Брюссель: Архив русской эмиграции; Талалай М.Г. 2018. *Православие в Испании: трудный путь становления и развития*. М.Г. Талалай, Е.С. Токарева. *Вестник ПСТГУ*. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 82. С. 37-52; Сухова Н.Ю. 2016. *Полвека служения русской православной придворной церкви в Гааге (1816-1866)*. *Христианское чтение*. 6(65). С. 127-149; Грезин И.И. 2014. *Из истории строительства русских храмов в Швейцарии*. *Вестник ПСТГУ*. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 1(56). С. 137-144; Корниенко Н., свящ. 2017. «А святую ту церковь построить»: из истории возведения и деятельности Свято-Троицкого храма в Урге. *Христианское чтение*. №5. С. 198-208; Одерова М.В. 2009. *Православная церковь при русском посольстве в Париже (1816-1917)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: МГУ.

² Основной массив соответствующих документов собран в деле 46 Фонда 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел). Оп. 337/1, Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).

при Николае I. К концу его царствования при российских посольствах и миссиях имелось 13 храмов в странах Европы, один в Константинополе и один в Китае (Кудрявцева 2017: 9-10). Все храмы были открыты не только для личного состава самих дипломатических представительств, но и для других российских подданных в этих странах, а также для принявших православие местных жителей. На всех них распространялась и пастырская забота штатных священнослужителей. Кроме пастырского окормления и богослужений, на настоятелей заграничных храмов в середине XIX в. была возложена ещё одна обязанность. Генерал-лейтенант граф Н.А. Протасов, обер-прокурор Св. Синода в 1836–1855 гг., поручил им вести наблюдения над духовной жизнью в тех странах, где они служили. Для уточнения того, за чем именно Св. Синоду представлялось особенно важным наблюдать, каждому настоятелю была выслана «программа» с изложением главных предметов, поручавшихся их наблюдению. По мнению графа А.П. Толстого, служившего обер-прокурором чуть позже, с 1856 по 1862 г., полученные таким образом сведения позволяли судить «о состоянии христианских исповеданий» во всех странах Западной Европы (Кудрявцева 2017: 9).

Заграничные церкви подразделялись на собственно посольские и консульские, придворные (основанные членами Императорской Фамилии) и надгробные церкви в местах захоронения императорских особ. В организационном отношении они, как правило, подчинялись главам посольств и миссий, а в остальном – Святейшему Синоду, ведавшему назначениями, и начальству Санкт-Петербургской епархии, осуществлявшему общий контроль над зарубежными церквями. Эта система двойного подчинения была вполне рациональной, она не случайно сохранилась и впоследствии. Однако отсутствие чёткой и единой нормативной базы вело к разному в системе управления, штатном расписании и финансировании, а также в определении круга прав и обязанностей зарубежного клира в его отношениях с руководством дипломатических представительств. По этой причине все, даже мелкие, вопросы содержания посольских храмов, включая определение жалования отдельным священнослужителям, решались на «высшем уровне» Императорского Двора и лично Государя Императора. Так, например, в начале 1863 г. (когда действовал ещё прежний порядок) министр иностранных дел вице-канцлер А.М. Горчаков по ходатайству российских посланников в Неаполе и Копенгагене лично испрашивал у императора выплату единовременных пособий двум дьяконам тамошних православных церквей за многолетнюю службу, получив монаршую резолюцию «Исполнить».

В атмосфере «великих реформ» Александра II такое положение воспринималось как недопустимо архаичное. Общая тенденция к реформированию и повышению эффективности госаппарата в условиях усиленного режима экономии после Крымской войны распространилась и на сферу церковно-государственной политики. Непосредственным толчком послужило, как это обычно бывало в условиях самодержавия, распоряжение монарха, сделанное по сугубо частному случаю.

Летом 1862 г. министр двора граф В.Ф. Адлерберг доложил императору вопрос о русской православной церкви в Веймаре, основанной в 1804 г. для Марии Павловны – дочери Павла I, вышедшей замуж за наследного принца Саксен-Веймарского Карла Фридриха и ставшей впоследствии великой герцогиней Саксен-Веймарской-Эйзенахской (см. рис. 1).



Рис. 1. Портрет Вел. Кн. Марии Павловны работы Боровиковского

Pic. 1. Grand Duchess Maria Pavlovna of Russia. Portrait by Vladimir Borovikovskiy, 1800s

После кончины Марии Павловны в 1859 г. на месте её погребения был построен православный храм, перешедший в ведение Императорской российской миссии в Веймаре. Встал вопрос о содержании и штате этой церкви. Александр II сразу же поставил его в более широком плане. «...Его Императорскому Величеству, – сообщал В.Ф. Адлерберг А.М. Горчакову о своём докладе царю, – благоугодно было обратить внимание, что все заграничные православные церкви, находящиеся как при особах Императорской Фамилии, так равно при миссиях и посольствах наших, в отношении Иерархического управления состоят в ведении здешнего епархиального начальства, но затем все назначения по содержанию оных церквей и причтов оных производятся по распоряжениям различных ведомств и из разных источников, отчего проистекает разность в определении

не только размера содержания священно- и церковнослужителей, но и самых прав каждого из них на другие служебные преимущества». Характерно, что император исходил из понимания большого значения этих церквей для российских национальных интересов в свете растущего авторитета и международных связей России: «...При постоянно распространяющемся сближении нашем с иностранными государствами, – продолжал изложение монаршей мысли в той же записке министр двора, – существование там православных церквей ... составляет не только надобность для особ Императорской Фамилии и лиц, состоящих при наших миссиях и посольствах, но и существенную потребность для значительного числа пребывающих там русских подданных». В итоге император поручил министру двора и вице-канцлеру «войти в надлежащее соглашение» с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским (контролировавшим работу заграничных церквей по линии Св. Синода) с целью учредить единообразное управление ими единым начальством при финансировании из «одного общего источника»³.

Во исполнение монаршей воли бюрократическая машина империи быстро пришла в движение. Вице-канцлер Горчаков в ответ на обращение министра двора предложил подчинить все подобные церкви Министерству иностранных дел, поскольку «оно одно только может иметь ближайшее наблюдение за этими церквями через посредство посланников наших при заграничных дворах». Соответственно, министр предлагал на Высочайшее усмотрение соображение «поручить Министерству иностранных дел или особой комиссии из чиновников сего Министерства и Духовного ведомства пересмотреть изданные для каждой из сих церквей отдельные постановления и затем составить для всех них одно общее положение в отношении материальных средств и вообще служебных преимуществ с определением при том одного общего источника расходов на содержание церквей и причтов оных»⁴. Так было положено начало реформе управления посольскими церквями, которая заняла несколько лет.

Её первым этапом стала работа специальной межведомственной комиссии, созданной по предложению Горчакова весной 1863 г. с Высочайшего соизволения для разработки «общего положения» в отношении посольских церквей. Министр двора предложил, чтобы она «исполняла возложенные на неё поручения под наблюдением» МИДа, на что Горчаков с готовностью согласился⁵. В состав комиссии вошли статский советник Средин (Департамент хозяйственных и счётных дел МИДа), коллежский советник Ребезов (Министерство двора) и протоиерей Петропавловского кафедрального собора, профессор Санкт-Петербургского университета В.П. Полисадов (от Духовного ведомства).

³ Министр двора – вице-канцлеру Князю Горчакову, 8 июля 1862 г. *АВПРИ*. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 5-7.

⁴ Господину министру Императорского двора. 10 сентября 1862 г. Там же. Л. 11-11 об.

⁵ Министр двора – г-ну министру иностранных дел. 8 мая 1863 г.; Товарищ министра иностранных дел – министру двора, 22 июня 1863 г. Там же. Л. 15-17 об.

Комиссия предусмотрительно начала свою работу с инвентаризации – сбора сведений о состоянии и нуждах посольских церквей, включая их штаты, финансирование и имущество. Соответствующие запросы рассылались по посольствам и миссиям за подписью товарища министра иностранных дел Н.А. Муханова; отвечали на них главы миссий совместно с настоятелями храмов. Проанализировав полученные сведения, комиссия приступила к составлению проекта нового положения. Судя по документам, эта работа протекала гладко, на конструктивной и взаимно уважительной основе. Члены комиссии пришли к согласию по большинству обсуждавшихся вопросов. К маю 1864 г. «Проект Положения о заграничных церквях православного исповедания» был готов. Он предусматривал комплекс мер по упорядочению содержания и управления этими учреждениями; меры не распространялись на православные духовные миссии в Иерусалиме и Пекине, находившиеся на особом положении, а также на частные церкви, которые начали создаваться на средства состоятельных русских путешественников.

Во-первых, подтверждался принцип двойного подчинения, при котором в иерархическом отношении эти церкви состояли бы в ведении Св. Синода и Санкт-Петербургского епархиального начальства, а во всех остальных починялись бы «заведованию МИДа», от которого получали бы положенное по штату содержание. Церкви подразделялись на три разряда (посольские, придворные и надгробные), каждому из которых полагался свой штат и денежное содержание: первыми по уровню обеспечения шли посольские церкви, за ними – придворные и надгробные, а затем – консульские. Во-вторых, определялся порядок назначения и увольнения священно- и церковнослужителей, а также их отношений с дипломатическим и духовным руководством. Назначения осуществлялись духовным ведомством «по сношению с МИДом и обер-прокурором Св. Синода», а увольнения – руководством миссий «по сношению с духовным ведомством и обер-прокурором Св. Синода» (этот пункт впоследствии вызвал серьёзные разногласия между Св. Синодом и МИДом). К священникам предъявлялись высокие требования: их следовало назначать «преимущественно из лучших наставников духовных академий и семинарий, или из отличных выпускников оных, окончивших полный курс и удостоенных степени магистра богословия». За границей они должны были работать «под непосредственным покровительством и наблюдением посланников и обращаться к посланникам по всем делам, касающимся их как священников посольских и консульских церквей», а по делам чисто духовным «состоять в прямых сношениях с духовным начальством». В-третьих, в проекте определялся порядок награждения и финансового обеспечения священнослужителей и причта церквей: размер жалования по категориям, оплата прогонных и проездных расходов, выплата пенсий и единовременных пособий. При условии «беспорочной и усердной службы» по возвращению в Россию заграничных священников надлежало определять на лучшие места в столичных храмах. К проекту прилагалось и новое штатное расписание всех заграничных церквей.

В объяснительной записке к проекту его авторы обосновывали необходимость предлагаемых мер, прежде всего – увеличения денежного довольствия священников и причта, а также впервые вводимых пенсий. В условиях жёсткой экономии государственных средств, введённой после Крымской войны, это требовало серьёзного обоснования. Бóльшая часть штатов и денежного содержания, отмечалось в записке, была Высочайше утверждена ещё в 1800 г. и ввиду роста цен нуждалась в пересмотре «сообразно требованиям времени». «...Комиссия имела в виду обеспечить духовенство в такой мере, чтобы оно не нуждалось и, не будучи поставлено в необходимость изыскивать средства к увеличению содержания своего посторонними занятиями, могло совершенно предаться обязанностям службы и учёным занятиям, дабы впоследствии, при возвращении в Россию, могло быть полезным деятелем в сфере духовного ведомства»⁶. Таким образом, служба за границей рассматривалась ещё и как своеобразное повышение квалификации в деле подготовки высокообразованных богословских кадров.

На это было направлено и установление регулярных пенсий для священников, возвращавшихся из заграницы. Поскольку «заграничные православные церкви не имеют ни приходов, ни постоянных прихожан, – говорилось в записке, – и, следовательно, не пользуются и теми доходами, какие доставляют духовенству приходские церкви в России, и что непривычка к этим поборам поставила бы духовенство в неловкое положение при получении впоследствии мест в России, комиссия признала необходимым обеспечить и будущность заграничного духовенства настолько, чтобы по возвращению в Россию оно не нуждалось в приискании мест в приходских церквях...». Иными словами, имелось в виду сохранить ценные заграничные кадры для более серьёзных занятий, освободив их от рутинной приходской работы и забот о хлебе насущном. Увеличение содержания заграничных священнослужителей, как отмечают исследователи, вызывалось пониманием необходимости усиления роли духовенства в реализации представительских функций за рубежом: достойное жалование должно было позволить настоятелям посольских церквей «вести образ жизни, схожий с российскими официальными лицами, участвовать в светских приёмах, достойно содержать дом и семью» (Одерова 2009: 20).

Все эти привилегии полагались только при условии безупречной службы и «примерного образа жизни»: «в случае нерадения, неповиновения непосредственному Начальству, или вообще поведения, недостойного духовного сана, виновный отзывается МИДом немедленно в Россию и предается в распоряжение епархиального начальства, причём лишается всех прав и преимуществ, предоставляемых настоящим положением»⁷.

⁶ Объяснительная записка из донесения Комиссии по составлению положения для заграничных православных церквей. Там же. Л. 69.

⁷ Там же. Л. 57 об.

Комиссия рассматривала и вопрос о сокращении количества заграничных церквей. В этом мнения её членов разошлись: «в видах сокращения расходов» представители светских властей Средин и Ребезов высказались в пользу закрытия церквей при миссиях в Мадриде, Стокгольме и Турине (последняя располагалась в Неаполе) и надгробных церквей в Веймаре и Уроме, «как находящихся в местах, наименее посещаемых русскими путешественниками». В таком случае увеличение общей сметы расходов даже с учётом повышения жалования священникам и причту должно было составить всего 1511 руб. 36 коп. против исходных 95246 руб. 88 коп. и 550 голландских червонцев⁸.

Представитель церковных кругов проф. протоиерей Василий Полисадов выступил против этого предложения. Его аргументация заслуживает подробного изложения. Прот. Василий был известным духовным писателем, имевшим большой опыт работы в заграничных православных церквях. Признав малую посещаемость российскими подданными этих храмов, протоиерей выдвинул в пользу их сохранения миссионерский аргумент. «Существование церквей и причтов наших в различных странах западного христианского мира, – отмечал он, – имеет целью не одно удовлетворение духовных потребностей православных русских, но ещё и представительство православной веры и обряда перед христианами инославных исповеданий...». Это особенно «важно в настоящее время с одной стороны сближения даже в духовных вопросах, а с другой потрясений и брожения в западном христианском мире. Смотря с этой точки зрения на церкви наши в Неаполе и Мадриде, я нахожу, – продолжал о. Василий, – что та и другая находятся в странах наиболее папских – наиболее удалённых от влияния в них духа Апостольской чистоты в вере и обряде, так что единственными представителями этой чистоты служат там наши церкви и причты их». Заграничные церкви знакомят инославных христиан с тем, что «кроме испорченного папизма есть церковь Восточная, столь же древняя, как и римская, но остающаяся неизменно верною Апостольскому преданию, а потому и православно-кафолическая». «Закрывая заграничные наши церкви и отзывая в Россию причты их из соображений сбережения самых незначительных государственных интересов, – заключал профессор и протоиерей, – мы лишаем чрез это Православную Церковь, приносящую государству немалые интересы, и последнего способа – делать себя известною на западе».

Ещё одна важная роль заграничных церквей состоит в том, напоминал прот. Василий, что они «поставляют сведения о состоянии западных инославных церквей и представляя из себя, таким образом, духовных посланников при иностранных церквях. Они пишут также прекрасные корреспонденции в духовные, даже светские журналы и служат в этом отношении учёными агентами в странах европейской цивилизации». В этих словах ёмко описывалась двойная функция российского духовенства за рубежом: просвещение Запада в отношении православия и российской духовной культуры в целом – с одной стороны, и ознакомление соотечественников с западноевропейским богословием – с дру-

гой. Тем самым оно активно участвовало в межкультурном диалоге России с европейскими странами.

Лучшие представители русского духовенства за рубежом ещё и в первой половине XIX в. немало способствовали пробуждению интереса к православию и русской культуре в целом. Так, духовники Марии Павловны в Веймаре протоиерей Никита Ясновский и его преемник прот. Стефан Сабинин были высокообразованными людьми, которые своими учёными трудами снискали уважение взыскательного веймарского общества. В частности, о. Никита первым перевёл православную литургию на немецкий язык, а крупный специалист по Ветхому Завету о. Стефан – двухтомник сочинений А.С. Пушкина. При них и Марии Павловне православный приход в Веймаре стал подлинным центром русской культуры, который посещали Й.Ф. Гёте и Ф. Шиллер, а также многие знаменитые русские путешественники – В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, Ф.И. Глинка и др.⁹ Сам о. Василий Полисадов был автором многих богословских трудов, изданных за границей, так что термин «учёный агент» мог вполне быть применен и к нему. Своё особое мнение он заключил словами: «Государство, которому православная российская церковь, как прежде, так и теперь служит с полной готовностью, в самых существенных интересах и которое доселе, благодарение Богу, живёт жизнью нераздельною с Церковью, конечно, не откажется содержать три лишние православные поста в странах инославных»¹⁰.

После составления проекта начался этап его внутри- и межведомственного согласования. Проект был направлен обер-прокурору Св. Синода графу Д.А. Толстому (с просьбой «особо отметить труды протоиерея Полисадова»), а также в соответствующие дипломатические представительства на предмет замечаний и пожеланий. Главы миссий, как правило, соглашались с основными содержанием проекта (кроме идеи закрытия относящихся к ним церквей) и ограничивались просьбами об увеличении штатов и содержания своих храмов. Поверенный в делах Императорской миссии в Саксен-Веймаре барон А.П. Мальтиц, прослуживший там 23 года, поддержал мнение Полисадова: в Веймар, писал он, приезжает всё больше русских путешественников и студентов, растёт интерес к православному богослужению, а, кроме того, «новоустроенная русская церковь, бесспорно, есть лучшее украшение Веймара»¹¹.

Единственным исключением было мнение посла в Париже, одного из самых опытных российских дипломатов барона А.Ф. Будберга, который поставил под сомнение саму идею государственной поддержки заграничных церквей. «В на-

⁸ Там же. Л. 69 об.

⁹ Еременко Е. *Русский храм в Веймаре* [Электронный ресурс] URL: <http://ruskoeppole.de/ru/federalnye-zemli/tyuringiya/870-2012-08-04-16-35-2356.html> (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁰ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 71 об.

¹¹ Русская Императорская миссия в Веймаре, 21 июня/ 3 июля 1864 г. Там же. Л. 101. Церковь до сих пор является достопримечательностью Веймара; в здании храма располагается также миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева.

стоящее время почти повсюду принято за правило, – ссылаясь посол на зарубежный опыт, – что правительство не имеет прямой ответственности удовлетворять на казённые издержки частные религиозные потребности, предоставив это инициативе самих верующих, которая у нас уже обнаружилась устройством и поддержанием [частных – *Авт.*] православных церквей в Ницце, Дрездене, Карлсбаде и Эмсе». Что касается «распространения в чужих краях верных понятий о православии», добавлял Будберг, то «эта цель может быть достигнута с большим успехом священниками, состоящими не на казённом содержании, ибо касательно их невозможно утверждать, что они служат орудием в руках правительства»¹². Отпрыск старинного дворянского рода, будущий член Государственного совета и внук одного из первых российских министров иностранных дел мог позволить себе пойти вразрез с преобладающим мнением. Но этот взгляд обращал внимание на обратную сторону тесного отождествления заграничных российских церквей с государством: их превращение в «витрину самодержавия» (Киценко 2008) отчуждало от них часть российских и иностранных прихожан.

Собрав и проанализировав замечания и предложения миссий, курирующий Департамент хозяйственных и счётных дел МИДа (с 1868 г. – Департамент личного состава и хозяйственных дел) составил итоговый вариант проекта и передал его на рассмотрение Совета МИДа – высшего руководящего органа министерства – с приложением сводки о предложениях миссий. На заседании 26 января 1865 г. под председательством товарища министра Н.А. Муханова Совет скорректировал проект в соответствии с некоторыми пожеланиями руководства миссий относительно штатов и содержания причта. Предложение о наделении Штутгартской церкви особым статусом в соответствии с пожеланием Королевы Вюртенбергской было отклонено как противоречащее «Высочайшей воле Государя Императора о подчинении всех заграничных церквей заведованию одного начальства». Но с учётом высокого статуса ходатайства окончательное решение вопроса было оставлено на Высочайшее усмотрение. Совет также согласился приравнять по условиям содержания домовую церковь при самом МИДе к заграничным церквям на том основании, что она состоит в общем с заграничными церквями заведовании министерства. По предложению посланника в Нидерландах Совет постановил было закрыть греческую церковь в Амстердаме, имевшую всего одного постоянного прихожанина, но председательствовавший Муханов настаивал на сохранении церкви, поскольку её священник нередко заменял пожилого духовника вдовствующей королевы Нидерландской Анны Павловны – ещё одной дочери Павла I, вышедшей замуж за принца Оранского – будущего короля Нидерландов¹³. Предложение Средина

¹² Императорское Российское посольство в Париже, 7/19 июля 1864 г. Там же. Л. 96-96 об.

¹³ Это был протоиерей Арсений Судаков, которого вдовствующая королева высоко ценила и который в 1863 г. по её ходатайству личным решением Александра II был награждён наперсным крестом с драгоценными камнями из Кабинета Его Императорского Величества (АВПРИ. Ф. Спб. Главный архив IV-16. Оп. 158. 1863. Д. 2Л. 47-48).

и Ребезова о закрытии упомянутых заграничных церквей было признано «неудобным и несообразным с видами правительства» – точка зрения Полисадова восторжествовала¹⁴. Министр А.М. Горчаков наложил на заключение Совета следующую резолюцию: «Проект штатов рассмотреть в Министерстве вновь и по возможности сократить. Церковь в Амстердаме полагаю оставить. В остальном согласен с заключением Совета»¹⁵. (Горчаков, видимо, учитывал тяжёлое состояние Анны Павловны, которая умерла в марте того же года после длительной болезни лёгких) (Григорян 2010: 191–193). Указание министра о дополнительном сокращении штатного расписания было исполнено, после чего начался процесс согласования проекта министерства со Св. Синодом, Министерством двора и Министерством финансов, которое должно было выделить дополнительные средства на предлагаемые штаты.

Министерство двора полностью согласилось с проектом, но заключение Министерства финансов, подписанное его главой графом М.Х. Рейтерном, было гораздо более сдержанным. «...В видах возможного устранения новых расходов от Государственного казначейства, я полагал бы в настоящее время ограничиться только равномерным распределением служебных преимуществ, – писал этот влиятельный министр, один из авторов «великих реформ» александровского времени. – Относительно же денежных средств допустить увеличение содержания только для причтов тех церквей, как в Веймаре, где оное оказывается действительно недостаточным, отложив общее преобразование их штатов до более благоприятных обстоятельств»¹⁶. Что касается домовая церкви МИДа, что Рейтерн предложил её упразднить, обратив отпускаемые на её содержание средства на «приглашение священника, дьякона и причётника в тот день, когда бывает служба»¹⁷. Обескураженный таким ответом, Муханов обратился за помощью к министру Двора с просьбой «повергнуть на Высочайшее Государя Императора воззрение о затруднениях, встречаемых г-ном Рейтерном к осуществлению проекта Комиссии». Министр двора, в свою очередь (видимо, не желая раньше времени апеллировать непосредственно к императору), попросил Горчакова ещё раз рассмотреть запросы по новым штатам, оставив окончательное решение этого вопроса на усмотрение самого вице-канцлера¹⁸.

Свои претензии к проекту высказал и Св. Синод в заключении, подписанном обер-прокурором графом Толстым. В основном они касались вопросов подчинения заграничных церквей и субординации их настоятелей в рамках дипломатических миссий. Следуя сложившейся традиции, Синод возражал против подчинения церквей одновременно Св. Синоду и Санкт-Петербургскому

¹⁴ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 163 об.

¹⁵ Там же. Л. 159.

¹⁶ Господину товарищу министра иностранных дел, 10 апреля 1865 г. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 205 об.

¹⁷ Изложение дела. 4 мая 1866 г. Там же. Л. 275.

¹⁸ Министру императорского двора, 30 апреля 1865 г.; Господину вице-канцлеру князю Горчакову, 17 мая 1865 г. Там же. Л. 208 об. – 209 об.

епархиальному начальству, считая достаточным только второе. Не понравилось Синоду и право глав миссий увольнять провинившихся священно- и церковнослужителей по своему усмотрению, информируя об этом духовное начальство. Такое правило, говорилось в заключении Синода, «несоответственно с достоинством священнического сана и тем внешним положением, которое должны занимать заграничные священнослужители как представители православного духовенства в чужих краях». Синод возражал также против права начальства миссий привлекать причётников к переписке и другим посольским поручениям, как чреватое причинением ущерба их прямым обязанностям¹⁹. В целом эти замечания были направлены на обеспечение большей автономии заграничных священников.

Подготовить ответ на эти замечания было поручено тому же о. Василию Полисадову, хорошо знакомому как со Св. Синодом, так и с условиями работы священников за границей. Протоиерей резонно доказывал недостаточность подчинения заграничных церквей только столичному епархиальному начальству тем, что за границей они представляют не одну епархию, а всю Православную церковь, поскольку «имеют характер православных миссионеров в странах инославных. В этом качестве им приходится отчасти заниматься такими предметами, которые касаются не одной какой-либо епархии, а всей российской, даже всей православной церкви». Священники за рубежом, развивал свою любимую мысль о. Василий, могут сообщать «о состоянии православных церквей и общества в Западной Европе, о их благоприятном или неблагоприятном настроении в отношении к православию, о сношениях их с церковью православной». Такого рода сведения должны быть адресованы непосредственно в Св. Синод, ибо «только высшая иерархическая власть Русской православной церкви может дать заграничному священнику необходимые наставления в делах такого рода». Прот. Полисадов добавлял, что и в подборе кадров для заграничных церквей необходимо участие Синода, располагающего в этом вопросе более полными сведениями, чем епархиальное начальство²⁰.

Соображения протоиерея вошли в итоговый ответ МИДа на замечания Св. Синода, подписанный исполняющим обязанности товарища министра В.И. Вестманом. Возражение Синода против использования причётников для нужд посольства отклонялось в нём тем соображением, что это предлагается «в видах отвращения причётников от праздной жизни, доводящей иногда, как показывают примеры, до сумасшествия». Спрашивать же на то разрешения настоятелей, как предлагает Синод, «было бы противно порядку административной подчинённости церковных причтов начальникам посольств и миссий». Что

¹⁹ Канцелярия Св.Синода – Г-ну исполняющему должность товарища министра иностранных дел, 11 сентября 1865 г. Там же. Л. 212-220.

²⁰ Там же. Л. 226-229.

касается увольнений провинившихся по решению посольства, то предлагалась оговорка о том, что это будет делаться «в экстренных случаях»²¹. Согласование с Синодом затянулось и только к весне 1866 г. процесс вышел на свою финальную стадию. К тому времени Горчаков одобрил предложение закрыть церковь в Амстердаме, потерявшую своё былое значение после смерти Анны Павловны.

23 апреля вице-канцлер в Царском Селе лично доложил Александру II о состоянии дел и позиции министерства финансов. Многоопытный дипломат предоставил императору самому сломить сопротивление могущественного Рейтерна. «Имея в виду Вашу Высочайшую волю о заведении единым начальством и принимая во внимание, что с передачей заграничных церквей в управление МИДа расход государственного казначейства по содержанию заграничных церквей во всяком случае должен увеличиться, – докладывал Горчаков, – осмеливаюсь испрашивать Высочайшее разрешение Вашего Императорского Величества дать дальнейший ход этому делу, поручив статс-секретарю Рейтерну изыскать источники на покрытие исчисленных на содержание церквей расходов или, согласно с предложением его, отложить это дело до более благоприятных финансовых обстоятельств». Канцлер присовокупил, что с закрытием церквей в Амстердаме и Риме дополнительный расход должен составить всего 6403 руб. 65 коп. Расчёт Горчакова оправдался. Рукой императора на его докладе было начертано: «Исполнить согласно с Вашим предложением»²². Теперь министр мог с лёгким сердцем поставить министра финансов перед свершившимся фактом. «Государю Императору, – сообщал он Рейтерну, – благоугодно было, принимая во внимание, что Амстердамская церковь упраздняется, а Римская в настоящее время закрыта, через что сумма, необходимая для новых штатов значительно сократится, 23 минувшего апреля Высочайше повелеть передать упомянутые штаты на Высочайшее утверждение установленным порядком»²³.

«Установленный порядок» означал передачу документа на утверждение высшего законосовещательного органа империи – Государственного совета. Но прежде он должен был пройти апробацию в Департаменте государственной экономии при Государственном совете, который занимался предварительным – до внесения в общее собрание Госсовета – рассмотрением законопроектов по вопросам финансов, торговли, промышленности и народного образования (Раскин 1998). Департамент государственной экономии закончил работу над итоговым Мнением Государственного совета лишь в начале марта 1867 г., после чего оно было утверждено на общем собрании Совета 3 апреля без дополнительных изменений. «Мнение» представляло собой сокращённый вариант общего положения, прошедшего все ступени согласований. Согласно этому документу, к

²¹ Исправляющий должность товарища министра иностранных дел – обер-прокурору Св.Синода, 9 ноября 1865 г. Там же. Л. 230-244.

²² Доклад Его Императорскому Величеству от 23 апреля 1866 г. Там же. Л. 262 об. – 266 об., 260.

²³ Господину министру финансов (дата не указана). Там же. Л. 271.

тому времени в ведении МИДа находилась 21 заграничная церковь (из них три посольских, 11 при миссиях, четыре надгробных, одна придворная и две консульских) с общим штатом в 75 человек. На их содержание выделялось 103 566 руб. 90 коп. и 550 голландских червонцев²⁴. «Мнение» было подписано председателем Государственного совета великим князем Константином Николаевичем и после утверждения его Александром II 1 мая 1867 г. стало законом империи.

Реформированная система управления заграничными церквями действовала без существенных изменений вплоть до 1917 г. Численность этих учреждений почти не изменилась: к концу царствования Александра II (1881 г.) в ведении МИДа насчитывалось 22 заграничных церкви, а в 1905 г. – 24, в которых служили четыре архимандрита, 17 протоиереев, пять священников, 14 дьяконов и 32 псаломщика²⁵. В течение всего этого периода посольские церкви ежегодно отчитывались перед МИДом с точным указанием статей расхода и приложением всех финансовых документов.

Сохранялись в силе и высокие требования к их причту. Подавляющее большинство настоятелей с отличием окончили Санкт-Петербургскую и Московскую духовные академии, имели учёные звания и труды, опыт работы за рубежом, удостаивались духовных и светских наград, в том числе иностранных. Так, протоиерей Н.П. Апраксин около 20 лет прослужил в Богемии, Баден-Бадене и Женеве, переводил на чешский язык духовные книги и был удостоен звания Почётного члена Санкт-Петербургской духовной Академии за духовно-просветительскую деятельность. Протоиерей А.П. Мальцев (с 1886 по 1914 гг. настоятель посольской церкви в Берлине), перевёл на немецкий язык литургии святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, основал донныне существующее Свято-Князь-Владимирское братство, занимавшееся благотворительной, духовнопросветительской и храмостроительной деятельностью. Он же составил первый подробный обзор загранучреждений РПЦ (Мальцев 1906). Протоиерей Е.К. Смирнов (настоятель церкви в Лондоне с 1877 г.) написал на английском языке изданную в Великобритании историю русских православных духовных миссий и за заслуги получил потомственное дворянство постановлением Правительствующего Сената. Для назначения за границу от священника требовалось знание современных иностранных языков, хотя не обязательно языка страны назначения (ожидалось, что, даже если настоятель изначально не знает языка страны служения, он вскоре его выучит, ибо владеет несколькими другими) (Гогорян 2016: 46–47).

Большая часть клириков заграничных учреждений РПЦ вышла из священнической среды, но были и исключения. Протоиерей в Нассау С.В. Протопопов

²⁴ АВПРИ. Ф.159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 205 об.

²⁵ Обзор деятельности Министерства по вопросам, относящимся к личному его составу и хозяйству за время царствования почившего в Бозе Императора Александра III. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 609. Л. 29; Годовой отчёт по Департаменту личного состава и хозяйственных дел за 1905 г. Там же. Д. 233. Л. 22.

происходил из потомственных дворян; ещё более родовитым был римский настоятель архимандрит Владимир (Всеволод Владимирович Путята), который до пострижения в монахи окончил Демидовский Юридический лицей, а затем Военно-юридическую академию, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, вращаясь в высшем столичном свете²⁶. Поистине заграничное духовенство двух пореформенных поколений было элитой Русской православной церкви.

Среди новых посольских церквей конца XIX в. стоит особо отметить первый в Южной Америке православный храм в Буэнос-Айресе, имеющий интересную историю. В 1888 г. православные переселенцы из Европы, среди которых было и несколько русских, обратились к российскому посланнику в Аргентине А.С. Ионину с просьбой прислать для строившегося православного храма священника из России. Ходатайство Ионина и обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева возымело действие: «Следовало бы, не теряя времени, послать им священника», – распорядился Александр III²⁷. Первая домовая церковь в Буэнос-Айресе открылась летом 1888 г. и была причислена к Императорской миссии. В 1891 г. туда приехал настоятелем 26-летний священник Константин Гаврилович Изразцов, развернувший активную миссионерскую деятельность (см. рис. 2). В 1899 г. вместе с диаконом И.А. Миленко он совершил длительное путешествие по отдалённым провинциям Аргентины, подробный отчёт о котором направил в Св. Синод и российскому поверенному в делах А.М. Вольфу. В провинции Мендоза о. Константин принял в православие 171 человека (в т.ч. детей) из числа русинов-униатов и двух «иностранных-паписток», окрестил 29 человек и совершил 11 венчаний²⁸. Местная католическая церковь не признавала униатов и они, «оказавшись в “духовном гладе” без церкви и без пастыря, обратились ко мне», – записал прот. Константин в своём отчёте. Священник с диаконом проехали более 3 тыс. км по железной дороге и свыше 600 км верхом, находя, по словам о. Константина, «удовлетворение в сознании, что исполнили свой долг в отношении этих заброшенных сюда и страждущих духовно и телесно наших собратий по вере и крови... Помогите им Бог достигнуть желаемого и крепко осесть на новой своей родине!»²⁹. Поверенный в делах не случайно переслал этот отчёт министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу. Путевые наблюдения протоиерея и собранные им сведения о проживавших в Аргентине славянах имели и этнографическую ценность, получившую признание специалистов. Неутомимый настоятель сумел собрать в России около 75 тыс. руб. для строительства нового храма, включая пожертвование в 5 тыс. руб. от

²⁶ См. формулярные списки причта заграничных церквей: *АВПРИ*. Ф. 159. Отчеты церквей за 1906 год. Оп. 749/2. 1906 г. Д. 15.

²⁷ Обзор деятельности Министерства по вопросам, относящимся к личному его составу и хозяйству за время царствования почившего в Бозе Императора Александра III. *АВПРИ*. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 609. Л. 29-29 об.

²⁸ Клементьев А.К. 2009. Изразцов. *Православная энциклопедия*. Т. 21. Иверская икона Божией Матери – Икиматарий. Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия». С. 604.

²⁹ Российскому Поверенному в Делах А.М. Вольфу, 27 августа/3 сентября 1899 г. *АВПРИ*. Ф. 159. Оп. 749/1. 1899 г. Д. 1296. Л. 309-314.

Николая II, дарованное после личной аудиенции. Необычной красоты храм в стиле московских церквей XVI–XVII вв. строился по проекту члена Императорской академии художеств академика М.Т. Преображенского – создателя многих замечательных православных храмов, в том числе и за рубежом. Сообщая о ходе строительства, прот. Константин вдохновенно описывал поднимающееся здание с пятью куполами, «на которых впервые воссияли в Южной Америке православные кресты» (кресты были привезены из России – Авт.). Это, заключал он, «внушило всем уверенность, что Православие стало здесь твёрдою ногою и при помощи могущественной России будет с подобающей честью держать своё знамя»³⁰. В сентябре 1901 г. Свято-Троицкий храм был торжественно освящён в присутствии президента Аргентины Хулио Рока. Помимо своих прямых обязанностей о. Константин до 1917 г. служил секретарём российской миссии в Буэнос-Айресе. За свою миссионерскую деятельность он был награждён орденом Св. Владимира третьей степени, в связи с чем Правительствующий Сенат в 1912 г. произвёл этого сына сельского священника в потомственного дворянина. Свято-Троицкий храм и поныне украшает аргентинскую столицу, а его приход является одним из самых крупных в стране (см. рис. 3).



Рис. 2. Прот. Константин Изразцов
Pic. 2. Archpriest Konstantin Izraztsov



Рис. 3. Собор Святой Троицы в Буэнос-Айресе
Pic. 3. Russian Orthodox Cathedral of the Most Holy Trinity in Buenos Aires

³⁰ Донесение настоятеля Православной церкви в Буэнос-Айресе протоиерея Константина Изразцова, 9/21 февраля 1900 г. Там же. Л. 343-344.

Многие другие бывшие посольские церкви, построенные на собранные в дореволюционной России средства, продолжают свою миссию уже в самостоятельном качестве, укоренившись на инославной почве. Некоторые из них находятся в ведении Московской Патриархии. Прежняя связь заграничных церквей с российской дипломатией ушла в прошлое, но их взаимодействие продолжается в новых формах. Многие сотрудники российских учреждений за рубежом стали их прихожанами, Россия открывает православные духовно-культурные центры в Париже, Берлине и других городах. Российская дипломатия сотрудничает с РПЦ в защите и продвижении традиционных моральных ценностей. Исторический опыт многовекового государственно-церковного взаимодействия вновь востребован сегодня.

Об авторах:

Владимир Олегович Печатнов – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Валентин Владимирович Печатнов – кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: March 20, 2019
Accepted: April 12, 2020

Russian Foreign Ministry and the Reorganization of Russian Orthodox Churches Abroad in 1860 s

V.O. Pechatnov, Val.V. Pechatnov
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-7-25

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: Based on the unearthed documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the article examines an interaction of Russian diplomacy and Russian orthodox churches abroad in the process of their reform in the early 1860-s. This reorganization was undertaken in context of the "Great reforms" of Alexander II and aimed at rationalization of the previous system of subordination of those churches to civil and ecclesiastical authorities in St. Petersburg. The architects of the reform initiated by the Tzar himself sought to create a unified system of subordination and financing of those churches with identical criteria for

their personnel, their rights and duties vis-à-vis heads of diplomatic missions. Accordingly, the Russian Foreign Ministry became responsible for their operation and financing while in ecclesiastical matters they were to answer to the Holy Synod. Foreign Ministry and personally Alexander Gorchakov, as demonstrated in the article, played a leading role in the reform preparation and implementation conducted on an inter-agency basis with the Holy Synod, Ministry of the Court and Finance Ministry taking part. The heads of diplomatic missions and of the affiliated churches were also consulted in the process. The authors trace all stages of these complex negotiations that resulted in achieving a balance of interests between all the actors involved. The newly created system proved to be quite efficient and lasted till the end of the Russian empire. The reorganization revealed a state of the churches abroad and their clergy that was a crème of Russian Orthodox Church. The reform experience is also instructive as a case study of Russian government apparatus in action.

Key words: Foreign Ministry of the Russian Empire, Russian Orthodox churches abroad, Russian diplomatic missions, Russian Orthodox Church, Holy Synod

About the author:

Vladimir O. Pechatnov – Dr. of Science (History), Professor, Department of European and American Studies, MGIMO, Distinguished Scholar of the Russian Federation. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Valentin V. Pechatnov – Ph.D (History), Associate Professor, Philosophy Department, MGIMO. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Conflict of interest: The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Gogorian K. E. 2016. Russkoe zarubezhnoe dukhovenstvo v Zapadnoi Evrope v XIX veke: obshchie tendentsii i spetsifika [Russian Foreign Clergy in Western Europe in the XIX Century: General Trends and Specifics]. *Vestnik PSTGU. Second series: History. History of the Russian Orthodox Church.* 6(73). P. 45–54. (In Russian)
- Grigorian V. 2010. *Russkie zhiony evropeiskikh monarkhov* [Russian Wives of European Monarchs]. Moscow: AST and Astrel Publ. 381 p. (In Russian)
- Kitsenko N.B. 2008. "Vitriny Samoderzhavii": *Russkaya tserkovnaya arkhitektura za granitsej. Zaionchkovskii P.A. Sbornik statej i vospominanii k stoletiu istorika* [The Shop Windows of Autocracy: Russian Church Architecture Abroad]. Zaionchkovsky P.A. Collection of Essays and Reminiscences on the Historian's Centennial]. Moscow: Moscow State University. P. 450–470. (In Russian)
- Kudriavtseva E.P. 2017. Rossiiskie posol'skie tserkvi i sviashchennosluzhiteli pri Nikolae I [Russian embassy churches and clergy during the reign of Nicholas I]. *MGIMO Review of International Relations.* 6(57). P. 7–19. (In Russian)
- Mal'tsev A.P. 1906. *Pravoslavniye tserkvi i Russkie uchrezhdeniya za granitsej* [Orthodox Churches and Russian Missions Abroad]. Saint Petersburg. (In Russian).
- Oderova M.V. 2009. *Pravoslavnaia Tserkov' pri Russkom Posol'stve v Parizhe (1816-1917)*. Avtoreferat Dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The Orthodox Church at the Russian Embassy in Paris (1816-1917) Ph. D Dissertation (Abstract)]. Moscow State University. 27 p. (In Russian).
- Raskin D.I. 1998. *Vysshie i tsentral'nyye gosudarstvennyye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 gg.* [Higher and Central State Institutions of Russia. 1801-1917]. V 2 tt. T. 1: *Vysshie gosudarstvennyye uchrezhdeniya*. Saint Petersburg: Nauka. 302 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Тогорян К.Э. 2016. Русское зарубежное духовенство в Западной Европе в XIX веке: общие тенденции и специфика. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 6(73). С. 45 –54.

Тригорян В. 2010. *Русские жены европейских монархов*. Москва: АСТ, Астрель. 381 с.

Киценко Н.Б. 2008. «Витрины самодержавия»: русская церковная архитектура за границей. П.А. Зайончковский. *Сборник статей и воспоминаний к столетию историка*. С. 451-470.

Кудрявцева Е.П. 2017. Российские посольские церкви и священнослужители при Николае I. *Вестник МГИМО-Университета*. 6(57). С. 7–19.

Мальцев А.П. 1906. *Православные церкви и русские учреждения за границей*. Санкт-Петербург.

Одерова М.В. 2009. *Православная церковь при русском посольстве в Париже (1816-1917)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: МГУ.

Раскин Д.И. 1998. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. В 2 тт. Т. 1: Высшие государственные учреждения. Санкт-Петербург: Наука. 302 с.

Русско-греческие политические и церковные связи в 20–30-х гг. XIX в.

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Статья посвящена русско-греческим церковным и политическим связям накануне и во время Восточного кризиса 20-х гг. XIX в. После начала греческого восстания в 1821 г. Россия заняла двойственную позицию: с одной стороны, она стремилась оказать грекам поддержку в качестве державы-покровительницы всех православных христиан Османской империи, а с другой – была обязана осудить греческую революцию, как противозаконное выступление бунтовщиков. К этому её обязывала приверженность принципам легитимизма, провозглашённым членами Священного союза европейских держав.

Россия имела в Балканском регионе не только политические, но и экономические интересы. После восстания греков многие державы Западной Европы не сомневались, что Россия поддержит восставших. Однако этого не произошло. После получения Грецией независимости в 1830 г. Россия установила дипломатические отношения с новым балканским государством. Первым посланником в Навплии (совр. Нафплион) стал П.И. Рикман. Политическая поддержка восставших не могла найти понимания в консервативных европейских кругах, однако помощь православной балканской церкви подразумевалась статьями заключённого в 1774 г. русско-турецкого Кучук-Кайнарджийского мира. В той материальной помощи, которую оказывал Святейший Синод греческим монастырям, священнослужителям и отдельным храмам на территории Греции, особое место занимала поддержка Афонских монастырей. Эта поддержка была предопределена особым документом, носящим название Палестинского штата. Он был принят в 1735 г. при императрице Анне Иоанновне и подлежал исполнению в последующие годы. В Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ сохранились списки всех православных обителей на территории Османской империи, которые пользовались материальной поддержкой русской церкви; значительную часть этого списка составляют православные храмы Греции.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, Восточный кризис, греческая революция 1821 г.

УДК: 327.82

Поступила в редакцию: 02.02.2020 г.

Принята к публикации: 08.05.2020 г.

Греческое восстание 1821 г. давно привлекало внимание отечественных историков. Одной из самых фундаментальных работ остаётся монография А.В. Фадеева (Фадеев 1958); имеются труды, посвящённые первому президенту Греции И.А. Каподистрии (Арш 1976). Однако не все аспекты русско-греческих отношений периода революции изучены достаточно глубоко. Используемые для подготовки настоящей статьи архивные материалы позволяют проследить связь политических задач, стоявших перед российскими властями в Греции, с их практическими шагами по поддержке православной церкви в новом независимом государстве. Материалы о Палестинском штате Святейшего Синода, не привлекавшие до сих пор специального внимания историков, позволяют восстановить, как через поддержку православия русское влияние распространялось на регионы Балканского полуострова, Леванта и Малой Азии. Значительная часть Палестинского штата была посвящена Афонским монастырям, а также вновь учреждённой по-сольской церкви при российском дипломатическом представительстве в Афинах.

Восточный кризис 1820-х гг. был спровоцирован греческим восстанием и включал в себя целый комплекс международных противоречий, связанных с греко-турецкими, англо-русскими и русско-турецкими отношениями. В центре кризиса оставалась греческая проблема. 19 января 1821 г. А. Ипсиланти поднял восстание в Молдавии; позже оно распространилось на Грецию. Российское правительство, в духе принципов Священного союза, выразило осуждение действиям «бунтовщиков» против законной власти Порты. Тем не менее российским властям было трудно сохранять последовательность в греческом вопросе. Многие, даже консервативно настроенные, государственные деятели России сочувственно высказывались о восстании и даже выступали за оказание военной помощи восставшим (Арш 1976: 81–82), поскольку Россия считалась покровительницей православного населения Османской империи. Более того, империя имела право защищать православных от политического и конфессионального угнетения османских властей: это было прописано статьями русско-турецкого Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. После начала греческого восстания российские власти не смогли чётко определить свои политические приоритеты в балканском регионе и начали действовать в русле договорённостей в рамках Священного союза, не имевших обязывающей юридической силы. Однако геополитически Россия была заинтересована в укреплении своих позиций на Балканах, чему европейские державы были готовы воспрепятствовать. Великобритания незамедлительно воспользовалась двойственностью политики Петербурга по отношению к Греции, усилив своё влияние в регионе. Британские политики считали, что Англия должна перехватить инициативу в решении греческого вопроса, поскольку «миролюбивая политика российского государя... достаточно непопулярна в империи среди государственных служащих и военных. Русские

коммерсанты и землевладельцы присоединяют голос свой к голосу тех своих сограждан, кто и раньше высказывался за войну»¹.

Политическая обстановка на Балканах в начале 20-х гг. XIX в. не способствовала развитию политических и конфессиональных связей России с православными, подданными Османской империи. Россия воздерживалась от действий в поддержку повстанцев, рассматривая их выступления в одном ряду с европейскими революциями начала 20-х гг. В то же время российский посланник в Константинополе барон Г.А. Строганов не раз получал от российского МИДа предписания направлять Порте от имени российского правительства ноты против жестокостей, чинимых турецкими властями по отношению к православному населению Греции и Константинополя. Все протесты Строганова оставались без внимания². К неоднократным заверениям российского посланника, подтверждавшего официальную позицию своего правительства с осуждением «революционных» методов повстанцев, Порты относилась с недоверием, подозревая, что Россия играет едва ли не главную роль в организации восстания. Эти подозрения не были безосновательными. И сам посланник, и часть либерально настроенного русского общества с сочувствием относились к греческой революции и считали, что отказ поддерживать освободительное движение греков противоречит политическим интересам России на Балканах. Такое мнение разделял Строганов и второй статс-секретарь по иностранным делам – И. Каподистрия; грек по происхождению, он открыто осуждал пассивность российского императора. 6 июля 1821 г. Строганов в очередной раз направил Порте ноту с требованием прекратить преследования христианских подданных и восстановить свободное судоходство российских торговых судов через Проливы³. Не получив ответа на обращение, Строганов принял решение покинуть турецкую столицу со всем составом посольства.

Конфессиональная общность с угнетённым православным населением Османской империи оставалась одной из важнейших составляющих многосторонних связей России с балканскими народами. Она же стала краеугольным камнем т.н. Восточного вопроса. Если в первые десятилетия XIX в. политическое освобождение турецких христиан путём создания независимых государств было туманной перспективой, то получение ими помощи от русской православной церкви стало ежедневной реальностью, заставлявшей турецкие власти беспокоиться о дальнейшей политической ориентации подвластных ей народов.

Духовный и политический аспекты в общей внешнеполитической доктрине России на Балканах были неразрывно связаны между собой, это хорошо понимали российские дипломатические представители в Османской империи. «Ду-

¹ *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (далее – ВПР). Серия вторая. 1815-1830 гг. Т. IV (XII). С. 712. Прим. 116.*

² Там же. С. 119. Нота посланника в Константинополе Г.А. Строганова турецкому правительству. 11(23) апреля 1821 г.

³ Там же. С. 207-210. Нота посланника в Константинополе Г.А. Строганова турецкому правительству. 6(18) мая 1821 г.

ховное и нравственное влияние России на единоверных ей христиан Восточных может действовать двумя путями, – писал в одной из своих многочисленных записок российский консул в Бейруте К.М. Базили. – 1. Политическим заступничеством церкви и народа, 2. Поддержанием туземных училищ и образованием некоторого числа отборных молодых людей в наших учебно-духовных заведениях»⁴. Автор записки высказывался за расширение помощи зарубежному православию, приводя в пример пожертвования Рима католикам в святынях Малой Азии. «Политическое заступничество, – продолжал Базили, – будет иметь самые благие последствия и предоставлять России сугубое влияние на судьбы Востока».

Материальная и духовная помощь, которую Святейший Синод оказывал православным монастырям, церквям и училищам на Балканах, ещё не отражена в полной мере в отечественной научной литературе. Больше внимания уделялось освещению русской помощи Восточным патриархатам, хотя и его отнюдь нельзя назвать достаточным, а тем более исчерпывающим. Это объясняется тем, что связь российского общества с Иерусалимскими святынями всегда привлекала внимание исследователей, прежде всего, изучавших масштаб пожертвований в пользу Святых мест Сирии и Палестины. Между тем не меньшее внимание русская церковь уделяла поддержке православия на Балканах.

Особую роль в этом сыграл утверждённый в 1735 г. список, получивший название Палестинского штата, по которому целому ряду православных обителей на территории Османской империи были назначены определённые ежегодные «милостинные дачи» для поддержания православия в мусульманском государстве. В этот список вошли 53 монастыря, на финансирование которых государственное казначейство ежегодно выделяло 4031 руб. 66 ½ коп. серебром⁵. Эти средства передавались «заграничным единоверным духовным особам и монастырям», среди которых первой строкой упоминались четырёх престольные патриархи: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Затем шли митрополиты: Черногорский, Халкидонский и Белградский; архиепископы: Архидонский, Македонский и Синайский, а также три епископа. Монастыри, включённые в Палестинский штат, находились на Балканах, Афоне, Синае, в Малой Азии, Трапезунде, Далмации, Валахии и Молдавии, а также на островах Корфу, Крите и Принцевых.

Размер выплат не менялся с 1735 г.: монастыри получали по 35 руб. серебром ежегодно, Константинопольскому патриарху полагалась 1 тыс. руб., трём остальным патриархам – по 100 руб.; всем митрополитам и епископам 560 руб. единократно за три года или по 166 руб. 66 ½ коп. ежегодно⁶. Особые суммы

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА I-9. Оп. 8. Д. 1 (1815-73). Л. 307. Памятная записка К.М. Базили от 15 декабря 1843 г.

⁵ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 1. Л. 17-21. Указ Николая I от 27 января 1826 г.; там же. Д. 2. Ч. 7. Л. 1-8. П. Мещерский К.В. Нессельроде. 18 ноября 1826 г.

⁶ Там же. Д. 2. Ч. 1. Л. 17. Указ Николая I.

получали Солунский (50 руб.), Ватопедский Афонский (100 руб.), Троицкий (Есоптр) на о. Халки (50 руб.) и Цетинский черногорский (166 руб. 66 ½ коп.) монастыри, а также церковь Св. Спиридона на о. Корфу (125 руб.)⁷.

Указом от 27 января 1826 г. Николай I увеличил суммы, ежегодно выплачиваемые патриархам: Константинопольскому до 1,5 тыс. руб., трём остальным по 500 руб. серебром. Все выплаты Восточным патриархатам и балканским святыням проводились через «российского в Константинополе министра»⁸. Указанные в Палестинском штате монастыри имели право получать «милостинную дачу» один раз в пять лет, присылая для этого своих уполномоченных в Россию. Духовным особам, прибывавшим в Петербург за пособием, полагались деньги на проезд и проживание в российской столице. В случае отказа приехать за деньгами в Россию уполномоченные могли получить средства через российское посольство в Константинополе; многие предпочитали пользоваться этой возможностью.

В списке Палестинского штата особое место отводилось обителям Афонской горы, традиционно почитаемым русской церковью. Ежегодное пособие получали монастыри: Введенский Хилендарский, Георгиевский Зографский, Благовещенский Филофеев, русский Пантелеймоновский, Благовещенский Ватопедский, Предтеченский Дионисиев, Георгиевский Павловский, Иверский, Вознесенский Есфигменский, Троицкий Алембасов и Большой Лавры. Из них Благовещенский Ватопедский получал по 100 руб. за присланные в Россию святыни – Животворящий крест Господень, сооружённый Константином, и главу Иоанна Златоуста.

О русских монахах на Афоне, в миру бывших солдатами, упоминает Дмитрий Васильевич Дашков в своих заметках о Святой горе, оставленных в бытность службы при константинопольском посольстве. Г.А. Строганов, возглавлявший российскую миссию в Османской империи в 1816–1821 гг., послал Дашкова в путешествие по Леванту «для обозрения наших консульств». На Афоне Дашков посетил «знатнейшие монастыри», в т.ч. Пантократорский, которому принадлежал русский скит Св. Пророка Илии. Вот что пишет об этом Дашков: «Находившиеся там монахи под управлением особого настоятеля, отца Герасима, были по большей части из Малороссии и Черкаска: некоторые из них имели офицерские чины в Донецком войске. Числом же всех было тогда до 30, сверх 10 послушников. Получая небольшие милостыни из России, они питались трудами рук своих и вообще отличались от других святогорцев взаимным согласием и деятельностью, благочестивой жизнью»⁹.

Греческая революция, превратившаяся в широкое освободительное движение против турецкой власти, отразилась и на монастырской жизни Афона. По-

⁷ Там же. Л. 18 об.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Ф. СПб ГА III-23. Оп. 109. Д. 4 (1824-1825). Л. 14. Д.В. Дашков в Азиатский департамент. 26 ноября 1824 г.

сле подавления восстания монастыри были в значительной степени разрушены и разграблены.

В записке неизвестного автора, хранящейся в Архиве внешней политики Российской империи за 1847 г. под названием «Судьба русского монастыря на Афоне», изложены события, относящиеся ко времени греческого восстания 1821 г., и прослежено их влияние на монастырскую жизнь Афонской горы. По словам автора, Афон принимал активное участие в деятельности греческих тайных обществ и в самом антитурецком восстании. «Монастыри наполнены были оружием; пушки в башнях и в прозорах стен имели свои боевые заряды, в монастыре Есфигменском отливаемы были пули, канал Ксерксов был вновь перекопан и укреплен завалинами из дерева и камня; и Афон сделался полуостровом; до 6000 греков и их жён и детей укрывались в пещерах и лесах Св. горы и получали скудную пищу из монастырей»¹⁰. Среди монахов распространялись письма, якобы от имени Александра I, о том, что на подмогу святогорцам высланы русский флот и войско. Эти письма зачитывали вслух у ворот монастырей под звон колоколов и грохот орудий с криками «Да здравствует царь русский!» Из молодых монахов был сформирован отряд, вооружённый саблями и пистолетами; «русские монахи из казаков и беглых солдат обучали их стрельбе»¹¹.

Бегство солдат из армии, действительно, представляло собой проблему. После возвращения из своей миссии в Египте и Турции в 1832–1833 гг. Н.Н. Муравьёв написал работу под названием «О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии» (Федорченко 2003: 88). Во время морской экспедиции на Босфор, которой руководил Муравьёв, число дезертиров намного превышало количество погибших от болезней. Однако работа генерала послужила лишь поводом к его опале. Проблема дезертирства не была вновь: ещё в 1801 г. Александр I издал манифест о прощении беглых солдат, скрывающихся «в заграничных землях»¹². Русские путешественники в Турции не раз сталкивались со своими соотечественниками, принявшими мусульманство и ведшими традиционный для турок образ жизни. Были и те, кто находил прибежище в православных монастырях, самыми известными из которых были монастыри Афонской горы. Именно из этих беглых русских солдат и были набраны руководители повстанцев на Афоне.

«Поход под Ковалу кончился тем, что турки отрубили головы монахам из русских, которых как опытных в деле ратном греки высадили на берег», – сообщается в записке. Турки заняли Афонские монастыри и только через 10 лет монахи смогли вернуться в свои обители. Оставшиеся в живых русские монахи обратились к заменявшему российского посланника в Константинополе М.Я. Минчаки с просьбой «дозволить возвратиться в Отечество». В списке

¹⁰ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп.46. Д.20. Ч.V. Л.24 об. Судьба русского монастыря на Афоне.

¹¹ Там же. Л. 25.

¹² АВПРИ. Ф. Консульство в Галаце. Оп. 544. Д. 20 (1802) Л. 15. Манифест Александра I от 15 марта 1801 г.

возвращавшихся было 48 имён монахов из обители Св. Пророка Илии и Зографского скита. Они получили разрешение следовать в Россию «сухим путём чрез Бессарабскую границу»¹³. Прибыв в Салоники, монахи оставили образа и церковную утварь австрийскому вице-консулу Коху, с которым руководство российского МИД имело предварительную договорённость по этому вопросу. Монастырское имущество было отправлено в Константинополь, а позже Минчаки погрузил его на русский корабль «Березина» под командованием капитана Антоновича для переправки в Одессу. Австрийский консул выдал монахам 2080 пиастров, «найдя некоторых из них в крайней бедности»¹⁴. Прибывший в 1827 г. в Константинополь новый российский посланник А.И. Рибопьер поднял в переговорах с Портой вопрос о восстановлении греческих монастырей на Афоне. «Вследствие домогательства г. посланника» турецкое правительство издало ферман, по которому обители были возвращены права и доход от имений в Молдавии и Валахии¹⁵.

Помощь и защиту от российского правительства получали не только монастыри и отдельные православные храмы в Османской империи. В ходе греческого восстания российское правительство неоднократно оказывало поддержку пострадавшим грекам. В 1821 г. на выкуп пленных греков правительство выделило 520 тыс. рублей, а в 1823 г. в России была объявлена подписка на сбор средств в пользу пленных повстанцев¹⁶. В 1826 г. по распоряжению императора было выделено 10 тыс. рублей ассигнациями на выкуп пленных из разорённого города Миссолунги¹⁷. Турки «за самую низкую цену» продавали пленных на рынках городов Превезы и Арты. Деньги были переведены консульствам, расположенным вблизи территориальной Греции – российскому консулу в Венеции Наранци и консулу на о. Корфу Папандопуло.

Русский Пантелеймоновский монастырь на Афоне пользовался особым почитанием в России. В 1844 г. его посетил великий князь Константин Николаевич. О состоянии этой обители оставил свидетельство архимандрит Порфирий, посетивший афонские святыни после своего первого пребывания в Иерусалиме. В русском монастыре, по его словам, находилось 150 монахов, из них треть русских. «Лица их постны и суровы, – пишет Порфирий, – грубые одеяния их, сотканые из овечьих волос, цвета серо-коричневого... низкие камилавки; всё у них общее, как солнце, воздух и вода; ни один монах не имеет никакой собственности; в их маленьких келиях ничего нет, кроме икон, кувшина с водой и деревянного помоста; все они заняты монастырскими работами»¹⁸. Доход монасты-

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 3 (1828). Л. 3 об. Ф.П. Пален Д.В. Дашкову. 1 августа 1828 г.

¹⁶ Там же. Ф. СПб ГА III-23. Оп. 109. Д. 1 (1823). Л. 1. К.В. Нессельроде П.Г. Дивову. 8 сентября 1828 г.

¹⁷ Там же. Д. 3 (1826). Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 20. Ч. VII. Л. 2 об. Настоящее религиозно-нравственное и вещественное состояние русского монастыря на Афоне, его нужды и возможные пособия ему. Август 1847 г.

ря складывался из милостинной дачи по Палестинскому штату, пожертвований поклонников, сборов в России и средств от двух имений в Молдавии и Валахии. Из перечисления этих доходов Порфирий заключал, что «русский монастырь не имеет никаких благонадёжных средств» для существования. Обратившись к сербскому князю Милошу Обреновичу за помощью, монастырь получил отказ в просьбе «навсегда», что не может вызвать удивления, принимая во внимание бедственное положение самих сербских церквей. Архимандрит Порфирий выступил с инициативой учредить в Харькове подворье русского Пантелеймоновского монастыря для сбора подаваний в пользу этой афонской обители¹⁹.

Аналогичная ситуация сложилась с Хилендарским славяно-сербским монастырём на Афоне. Архимандрит Исаяя прислал в 1816 г. посланнику России в Константинополе А.Я. Италинскому представление, в котором извещал, что монастырь «по причине военных обстоятельств» не получал милостинной дачи с 1805 г. К представлению была приложена копия жалованной грамоты монастырю от царя Алексея Михайловича, по которой монастырю была пожалована милостинная дача в 100 руб.²⁰ Кроме того, монастырю полагались проценты от «сохранной казны билета №431» стоимостью в 3 тыс. руб., вложенных в 1792 г. архимандритом Елисеем в московский воспитательный дом. По рассмотрении этого запроса обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Н. Голицын принял решение покрыть долг в сумме 2015 руб., поскольку по Палестинскому штату монастырям ежегодно полагалось по 35 руб. Деньги были высланы российскому посланнику Г.А. Строганову в Константинополь для передачи Хилендарскому монастырю²¹.

Кроме названных монастырей, в балканский список Палестинского штата входили обители Македонии, Албании, Болгарии, Герцеговины, Черногории и Далмации. Особо отмечались три обители на Кипре (Св. Лазаря, Св. Креста и Киккос), а также монастыри Метеоры и Преображенский на о. Проти²². Черногорские владыки поддерживали отношения с российским консульством в Дубровнике и через консула Гагича получали денежную помощь для Рождественского Цетинского монастыря. Режевскому монастырю в Бока-ди-Катаро, находившемуся на территории Австрии, пособие шло также не через Константинополь, а через Министерство внутренних дел. Таким образом, материальная помощь Святейшего Синода поступала в ещё 15 обителей на Балканах, включённых в список как «македонские» и «албанские». Списки монастырей постоянно уточнялись. Очередной экземпляр Палестинского штата появился в 1826 г., а в 1836 г. был установлен 10-летний срок, в течение которого обители, претендовавшие на получение милостинной дачи, должны были представить в

¹⁹ Там же. Л. 8 об.

²⁰ Там же. Ф. ГА III-23. Оп. 109. Д. 5 (1816). Л.1, 5-6. 8-9.

²¹ Там же. Л. 17, 20, 21.

²² Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д.5. Ч.3. Л. 3-4 об. Список монастырей, получающих милостинные дачи от русского правительства (по высочайше утверждённому в 1735 г. штату). 1826 г.

Святейший Синод жалованные грамоты, на основании которых ранее им были установлены выплаты. Из поступавших в Россию документов видно, что не все зарубежные православные монастыри были ознакомлены с этим постановлением, они продолжали посылать свои прошения за пределами установленного 10-летнего срока.

По завершении русско-турецкой войны 1828–1829 гг. решениями Адрианопольского мира Греция получала автономию, уже в 1830 г. – полную независимость от Турции. По Лондонской конвенции 1832 г., подписанной Россией, Англией и Францией – с одной стороны, и Баварией – с другой, Греция была объявлена «независимым монархическим государством» под гарантией трёх европейских дворов. Россия, Англия и Франция сошлись на решении выбрать для греческого престола баварского принца Оттона, сына короля Людвига I, до его совершеннолетия предоставив власть регентству. В состав регентства вошли: президент И. Армансперг, профессор Мюнхенского университета Г. Маурер и генерал-майор Г. Гейдек. Первоначально российское дипломатическое представительство было учреждено в Навплии, куда в качестве поверенного в делах и прибыл П.И. Рикман. П.И. Рикман, долгие годы прослуживший в российской миссии в Константинополе, был опытным дипломатом и хорошо знал обстановку в регионе. На новом месте службы он должен был наладить отношения с правительством Греции. Вместе с Рикманом в Грецию были назначены И.Э. Персиани, в качестве первого секретаря русской миссии, и Кюстер – секретарём при российском консульстве.

В 1832 г. в российскую миссию в Навплии получил назначение сын директора департамента внутренних сношений российского МИД Д.В. Поленов. Он ехал в Навплию через Константинополь и оставил воспоминания о годах, проведённых в Греции. Навплия, пишет автор, была заштатным городком с узкими кривыми улицами и нагромождением небольших турецких домов. Тамашняя жизнь российских дипломатов являла разительный контраст с повседневной жизнью российской миссии в турецкой столице, слывшей признанным центром константинопольского общества. Миссию на Босфоре посещали известные художники и литераторы, здесь ставились «домашние» спектакли, из России выписывались лучшие русские журналы и новые книги, и это преимущество, по словам Поленова, «можно найти не во всех европейских миссиях»²³. По сравнению с Константинополем в Навплии «жизнь скучна до невероятности», в домах холодно, поскольку нет двойных рам, о печах люди не имеют понятия, обогреваются турецкими мангалами.

В январе 1833 г. король Оттон со свитой прибыли в Навплию. По этому поводу местные жители дали бал. Мероприятие имело жалкий вид: дождь, грязь на улице; в экипаже прибыл только король, дамы пришли в сапогах, высоко

²³ Из писем Д.В. Поленова во время поездки его в Грецию и службы при тамошнем посольстве в 1832-1835 гг. Русский архив. 1885. Кн. III.

поднимая юбки своих нарядов, чтобы не запачкать их – «хорошо, что это было ночью»²⁴. Бал не принёс удовольствия и не оставил приятного впечатления, пишет российский дипломат. Президент регентства граф И.Л. Армансперг принимал русских представителей сухо, чего нельзя было сказать о его отношениях с англичанами и французами. В тот же год на Пасху члены российской миссии собрались на торжественную службу в греческой церкви, где присутствовал король. Служба поразила российских дипломатов: священники одеты очень бедно, а в важнейших местах «воспитанники делали на караул и сильно стучали своими ружьями»²⁵. Накануне праздника русские заказали к своему столу пасху и кулич, но пасха оказалась из козьего молока и неприятно пахла, а кулич совершенно сырой – греки не были приучены к совершению праздничного обряда.

Нерешительная позиция России в годы греческой революции, связанная с нежеланием Николая I оказывать поддержку «бунтовщикам», пагубным образом отразилась на позициях России в балканском регионе. После смерти А.И. Каподистрии российское влияние в Греции оказалось подорвано в пользу Англии и Франции. Обе державы имели в Греции партии своих сторонников, в то время как сторонники Каподистрии были удалены со всех должностей. Ещё в 1830 г. Каподистрия писал Дж. Пальмерстону, что положение в Греции сильно осложнилось «в результате помощи, оказываемой иностранными представителями тем, кто затевает антиправительственные интриги» (Международные отношения... 1983: 276). Английская партия получила в освобождённой Греции наибольший вес. Прибывший в Афины в 1835 г. новый британский посланник Э. Лайонс писал в Лондон: «Действительно независимая Греция – это абсурд. Греция может быть или русской, или английской» (Международные отношения... 1983: 276). Кульминацией британского влияния стало намерение послать в Россию дипломатическим представителем Греции генерала Р. Черча, что вызвало резкий протест российского посланника, в результате которого назначение не состоялось.

В 1833 г. российским посланником в Греции был назначен Г.А. Катакази, в прошлом многолетний сотрудник русской константинопольской миссии, а затем личный секретарь графа Каподистрии. В июне того же года регентство приняло решение перенести столицу из Навплии в Афины. С прибытием Катакази российская миссия стала вести более активную светскую жизнь. Посланник установил приёмные дни, на балах, с удовольствием посещаемых афинским обществом, присутствовало до 100 гостей. В церкви, устроенной при миссии, «в самом хорошем порядке и со всем возможным здесь великолепием» начались службы. Из России в Афины прибыл архимандрит Иринарх, состоявший ранее при российской миссии во Флоренции, а также дьякон и певчие. До приезда Катакази для членов российской миссии праздником было посещение обедни

²⁴ Там же. С. 113.

²⁵ Там же. С. 116.

на фрегате адмирала П.И. Рикорда, эскадра которого стояла на рейде в Пирее, и приглашавшего певчих, служивших ещё Каподистрии. После исполняемых с небрежением православных обрядов в греческих церквях, «как желали мы услышать Божию службу на родном языке и должным приличием», – вспоминал Поленов. Устроенная по распоряжению Катакази, церковь при российском посольстве была оснащена необходимой утварью, книгами и облачениями таким образом, чтобы «показать грекам пример порядка и благочиния», поскольку сама греческая церковь находилась «в самом бедственном состоянии, а служение в ней совершалось с величайшею небрежностью»²⁶. Для службы в кафедральном храме Св. Ирины в честь совершеннолетия короля Оттона греческое духовенство позаимствовало у российской миссии «ризы, крест, Евангелие и некоторую другую утварь», чтобы «блеснуть пышностью».

После обретения Грецией независимости в 1830 г. Святейший Синод стал уделять особое внимание состоянию греческой церкви. В 1833 г. Элладская церковь была объявлена независимой от константинопольского патриархата, а вскоре для управления её делами был назначен Синод в составе пяти епископов. Главой православной греческой церкви стал король-католик. Российское правительство попыталось упрочить свои связи с Греческим королевством, склоняя Оттона к принятию православия, но потерпело в этом неудачу. Король обещал крестить по православному обряду наследника, но его брак оказался бездетным. «Это, без сомнения, самый чувствительный удар, когда-либо нанесённый русской чести», – писал К. Меттерних послу Австрийской империи в Петербурге К. Фикельмону (Татищев 1887: 289).

В 1846 г. глава российского МИДа обратился к российскому императору с прошением о приобретении в Афинах полуразрушенной церкви Св. Никодима для придания ей статуса посольской церкви российского дипломатического представительства²⁷. Для этой цели испрашивалась сумма в 7500 руб. серебром. В резолюции Николая I содержалось указание «церковь отделать прилично и снабдить всем потребным, так, чтоб служить могла образцовой для края»²⁸. Утверждению формы богослужения российские власти уделяли большое внимание, поскольку она могла служить эталоном для других, более мелких церквей в православных провинциях Турции, где канонический православный обряд постепенно утрачивался. Это происходило из-за нехватки средств, отсутствия облачения и утвари, а также притеснений со стороны мусульманских властей. К тому же духовенство не имело должного образования. Правильной организацией церковного убранства и служб Россия стремилась повысить авторитет православия и подчеркнуть свою роль в его поддержке.

²⁶ Там же. С. 127.

²⁷ АВПРИ. Ф. СПб ГА I-1. Оп 781. Д.22.. Л.78-81. К.В.Нессельроде Николаю I. 21 декабря 1846 г.

²⁸ Там же. Д. 23. Л. 29 с об. К.В. Нессельроде Николаю I. 29 марта 1847 г.

Позже оказалось, что состояние «весьма древней» афинской церкви требует дополнительных денежных вложений – при расчистке выяснилось, что здание сильно повреждено, нужно перестроить и укрепить фундамент. Узнав, что разрушенный храм станет русской посольской церковью, греческое правительство России предложило храм Св. Никодима «безвозмездно», о чём канцлер докладывал императору в начале 1847 г. Тогда же греческие подданные, братья Херетис, один из которых был директором Афинского королевского ботанического сада, а другой служил в греческом национальном банке, обратились к российскому поверенному в делах с просьбой принять в дар для новой посольской церкви в Афинах «древнюю икону с изображением Спасителя, написанную на чёрном мраморе и признанную тамошними художниками за отменное произведение болонской школы»²⁹.

Несмотря на путаницу и неупорядоченность, поступавшие из России денежные выплаты составляли значительную часть поступлений в бюджет этих православных обителей. «Можно почти утвердительно сказать, что не осталось ни одного монастыря ни в Греции, ни в Палестине, который бы в своё время не испросил какого-либо подаяния от щедрот Государей наших», – писал А.Н. Муравьёв, подробно изучивший историю помощи православным церквям в XVI–XVII вв.³⁰. Кроме материальной составляющей, эта помощь была знаком внимания и поддержки со стороны державы-покровительницы ко всем православным центрам в Османской империи. Осознание духовного единства с Россией, особенно ярко выраженное в конфессиональной общности, поддерживало существование монастырей. Россия, сознававшая себя центром православия, считала своим долгом оказывать поддержку единоверцам на всей территории Османской империи, и прежде всего, на Балканах, где христианское население намного превышало численность мусульман. Не подлежит сомнению и политическая составляющая церковной помощи России православию на Востоке. Это, прежде всего, касается отношений с Османской империей и народами Балкан, связи с которыми лежали в русле внешнеполитических интересов России в данном регионе и решения Восточного вопроса в целом.

Константинопольская миссия сыграла огромную роль в установлении и осуществлении связей русской церкви с балканскими православными институтами. Через российских посланников проходили все денежные средства, направлявшиеся Святейшим Синодом православным обителям почти на всей территории Балкан (кроме Цетинской митрополии). Именно через миссию осуществлялись контакты как отдельных церквей, так и руководства Константинопольской патриархии с духовными учреждениями в России, что делало российское представительство в Константинополе важным центром влияния

²⁹ Там же. Л. 51. К.В. Нессельроде Николаю I. 12 июля 1847 г.

³⁰ Муравьев А.Н. *Сношения России с Востоком по делам церковным*. СПб: тип. 3 отделения собств. Е.и.в. канцелярии. 1858 – 1860. Ч. I-II.

на православные общины и духовные центры на Балканах. Материальная помощь России могла удовлетворить далеко не все нужды православных обитателей и храмов на Балканах – не только из-за их многочисленности, но и по причине крайне скромных средств, выделявшихся Святейшим Синодом. Российское правительство скорее некоторым образом «отмечало» объекты своего внимания и давало понять туркам обширность своих духовных притязаний на османской территории, чем оказывало реальную материальную поддержку этим центрам православия на Балканах. Эту умеренность, безусловно, можно было бы списать на постоянную нехватку средств, если бы определённая тенденция не прослеживалась на протяжении продолжительного периода. Остаётся сделать вывод о том, что нерешительность и даже «робость» в оказании поддержки православной церкви в Османской империи вообще и в Греции, в частности, проистекали вследствие общей неопределённости генерального курса внешней политики России в данном регионе, наложившей отпечаток на духовную сферу общения православных общин России и Балкан.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра внешней политики России Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 2, 2020
Accepted: May 8, 2020

Russian-Greek Political and Ecclesiastical Relations in 20-30s of the 19th Century

E.P. Kudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-26-40

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

Abstract: The article is devoted to the Russian-Greek ecclesiastical and political relations before and during the Eastern Crisis of the 1820s. After the start of the Greek uprising in 1821, Russia took an ambivalent position: as a patron of all orthodox Christians in the Ottoman Empire, it sought to support the Greeks, but Russia also had to recognize the Greek revolution as an illegitimate rebellion. As a member of the Holy Alliance of European Powers Russia

had no other choice but to adhere to the principles of legitimism. Russia had both political and economic interests in the region. After the Greek uprising, main powers in the Western Europe had no doubt that Russia would support the rebels. Nevertheless, Russia regarded the Greek rebellion as another European revolution. After a successful war of independence, Russia established its diplomatic mission in the Greek capital. The first ambassador was P.I. Rickman, who arrived with aim to provide political relations with this new Balkan state. If political support of the rebellion could find no understanding in the conservative European circles, the aid of the Orthodox Balkan Church was implied by the Treaty of Küçük Kaynarca 1774. Special attention in this support, provided by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church to the Greek monasteries, was paid to the Athos monasteries. This support was designed by a special document. It was adopted in 1735 under the Empress Anna Ivanovna and was subject to execution in subsequent years. The Archive of the Russian Ministry of Foreign Affairs has kept lists of all Orthodox monasteries on the territory of the Ottoman Empire that enjoyed material support from the Russian church; a significant part of this list are the Orthodox churches of Greece.

Key words: foreign policy, international relations, Eastern crisis, Greek revolution of 1821

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker of department “Russia in international relations” of the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences, Moscow. 117036, Moscow, ul. D. Ulyanova 19, Russia. E-mail: demetr22@mail.ru.

Conflict of interest: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Arsh G.L. 1976. *I. Kapodistrija i grecheskoje nacionalno-osvoboditelnoje dvizenije. 1809–1822 gg.* [I. Kapodistria and the Greek National Liberation Movement. 1809–1822]. Moscow: Nauka. 328 p. (In Russian).
- Fadeev A.V. 1958. *Vostocnij krizis 20-h godov 19 veka* [Russia and the Eastern Crisis of the 20s of the 19 Century]. Moscow: Iz-vo AN SSSR. 396 p. (In Russian).
- Fedorcenko V.I. 2003. *Imperatorskij dom. Vidausciesa sanovniki* [Imperial House. Distinguished Dignitaries]. Krasnojarsk: Bonus. T. 2. 638 p. (In Russian).
- Mezdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1815–1830.* [International Relations in the Balkans. 1815–1830]. 1983. Moscow: Nauka. 295 p. (In Russian).
- Mezdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1830–1856.* [International Relations in the Balkans. 1830–1856]. 1990. Moscow: Nauka. 320 p. (In Russian).
- Tatiscev S.S. 1887. *Vneshnaja politika imperatora Nikolaja I* [Foreign Policy of Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg: tip. I.N.Skorohodova. 639 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Арш Г.Л. 1976. *И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822 гг.* Москва: Наука. 328 с.
- Международные отношения на Балканах. 1815–1830.* 1983. Москва: Наука. 295 с.
- Международные отношения на Балканах. 1830–1856.* 1990. Москва: Наука. 320 с.

Татищев С.С. 1887. *Внешняя политика императора Николая I*. Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова. 639 с.

Фадеев А.В. 1958. *Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века*. Москва: Из-во АН СССР. 396 с.

Федорченко В.И. 2003. *Императорский дом. Выдающиеся сановники*. Красноярск: Бонус. Т. 2. 638 с.

Война и переговоры. Как Вьетнам победил американского колосса

А.М. Васильев

Институт Африки РАН
Российский университет дружбы народов

Война США во Вьетнаме, самая кровопролитная после Второй мировой, вызвала необходимость переговорного процесса. Он сочетался с военными действиями. Важными факторами были невозможность для Вашингтона одержать победу на поле боя и рост антивоенных настроений в самих США. На ход войны и переговоров оказывали воздействие советская военная помощь ДРВ, а также взаимоотношения в треугольнике СССР – США – Китай. Автор попытался показать психологические особенности руководителей США, которые привели к началу, а затем затягиванию войны и переговоров. Время разрядки между СССР и США пришлось на многолетнюю войну во Вьетнаме, что оказывало влияние на поведение советских руководителей, о чём свидетельствуют воспоминания посла СССР в США А. Добрынина и сборники документов.

В Политбюро ЦК КПСС были разногласия в отношении Вьетнама и разрядки с США. Но увязание США во Вьетнаме ослабляло их международные позиции и способствовало достижению стратегических договорённостей с СССР.

Главными задачами ДРВ на переговорах были добиться прекращения бомбардировок, а затем – американского военного вмешательства во вьетнамские дела. США стремились сохранить на некоторое время сайгонский марионеточный режим после вывода своих войск из Южного Вьетнама. Но «сверхзадача» Вашингтона состояла в том, чтобы «сохранить лицо» руководителей администрации, объявив поражение «победой». Для достижения этой «сверхзадачи» и затягивались на годы война и переговоры, а накануне подписания соглашений были осуществлены самые ожесточённые бомбардировки ДРВ.

Благодаря созданной при помощи СССР мощной противовоздушной обороне, ДРВ одержал победу в «воздушном Дьен Бьен Фу».

США вынуждены были подписать соглашение о мире, которое предусматривало полное прекращение всех военных действий США во Вьетнаме, вывод всех американских войск, но оставляло в Южном Вьетнаме северовьетнамские войска вместе с вооружёнными силами Национального фронта освобождения наряду с разлагающимся и обречённым на гибель сайгонским режимом, участь которого была предreshена. В 1975 г. его армия была разгромлена и капитулировала, что обеспечило последующее воссоединение Южного и Северного Вьетнама.

Вьетнамский народ победил американского колосса, понеся сам чудовищные жертвы, но добился национальной задачи – ухода американцев и объединения страны. Всестороннюю поддержку Вьетнама можно внести в золотой фонд успехов советской внешней политики в ушедшее, неповторимое время.

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 02.02.2020 г.

Принята к публикации: 15.04.2020 г.

Ключевые слова: Военный конфликт во Вьетнаме; разрядка; взаимоотношения в треугольнике СССР – США – Китай; психология и идеология лидеров СССР и США; роль личностей в политике

Немногим более полувека назад завершилась война во Вьетнаме – самая кровавая после Второй мировой. Ей предшествовала Первая индокитайская война Франции, которая пыталась вернуть свои бывшие колонии. Женевские соглашения 1954 г. признали независимость Лаоса, Камбоджи и Вьетнама, который вплоть до намеченных всеобщих выборов был условно разделён на Север и Юг по 17-й параллели.

Опасаясь поражения на выборах, сайгонский режим сорвал их проведение на Юге и установил диктатуру под фактическим протекторатом США. Он оказался на грани краха под ударами восставших патриотических сил, которые получали растущую помощь Севера – Демократической Республики Вьетнам.

Под предлогом борьбы с коммунизмом Вашингтон вмешался в эту войну, нарастив свои вооружённые силы до чудовищных размеров, но не смог одержать победу.

Судьба страны решалась в боях, но не только. США проигрывали и на информационно-пропагандистском фронте. После нескольких лет войны наступила очередь политических переговоров. 27 января 1973 г. в Париже были подписаны соглашения, подтвердившие победу Вьетнама и поражение США.

В той войне столкнулись интересы Вьетнама, США, СССР и Китая. Её ход, характер военных действий и переговоров до сегодняшнего дня вызывают противоречивые оценки.

Автор этой статьи был военным корреспондентом газеты «Правда» в Индокитае в те годы. Спустя более полувека, собрав свидетельства и советских, и американских участников, он предлагает своё видение проблемы, в частности, роли личностей в определении итоговых решений.

Война Линдона Джонсона

Воля американского руководства к продолжению «до победы» войны была сломлена в 1968 г. Чтобы разобраться в причинах этого, необходимо вернуться к началу войны. Вспомним начало войны.

Американское общество от средств массовой информации до Конгресса и Белого дома было охвачено шовинистическим угаром. Когда же война затянулась, а американские потери стали исчисляться десятками тысяч, многие задавали вопрос: а не была ли чрезмерная уверенность Америки в применении силы фактором, сыгравшим свою роль в происхождении вьетнамской войны. То есть

существовала ли уверенность в том, что война – нечто такое, с чем США могут прекрасно легко и быстро справиться? Возникли подозрения, что Джонсон планировал какую-то гигантскую войну.

Представители Белого дома так объясняли настроения президента и его окружения: Джонсон, мол, не ждал никакой гигантской войны, а тем более не планировал её. Руководство страны молчаливо исходило из той предпосылки, что большой войны можно будет избежать, если США своевременно, хотя бы в небольшой степени применят силу. При этом руководствовались убеждённостию, что ханойские руководители расценят начало бомбардировок и объявление о серьёзном наращивании сил как сигналы решимости Вашингтона, говорящие о возможном расширении вмешательства, если Северный Вьетнам не изменит своих планов. В Вашингтоне предполагали, что ханойские руководители опасаются, что США могут использовать имеющуюся американскую мощь, но они хотят посмотреть, поступит ли Вашингтон так в действительности. Существовало мнение, что если Вашингтон проявит готовность применить свою мощь, то Ханой отступит.

В Белом доме не испытывали никаких сомнений в эффективности американской мощи во Вьетнаме. Разве она прежде терпела где-нибудь поражение?

Если отвлечься от обычных попыток свалить ответственность за начало войны на Ханой, то можно легко заметить главное: ослепление собственной мощью, которое ввело в заблуждение руководителей самой могущественной державы. При существенной поддержке с Севера вооружённая борьба южно-вьетнамского населения, во главе которой стал в 1960 г. Национальный фронт освобождения, привела сайгонский марионеточный режим к 1965 г. на грань краха. Для его спасения и было принято решение о вторжении в Южный Вьетнам сотен тысяч американских солдат и усилении бомбардировок Севера и «тропы Хо Ши Мина». Действительно, в Вашингтоне вовсе не думали, что осуществлять поставленные цели придётся, проводя третью по масштабам войну в истории Соединённых Штатов. Считалось, что достаточно только продемонстрировать готовность применить силу – и какой-то Вьетнам, какая-то небольшая, слабая, неразвитая, сельскохозяйственная страна тут же отступит. Достаточно нанести несколько ударов, начать высадку войск на Юге – и вьетнамцы должны капитулировать. Северный Вьетнам откажется от помощи Югу.

Представители Белого дома не упоминают о личных амбициях президента Джонсона. Неожиданно после убийства Кеннеди став главой США, он хотел продемонстрировать, что обладает сильным характером и может принять вызов во Вьетнаме, как это показал его предшественник во время Карибского кризиса. Война принимала для него личностный характер, став как бы проверкой: кто кого? Он или Хо Ши Мин? Он или Мао Цзедун? Он хотел стать победителем в глазах избирателей и сохранить за собой пост президента. Я уж не говорю о давлении на него военно-промышленного комплекса, для которого эта война была манной небесной.

«Документы показывают, что уже в середине 1960-х годов ключевое ошибочное суждение относительно войны во Вьетнаме – о том, что вьетнамские враги были щупальцами мирового коммунизма, что эта была передовая холодная войны, а не просто эпизод в длительном периоде деколонизации в XX столетии, что жители Южного Вьетнама хотели быть спасёнными Соединёнными Штатами – всё это, как считали многие, было неверно оценено в Вашингтоне, – пишет американский аналитик Джонатан Шелл. – Однако ещё одно суждение, как оказалось, не было ошибочным: какая бы администрация ни “потеряла” Вьетнам, она, вероятнее всего, проиграла бы и выборы. Верно это или нет, но президенты жили в страхе относительно возможности проиграть войну...» Позднее Макджордж Банди, советник по национальной безопасности президента Джонсона, так опишет своё понимание настроения президента в то время: «Линдона Джонсона не особенно заботит, кто правит в Лаосе, или кто правит в Южном Вьетнаме. Он глубоко обеспокоен тем, что средний американский избиратель подумает о поведении президента в условиях холодной войны. Если он проиграет, то как он будет выглядеть на следующих выборах? Так что не надо проигрывать».

В подобном контексте внутренние политические соображения не позволяли понять, что раскрытие ненужности и ужасов всего происходящего может привести к окончанию войны. Со временем всё больше становилось понятным, что это был кровавый фарс, однако политика настаивала на том, что его нужно продолжать... Это был всего лишь верхний этаж того небоскреба лжи, которую представляла собой война во Вьетнаме. Внутренняя политика была самой главной и защищенной от фактов причиной, порождавшей зверства на войне»¹.

Месяц за месяцем продолжалась эскалация на вьетнамском театре военных действий. К 1968 г. численность американских войск, включая 7-й флот и авиабазы, а также южнокорейских, тайландских, австралийских и новозеландских наёмников, достигла примерно 700 тыс., плюс несколько сот тысяч в вооружённых силах сайгонского режима, а конца войны, тем более победы, не было видно. Зато росло количество гробов, покрытых звёздно-полосатым флагом, которые прибывали в США из Вьетнама.

Когда стало ясно, что вьетнамцы не собираются капитулировать, Вашингтон всё же надеялся изменить военную ситуацию в свою пользу. Была разработана тактика «локальной войны», так называемого «гибкого реагирования», постепенного наращивания сил. Поэтому в период до начала 1968 г. все публичные заверения президента Джонсона о стремлении к миру и переговорам служили лишь прикрытием для выполнения основной цели — нанести военное поражение вьетнамцам. В Ханое справедливо считали, что в условиях, когда на

¹ Шелл Дж. 2013. Как открылись врата ада во Вьетнаме. *Иносми*. 21.01. URL: <https://inosmi.ru/world/20130121/204877810.html> (accessed 27.06.2020)

Северный Вьетнам падают американские бомбы, открытие переговоров могло бы быть расценено как признак слабости, готовности пойти на капитуляцию.

Антивоенное движение в США тем временем нарастало. В октябре 1967 г., по одним данным, от 35 тыс., по другим данным, 100 тыс. человек организовали поход на Пентагон, требуя прекращения войны. Не только убеждённые сторонники мирных действий, но и колеблющиеся американцы задавали вопрос: «Нужна ли эта война в условиях, когда всё больше гробов прибывает из Вьетнама, и нет никаких доказательств, что США выигрывают войну?» Другая, более консервативная часть общественного мнения считала, что Джонсон не так руководит войной, а американская военная мощь используется недостаточно. Нужно, мол, вторгнуться и в Северный Вьетнам. Ну а дальше? Появление китайских сухопутных сил на Севере Вьетнама, увеличение помощи СССР? Слишком опасно. Летом 1967 г. менее 50% граждан США одобряли действия президента, хотя американцы продолжали наращивать свои вооружённые силы во Вьетнаме и усиливать бомбардировки Северного Вьетнама. В это время в Ханое, видимо, шла оценка событий, и задавали вопрос: сохранило ли американское руководство надежду на победу в войне? Может быть, стоило нанести один решительный удар, который окончательно развалил бы сайгонский марionеточный режим. Мы сейчас не можем судить, действительно ли руководство ДРВ и Национального фронта надеялись на всеобщее вооружённое восстание населения в Южном Вьетнаме наряду с военными ударами по городам и военным базам или это была просто декларация. Наступление было намечено на 1968 г. на праздник Тет – Новый год по лунному календарю во Вьетнаме.

Линии фронта, как таковой, во Вьетнаме вообще не существовало. Были отдельные районы, уже контролируемые повстанцами и северовьетнамской армией, другие, удерживаемые, хотя бы днём, войсками сайгонского режима или американцами.

31 января началось наступление сразу на 36 из 48 провинциальных центров, на пять из шести крупных городов, на десятки уездных центров, аэродромов, отдельных баз и важных населённых пунктов. В Сайгоне атакующие проникли на территорию американского посольства и несколько часов её удерживали, напали на штаб американского командующего войсками во Вьетнаме генерала Уэстморленда, на президентский дворец, на штаб сайгонской армии. Был почти полностью захвачен третий по величине город Хуэ, прежняя императорская столица Вьетнама, и бои продолжались в городе ещё три недели.

Преобладающая военная сила пока была на стороне США в технике, в артиллерии, в авиации, в вертолётах. Атакующие, как и обороняющиеся, понесли большие потери. Но каковы реальные потери, толком никто не знал. Важно было другое. Нападения были отбиты, но сам факт наступательных операций на всей территории Южного Вьетнама показывал, что надежды Вашингтона на перелом в войне, на победу практически развеялись. Удалось сохранить дневной контроль за провинциальными центрами и уездными городами.

Тетское наступление было шоком для американского общественного мнения. У большинства американцев была ещё свежа в памяти шумиха в газетах, по радио и телевидению по поводу заявления в ноябре 1967 г. командующего американскими войсками во Вьетнаме генерала Уэстморленда на совместном заседании обеих палат Конгресса о близкой победе. 17 января 1968 г. президент Джонсон в своём послании «О положении страны» говорил о том, что осуществление программы умиротворения – распространения контроля сайгонского режима на сельскую местность – проходит «достаточно удовлетворительно»².

Часть общественного мнения была усыплена осенними заявлениями Уэстморленда и президента, что победа уже близка, часть этим заявлениям не верила и нуждалась в победах. Каждый вечер в дома американцев телевидение по всем каналам стало доносить живую картину боёв в столице, провинциях Южного Вьетнама, на территории американского посольства. Большинство американцев убедились, что победа во Вьетнаме недостижима. Антивоенные настроения в США крепили. Протесты в университетских кампусах стали обычным явлением. Студенты и другие молодые люди часто окружали Белый дом и кричали «Эй, эй, Элбиджей, (т.е. Линдон Джонсон)! Сколько ты сегодня убил детей?»³. Стала популярной песня Джона Леннона «Дайте миру шанс».

Чтобы сбить пацифистские настроения, военные в начале 1968 г. говорили о «провале» Тетского наступления. И вдруг 10 марта на первой полосе «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение, что Уэстморленд запросил дополнительно 206 тысяч американских солдат, включая тех, кто подлежал мобилизации, для того чтобы «окончательно добить», победить Северный Вьетнам и «Вьетконг».

Люди просто отказывались верить Пентагону, Белому дому, администрации президента. В довершение подал в отставку министр обороны США Роберт Макнамара. Было ясно, что война во Вьетнаме превратилась во внутреннюю трагедию США, расколола американское общество и стала главной темой политических дебатов.

Противоречия в американском истеблишменте между военными и гражданами, между ЦРУ и Конгрессом, внутри самой демократической партии, между демократической партией и республиканцами превратился во внутреннюю «войну».

Джонсон понял, что ему не сохранить президентского поста. 31 марта 1968 г. по телевидению было зачитано заявление, в котором он утверждал, что будто бы стремится к миру во Вьетнаме, обещал начать переговоры и в качестве жеста прекратить бомбардировки Северного Вьетнама, кроме провинций, прилегающих к демилитаризованной зоне. Он сопроводил свою декларацию сообщением, что не собирается выставлять свою кандидатуру на президентских выборах

² *State of the Union Address*. 1968. January 17. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-17-1968-state-union-address>. (accessed 27.06.2020)

³ LBJ! How many children have you killed today?

в этом году.

Тяжёлые бои в Южном Вьетнаме продолжались. Новые тысячи американцев были убиты и ранены.

В Вашингтоне подошли к пониманию того, что обычными военными средствами вьетнамскую проблему не решить, а дальнейшее расширение арсенала военных средств вплоть до применения, например, ядерного или бактериологического оружия создаст реальную угрозу мирового конфликта. Поэтому американская администрация была вынуждена искать путь к политическому урегулированию через мирные переговоры, хотя и делала это нехотя, против воли, с оглядкой на «ястребов» из Пентагона и политического истеблишмента.

Президент не уточнил, что считать «районом к северу от демилитаризованной зоны». Как показали последующие события, американцы ограничили налеты 20-й параллелью, а затем свели их к районам южнее 19-й параллели. Под ударами американской авиации и военных кораблей располагалась значительная территория, где проживало несколько миллионов человек, и начинались пути снабжения по «тропе Хо Ши Мина». В Вашингтоне рассчитывали, что если вьетнамская сторона откажется от встречи, свалить на неё неудачу мирного урегулирования и развязать себе руки для новой эскалации; если же Ханой согласится на переговоры, то проводить их в условиях продолжения бомбардировок, что создало бы для американцев более выгодные позиции.

3 апреля правительство Демократической Республики Вьетнам заявило о «своей готовности назначить представителя для контакта с представителем США с целью обсудить с американской стороной вопрос о безоговорочном прекращении американских бомбардировок и прочих актов войны против Демократической Республики Вьетнам с тем, чтобы можно было начать переговоры»⁴. Таким образом, Ханой соглашался на встречу, но лишь с одним пунктом повестки дня: добиться полного и безоговорочного прекращения бомбардировок.

Эта позиция ДРВ нашла поддержку Советского правительства. Чтобы оценить позицию советского руководства по отношению к войне, вернёмся немного назад. СССР стремился к соглашениям с США по важнейшим военно-стратегическим вопросам. Шли предварительные переговоры. Но расширение американского вмешательства во Вьетнам, особенно бомбардировки ДРВ препятствовали достижению договорённостей.

«Надо сказать, что эпизод с бомбардировкой ДРВ во время его визита в Ханой (в феврале 1965 года – А.В.) сильно настроил Косыгина против Джонсона, хотя до этого советский премьер неплохо относился к нему, – пишет советский посол в Вашингтоне А. Добрынин в своих воспоминаниях. – Неблаговидную роль сыграли тут и северовьетнамцы, которые развернули своё наступление как раз

⁴ Правда. 06.04.1968

в момент визита Косыгина в Ханой, не предупредив нас об этом заранее. Они вообще старались, руководствуясь своими интересами, создавать напряжённость в отношениях между Вашингтоном и Москвой.

Создавалась парадоксальная ситуация: в советском руководстве хорошо понимали игру вьетнамцев и за глаза ругали их, особенно Брежнев, которому, как и Громыко, не хотелось без нужды обострять отношения с США. И всё же идеологические “шоры” неумолимо толкали их к порочному и вредному для страны курсу» (Добрынин 2019: 133).

Позволю себе не согласиться с оценкой блестящего и умнейшего дипломата советской эпохи. Разве помощь сражающемуся Вьетнаму была «порочным и вредным» для СССР курсом? Разве провальная война во Вьетнаме не ослабила позиции США в мире, что позднее объективно помогло достижению договорённостей между Москвой и Вашингтоном в военно-стратегической области? Разве успешные военные действия ДРВ и его продолжения Национального фронта освобождения при поддержке СССР не привели к приостановке, а потом временному прекращению бомбардировок Северного Вьетнама и началу Парижских переговоров?

Позиция Джонсона, которую озвучил в беседе с Добрыниным вице-президент Хьюберт Хамфри была такова: Ханой прекращает свои действия в отношении Сайгона, это создаёт обстановку для последующих переговоров; администрация Джонсона будет готова принять любое правительство. Эту позицию Добрынин воспринимал сочувственно. Её подтвердил в беседе с ним и госсекретарь США Раск 26 марта 1968 г. *«Неужели, – спросил он, – Ханой занимает сейчас такую ключевую позицию, что он может косвенно как бы диктовать свою волю обеим великим державам, хотя обе они явно не хотят прямого столкновения? В Москве прекрасно понимали справедливость вопроса госсекретаря, пытались как-то учесть это в отношениях с США, но идеология, обязывавшая защищать “социалистических друзей”, продолжала действовать» (Добрынин 2019: 135).*

В тех конкретных условиях не только идеология, но и курс, отвечавший национальным интересам СССР, продолжал действовать. Более того. Вьетнамцы тогда не верили США и, как показала история, правильно делали. Нужны были ещё годы войны, чтобы Вашингтон действительно согласился «принять любое правительство» в Южном Вьетнаме.

10 мая 1968 г. в Париже открылась встреча, получившая название «официальных бесед». В течение полугода шла дипломатическая борьба. Тысячи уловок придумывали американцы, чтобы уйти от той задачи, ради которой началась встреча: решить вопрос о безоговорочном прекращении бомбардировок и всех других актов войны против Северного Вьетнама, а затем обсудить другие вопросы, интересующие обе стороны. Одновременно за кулисами шли переговоры, кто будет представлять Южный Вьетнам. Делегация ДРВ настаивала на Национальном фронте освобождения, США – на сайгонском режиме. Стороны с трудом шли к компромиссу.

Война продолжалась. Бомбардировки ограниченной территории ДРВ стали более интенсивными, чем бомбардировки всего Северного Вьетнама до 1 апреля 1968 г. В Южный Вьетнам были переброшены (в последний раз) новые воинские подразделения из США. Шло перевооружение сайгонской армии. Но все военные усилия американцев на вьетнамском фронте за несколько месяцев после открытия «официальных бесед» в Париже вновь показали невозможность военного решения конфликта. Затяжки «официальных бесед» подрывали шансы кандидата демократической партии Хамфри на предстоящих выборах.

31 октября 1968 г. президент США Линдон Джонсон отдал приказ о прекращении воздушных, морских и артиллерийских бомбардировок и всех других актов, связанных с применением силы, на всей территории Демократической Республики Вьетнам.

Предвыборный шаг Джонсона был сделан слишком поздно. Кандидат от демократической партии Хамфри потерпел поражение на выборах. Но США фактически расписались под своим поражением в разрушительной воздушной войне против ДРВ. «Тропа Хо Ши Мина» функционировала, несмотря на бомбёжки. Помощь Севера сражающемуся Югу не сократилась, а возросла.

Крах военных усилий США к северу от 17-й параллели был лишь частью поражения американской стратегии во Вьетнаме в целом. Центр её, главный очаг конфликта, лежал, конечно, в Южном Вьетнаме. В той ситуации, которая сложилась в Южном Вьетнаме (если американская сторона не выигрывала войну, она её проигрывала, а если вьетнамская сторона не проигрывала войну – она её выигрывала) американцы пошли на настоящие переговоры. Они согласились вести их с реальными противниками на поле боя – с ДРВ и Национальным фронтом освобождения. Но всё это не означало, что в Вашингтоне возобладал реализм и что США не попытаются за столом переговоров добиться того, чего им не удалось сделать на поле боя.

Накануне предполагавшегося открытия переговоров ДРВ и НФОЮВ изложили основные принципы урегулирования: всякое справедливое политическое решение вьетнамской проблемы должно основываться на выводе всех войск интервентов и на уважении основных национальных прав вьетнамского народа. Подчеркнём, что северовьетнамские войска на Юге Ханой никогда не считал «интервентами».

Американская сторона сняла процедурные преграды, мешавшие делегациям четырёх участников конференции начать переговоры, лишь за четыре дня до ухода Джонсона с поста президента США. 18 января 1969 г. за круглым столом переговоров в Доме международных конференций на авеню Клебер встретились делегации Демократической Республики Вьетнам, Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, Соединённых Штатов Америки и сайгонской администрации. Но война продолжалась ещё более четырёх лет.

Прекращения американских бомбардировок и обстрелов территории Северного Вьетнама давали ДРВ мирную передышку, которая использовалась для

восстановления экономики, особенно дорог, мостов и туннелей, и усиления оборонного потенциала, для наращивания своих сил на Юге.

Война Ричарда Никсона

В ноябре 1968 г. кандидат от республиканской партии Р. Никсон победил на президентских выборах под лозунгом «почётного мира во Вьетнаме». 20 января 1969 г. Никсон официально вступил в должность президента США. Позднее он так охарактеризовал ситуацию во вьетнамском вопросе: *«Война того времени продолжалась в течение четырёх лет, 31 тысяча американцев погибли в бою... 540 тысяч американских солдат находились во Вьетнаме. Никаких перспектив сокращения американских войск на тот момент не было. На переговорах в Париже не было никаких дипломатических успехов. Война вызвала глубокий раскол у нас дома и критики как со стороны многих наших союзников, так и противников за границей»*⁵.

На пост помощника президента по национальной безопасности Никсон назначил профессора Гарвардского университета Генри Киссинджера, который и стал представителем Вашингтона на переговорах. Из Вьетнама нужно было уходить, но на каких условиях?

Вьетнамская сторона понимала, что предстоит долгая и кровопролитная война. Сам Хо Ши Мин говорил: *«Война может продолжаться ещё 5-10 и 20 лет или ещё дольше»* (Хо Ши Мин 1973: 324). С учётом соотношения сил между Вьетнамом и США вьетнамской стороне невозможно сразу добиться конечной цели. К ней придётся двигаться поэтапно. И ещё он говорил: *«За столом переговоров можно получить только то, чего не достигли на поле боя»* (Воронин 2012: 270).

Хо Ши Мин скончался 2 сентября 1969 г. Но разработанная им стратегия войны и переговоров продолжала действовать.

И Ханой, и НФО Южного Вьетнама назначили на переговоры своих выдающихся дипломатов. Практически руководителем обеих делегаций был член Политбюро, секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Дык Тхо. Именно он вёл частные переговоры один на один с Киссинджером, и они вырабатывали формулу заключения мира. Его официальный статус на переговорах был «специальный советник делегации ДРВ». Такой неформальный статус позволял ему вести зондаж американской позиции по каждому вопросу, не связывая себя какими-то официальными обязательствами, и излагать как бы свою личную точку зрения.

«Фундаментальной стратегией, лежащей в основе ледяной холодности Ле Дык Тхо во время переговоров, – писал позднее Киссинджер, – было желание дове-

⁵ Речь Р. Никсона. 1969. 03.11. URL: www/cold-war/conflicts/vietnam/vietnamisation.php (accessed 27.06.2020)

сти до нашего сведения, что время работает на него, поскольку он в состоянии использовать внутренний раскол американского общества себе во благо» (Киссинджер 1997: 606).

При Киссинджере появился конфиденциальный канал связи с послом СССР А.Ф. Добрыниным для выработки совместных позиций как по главным международным вопросам, так и по Вьетнаму. Киссинджер сформулировал своё видение решения вьетнамской проблемы.

«Новое правительство США готово решить вьетнамский вопрос на основе двух принципов: во-первых, США не могут пойти на такое урегулирование, которое *выглядело бы для американцев и всего мира, как прямое военное поражение Америки* (курсив мой – А.В.); во-вторых, администрация Никсона не может пойти на такое урегулирование, после которого *сразу же произошли бы смена правительства в Южном Вьетнаме и резкое изменение всей политики Южного Вьетнама* (курсив мой – А.В.). Постепенная эволюция, однако, не исключалась» (Добрынин 2019: 196).

Первое: президент Никсон в принципе был готов согласиться с неудачей войны, но не мог допустить публичного признания поражения, ему надо было сохранить лицо, хоть на какое-то время. Второе: сайгонский режим уже тогда стал для него обузой. Никсон и Киссинджер готовы были им пожертвовать, но нужно было чтобы смена правительства, то есть фактически режима, – произошла не сразу, а через некоторое время, опять-таки для сохранения лица.

Именно для достижения этой формы мирного соглашения ещё четыре года продолжалась война, погибли ещё несколько сот тысяч человек, прерывались и вновь начинались переговоры в Париже.

25 января 1969 г. состоялась первая официальная встреча с участием делегации ДРВ, НФО ЮВ, США и сайгонского режима. Таким образом, вьетнамская дипломатия добилась целей, поставленных на первом этапе переговорного процесса. До этого американская пропаганда утверждала, что никакого Национального фронта освобождения нет, а действует «Вьетконг» подконтрольный Ханюю. В общем-то всё так и было, но это был декорум, который усиливал позиции ДРВ и позволял делегации ДРВ продолжать переговоры. Это была победа северовьетнамской дипломатии.

Иногда их делегации выступали вместе, иногда они проводили как бы самостоятельную политику. Когда дело касалось ситуации в Южном Вьетнаме, на первый план выходила делегация Национального фронта, а немного позже – с июня 1969 г. Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. Главное её требование было добиться вывода американских войск из Вьетнама.

Никсон взял курс на «деамериканизацию» и «вьетнамизацию» войны. Эта доктрина была изложена им в июне 1969 г. Её содержание состояло в том, чтобы укрепить военно-политические, социально-экономические и внешнеполитические позиции сайгонского режима. Началась реорганизация и перевооружение сайгонской армии в надежде, что она будет в состоянии взять на себя основное

время военных действий. Американцы рассчитывали начать поэтапный вывод американских войск из Вьетнама и таким образом сократить свои потери, поскольку именно они вызывали наиболее бурный протест в самих США.

Переговоры затягивались. Делегация ДРВ вела себя достаточно жёстко. Антивоенные настроения в США стали господствующими. Напряжённость возросла, когда 4 мая 1970 г. Национальная гвардия США открыла огонь по толпе протестующих в университете в Огайо, убив четырёх студентов и ранив ещё нескольких. В сотнях университетских кампусах студенты начали забастовку. Конгресс тем временем отозвал свою Тонкинскую резолюцию, расписавшись в собственной фальсификации.

Резня в Сонгми (община Милай) – убийство 504 мирных жителей, о которой стало известно в конце 1969 г., показала моральный облик вооружённых сил США всему миру. Две фотографии оказали воздействие на отношение к войне миллионов людей, продемонстрировав, какой ад творится во Вьетнаме. Одна: бегущая голая девочка, обожжённая напалмом, за спиной которой пылает её деревня⁶. Вторая – убийство на улице Сайгона неизвестного в гражданской одежде сайгонским генералом полиции⁷.

К этому добавились и опубликованные в 1971 г. «Пентагоновские документы». Бывает так, что в фокусе большого общественного или исторического события оказывается один человек. Таким стал ответственный аналитик Пентагона и сотрудник «Рэнд корпорейшн» Даниэль Эллсберг. Он потратил годы, проведённые во Вьетнаме, разрабатывая американскую стратегию: как победить в противостоянии с «коммунистической угрозой» в Индокитае. Потом готовил для министра обороны Макнамары секретный доклад об американо-вьетнамских отношениях. Со временем он пришёл к выводу, что вся политика США в Индокитае (включая известный Тонкинский инцидент) была основана на лжи. Он скопировал 7000 страниц секретных документов Пентагона и, когда не удалось заинтересовать ими конгрессменов, передал в «Нью-Йорк таймс». Эта бомба вызвала ярость Никсона. После ареста суд приговорил Эллсберга к 115 годам заключения. Но массовые общественные протесты и нарушения в судебном процессе заставили освободить обвиняемого.

В США в апреле 1971 г. прошла массовая антивоенная демонстрация с участием, по некоторым данным, 200 тыс. человек. Не удивительно, что ветераны вьетнамской войны бросали свои боевые награды на пороге Конгресса или Пентагона.

Каковы были настроения и в обществе, и в высших сферах власти, показало выступление в Сенате молодого лейтенанта – ветерана Вьетнама Джона Керри 23 апреля 1971 г., сопровождаемое аплодисментами законодателей:

⁶ Журналист, сделавший этот снимок, увёз девочку в госпиталь, ей спасли жизнь.

⁷ Генерал впоследствии бежал в США, где открыл ресторанчик в пригороде Вашингтона, но был затравлен протестами самих американцев.

«Я хотел бы высказаться от имени всех нас, ветеранов, которые несколько месяцев назад в Детройте провели расследование... о военных преступлениях, совершённых в Юго-Восточной Азии. Это были не единичные случаи, не исключения из правил, а повседневно совершаемые преступления, ставшие буднями военных действий, о которых было доподлинно известно офицерам на всех уровнях командования.

...Они рассказывали о том, как они лично насиловали, отрезали уши, отрезали головы, прикрепляли провода от полевых телефонов к половым органам людей и пускали через них электрический ток, отрезали конечности, взрывали тела, отстреливали мирных жителей, сносили деревни, подражая Чингиз Хану, стреляли в собак, домашних животных просто для развлечения, отравляли запасы продовольствия и просто целенаправленно уничтожали провинции Южного Вьетнама, разрушая то, что ещё было целым после обычных военных разрушений и обычных и очень точных разрушений, произведённых соответствующими бомбовыми ударами этой страны.

...Видя то, что угрожает этой стране, нет, не «красные», а преступления, которые мы совершаем, угрожают ей, мы чувствуем, что поэтому мы должны говорить.

По нашему мнению, и исходя из нашего опыта, в Южном Вьетнаме нет ничего, что могло бы стать реальной угрозой для Соединённых Штатов Америки. И попытки оправдать гибель американцев во Вьетнаме, Камбодже или Лаосе, пытаясь связать эти потери с сохранением свободы, которую предположительно эти злодеи попирают, для нас это – высшая стадия уголовного лицемерия, и именно этот сорт лицемерия, как мы считаем, разделил эту страну.

Мы увидели, что это не только гражданская война, определённый успех людей, которые многие годы боролись за своё освобождение от каких бы то ни было попыток колониального вмешательства, но мы также увидели, что вьетнамцев, которых мы с таким энтузиазмом создавали по образу и подобию своему, было очень трудно заставить сражаться против той угрозы, от которой мы, по нашим предположениям, хотели их спасти.

Мы увидели, что большинство людей даже не знают разницы между коммунизмом и демократией. Они просто хотят мирно работать на своих рисовых полях без вертолётов, охотящихся за ними, и бомб с напалмом, сжигающих их деревни и разрывающими их страну на части. Они хотят только одного: чтобы всё, что связано с этой войной, и в частности с этим чужеземным присутствием Соединённых Штатов Америки, оставило их в покое, и они просто пытаются выжить...

Мы стали разрушать деревни, называя это их спасением. Мы увидели Америку, потерявшую всякое понятие морали, когда она очень прохладно встретила правду о Ми Лай (Сонг Ми), отказываясь распрощаться с образом американского солдата, раздающего плитки шоколада и жевательную резинку.

Мы познали значение зон свободного применения огнестрельного оружия, отстреливая всё, что двигалось, и мы наблюдали, как дёшево ценилась Америкой жизнь азиатов.

Мы наблюдали, как Соединённые Штаты фальсифицировали статистику потерь, практически воспевая подсчёт потерь. Мы слышали, как нам месяц за месяцем рассказывали, что хребет противника уже почти сломлен. Мы воевали там, используя оружие против человеческих существ Востока. Мы воевали там, используя против этих людей такое оружие, употребление которого, я не думаю, чтобы эта страна хотя бы во сне могла себе представить, воюя где-нибудь в Европе...

Теперь нам говорят, что те, кто там воевал, должны сидеть тихо, в то время как другие американские парни продолжают там погибать за то, чтобы мы могли упражняться в невероятной arrogance, вьетнамизируя вьетнамцев.

Каждый день, позволяющий Соединённым Штатам умыть руки относительно Вьетнама, кто-то погибает, чтобы Соединённым Штатам не пришлось признать то, что известно уже всему миру, чтобы нам не пришлось признать, что мы совершили ошибку. Кому-то приходится умирать, потому что президент Никсон не хочет быть, и это его собственные слова – "первым президентом, проигравшим войну".

Поэтому мы спрашиваем американцев: "Как вы собираетесь сказать кому-нибудь: будь последним, кто погиб во Вьетнаме? Как вы скажете кому-нибудь: будь последним, кто погиб за ошибку?" ... Мы сейчас здесь в Вашингтоне, чтобы сказать, что проблема этой войны не только вопрос войны и дипломатии. Это частица, составная часть всего того, что мы пытаемся как разумные существа донести до людей в этой стране – это вопрос расизма, который разъедает армию, это и многие другие вопросы, как, например, применение оружия, лицемерие, с которым мы обвиняем кого-то в нарушении Женевской конвенции и используем это для оправдания продолжения этой войны, когда мы сами более, чем кто бы то ни был, виноваты в попрании требований этой Женевской конвенции, применяя зоны свободного применения огнестрельного оружия, нарушая договоренность о прекращении огня, поисково-уничтожающие экспедиции – зачистки, бомбардировки, пытки заключённых, всё, что практикуется во многих подразделениях в Южном Вьетнаме.

Мы здесь чтобы спросить и спросить очень настойчиво: где политические лидеры нашей страны? Где они сейчас, когда мы, которых они послали на эту войну, вернулись? Они – командиры, которые дезертировали, оставив свои войска. И по закону войны нет большего преступления, чем это...»⁸.

⁸ John Kerry. Statement Before the Senate Foreign Relations Committee. 22 April 1971, Washington. *American Rhetoric*. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/johnkerrySenateforeignrelationsvietnamwar.htm> (accessed 27.06.2020)

На следующий день Дж. Керри вместе с десятками других ветеранов выкинул свои боевые награды на ступени Пентагона.

Не всё просто ни в этом жесте, ни в его выступлении в Сенате. Амбициозный молодой человек мечтал о политической карьере. Поэтому тогда он ориентировался на устойчивое большинство американцев, требовавших прекращения войны во Вьетнаме, но на всякий случай он выбросил не свои ордена, а лишь орденские планки. Потом он ушёл из организации «Ветераны против войны во Вьетнаме». Спустя два–три десятка лет, нацелившись на высшие государственные посты, он постарался забыть свои молодые откровения. Но тогда это была правда. В неё верило большинство американцев. Не считаться с этими настроениями Никсон не мог. Он вынужден был заявить о выводе 100 тыс. солдат и офицеров из Вьетнама.

Никсон и его советник Киссинджер, хотя и полагали, что войну нельзя выиграть военным путём, но было возможно «почётное урегулирование», которое позволит сайгонскому режиму выжить. Гарвардский профессор и талантливый дипломат не знал, не чувствовал того, в чём убедился автор – тогда молодой журналист «Правды»: вьетнамцы будут сражаться до победы любой ценой и любой срок. Никсон считал, что он может добиться выгодного для США соглашения о прекращении военных действий путём «вьетнамизации». Он собирался вести переговоры, усиливая давление на Вьетнам.

Американцы всё же начали выводить войска из Вьетнама. Одновременно шли поставки новейшего вооружения сайгонской армии и подготовка её военнослужащих для его использования. Затем Никсон объявил, что собирается вывести ещё 150 тысяч человек.

Остающиеся во Вьетнаме американские войска чувствовали бессмысленность войны и не хотели нести новые потери. Признаки разложения и командования, и солдат были слишком очевидны. Увеличилось потребление наркотиков, особенно тяжёлых наркотиков, возникали расовые проблемы. Распространилась практика «фраггинг», то есть убийство или калечение ручными гранатами своих собственных особо активных младших офицеров. За годы войны десятки тысяч американских солдат дезертировали, почти полмиллиона не явились не призывные пункты. Армия великой страны разлагалась и становилась небоеспособной.

Переговоры в Париже оставались в тупике. Киссинджер проводил секретные с глазу на глаз встречи с Ле Дык Хо, но две стороны ещё оставались на разных позициях. Американцы предложили «взаимный вывод» американских и северовьетнамских сил. Ханой настаивал на безоговорочном выводе американских войск и на смене сайгонского режима Нгуен Ван Тхьеу нейтральным коалиционным правительством.

Никсон в начале своего президентского срока воздерживался от того, чтобы возобновить бомбардировки Северного Вьетнама. Но он не мог удержаться от возможности установить контроль над Камбоджой, где прозападная военная верхушка генерала Лон Нола свергла нейтрально настроенного главу государ-

ства – принца Сианука в марте 1970 г. Новый, проамериканский режим ввязался в войну с северовьетнамскими войсками на границе с Южным Вьетнамом и потерпел поражение. Тогда Никсон разрешил вторжение в Камбоджу американских и сайгонских войск численностью 20 тыс. человек. Война фактически распространилась на Камбоджу. В США эта новость вызвала новые протесты и демонстрации.

Надежды на повышение боеспособности сайгонской армии были развеяны, когда в феврале-марте 1971 г. под прикрытием американской авиации она совершила вторжение в Лаос, чтобы перерезать «тропу Хо Ши Мина». Эта авантюра закончилась большими потерями, полным разгромом и беспорядочным бегством сайгонских войск.

В Соединённых Штатах разочарование в политике администрации усилилось. Один из опросов показал, что 71% американцев считали, что Соединённые Штаты «сделали ошибку», послав войска во Вьетнам, а 58% считали, что война «аморальна».

Вьетнамский конфликт в отношениях СССР – США

В отношениях СССР – США вьетнамский конфликт был частью комплекса проблем. Советское руководство, опираясь на растущий военно-стратегический потенциал, стремилось к сотрудничеству с США, чтобы не допустить всемирной катастрофы – ядерной войны. Президент Никсон и его советник Киссинджер понимали, что стремление к договорённостям по глобальным вопросам отвечает интересам безопасности США и всего мира. Президент оказался на уровне стратегического мышления, хотя в «Уотергейтском деле», одоблив прослушку политических противников, запутался в мелких интригах.

США пока что не могли уйти из Вьетнама, не получив «почётно мира». СССР, соперничавший с Китаем за роль лидера «социалистического» мира, не мог допустить поражения социалистического Вьетнама.

Ещё сложнее складывались отношения в треугольнике СССР – Китай – США. Киссинджер дважды посетил Китай, один раз тайно. 21-28 февраля 1972 г. Никсон посетил Китай, о чём было объявлено заранее за несколько месяцев. Задача наладить отношения между Вашингтоном и Пекином, а заодно углубить конфликт между СССР и Китаем были очевидны. По Вьетнаму позиции Китая и США разошлись. Но Никсон заверил китайцев, что если северные вьетнамцы своими военными действиями не помешают его переизбранию, то через два-три года они получат в Южном Вьетнаме то, что хотят. Ханойское руководство знало и о визите Никсона в Китай, и о его планируемом визите в СССР. Можно предполагать, что в Ханое опасались каких-то договорённостей за свой счёт. Но руководство ДРВ решило действовать по-своему.

Ханойское руководство и Национальный фронт 30 марта 1972 г. начало всеобщее наступление на Юге с использованием танков и тяжёлой артиллерии.

Южновьетнамские войска потерпели ряд тяжёлых поражений. Пасхальное наступление войск Северного Вьетнама и Национального фронта было приостановлено лишь к середине июля 1972 г.

Наземные американские части в несколько десятков тысяч человек ещё оставались в Южном Вьетнаме, но фактически были небоеспособны. Авиация, артиллерия, корабли VII флота оказывали максимальную огневую поддержку сайгонской армии.

6 апреля 1972 г. Никсон объявил о возобновлении бомбардировок Северного Вьетнама, а 8 мая о минировании порта Хайфон и других портов Северного Вьетнама. Стояла задача оказать давление на делегацию ДРВ и НФО.

Советский Союз стал оказывать Ханюю дополнительную военную помощь, в том числе авиацией и средствами ПВО.

В 1972 г. дело всё равно шло к визиту Никсона в СССР. Предварительные переговоры были сложными. Речь шла о будущем человечества и предотвращении ядерной катастрофы. Вьетнам остался как бы за скобками переговоров по глобальным проблемам.

«Надо сказать, что в Москве, в Политбюро, в это время активно обсуждался вопрос: идти ли на встречу с Никсоном в условиях, когда он бомбит союзника СССР, – пишет А. Добрынин. – Мнения разделились.

Военное руководство во главе с Гречко вместе с Подгорным были против встречи. Сомневался главный идеолог Суслов. Косыгин с Громыко выступили за встречу. Брежнев колебался, хотя по личным соображениям ему хотелось провести свою первую встречу с президентом США. Он хорошо понимал и негативные последствия такого отказа для наших будущих отношений с Никсоном.

В конце концов, перевесил следующий аргумент: ханойские руководители, хотя и идейные союзники, упорно избегали посвящать нас в свои текущие или долгосрочные планы в ЮВА и в отношения с США, невзирая на то, что получали от нас большую военную и экономическую помощь. В результате они неоднократно ставили нас в затруднительное положение теми или иными внезапными акциями, не очень-то считаясь с тем, как это может повлиять на наши отношения с Вашингтоном. Об их переговорах с американцами мы узнавали от последних гораздо больше, чем от самих вьетнамцев. Всё это вызывало подспудно растущее раздражение в Москве. «Нельзя же позволять вьетнамцам осуществлять фактическое право вето, когда речь идет о наших отношениях с Америкой», – таков был окончательный консенсус в Политбюро, которое одобрило приезд Никсона в Москву» (Добрынин 2019: 242).

«В Москве всё ещё опасались возможных неожиданных «трюков» Никсона во Вьетнаме, хотя там должны были бы понимать, что президент в не меньшей степени заинтересован в успехе встречи, – продолжает А. Добрынин. – Сами американцы сильно опасались, как бы Ханой не начал новые крупные наземные операции во время встречи в Москве» (Добрынин 2019: 244). Могут предполо-

жить, что в данном вопросе А. Добрынина американцы дезинформировали. Крупные наступательные операции в Южном Вьетнаме уже шли.

Визит состоялся. *«Советско-американские переговоры охватили самые различные стороны отношений СССР и США – политические, экономические, научно-технические связи и проблему взаимного ограничения стратегических вооружений, – продолжает Добрынин. – 29 мая Брежнев и Никсон подписали совместный документ «Основы взаимоотношений между СССР и США», принятый по инициативе советской стороны. Это был важный политический документ, закладывавший основы нового политического процесса в отношениях между двумя странами – процесса разрядки.*

Вторым главным результатом встречи в Москве было подписание соглашений по ОСВ-1: бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, которые явились результатом трудных многомесячных переговоров между сторонами. Временное соглашение предусматривало пятилетний период, в течение которого продолжались бы переговоры с целью поиска более серьезных сокращений...

Две наиболее мощные державы договорились поставить определенные пределы количественному наращиванию своих стратегических наступательных ракетно-ядерных вооружений и свести к минимуму свои стратегические оборонительные системы» (Добрынин 2019: 245 – 246).

Вопрос о Вьетнаме на пленарных заседаниях практически не обсуждался. Чтобы не портить общий деловой настрой переговоров, на Политбюро было решено организовать для Никсона ужин на загородной даче в узком кругу (Брежнев, Косыгин, Подгорный, даже без Громыко). Во время этой неофициальной встречи Никсон подвергся активной «проработке» по вьетнамским делам (Советско-американские отношения... 2007: 435-445), о чём был впоследствии информирован и Ханой. Громыко отдельно встречался с Киссинджером, чтобы подтолкнуть его к возобновлению переговоров в Париже (Советско-американские отношения... 2007: 534-546).

Невозможно сказать, кто кого «дожал» на переговорах. Но хочу повториться: по прошествии многих лет можно сказать, что война во Вьетнаме ослабляла позиции США и усиливала позиции СССР по кардинальным вопросам мировой политики.

Брежнев рекомендовал Никсону – для успеха переговоров – не усложнять положение бомбардировками и другими военными действиями во Вьетнаме.

Вскоре состоялся визит Подгорного в Ханой. Он информировал вьетнамское руководство о ходе визита Никсона в Москву и рекомендовал возобновить переговоры в Париже, прерванные американскими бомбежками. Суть позиции Вашингтона – «формула Киссинджера» – была доведена до вьетнамского руководства. Оно решило не упускать шанс. Ле Дык Тхо вернулся в Париж.

В Париже стороны всё-таки шли к компромиссу. Ещё в 1971 г. США намекали, что они не будут настаивать на выводе северовьетнамских сил с Юга. Ханой в ответ указал, что он не будет настаивать на смене сайгонского режима коалиционным правительством. На базе этих двух уступок Киссинджер и Ле Дык Тхо выработали подробный мирный план в октябре 1972 г.

Вывод американских войск из Вьетнама и прекращение американских бомбёжек и обстрелов означали, что сплочённые силы Северного Вьетнама вместе с войсками Национального фронта освобождения оказываются один на один с разлагающейся сайгонской администрацией и до зубов вооруженной, но не желающей воевать сайгонской армией. Результат был предсказуем. Все остальные условия были гарниром для главного. Возможно, что советские руководители передали Ханю желание американцев уйти, «сохранив лицо», заявив о «победе». А сайгонский режим сам сгниет. Нужно лишь немного подождать и не спровоцировать американцев на новое вмешательство.

13 октября 1972 г. после непрерывных многочасовых переговоров Киссинджер и Ле Дык Тхо смогли выработать совместный проект соглашения из 9 пунктов. Американцы согласились со всеми основными требованиями, выдвигаемыми делегациями ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам. 18 октября США должны были прекратить бомбардировки и провести разминирование портов Северного Вьетнама. 27 октября должно было произойти прекращение огня в Южном Вьетнаме.

7 ноября 1972 г. на президентских выборах в США Никсон уверенно победил кандидата от демократов. После этого американская делегация ужесточила свои требования, предлагая внести в согласованный текст до 69 поправок. Главное требование сводилось к признанию временной демаркационной линии между Северным и Южным Вьетнамом по 17 параллели в качестве «государственной границы» между ДРВ и «Республикой Вьетнам», фактической ликвидации Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам и признании Южного Вьетнама, управляемого сайгонской администрацией, в качестве самостоятельного государства.

Вьетнамцы отказались и игнорировали угрозы Никсона. Он отдал приказ о новых бомбардировках под кодовым названием «Лайнбекер-2». В ночь с 18 на 19 декабря американцы провели самые массированные за всю войну бомбардировки ДРВ, в том числе Ханоя и Хайфона.

Привожу в изложении записки генерал-полковника А.И. Хюпенена – старшего группы советских военных советников об этих боях:

«США бросили против Вьетнама практически все имевшиеся в Юго-Восточной Азии военно-воздушные силы и военно-морской флот (боевых самолетов более 800, из них 83 В-52, 36 F-111). Боевые действия американских ВВС в декабре 1972 г. стали кульминационным моментом всей войны США против ДРВ. Воздушная операция проводилась с учётом накопленного американцами боевого опыта, с использованием новых взглядов в оперативном искусстве и тактике, в

управлении и обеспечении войск. Боевой порядок американской авиации в массированных налетах состоял из ударных групп самолетов В-52, группы непосредственного прикрытия..., группы постановки пассивных помех и блокирования аэродромов..., группы выявления и подавления средств ПВО...

Роль главной ударной силы выполняли именно стратегическая авиация, совершившая 17 массированных ударов, 594 самолёто-вылета... К участию в операции привлекались все стратегические бомбардировщики В-52, находившиеся на авиабазах Андерсен (о. Гуам) и Утопао (Таиланд). Американцы пошли на массированное применение стратегических бомбардировщиков В-52 по объектам центральных провинций ДРВ, имеющих сравнительно сильную зенитно-ракетную оборону, так как это диктовалось острой необходимостью достижения целей за 6-12 суток.

Войска ПВО и ВВС Вьетнамской народной армии имели в своём составе: 11 зенитно-ракетных полков (51 зенитно-ракетный комплекс СА-75М); четыре истребительных авиационных полка (два полка МиГ-21, один МиГ-19, один МиГ-17).

Для вьетнамцев воздушная операция США не была неожиданной ни в стратегическом, ни в тактическом планах. До её начала был проведён ряд мероприятий: уточнена группировка своих войск, усовершенствованы инженерное оборудование, маскировка позиций; части и подразделения прошли боевую практику в 4-й военной зоне и т.д.

За 12 суток был уничтожен 81 самолёт (из них 34 самолёта В-52 и 3 F-111).

Потери зенитно-ракетных войск были незначительны. 30 декабря 1972 г., понеся тяжёлые потери, США отказались от продолжения операции, так и не достигнув политической цели, – считает А.И. Хюпенен (Война во Вьетнаме... 2000: 18-27).

Вьетнамцы справедливо оценивают эти бои как победу в «воздушном Дьен-бьенфу». В воздушном бою молодой вьетнамский лётчик (будущий космонавт) Фам Туан на самолёте МиГ-21 впервые в истории сбил В-52. Подсчёты американских потерь могли несколько варьироваться. Всего было сбито якобы не 34 В-52, а на несколько штук меньше. Может быть, не 80 самолётов потеряли США, а на десяток меньше. Потери в обычной (неядерной) войне для авиации США были неприемлемыми. Для американского общественного мнения пытались создать новый не слишком убедительный миф: мол, эти бомбардировки заставили ДРВ подписать соглашение.

Убедить американское общественное мнение, что была достигнута «победа» в воздушной войне не удалось. Вновь на экранах появились пленные американские лётчики. Вновь появились фотографии горящих самолётов, пылающих вьетнамских деревень и городов. Всё равно нужно было договариваться.

Президент США Никсон, ослабленный «Уотергейтским скандалом» и давлением со всех сторон, вынужден был согласиться на возобновление переговоров. 13 января состоялась новая встреча Киссинджера с Ле Дык Тхо. Они официаль-

но подписали практически ранее согласованное соглашение с несущественной стилистической правкой. Сайгонский «президент» Тхиеу под нажимом американцев капитулировал.

Что означали на деле «рождественские бомбардировки Вьетнама?» Крайний цинизм американского руководства. Вспомним первую часть «формулы мира», предложенную Киссинджером четыре года назад. Нужно было создать видимость отсутствия поражения. Пусть гибнут тысячи вьетнамцев и сотни американцев. Пусть падают десятки самолётов и попадают в плен американские летчики. Пусть хватаются за голову американские военные стратеги, подсчитывающие потери тех 12 дней. Но зато можно заявить: «Вьетнам поставили на колени».

О чём и как договаривались Киссинджер и Ле Дык Тхо? Предполагаю с большой долей уверенности, что состоялся примерно такой разговор. Киссинджер: «Мы понимаем, что сайгонский режим – уже живой труп. Без нас вы его похороните через два-три месяца. Но мы не можем согласиться на то, чтобы вы это сделали сразу после нашего ухода. Вот для этого мы и проводим бомбардировки. Удачно или нет, можем их повторить, чтобы не потерять лицо». Ле Дык Тхо: «Так какой срок сохранения режима Тхиеу вас устроит? Год? Полтора?». Киссинджер: «Два года». Ле Дык Тхо: «И вы обязуетесь два года не вмешиваться?» Киссинджер: «Да». Ле Дык Тхо: «Тогда по рукам. Это моё слово и обязательство моего ЦК».

Не знаю, в таких ли выражениях договорились два столь различных, но по своему выдающихся дипломата. Но именно так после 27 марта 1973 г. вели себя и американцы и вьетнамцы. Впрочем, даже в своих более поздних воспоминаниях и статьях Киссинджер лукавит. Он продолжает обвинять Ханой в нарушении обязательств, как будто всерьёз рассчитывал на договорённости американской полумертвой сайгонской марионетки с победоносными армиями Северного Вьетнама и Национального фронта. и Перед Никсоном и Киссинджером стояла и личная «сверхзадача». Главное: остаться на вершине американского истеблишмента в момент, когда всё американское общество требовало окончания войны. Киссинджеру это удалось. Хотя уже очень пожилой, он до сих пор считается блистательным гуру американской внешней политики. Никсон с позором покинул Белый дом в результате «Уотергейтского скандала».

Были сняты разногласия по поводу демилитаризованной зоны, что было принципиальным, и по некоторым менее существенным вопросам. 15 января 1973 г. американская авиация полностью прекратила бомбардировки Северного Вьетнама. 23 января Ле Дык Тхо и Киссинджер парафировали текст соглашения «О прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме». Бомбардировки Южного Вьетнама продолжались до последних минут 27 января. 27 января в Доме международных конференций на авеню Клебер все четыре стороны, участвовавшие в парижских переговорах, подписали Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и три дополнительных протокола.

В тот же день министр иностранных дел ДРВ Нгуен Зуи Чинь и государственный секретарь США Уильям Роджерс подписали соглашение и четыре дополнительных протокола относительно снятия, окончательного обезвреживания и уничтожения мин в территориальных водах, портах и на водных путях ДРВ и относительно передачи военнопленных, захваченных гражданских лиц и т.д. Наблюдение передавалось международной контрольно-наблюдательной комиссией.

Боевые действия в Южном Вьетнаме прекращаются в полночь 27 января по Гринвичу (в 8 часов утра 28 января по вьетнамскому времени). Также прекращаются все военные операции США против Северного Вьетнама.

В течение 60 дней с территории Южного Вьетнама должны быть выведены все присутствующие там иностранные войска, а военные базы США во Вьетнаме подлежали ликвидации. (Северовьетнамские войска не были упомянуты в качестве «иностраных»). Одновременно стороны должны произвести обмен военнопленными.

Соглашение декларировало «уважение независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности Вьетнама, как они признаны в Женевских соглашениях 1954 г. по Вьетнаму»⁹.

Правительства США и Северного Вьетнама обязались уважать права южно-вьетнамского народа на самоопределение и согласились, что будущее Южного Вьетнама будет определено на основе свободных и демократических выборов под международным контролем.

Утверждены положения Женевских соглашений 1954 г. о временном характере демаркационной линии между Северным и Южным Вьетнамом и нейтралитете обеих стран.

За 12 часов до прекращения огня у военной базы США близ Сайгона погиб последний американец в той войне.

Так закончилась самая кровавая война в истории США после Второй мировой. 29 марта был завершён вывод американских войск из Республики Вьетнам, 1 апреля Северный Вьетнам завершил процедуру передачи американских военнопленных.

Главы делегаций США и Северного Вьетнама Генри Киссинджер и Ле Дык Тхо были удостоены Нобелевской премии мира за достижение Парижских соглашений. Ле Дык Тхо отказался её принять, мотивируя это тем, что подлинный мир во Вьетнаме так и не наступил.

29 марта 1973 г. последние американские войска покинули Вьетнам. К этому времени коммунисты и сайгонская армия уже были вовлечены в то, что называлось «послевоенная война». Обе стороны утверждали более или менее точ-

⁹ Парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Гл. 1. Ст.1. URL: Paris Peace Accords signed. January 27, 1973. URL: <https://www.history.com/this-day-in-history/paris-peace-accords-signed> (accessed 27.06.2020)

но, что другая сторона постоянно нарушает условия мирных соглашений. США пока продолжали программу большой военной помощи Сайгону, но возможность президента влиять на события во Вьетнаме была резко ограничена. Под влиянием «Уотергейта» позиция Никсона резко ослабела. Конгресс заблокировал возможность новых военных действий США во Вьетнаме.

К лету 1974 г. Никсон покинул свой пост. Конгресс сократил военно-экономическую помощь сайгонскому режиму на 30%. Сайгонское правительство, коррумпированное и неэффективное, столкнулось с новыми огромными трудностями, с инфляцией, безработицей, апатией населения и колоссальным количеством дезертиров в армии. Сайгонский режим быстро умирал. После успешных действий в декабре 1974 – январе 1975 г. ханойские лидеры решили, что победа близка, а американцы не вмешаются. В начале марта 1975 г. началось новое наступление. В течение двух месяцев сайгонская армия развалилась. Тысячи военнотружеников сайгонской армии в беспорядке бежали сначала из центра страны, а затем из Хуэ и Да Нанга, десятками тысяч сдавались в плен. Джеральд Форд, который стал президентом, напрасно просил Конгресс выделить дополнительную военную помощь, которая могла бы поддержать мораль сайгонского режима. Члены Конгресса, как и большинство тех, кто за них голосовало, предпочли умыть руки, чтобы завершить эту войну и в ней не участвовать.

21 апреля Тхиеу объявил об отставке и бежал на Тайвань. 30 апреля то, что осталось от южновьетнамского правительства, безоговорочно капитулировало. Без боёв северовьетнамские танки заняли Сайгон. Оставшиеся американцы бежали на вертолётах со своими вьетнамскими друзьями. Возвращаться никто из лётчиков вертолётов не хотел. Поэтому неповреждённые машины просто сбрасывали в воду, чтобы освободить место на палубе для новых. Весь этот позор демонстрировали американские телеканалы.

В Сайгоне было создано временное военное правительство. Руководители ДРВ смотрели в будущее, и 28 мая при советском посредничестве передали американской стороне следующее:

«Руководство ДРВ выступает за хорошие отношения с США, основанные на взаимном уважении. Исходя из этого и с учётом рекомендаций советского руководства, вьетнамская сторона проявила сдержанность при освобождении Сайгона, когда американцам была предоставлена возможность беспрепятственно завершить эвакуацию своего персонала. Она стремилась сделать всё необходимое, чтобы не ухудшить отношений с США в будущем. Во Вьетнаме не питают враждебности США и хотели бы того же и с американской стороны» (Добрынин 2019: 341).

Это было достойное заявление торжествующего победителя, переданное поверженному колоссу с надеждой на установление сотрудничества в будущем.

Вашингтон дал следующий ответ: *«Американская сторона получила послание от руководства ДРВ, переданное через советские каналы, о том, что во*

Вьетнаме не питают враждебности к США и что ДРВ выступает за хорошие отношения.

Американская сторона в принципе не испытывает враждебности в отношении ДРВ. Американская сторона предлагает руководствоваться этим принципом во взаимоотношениях между двумя странами и готова выслушать любые предложения, которые пожелает выдвинуть ДРВ» (Добрынин 2019: 341).

Дипотношения между объединённым Вьетнамом и США были установлены лишь в 1995 г.

А 2 июля 1976 г. страна действительно «мирно» объединилась под названием Социалистическая Республика Вьетнам со столицей в Ханое. Сайгон был переименован в город Хошимин. Тридцатилетняя война Вьетнама за объединение и независимость была завершена.

Можно ли считать, что это была победа «коммунистического Северного Вьетнама»? Да, но с двумя уточнениями. Не только Северного, но и всего Вьетнама, вьетнамского народа. И второе: это была также победа советского оружия.

В тот период, в тех конкретных исторических, национальных и международных условиях победил вьетнамский коммунистический режим (то есть, идеология, партийная структура, пронизывающая всё общество, вооружённые силы, органы безопасности, дисциплина, пропаганда). В тот период он выражал общенациональные чаяния большинства вьетнамцев на Севере и на Юге, морально готовых к жертвам и многолетней войне, чтобы изгнать американцев и объединить страну.

Именно такой настрой увидел и почувствовал автор ещё в те годы и постарался донести его до читателя. В той невероятно тяжёлой, кровопролитной войне вьетнамские коммунисты победили, выражая чаяния своего народа. США потерпели и военное, и морально-политическое поражение.

Точные цифры потерь всех сторон до сих пор неизвестны. Официальные вьетнамские данные говорят о смерти более 2 млн вьетнамцев из числа гражданского населения и более миллиона павших бойцов Северного Вьетнама и Национального фронта освобождения. Сотни тысяч потеряла марионеточная сайгонская армия. 58 тыс. убитыми, примерно 2 тыс. пропавших без вести, ещё полторы сотни тысяч раненых и искалеченных – американские вооружённые силы. Несколько тысяч потеряли союзники США. В Северном и Южном Вьетнаме было сбито или уничтожено на базах примерно 12-14 тыс. самолётов, вертолёт, других летательных аппаратов. Преступная американская химическая война – дефолианты с добавкой диоксина – уничтожила миллионы гектаров лесов, сотни тысяч гектаров рисовых полей, оставив страшный след на людях в виде ужасающих генетических последствий. Всего на Северный и Южный Вьетнам, на Лаос и Камбоджу были сброшено примерно 12-14 млн тонн бомб, в несколько раз больше, чем за всю Вторую мировую войну.

На Севере страны были разрушены 23 провинциальных центра, почти 70% общин, 2000 различных медицинских учреждений, 3000 учебных заведений.

Полностью разрушены железные и большинство шоссежных дорог, мосты и туннели, электростанции, все крупнейшие промышленные предприятия.

Сайгонская армия в то время была одной из крупнейших в мире. Она насчитывала в своих рядах свыше миллиона человек (710 тыс. – регулярные войска, 340 тыс. – полувоенные формирования «гражданской обороны»), более 2 тыс. танков и бронетранспортеров, 2500 самолётов и вертолётов, 1600 различных боевых судов, много другой военной техники. И эта вооружённая на американские деньги армия развалилась под ударами патриотов всего за 50 дней их стратегического наступления.

Отмечу, что с апреля 1965 по декабрь 1974 гг. Советский Союз поставил во Вьетнам 95 зенитно-ракетных комплексов СА-75М, 7658 ракет к ним, свыше 500 самолётов, 120 вертолётов, более 5 тыс. зенитных орудий и 2 тыс. танков. За этот период в боевых действиях во Вьетнаме приняли участие 6359 советских офицеров и генералов и более 4,5 тыс. солдат и сержантов срочной службы, при этом погибли и умерли от полученных ран и болезней 13 человек (по некоторым сведениям, 16 человек).

Завершаю свою статью словами пока ещё не забытой культовой песни, посвящённой другой, нашей войне: «Нам нужна одна победа. Одна на всех – мы за ценой не постоим». Она вполне соответствовала тогдашнему моральному, психологическому настрою вьетнамцев, их боевому духу. Пишу это как свидетель. Вьетнам победил. Это была и победа СССР. Вьетнамская эпопея внешней политики СССР вошла в золотой фонд её успехов в ту прошедшую неповторимую эпоху.

Об авторе:

Алексей Михайлович Васильев – академик Российской академии наук, почётный президент Института Африки РАН, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, заведующий кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН), 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. E-mail: ns_inafr@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 02, 2020
Accepted: April 15, 2020

War and Negotiations. How Vietnam Defeated the American Colossus

A.M. Vasiliev
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-41-67

Institute of Africa RAS
Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: Over the course of the prolonged US war in Vietnam, the bloodiest one after World War II, it became obvious that there was no alternative to a negotiation process. Important reasons were the impossibility for Washington to win the battlefield and the rise of anti-war sentiment in the United States. The author tried to show how certain psychological characteristics of US leaders led to the war and then eventually to negotiations. When started negotiations were accompanied by military action. The course of the war and negotiations was influenced by Soviet military assistance to the DRV, as well as by relations in the triangle of the USSR - USA - China. The time of detente between the USSR and the USA coincided with war in Vietnam, which influenced the behavior of the Soviet leaders, as evidenced by the recollections of the USSR ambassador to the United States A. Dobrynin.

The Politburo of the Central Committee had disagreements regarding Vietnam and detente with the United States. But the war weakened US international stance and contributed to the achievement of strategic agreements with the USSR.

The main objectives of the DRV in the negotiations were to stop US bombings and then withdrawal of US troops. The United States sought to maintain the Saigon puppet regime for some time after the withdrawal of its troops from South Vietnam. Washington's main goal was to "save its face", declaring defeat a "victory". To achieve this goal the war and negotiations dragged on for years, and on the eve of the signing of the agreements, the most fierce bombing of the DRV was carried out.

Thanks to the powerful air defense created with the help of the USSR, the DRV won the "air Dien Bien Fu".

The United States was forced to sign a peace agreement, which provided for the complete cessation of all US military operations in Vietnam, the withdrawal of all American troops, but left the North Vietnamese forces in South Vietnam together with the armed forces of the National Liberation Front along with the decaying and doomed to death Saigon regime. In 1975 its army was defeated the regime capitulated, which ensured the subsequent reunification of South and North Vietnam.

The Vietnamese people defeated the American colossus, having suffered terrible sacrifices themselves, but achieved the national goal - the withdrawal of the Americans and the unification of the country. The full support of Vietnam can be seen as a successes story of Soviet foreign policy.

Key words: military conflict in Vietnam; discharge; mutual relations in the triangle of the USSR - USA - China; Psychology and ideology of the leaders of the USSR and the USA; the role of individuals in politics

About the author:

Alexey Mikhailovich Vasiliev – Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary President of Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences, 123001 Moscow, 30/1, Spiridonovka str.; Head of the Department of African Studies and Arabic Studies, Russian University friendship of peoples (RUDN) 117198, Moscow Miklukho-Maklaya str. 6.
E-mail: ns_inafr@mail.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Dobrynin A. 2019. *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SShA (1962 – 1986)* [Strictly Confidential. Ambassador to Washington under Six US Presidents (1962–1986)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

- Kho Shi Min. 1973. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Khanoi. (In Russian)
- Kissindzher G. 1997. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow: Lodomir. (In Russian)
- Sovetsko-amerikanskyye otnosheniya. Gody razryadki 1969 – 1976* [Soviet-American Relations. Years of Discharge 1969-1976]. 2007. Sbornik dokumentov. T. I. 1969 – mai 1972. Kn. 2. Yanvar' – mai 1972. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russian)
- Voina vo V'etname. Vzgl'yad skvoz' gody. Institut voennoi istorii MO RF* [Vietnam War. A Look through the Years. Institute of Military History of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. 2000. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovetsko-v'etnamskoe voennoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo v gody agressii SShA protiv DRV» (1964-1973 gg.). Moscow. Vystuplenie A.I. Khyupenena. Ch.II. (In Russian)
- Voronin A.S. 2012. *Diplomatiya DRV na Parizhskikh peregovorakh 1968-1973 gg.* [DRV Diplomacy at the Paris Talks 1968-1973]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. №18. P. 265-298. (In Russian)

Литература на русском языке:

- Война во Вьетнаме. Взгляд сквозь годы. Институт военной истории МО РФ.* 2000. Материалы научно-практической конференции «Советско-вьетнамское военное и экономическое сотрудничество в годы агрессии США против ДРВ» (1964-1973 гг.). Москва. Выступление А.И. Хюпенена. Ч.II.
- Воронин А.С. 2012. Дипломатия ДРВ на Парижских переговорах 1968-1973 гг. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. №18. P. 265-298.
- Добрынин А. 2019. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986)*. Москва: Международные отношения.
- Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия*. Москва: Ладомир.
- Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969 – 1976.* 2007. Сборник документов. Т. I. 1969 – май 1972. Кн. 2. Январь – май 1972. Москва: Международные отношения.
- Хо Ши Мин. 1973. *Избранные произведения*. Ханой.

Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития

Д.В. Стрельцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье проанализированы долгосрочные факторы внешнего и внутреннего характера, определяющие ход развития российско-японских отношений в 2019-2020 гг. С одной стороны, антироссийскую компоненту во внешнеполитическом курсе Токио определяют участие страны в Договоре безопасности с США и её солидарность с позицией «Большой семёрки» в проведении антироссийских санкций. С другой стороны, Япония и Россия проявляют заинтересованность в укреплении политического взаимодействия в деле создания многосторонних диалоговых механизмов по вопросам обеспечения международной безопасности в Восточной Азии, урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, ослабления напряжённости вокруг территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. В числе экономических факторов автор концентрирует своё внимание на важной роли России в контексте стоящей перед Японией задачи диверсификации источников внешних поставок энергоресурсов, а также на стремлении России избежать односторонней зависимости от китайского рынка при переориентации системы внешнеэкономических связей с Запада на Восток. Немалую роль в отношениях России и Японии играет личностная дипломатия политических лидеров, и прежде всего тесные личные взаимоотношения и частые встречи премьер-министра Абэ и президента Путина, которые позволяют отчасти компенсировать неблагоприятный имидж страны-партнёра в общественном мнении обеих стран.

В связи с наметившимся в 2019 г. кризисом в переговорах по мирному договору на повестку дня выходит поиск выхода из дипломатического тупика. По мнению автора, целесообразно было бы на первом этапе вести дело к заключению базового договора об основах взаимоотношений, который был бы «отвязан» от мирного договора. Кроме того, Россия могла бы воздержаться от критики Японии за её политику в сфере безопасности и проявить большее понимание в отношении японской инициативы в области качественной инфраструктуры. В свою очередь, Япония могла бы принять ряд стратегических решений по сотрудничеству с Россией и озвучить их в программном выступлении премьер-министра. Кроме того, Токио мог бы перестать позиционировать вопрос мирного договора в качестве главного и основного в отношениях с Россией, что позволило бы нашим странам «отвязать» двусторонние отношения от проблемы пограничного размежевания и сосредоточиться на их позитивной повестке.

С осени 2018 г. российско-японские отношения находятся на подъёме. Об этом свидетельствуют регулярные встречи лидеров двух стран, общее число которых

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 20.12.2019 г.

Принята к публикации: 15.04.2020 г.

приблизилось к трём десяткам, продолжающийся диалог по мирному договору, активные консультации по вопросам безопасности с участием чиновников самого высокого ранга, оживление экономического сотрудничества, активизация культурных связей в связи с проведением перекрёстных годов. Несмотря на формальное присоединение Японии к антироссийским санкциям Запада в связи с событиями на Украине, японские санкции в отношении России подчёркнуто более мягкие и не являются существенным тормозом на пути развития сотрудничества двух стран. Отношения с Японией явно выделяются в лучшую сторону среди отношений России с прочими странами «Большой семёрки», которые в полной мере не восстановились после кризиса 2014 г.

Ключевые слова: Российско-японские отношения, Договор безопасности, американское военное присутствие, подъём Китая, личностная дипломатия, образ страны, мирный договор, концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», итоги Второй мировой войны

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы проанализировать долгосрочные факторы внешнего и внутреннего характера, определяющие ход развития российско-японских отношений, с учётом ситуации в 2019-2020 гг., вскрыть основные причины и попытаться дать оценку возможных путей их развития на ближайшую перспективу.

С одной стороны, антироссийскую компоненту во внешнеполитическом курсе Токио определяют участие страны в Договоре безопасности с США и её солидарность с позицией «Большой семёрки» в проведении антироссийских санкций. С другой стороны, Япония и Россия проявляют заинтересованность в укреплении политического взаимодействия в деле создания многосторонних диалоговых механизмов по вопросам обеспечения международной безопасности в Восточной Азии, урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, ослабления напряжённости вокруг территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Международно-политические факторы

При подходе к двусторонним отношениям следует учесть, что место страны-партнёра на шкале внешнеполитических интересов каждой из сторон существенно различается. Если говорить о Японии, среди наиболее значимых факторов, определяющих её подход к России, на первое место выходят интересы страны в контексте её отношений с США и Китаем.

Фактор США проявляется в политике Японии по отношению к России двояко. С одной стороны, военно-политический союз с Вашингтоном с течением времени приобретает для Токио всё большую актуальность в свете вызовов и угроз в области военной безопасности, и прежде всего связанных с ядерной

программой Пхеньяна и возможностью военного решения Пекином проблемы Сэнкаку. Япония в этом смысле не только не ослабила, но и усилила свою стратегическую зависимость от США и поэтому вынуждена действовать на российском направлении с ещё большей оглядкой на Америку.

Токио приходится считаться и с консолидированной позицией «Большой семёрки» по отношению к России, принимая общие правила игры, включая те, что касаются санкционной политики. Следует учесть, однако, что решение Японии об участии в санкциях, особенно связанных с крымскими событиями, было принято не только по причине солидарности с Западом, но и в контексте её специфических интересов в Восточной Азии. Япония озабочена напористой политикой Китая по территориальным спорам с соседями, а именно – его претензиями к Японии по поводу островов Сэнкаку/Дьяоюйдао и к другим странам-соседям из-за островных территорий в Южно-Китайском море. Полный нейтралитет Японии по проблеме Крыма, как считают многие в Токио, стал бы сигналом для международного сообщества, что Япония не выступает против перекройки межгосударственных границ. Например, японский эксперт Я. Идзумикава отмечал, что Японии трудно относиться к действиям России на Украине как к «пожару на далеком берегу», когда Япония пытается заручиться поддержкой международного сообщества, в частности, европейцев, чтобы противостоять поведению Китая в Южно-Китайском море (Izumikawa 2016: 67).

С другой стороны, на позицию Японии своё воздействие оказывают подвижки в японо-американских отношениях, связанные с приходом в 2016 г. к власти администрации Трампа. Неоднократные заявления Трампа о том, что азиатские союзники должны больше заботиться о собственной безопасности, породили в Японии алармистские настроения по поводу действенности гарантий безопасности США в рамках договора. Дополнительным источником беспокойства становятся и попытки Вашингтона заставить Токио вносить существенно больший финансовый вклад в поддержание американского военного присутствия в стране, вызывающие трения в двусторонних отношениях. Например, в июле 2019 г. советник президента США по безопасности Дж. Болтон озвучил в ходе визита в Японию требование увеличить этот вклад, составляющий ныне около 1,8 млрд долл. США в год, сразу в пять раз, что вызвало крайне негативную реакцию японской стороны¹.

Неоднозначно можно оценить и фактор американо-китайского соперничества, как в торгово-экономической, так и в военно-политической сфере. По мере обострения этого соперничества Россия, выступающая стратегическим союзником Китая, по логике вещей должна была бы становиться всё более непримиримым противником Японии, связанной с США узами Договора безопасности. Вместе с тем отношения с Россией выступают для Японии естественным балансиром, пре-

¹ Washington asked Tokyo to pay five times as much per year for U.S. forces based in Japan. 2019. *The Japan Times*. 16.11. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/11/16/national/trump-wants-tokyo-quadruple-base-hosting-payments-8-billion-foreign-policy/#.Xjztw2gzYuW> (accessed 23.04.2020).

пятствующим нежелательному перекосу её глобальных геополитических позиций в ту или иную сторону, например, в сторону излишней зависимости от США или чрезмерного уровня конфронтации с Китаем. При этом фактор «непредсказуемого Трампа» работает в пользу укрепления российского направления внешней политики Японии в том смысле, что сильные отношения с Россией выступают одновременно внешнеполитическим активом и дополнительной «страховкой» Токио на случай развития непредвиденной ситуации в регионе, когда уровня гарантий безопасности заокеанского союзника покажется ему недостаточным.

Россия не представляется Японии источником военной угрозы. Ещё с начала 1990-х гг. Россия перестала упоминаться в официальных документах Токио в качестве «угрозы», а с начала 2010-х гг. была проведена переориентация оборонного строительства на юго-западное направление, на котором расположены Китай и Северная Корея. В принятой в декабре 2013 г. Национальной стратегии в сфере безопасности говорится о том, что для Японии крайне важно «развивать сотрудничество с Россией во всех областях, включая безопасность и энергетику, тем самым укрепляя двусторонние отношения в целом, чтобы обеспечить свою безопасность»². И хотя после 2014 г. в «Белой книге по обороне» были обозначены риски для международного сообщества, связанные с ведением Россией «гибридной войны», Россия, тем не менее, не переместилась для Токио в категорию «военной угрозы», а акцент во взаимоотношениях с ней в сфере безопасности отчётливо усилился в направлении «сотрудничества» (Brown 2018: 865).

Укрепление политического диалога с Москвой диктуется и изменением стратегического баланса сил в регионе в пользу Китая, который в Японии воспринимается в качестве прямой угрозы национальной безопасности, особенно в условиях обострения японо-китайского соперничества за региональное лидерство. Как отмечали М. Мартынова и Г. Никипорец-Такигава, «Японией подъём Китая воспринимается как геополитический вызов, что подталкивает её к выстраиванию таких отношений с Россией, которые бы позволили создать баланс интересов в регионе» (Мартынова 2019: 319). В Токио опасаются не столько появления враждебного себе военно-политического союза между Москвой и Пекином, основанного на жёстких договорных обязательствах (нереалистичность такого сценария там не вызывает сомнений), сколько формирования эффективных механизмов внешнеполитической и военной координации России и Китая, потенциально направленных в том числе против интересов Японии. Например, Япония стремится к тому, чтобы военно-морское сотрудничество между Китаем и Россией, существующее в настоящее время на поверхностном уровне, не превратилось со временем в нечто более стратегически значимое³.

² *National Security Strategy. December 17, 2013. P. 25. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/___icsFiles/afieldfile/2013/12/18/NSS.pdf (accessed 23.04.2020).*

³ Brown J. 2019. Belt and Road the Japanese Way. How Russia Benefits from the Competition Between China and Japan in Asia. *Carnegie Moscow center*. 11.07. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79481> (accessed 23.04.2020).

Сохранение дружественной атмосферы в диалоге с Россией, исходя из этой логики, обеспечивает как минимум нейтральность России в случае обострения отношений между Японией и Китаем, например, по проблемам Восточно-Китайского моря. Другой важный мотив Токио – предотвращение качественного усиления мощи НОАК за счёт наращивания военно-технического сотрудничества Москвы и Пекина, которое воспринимается в Токио в качестве «ночного кошмара». Дополнительным аргументом для Токио в пользу активизации связей с Москвой выступает кризис в отношениях России с Западом, так как этот кризис объективно способствует укреплению российско-китайских стратегических связей.

К усилению диалога с Россией Японию толкает и общая неопределённость стратегической ситуации в Северо-Восточной Азии и АТР, которая существенно отличается от сложившейся на евроатлантическом пространстве. Если в Европе Россия выступает в первую очередь соперником и даже противником коллективного Запада, то в Восточной Азии для Токио на первый план нередко выходят её общие интересы с Москвой, основанные на понимании необходимости скорейшего разрешения региональных конфликтов и устранения источников угроз международной безопасности. Наиболее яркий пример – проблема денуклеаризации Корейского полуострова, ставшая для Японии источником постоянной головной боли и не имеющая видимых перспектив разрешения. В Токио надеются на посредническую роль Москвы, у которой имеются хорошие диалоговые каналы с Пхеньяном. Контакты должностных лиц двух стран показывают единство мнений и по иным насущным вопросам региональной безопасности: территориальные споры, угроза терроризма, киберпреступность, морское пиратство, защита морских биоресурсов и т.д.

Характерно, что особая позиция Японии по отношению к России в целом не встречает неприятия или неодобрения на Западе. По сравнению с периодом правления администрации Обамы, которая стремилась предотвратить сближение Токио с Москвой после «аннексии» Россией Крыма в 2014 г. и неоднократно выступала с соответствующими предостережениями в адрес Токио, администрация Трампа ни в коей мере «самостоятельной» политике Абэ на российском направлении не препятствует. Очевидно, усилия Абэ не вызывают раздражения и в европейских столицах, где исходят из того, что ситуация в Восточной Азии отличается от европейской, что дипломатическая изоляция России чревата новыми геополитическими рисками, связанными с перспективой дальнейшего сближения Москвы и Пекина на антизападной основе, и что хорошие отношения Японии с Россией способствуют региональной стабильности в АТР. На этом фоне со стороны западных партнёров Японии практически не слышно критики в её адрес в связи с проактивной дипломатией Абэ на российском направлении, с символическим характером её антироссийских санкций и вообще с относительной мягкостью её реакции на раздражители Запада по отношению России, например, в связи инцидентом с малазийским «Боингом» или «делом Скрипалей».

В свою очередь, внешнеполитические мотивы России при выстраивании отношений с Японией имеют иную природу. Российская политика в Восточной Азии по сути исходит из понимания ограниченности своих ресурсов в этом регионе и фактического признания лидерства здесь Китая. Очевидный стратегический приоритет Москвы в пользу отношений с Пекином проявляется в том, что она с «неодобрением» относится ко всем инициативам США и их союзников, направленных на сдерживание Китая, включая концепцию Индо-Тихоокеанского региона и идею «порядка, основанного на правилах» (Нелидов 2019: 71). Например, российский министр иностранных дел С.В. Лавров заявил в январе 2020 г., что концепция «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», деструктивна и что ее цель – разделить страны региона на «группы по интересам»⁴.

Вступив после украинских событий 2014 г. в этап затяжной конфронтации с Западом и воспринимая США как своего потенциального военного противника, Россия видит в Японии страну, которая в геополитическом смысле находится с ней по разные стороны баррикад. Наличие на территории Японии американских военных баз автоматически относит эту страну к категории источников «потенциальной военной угрозы». В посткрымский период Москва стала проявлять гораздо более негативную, чем это было ранее, реакцию на любые совместные действия США и Японии в сфере военной безопасности, которые даже потенциально могут быть направлены против России. Например, Москва резко выступила против принятого в 2017 г. решения о размещении на территории Японии систем ПРО «Иджис ашор», официально направленных против КНДР, но имеющих более широкий потенциал использования, в том числе против китайских и российских ракет. В январе 2020 г. министр иностранных дел С.В. Лавров заявил о том, что размещение «Иджисов», которые могут использоваться запуском ударных крылатых ракет, создаёт «возможность для ударных вооружений вблизи наших границ»⁵. Другой пример подобного рода – позиция России относительно передачи Японии островов Шикотан и Хабомаи в соответствии с п. 9 Совместной декларации 1956 г.: Москва увязывает выполнение этого обязательства с гарантиями неразмещения на передаваемых территориях американских военных объектов. Иными словами, союзные отношения Японии с Америкой в глазах Москвы представляются как имеющие антироссийскую направленность и потому как серьёзное препятствие на пути к развитию с ней политических отношений.

Вместе с тем развитие геостратегической и военной ситуации в регионе в пользу Китая, усиление внешнеэкономической зависимости России от китайского рынка и возникновение на этом фоне риска превращения в «младшего партнёра» КНР заставляет Москву предпринимать усилия к построению более сбалансированной дипломатии в Восточной Азии. Россия вынуждена учиты-

⁴ Лавров назвал деструктивной концепцию США в Индо-Тихоокеанском регионе. *РИА Новости*. 13.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200113/1563383094.html> (accessed 23.04.2020).

⁵ Россия учтёт размещение вооружений США в Японии, заявил Лавров. *РИА Новости*. 17.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200117/1563533566.html> (accessed 23.04.2020).

вать, что важнейшие её азиатские партнёры, включая не только Японию, но и Индию и Вьетнам, озабочены усилением напористости внешнеполитической линии КНР. В этих условиях Россия проявляет подчеркнутую сдержанность и нейтралитет по всем потенциально конфликтным вопросам отношений Китая с его восточноазиатскими соседями, и прежде всего по территориальным спорам в ЮКМ и ВКМ. Сильные отношения с эти странами, и Японией в том числе, выступают для Москвы важным внешнеполитическим ресурсом, позволяющим ей расширить пространство для дипломатического манёвра в диалоге с Китаем и более эффективно отстаивать свои интересы на восточном направлении.

Японию видят в Москве и как наименее «антироссийскую» державу среди стран «Большой семёрки». Российские официальные лица воздерживаются от критики Японии за её присоединение к санкциям, а сами японские санкции, наиболее мягкие среди партнёров по «Семёрке», справедливо рассматриваются, скорее, в качестве символического шага, принятого, скорее, под внешним давлением, чем как её сознательная «антироссийская» позиция.

В 2014-2016 гг., т.е. сразу после украинского кризиса, дополнительная значимость отношений с Токио в глазах Москвы заключалась в его возможной роли как «мостика», посредника в деле восстановления испорченных отношений со странами Запада. Однако с 2016 г. ситуация стала меняться. Приход к власти в США администрации Трампа, активизация диалога с Западом по сирийскому вопросу, укрепление связей с Францией и восстановление прав российской делегации в ПАСЕ в 2019 г., иные подвижки, дающие основания говорить о завершении периода жёсткой дипломатической изоляции Москвы, – всё это в значительной степени деактуализировало подобный взгляд на Японию. Тем не менее, поскольку интенсивный политический диалог с Токио на высшем уровне не прекращался даже в моменты наиболее яростной «антироссийской истерии» со стороны Запада, а Япония стала первой после 2014 г. страной «Семёрки», куда В.В. Путин в декабре 2016 г. совершил зарубежный государственный визит, в России, очевидно, ценят политическую «лояльность» Японии достаточно высоко. Свою роль играет и то обстоятельство, что Токио никогда не пытался в диалоге с Москвой выступать проводником западных демократических ценностей или морализаторствовать по поводу нарушения прав человека, а потому является в глазах российского руководства одной наиболее приемлемых для себя в психологическом отношении стран Запада. Кроме того, в Москве учитывают особый статус Японии среди стран «Семёрки» и с учётом непредсказуемости ситуации в её отношениях с Западом, например, на случай, если в результате президентских выборов 2020 г. к власти в США придёт более «антироссийский» президент.

Экономические факторы

Россия по-прежнему рассматривается в Японии в качестве неприоритетного, но достаточно важного партнёра, стабильные отношения с которым позволят ей решить задачу диверсификации источников поставок энергоресурсов –

одну из ключевых для экономической безопасности страны. В настоящее время на Ближний Восток приходится почти 90% импортируемой Японией нефти (88% в 2018 г.) и более 20% природного газа⁶. Токио признаёт, что поставки энергоресурсов с российского Дальнего Востока более безопасны, поскольку они связаны в основном с сухопутными маршрутами и не проходят через опасные с точки зрения угрозы пиратства или международных конфликтов транспортные артерии (например, Малаккский пролив). Кроме того, российские поставки требуют существенно меньше времени (примерно на две недели меньше, чем с Ближнего Востока), что немаловажно с той точки зрения, что Япония с их помощью может лучше адаптироваться к краткосрочным колебаниям спроса⁷. Что касается России, то и для неё большую выгоду представляет диверсификация поставок углеводородного сырья в условиях переориентации всей системы внешнеэкономических связей с Запада на Восток, а также диверсификация в рамках региона, где основным потребителем становится Китай (Тимонина 2016: 26).

Однако в целом на Россию по-прежнему пока приходится относительно небольшая часть общего импорта энергоносителей Японии. Доля России в японском импорте сырой нефти составляет около 5% (5,8% в ноябре 2019 г.)⁸. Россия является четвёртым по значимости поставщиком СПГ в Японию (8% потребностей) после Австралии (35%), Малайзии (13%) и Катара (12%) (данные 2018 г.)⁹.

Очевидно, Япония не собирается существенно расширять эту долю, предполагая закрепить за Россией такую часть, которая в случае чрезвычайных обстоятельств может быть компенсирована за счёт прочих источников. Ограничителем для энергетического сотрудничества с Россией выступает и отсутствие в Японии влиятельного пророссийского лобби и наличие там мощных проамериканских групп давления, настроенных антироссийски. Эти группы выступают за отказ от каких-либо инвестиций в российские проекты освоения нефтегазовых месторождений, мотивируя это в числе прочего тем, что такие проекты не имеют достаточного экономического обоснования и продвигаются Москвой в основном из политических соображений (например, в целях расширения экспортного потенциала страны), и что эти проекты наносят ущерб японо-американскому сотрудничеству в газовой сфере, например, в деле освоения новых газовых рынков в третьих странах¹⁰ (Itoh 2018: 42).

⁶ Нихон-но энэруги гайко (Энергетическая дипломатия Японии). *Нихон гаймусё (МИД Японии)*. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000036023.pdf> (accessed 23.04.2020).

⁷ Lindgren W. 2015. Energizing Russia's Pivot: Japan-Russia energy relations, post-Fukushima and post-Ukraine. *NUPJ Policy Briefs*. 4. 4 p. URL: <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/publications/publication.html/188197> (accessed 23.04.2020).

⁸ Import of Crude Oil by Source. *Ministry of Economy, Trade and Industry* (accessed 23.04.2020). URL: <https://www.meti.go.jp/statistics/tyo/sekiyuso/result/pdf/h2j581011e.pdf> (accessed 23.04.2020).

⁹ Нихон-но энэруги гайко (Энергетическая дипломатия Японии). *Нихон гаймусё (МИД Японии)*. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000036023.pdf> (accessed 23.04.2020).

¹⁰ Itoh S. 2018. Japan's Opaque Energy Policy toward Russia: Is Abe Being Trumped by Putin? The emerging Russia-Asia energy nexus. *NBR Special Report No. 74*. P. 33-42. URL: <https://www.nbr.org/publication/the-emerging-russia-asia-energy-nexus/> (accessed 23.04.2020).

Политические соображения, а именно – восприятие России в качестве страны высоких политических рисков, – является главной причиной, по которой Япония отвергает идею строительства газопровода, который бы связал её территорию с сахалинскими месторождениями, откуда она получает СПГ. Хотя подобный газопровод имеет высокую экономическую привлекательность и существенно удешевил бы стоимость получаемого газа, в Токио предпочитают полагаться на более «проверенных» в политическом отношении партнёров.

Вместе с тем, действуя в русле политики диверсификации, Япония проводит стратегическую линию на расширение участия в проектах по освоению газовых месторождений на Сахалине и на российском шельфе Арктики. Подтверждением этому стало подписание в июне 2019 г. соглашения о покупке *Japan Arctic LNG B.V.* (консорциум *Mitsui & Co* и Японской национальной корпорации по нефти, газу и металлам *JOGMEC*) 10% пакета акций стоимостью более 2 млрд долл. США в проекте «Арктик СПГ – 2»¹¹. Общий объём производства, как ожидается, составит 19,8 млн т. СПГ в год, а первую производственную линию предполагается запустить уже в 2023 г.¹². В декабре 2019 г. Министерство экономики и промышленности Японии и концерн «Итогю сёдзи» договорились об участии «Консорциума по развитию нефтедобычи на Сахалине» (объединившего целый ряд японских компаний) в новом проекте по строительству завода по сжижению природного газа стоимостью в 9,1 млрд долл. Речь идёт о строительстве завода по производству СПГ мощностью в 6,2 млн т. СПГ в год на российском Дальнем Востоке. Согласно инвестиционным планам, проект обеспечит около 10% потребностей Японии в природном газе. Окончательное решение об инвестициях в новый проект, как ожидается, будет принято в 2021 г., а первые поставки начнутся в 2027 г.¹³.

Экономическое взаимодействие двух стран не ограничивается энергетической сферой. В рамках предложенного в мае 2016 г. японским премьером плана сотрудничества по восьми направлениям развивается около 100 взаимовыгодных совместных инициатив. Отдельного упоминания заслуживает сфера транспорта, где используется российский транзитный потенциал для перевозок японских грузов, поставляемых в Европу. Например, в 2019 г. страны приступили к тестовым контейнерным перевозкам по Транссибу, что дает Японии надежду нарастить объёмы поставок грузов, направляемых в Европу. Однако стороны демонстрируют различия в подходах к инвестиционному сотрудничеству: если Россия делает упор на мегапроекты в сфере инфраструктуры, Япония – на со-

¹¹ Участники проекта «Арктик СПГ – 2» приняли окончательное инвестрешение. *Интерфакс*. URL: <https://www.interfax.ru/vef2019/675185> (accessed 23.04.2020).

¹² Принято окончательное инвестиционное решение по проекту «Арктик СПГ 2». *Новатек*. URL: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3405 (accessed 23.04.2020).

¹³ Сжиженный природный газ «Сахалина – 1» придет японским потребителям в 2027 г. *Нефтянка*. URL: <http://neftianka.ru/szhizhennyj-prirodnyj-gaz-saxalina-1-pridet-yaponskim-potrebitelyam-v-2027-g/> (accessed 23.04.2020).

циально значимые проекты, улучшающие её имидж в России и способствующие достижению цели подписанию мирного договора.

Внутриполитические факторы

Немалую роль в отношениях России и Японии играет личностная дипломатия политических лидеров. Тесные личные взаимоотношения Абэ и Путина, их частые встречи способствуют укреплению межгосударственных отношений в том смысле, что это создаёт соответствующую психологическую атмосферу в обществе и формирует благоприятный имидж страны-партнёра. Большую роль играет личное доверие лидеров друг к другу, а также их высокая популярность среди населения.

Для С. Абэ больше значение имеет личная мотивация, а именно – стремление оставить свой след в истории как успешного государственного деятеля, добившегося возвращения хотя бы части территориальных потерь периода Второй мировой войны. Кроме того, для Абэ сильные отношения с Россией – дань семейной традиции: его отец был с японской стороны инициатором возобновления политического диалога между двумя странами в период перестройки. В этом мотивы С. Абэ сходны с целями В.В. Путина, который хотел бы оставить о себе память в истории как политический лидер России, урегулировавший линию границы с большинством стран-соседей.

Нынешних президента РФ и премьер-министра Японии отличает высокий уровень взаимного доверия. Абэ неоднократно называл Путина своим другом, а Путин характеризовал японского премьера как надёжного и честного партнёра, с которым он готов достичь согласия по ключевым вопросам взаимоотношений (Севостьянов 2018: 55). Хорошая «личная химия» позволила им нарастить личные контакты, общее число которых составило к январю 2020 г. двадцать семь. Частые встречи обеспечили возможности для открытого диалога по любым, даже самым сложным проблемам двусторонних отношений.

Немаловажно для двусторонних отношений и то, что оба лидера имеют большую поддержку в своих странах. Эта поддержка предоставляет им дополнительный политический ресурс для решения болезненной пограничной проблемы – они имеют больше манёвра для принятия политических решений, в том числе и сопряжённых с болезненными для своего имиджа и непопулярными в обществе уступками.

Вместе с тем достаточно заметно проявляют себя на японском внутриполитическом поле и неблагоприятные для двусторонних отношений факторы. К их числу следует отнести слабость политических группировок, имеющих за своей спиной поддержку влиятельных корпораций, которые бы лоббировали приоритетное развитие отношений с Россией. В свою очередь, критика правительства и его главы за «недостаточную жёсткость» в решении проблемы «северных территорий» является для многих политиков беспроигрышным ходом с точки зре-

ния получения дополнительных баллов рейтинга поддержки среди избирателей. Представители оппозиционной Конституционно-демократической партии нередко выступают в парламенте с критикой в адрес Абэ в связи с тем, что тот проводит по отношению к России дипломатию «преклонения колен»¹⁴, и что за многие годы японскому лидеру так и не удалось добиться от Москвы сколько-нибудь значимых уступок. Абэ вынужден также учитывать мнение внутрипартийных фракций собственной партии, от поддержки которых он зависит, что не позволяет ему пойти слишком далеко, например, принять предложение Путина о немедленном заключении мирного договора (Нелидов 2019:73).

Негативно сказывается на двусторонних отношениях и отрицательное восприятие России в японском обществе, которое создаёт для отношений с ней неблагоприятный психологический климат. На протяжении нескольких десятилетий, ещё с периода СССР, Россия является одной из наименее популярных стран в Японии – в ходе опросов общественного мнения положительное отношение к ней демонстрируют лишь около 20% респондентов. При этом изменения политической конъюнктуры оказывают мало воздействия на взгляды японцев. Например, доля тех, кто не чувствовал симпатии к России, увеличивалась в период кризиса в двусторонних отношениях 2010–2011 гг. с 79,6% до 82,9%, незначительно она изменилась и в период крымских событий – с 74,7% до 79,3% (Чугров 2016: 22). Представления об СССР в японском обществе по-прежнему основаны на сформированных СМИ и системой образования стереотипах о «вероломности» действий СССР, нарушившего в августе 1945 г. Пакт о нейтралитете, о несправедливости российской военной оккупации Южных Курил и о том, что Россия, выйдя из советского периода, сохранила в себе худшие черты СССР, что это «советское», красное, недемократическое и чуждое Японии по духу государство. Для большинства японцев возвращение «северных территорий» имеет больше символическое значение как вопрос национального престижа, а борьба за эту благую цель давно уже стала частью национальной идентичности.

Вместе с тем стоит признать и то, что в общественном мнении Японии появляются позитивные подвижки, дающие основания для оптимизма. Во-первых, отношение к России существенно лучше среди более молодых японцев: в 2017 г., по данным опроса *Pew Research Center*, к ней доброжелательно к ней относились 53% опрошенных к возрасту 18-29 лет, по сравнению с 16% респондентов в возрасте старше 50 лет¹⁵. Во-вторых, негативный образ России понемногу затмевается враждебным образом Китая. Однако эти изменения ещё не носят решающего характера. Нельзя не признать, что внутриполитическая ситуация в

¹⁴ PM Abe avoids describing Russian-held Northern Territories as inherently Japanese. *The Mainichi*. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190202/p2a/00m/0na/023000c> (accessed 23.04.2020).

¹⁵ Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia. *Pew Research Center*. August 17, 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia/> (accessed 23.04.2020).

Японии не является значимым фактором в пользу развития связей с Россией, за исключением того факта, что премьер-министр страны лично патронирует это направление её внешней политики.

Что касается России, внутривнутриполитические условия для развития отношений с Японией достаточно противоречивы. В российском общественном мнении преобладает в целом позитивный образ Японии (Чугров 2016: 7-18). С одной стороны, Япония имеет высокий авторитет как страна великой культуры, как технологическая сверхдержава и родина многих милых сердцу россиян брендов потребительской продукции. У россиян нет негативных чувств к Японии и по поводу нерешённых проблем исторического прошлого. Однако на уровне как рядовых граждан, так и политического истеблишмента России преобладают устойчивые стереотипы в отношении Японии – что она является «сателлитом» США и не имеет самостоятельной внешней политики, что её участие в мировых делах ограничено и потому она может быть для России только неприоритетным партнёром. Кроме того, выдвигая к России территориальные претензии, Япония выступает в глазах многих россиян в качестве «ревизионистской» державы, не желающей признавать очевидные итоги Второй мировой войны. Следует учесть и то, что в силу слабого развития торгово-экономических отношений с Японией в России фактически отсутствуют политические «группы давления», заинтересованные в приоритетном развитии отношений с этой страной.

Дальнейшее развитие двусторонних отношений

Между Россией и Японией имеется обширная сфера общих интересов в международно-политической сфере, могущая стать основой для дальнейшего диалога. Обе страны в должной мере понимают недостаточность и хрупкость сложившихся в Восточной Азии механизмов обеспечения международной безопасности. Москва и Токио заинтересованы в решении ядерной проблемы Корейского полуострова и в укреплении там режима нераспространения, в ослаблении международной напряжённости в связи с территориальными конфликтами в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, совместной борьбе с терроризмом, преступностью и морским пиратством, координации усилий в противостоянии нетрадиционным угрозам.

Ещё в 2013 г. был запущен диалог в формате «2+2» (министров иностранных дел и обороны), призванный обеспечить обмен мнениями по насущным вопросам международной безопасности. Он стал площадкой для содействия «оттепели» в двусторонних отношениях в военно-политической сфере (Lindgren 2018: 8). В ходе прошедшей в конце мая 2019 г. в Токио встречи в рамках этого формата была продемонстрирована близость позиций по вопросам денуклеаризации Корейского полуострова. Налажены контакты и проводятся регулярные консультации между Советами безопасности двух стран. О том, какое значение российская сторона придаёт этим контактам, свидетельствует тот факт, что для

председателя СНБ Японии С. Китамура в ходе его визита в Россию 15 января 2020 г. была организована аудиенция с президентом В.В. Путиным. Регулярно проходят совместные ежегодные совместные учения по спасению на море, в январе 2020 г. прошли антипиратские учения двух стран в Аденском заливе с участием кораблей Балтийского флота.

Можно найти много общего и в подходах двух стран к многостороннему экономическому сотрудничеству в регионе, хотя имеются и разногласия. В Японии проявляют интерес к продвигаемому Москвой проекту Большой Евразии и интеграции с ЕАЭС, хотя до обсуждения практических проектов участия Японии в инициативе дело пока не дошло. В свою очередь, в России скептически относятся к продвигаемой Абэ концепции Индо-тихоокеанского региона, видя в ней прежде всего цель сдерживания Китая.

В интересах России – привлечь Японию к проектам социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока в качестве потенциального источника технологий и инвестиций по развитию этих регионов. Для России Япония могла бы выступить в качестве надёжного рынка сбыта российской экспортной продукции, и прежде всего энергоносителей. Диверсификация рынков сбыта имеет для России не только экономический, но и политический смысл, так как позволила бы ей избежать одностороннего крена в пользу Китая в своих внешнеэкономических связях на восточном направлении.

Для Японии Россия остаётся неключевым экономическим партнёром. Однако рост поставок СПГ с Дальнего Востока повышают роль России на японском рынке в среднесрочной и долгосрочной перспективе, особенно с учётом безопасного и короткого транспортного маршрута. Вопрос для России заключается в том, чтобы предложить достаточно конкурентоспособную цену и качество, чтобы конкурировать с поставщиками Японии на Ближнем Востоке, Австралией, Канадой и относительно дешёвым американским экспортом сланцевого газа.

Вместе с тем территориальный спор и отсутствие базового договора о двусторонних отношениях, по всей видимости, будут ещё долго служить препятствием на пути к сотрудничеству. Можно констатировать, что основной причиной отсутствия видимого прогресса в переговорах о мирном договоре является базовое отличие в подходах сторон к целям и задачам такого договора. Для Японии проблема «северных территорий» уже давно стала вопросом национального престижа, а её решение ассоциируется с обретением страной статуса «нормальной» державы, которая окончательно подвела итоги войны и преодолела негативное наследие милитаристского прошлого. Если японская сторона добивается того, чтобы с помощью мирного договора возратить хотя бы часть утраченных в ходе Второй мировой войны территорий, то для России важнее признание Японией законности российского владения Курильскими островами и предоставление гарантий ненаправленности японо-американского военно-политического союза против российских интересов (Панов 2019: 91).

Однако в целом между сторонами имеется взаимопонимание, что данный договор при всех различиях сторон в подходах необходим для подведения правовой основы под двусторонние отношения с целью их позитивного развития на годы вперед, укрепления гарантий безопасности во всей Северо-Восточной Азии. Именно этим объясняется выдвинутое В.В. Путиным в сентябре 2018 г. предложение заключить мирный договор «без всяких условий», а уже потом двигаться к решению проблемы пограничного размежевания.

Что касается вопроса пограничного урегулирования, Москва полагает, что решать его необходимо на основе Декларации 1956 г., в которой говорится о передаче Японии островов Шикотан и Хабомаи после подписания мирного договора. Следует учесть, что, подписывая эту декларацию, СССР исходил из того, что главным условием для передачи островов должно быть построение между двумя странами отношений дружбы, добрососедства и взаимного доверия, без которых мирный договор теряет свой смысл. И Россия как его правопреемница в полной мере разделяет этот подход и сегодня. Однако поскольку Япония укрепляет сотрудничество в области безопасности с Соединёнными Штатами, которые официально относят Россию в категорию своих военных противников, и предоставляет свою территорию для американских военных баз, Москва считает это условие выполненным не в полной мере. В этих условиях переговоры по мирному договору продолжают буксовать, несмотря на заверения лидеров двух стран о необходимости его подписания.

В 2018-2020 гг. стороны неоднократно обсуждали такую возможность и решения проблемы границы на условиях Декларации 1956 г. Однако Москва устами министра иностранных дел С.В. Лаврова в качестве условия для подписания договора считает необходимым, чтобы Япония официально признала итоги Второй мировой войны, в частности, переход Курильских островов под юрисдикцию СССР. Для Японии, судя по всему, это неприемлемо, так как подрывало бы её базовую позицию по вопросу Южных Курил.

Нельзя не согласиться с российским исследователем О.И. Казаковым, что даже сильные лидеры двух стран «не способны перешагнуть черту, проведённую не столько Второй мировой войной, сколько “наследием прошлого” в виде разного политического и исторического толкования её итогов в каждой из стран» (Казаков 2019: 43).

В связи с наметившимся в 2019 г. кризисом в переговорах по мирному договору, необходимо искать выход из дипломатического тупика. Что можно было бы сделать в этом направлении? Во-первых, целесообразно было бы на первом этапе вести дело к заключению базового договора об основах взаимоотношений, который был бы «отвязан» от мирного договора. Подобный договор стал бы наилучшим форматом сохранения лица для обеих сторон: их базовые позиции в этом смысле бы ничуть не пострадали, более того, он открыл бы дорогу для более тесных доверительных отношений, а значит и для дальнейшего диалога по вопросу о границе. Судя по всему, именно в этом направлении

сейчас пошёл диалог. По сообщению газеты «Майнити», стороны обсуждают возможность подписания предварительного соглашения, по которому японская сторона даст России необходимые заверения в том, что американское военное присутствие в Японии не будет представлять угрозы России¹⁶. Подписание базового договора об основах двусторонних отношений стало бы гарантией того, что эти отношения не ухудшатся даже после ухода Абэ с поста премьер-министра.

Во-вторых, обеим странам можно было бы скорректировать взаимную дипломатию, не нанося ущерба собственным интересам.

Так, Россия могла бы перестать критиковать в различных контекстах Японию за её политику в сфере безопасности, привнося вопрос с американским военным присутствием в повестку дня двусторонних переговоров или акцентируя потенциально «антироссийский» характер её сотрудничества с США в сфере военной безопасности, включая проблему размещаемых в Японии систем ПРО. Ясно, что Япония на обозримую перспективу не откажется ни от союза с Америкой, ни от американского военного присутствия на своей территории, ни от размещения на своей территории новых вооружений для противостояния усиливающимся угрозам национальной безопасности. Принятие Москвой политических решений в отношении Японии, основываясь главным образом на её особых связях с Америкой в области безопасности, как представляется, сужает возможности для двустороннего сотрудничества.

Возможно, стоит скорректировать позицию и в отношении японской инициативы в области качественной инфраструктуры, которую Токио активно продвигает в русле выдвинутой С. Абэ концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»¹⁷. Сейчас Москва видит в японской инициативе главным образом инструмент для сохранения американского господства в регионе и сдерживания Китая. Однако по сути это прежде всего антигегемонистский проект, главная цель которого – сохранить в регионе международный порядок, который был бы основан на правилах и работал на благо всех, а не только сильнейших государств региона. К тому же, по мнению профессора университета Темпл Дж. Брауна, Россия могла бы выиграть от его реализации – российский интерес к японской инициативе способствовал бы привлечению японских инвестиций на российский Дальний Восток¹⁸.

¹⁶ По Хэйва дзёяку-дэ бунсёка ёкю «Дзайнити бэйгун кёи хайдзё» тэйан ка (Предложения России зафиксировать в мирном договоре отсутствие для нее угрозы со стороны американских баз, размещённых на территории Японии). *Майнити симбун*. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200114/ddm/002/030/080000c> (accessed 23.04.2020). (на японском языке)

¹⁷ Towards Free and Open Indo-Pacific. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000407643.pdf> (accessed 23.04.2020).

¹⁸ Браун Дж. «Пояс и Путь» по-японски. Что дает России конкуренция проектов Японии и Китая в Азии. 11.07. 2019. *Carnegie Moscow center*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79481> (accessed 23.04.2020).

Со своей стороны Япония могла бы принять ряд стратегических решений на российском направлении, которые были бы встроены в её стратегию по диверсификации источников сырья и материалов, развитию перспективных транспортных коридоров с Европой. Эти решения можно было бы озвучить в программном выступлении премьер-министра – тогда они стали бы сигналом для бюрократии в направлении их реализации. Кроме того, Токио мог бы перестать рассматривать вопрос мирного договора в качестве главного и основного в отношениях с Россией. Это позволило бы нашим странам «отвязать» двусторонние отношения от столь деликатной сферы, какой является сфера пограничного размежевания, и сосредоточиться на их позитивной повестке.

Об авторе:

Дмитрий Викторович Стрельцов – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено по гранту РНФ № 19-18-00142 "Многофакторный анализ "азиатского поворота" в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)"

Received: December 20, 2019

Accepted: April 15, 2020

Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors

D.V. Streltsov

DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-68-85

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: The article analyzes long-term external and internal factors determining the course of development of Russian-Japanese relations in 2019-2020. On the one hand, the anti-Russian component in Tokyo's foreign policy is shaped by its membership in the Security Treaty with the United States and its solidarity with the sanctions policy of the Group of Seven towards Russia. On the other hand, Japan and Russia are both interested in political cooperation in creating multilateral dialog mechanisms of international security in East Asia, resolving the nuclear issue on the Korean Peninsula, and easing tensions around territorial disputes in the East China and South China seas. Among the economic factors, the author focuses on the significant place of Russia in the context of Japan's task of diver-

sifying sources of external energy supplies, as well as on Russia's desire to avoid unilateral dependence on the Chinese market while reorienting the system of foreign economic relations from the West to the East. Personal diplomacy of political leaders plays a significant role in relations between Russia and Japan, and, above all, close personal relationships and frequent meetings between Prime Minister Abe and President Putin, which make it possible to partially compensate the unfavorable image of the partner country in the public opinion of both Russia and Japan. Against the background of a deadlock in the Peace Treaty talks which emerged in 2019, the search for a way out of the diplomatic impasse is on the agenda. In the author's opinion, it would be appropriate at the first stage to proceed to the conclusion of a basic agreement on the basis bilateral relations, which would be "untied" from the Peace Treaty. In addition, Russia could stop criticizing Japan for its security policy and show greater understanding of the Japanese initiative in the field of quality infrastructure. In turn, Japan could take a number of strategic decisions on cooperation with Russia and announce them in the Prime Minister's keynote speech. In addition, Tokyo could stop positioning the issue of the peace Treaty as the main issue in relations with Russia, which would allow our countries to "untie" bilateral relations from the problem of border demarcation and focus on their positive agenda.

Key words: Russian-Japanese relations, Security Treaty, the US military presence, the rise of China, personal diplomacy, the image of the country, Peace Treaty, the concept of 'free and open Indo-Pacific region', results of World War II

About the author:

Dmitry V. Streltsov – Doctor of History, Head of the Department of Oriental Studies of the Moscow State Institute of international relations (MGIMO), Russia, 119454, Moscow, prospekt Vernadskogo 76. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements: Research is accomplished under the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00142 "Multifactor analysis of the "Asian turn" in Russian foreign policy (achievements, problems, prospects)"

References:

Brown J. 2018. Japan's security cooperation with Russia: neutralizing the threat of a China–Russia united front. *International Affairs*. 94(4). P. 861–882. DOI: 10.1093/ia/iiy031.

Izumikawa Y. 2016. Japan's Approach to Russia under Shinzo Abe: A Strategic Perspective. *Japan-Russia Relations: Implications for the U.S.-Japan Alliance*. Ed. by Gilbert Rozman. Washington: Sasakawa Peace Foundation USA. P. 61–70.

Lindgren W. 2018. New Dynamics in Japan – Russia Energy Relations 2011–2017. *Journal of Eurasian Studies*. 9(2). P. 152–162. DOI: 10.1016/j.euras.2018.06.002

Chugrov S.V. 2016. *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii: Rabochaya tetrad' 33* [The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia: Working Paper 33]. Moscow: NPMP RIAC. 64 p. (In Russian)

Kazakov O. 2019. K voprosu ob aktivizacii rossijsko-japonskogo dialoga po territorial'noj probleme [On the Enhancing of Russian-Japanese Dialogue on Territorial Issue]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1. P. 33–45. DOI: 10.31857/S013128120003920-3 (In Russian)

Nelidov V.V. 2019. Rossijsko-yaponskie dvustoronnie otnosheniya: predely sbližheniya [Russian-Japanese Bilateral Relations: Limits of Rapprochement]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics]. 2. P. 65–82. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10012 (In Russian).

Panov A.N. 2019. Sovetsko-yaponskaya Sovmestnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put' k podpisaniyu, nelëgkaya sud'ba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: a Difficult Path to Signing, a Hard Destiny after the Ratification]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia]. 2. P. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012 (In Russian).

Sevast'yanov S. V., Lukin A. L., Shishmakov S.O. 2018. Diplomatiya Putina i Abe: perspektivy politicheskogo uregulirovaniya rossijsko-yaponskikh otnoshenii [Diplomacy of Putin and Abe: Prospects for Political Settlement of the Russian – Japanese Relations]. *Oriental Institute Journal*. 4. P. 54–67. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/54-67 (In Russian).

Timonina I.L. 2016. Rossiya – Japoniya: real'nyj potencial jekonomicheskogo vzaimodejstviya [Russia – Japan: Real Potential of Economic Cooperation]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia]. 1. P. 20–31. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Чугров С.В. 2016. *Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь* 33. Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: Спецкнига. 56 с.

Нелидов В.В. 2019. Российско-японские двусторонние отношения: пределы. *Восточная Азия: факты и аналитика*. № 2. С. 65–82. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10012

Севастьянов С. В., Лукин А. Л., Шишмаков С.О. 2018. Дипломатия Путина и Абэ: перспективы политического урегулирования российско-японских отношений. *Известия Восточного института Восточного института*. № 4. С. 54–67. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/54-67.

Панов А.Н. 2019. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации. *Японские исследования*. №2. С. 63–94. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10012

Казаков О.И. 2019. К вопросу об активизации российско-японского диалога по территориальной проблеме. *Проблемы Дальнего Востока*. №1. С. 33–45. DOI: 10.31857/S013128120003920-3

Тимонина И.Л. 2016. Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия. *Японские исследования*. №1. С.20–31.

Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии

О.А. Добринская

Дипломатическая академия МИД России

Статья посвящена роли ОПР в реализации стратегии Японии в Центральной Азии. Автор выдвигает гипотезу о том, что в ОПР отражён комплексный характер внешней политики Японии, сочетающей стратегию, основанную на национальных интересах, стремлении проводить в жизнь либеральные ценности, а также придающей особое значение общей азиатской идентичности со странами региона. С этой целью выделены основные этапы эволюции политики содействия, дан обзор политики Японии в отношении Центральной Азии, показано, каким образом эволюция внешнеполитических целей отражается на политике оказания помощи развитию. Произведены количественный и качественный анализ ОПР Центральной Азии, контент-анализ документов в сфере дипломатии и содействия развитию, выделены основные направления содействия, прослежена их связь с целями японской внешней политики. На их основе дана оценка места и роли Японии в международной донорской деятельности в регионе, рассмотрено значение ОПР в контексте экономического развития, обеспечения безопасности, сохранения культурного наследия Центральной Азии. Автор приходит к выводу о том, что доступ к природным ресурсам, стремление закрепиться в центре Евразии, заручиться поддержкой своей кандидатуры в СБ ООН со стороны пяти центральноазиатских государств являются преобладающими императивами в политике содействия развитию. ОПР региону находится и под влиянием внешних факторов, таких как военно-политические связи с США и геополитическое соперничество с Китаем. В то же время значительная часть японских усилий направлена на продвижение либеральной повестки, такой как демократизация стран региона по японской модели, их модернизация, внедрение принципов рыночной экономики. Содействие социально-экономическому развитию и решение проблем безопасности демонстрируют не только стремление Японии создать положительный образ своей страны в регионе, но и повысить её престиж на международной арене, наладить сотрудничество с другими игроками в Центральной Азии. Исследуя культурную составляющую ОПР, автор приходит к выводу, что в основном она направлена на объекты, связанные с общей историей двух стран, в первую очередь на сохранение буддийского наследия, которое Токио расценивает в качестве основы общей идентичности Японии и Центральной Азии и которым обосновывает свою причастность к истории Великого Шёлкового пути.

Ключевые слова: ОПР, «мягкая сила», инфраструктура, Япония, Центральная Азия, С. Абэ, дипломатия Шёлкового пути

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 15.02.2020 г.

Принята к публикации: 15.04.2020 г.

С самого момента установления дипломатических отношений Япония начала направлять в Центральную Азию значительные объёмы официальной помощи развитию (ОПР). Вскоре страны Центральной Азии стали крупнейшими из государств постсоветского пространства получателями японской помощи, такой статус они сохраняют и по сей день. Особое внимание Японии к этим странам должно иметь под собой чётко выраженные цели и мотивы. Цель данной статьи заключается в том, чтобы исследовать особенности японской ОПР как отражения эволюции её стратегии в регионе, выяснить, какие цели преследует Япония в Центральной Азии, продиктована ли её политика сугубо реализмом, или же её следует рассматривать шире, с учётом других составляющих, диктующих внешнеполитическое поведение.

Предлагается рассматривать японскую ОПР Центральной Азии через призму основных теоретических подходов к японской внешней политике, прежде всего, реалистскую и либеральную парадигмы. Кроме того, многочисленные исследования внешней политики Японии делают акцент на важности конструктивистского подхода к её изучению. В данном исследовании выдвигается гипотеза о том, что, оказывая ОПР региону, Япония руководствуется не только национальными интересами, но и большое внимание уделяет либеральной повестке, а также стремлению подчеркнуть общую идентичность, основанную на культурно-исторических факторах.

В последние годы тематика оказания помощи развитию странам постсоветского пространства, и, в частности, Центральной Азии всё чаще становится предметом отечественных исследований. Возвращение России в число доноров помощи, принятие в 2007 г. Концепции участия Российской Федерации в содействии международному развитию обозначило интерес к данной теме. Среди трудов, посвящённых данной проблематике, можно выделить коллективную монографию ИМЭМО «Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт» 2018 г. (Барановский 2018), в которой особое внимание уделено региону Центральной Азии, а также Рабочую тетрадь экспертов РСМД «Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия» 2013 г. (Бартенев, Казанцев, Сергеев 2013). В этих работах указано на значимость японской помощи развитию региона, однако подробного освещения она не получила. Изучение ОПР как глобального инструмента реализации национальных интересов на протяжении многих лет является неотъемлемой частью трудов, посвящённых внешней политике Японии и ее внешнеэкономической стратегии, например, исследований И.П. Лебедевой (Лебедева 2013), Е.В. Ковригина (Ковригин 2014). Значение ОПР во внешней политике Японии в глобальном контексте проанализировано в работах К.Р. Воды, А.Н. Федоровского (Вода, Федоровский 2016). Роль ОПР как фактора «мягкой силы» в Центральной Азии отмечена в статье О.А. Добринской (Добринская 2015).

В статье использовались и исследования, посвящённые анализу внешней политики Японии, в том числе её ОПР. Среди них можно выделить не теряющую актуальность коллективную монографию Г. Хука (Hook et al. 2012) и др., исследования внешнеполитической стратегии Японии в 1990-2010-е гг. (Добринская 2018). В статье С. Хука и Г. Жанга (Hook, Zhang 1998) представлен исчерпывающий анализ модели японской ОПР до середины 1990-х гг., что позволяет выявить её основные характеристики. Освещение новейших тенденций японского содействия региону, в том числе с точки зрения восприятия помощи местным населением, а также сравнительный анализ японской и китайской активности приведён в работах профессора из Узбекистана Т. Дадабаева (Dadabaev 2016). Очевидно, что эта тема представляет исследовательский интерес и в России, и за рубежом. Дополняя проведённые исследования, в данной статье предлагается рассмотреть неизученные ранее аспекты, а именно эволюцию японского подхода к проблемам безопасности региона через призму ОПР, а также развитие проблематику влияния культурного фактора на оказание содействия Центральной Азии.

ОПР через призму теоретических подходов

Изучение разнообразия теоретических подходов к внешней политике Японии позволяет обозначить следующие аналитические рамки. Большинство исследователей рассматривают внешнеполитическую стратегию Японии через призму реализма. Часть учёных исходит из того, что Япония является реактивным государством, внешняя политика которого представляет собой не результат большой стратегии, а формулируется в ответ на международные события. По мнению американского профессора К. Калдера, японской политике присуща инертность, а основной её движущей силой является давление извне (*гайацу*). Эта точка зрения исходит из того, что политика обеспечения безопасности основана на национальном интересе в узком его понимании и представляет собой компромисс между внешним давлением со стороны США и пацифистски настроенной общественностью. Другая часть учёных считает, что внешнеполитическая пассивность не свидетельствует о неспособности принимать решения, а, напротив, является результатом стратегического расчёта, основанного на национальном интересе. Япония позволяет другим брать инициативу в международных делах, в то время как сама незаметно укрепляет собственную экономическую и техническую мощь и увеличивает дипломатическое влияние. Согласно этой точке зрения, понимание национальной мощи в Японии значительно отличается от американского – в центр этого понятия ставится не военная сила, а экономический и технологический потенциал. Такая стратегия известна под названиями «меркантильный реализм», «комплексная безопасность», «оборонительный реализм» и др. (Добринская 2018: 24).

Альтернативный взгляд представляет профессор Т. Бергер, применяющий к японской внешней политике либеральную модель «адаптирующегося или адап-

тивного государства». Согласно этой модели, движущей силой внешней политики Японии является не столько наращивание национальной мощи, сколько либеральные устремления к налаживанию многостороннего сотрудничества, увеличения своего присутствия в международных организациях, участия в решении глобальных проблем (Добринская 2018: 24).

Существенный вклад в исследования японской политики вносит конструктивистский подход, поставивший во главу угла сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе (Павленко 2015: 56). С самого начала оказания ОПР японские дипломаты делали акцент на том, что оказывают помощь азиатским государствам бывшего СССР, и впоследствии риторика некой общности народов Японии и стран Центральной Азии, основанная как на их внешнем сходстве, так и на общем культурном и историческом наследии, нередко появлялась в речах японских официальных лиц (Добринская 2015: 40).

ОПР на протяжении многих лет является основным инструментом японской глобальной внешнеполитической и экономической стратегии. Изучение эволюции характера ОПР позволяет предположить, что помощь развитию довольно точно отражает изменения внешнеполитических приоритетов страны. Для иллюстрации этого тезиса был проведён исторический обзор политики оказания содействия развитию, после чего было бы целесообразно произвести анализ её центральноазиатского направления, которое сочетает как эволюцию целей политики содействия развитию, так и эволюцию политики Японии в Центральной Азии.

История участия Японии в программе содействия развитию насчитывает более полувека. В октябре 1954 г. Япония присоединилась к Плану Колombo – соглашению о международном сотрудничестве по оказанию помощи социально-экономическому развитию стран АТР. Первоначально основными получателями помощи были страны ЮВА, а японское содействие фактически представляло собой форму репараций за ущерб, нанесённый им во время Второй мировой войны.

В 1964 г. Япония вступила в Организацию экономического содействия развитию (ОЭСР). Тогда же начала складываться специфическая японская модель, резко отличающаяся от моделей содействия, практикуемых западными донорами. Её основными отличительными чертами являлись географическая ориентация на регион Восточной и Юго-Восточной Азии, преобладание в структуре ОПР не грантов, а льготных межправительственных (иеновых) займов, что объяснялось собственным японским опытом с тех времён, когда Япония сама была получателем международной помощи, направленность займов на возведение экономической инфраструктуры, являющейся основой национального строительства в развивающемся мире. Лозунгом ОПР стала «помощь во имя самопомощи». Дух «самопомощи», которую Япония считает критически важной для развития любой страны, отражал её собственный опыт и рабочую этику:

«занять деньги, произвести товары или услуги за счёт этих денег, генерировать прибыль и вернуть деньги заимодавцу» (Ковригин 2014: 48).

В 1989 г. Япония была признана крупнейшим в мире донором ОПР, однако, несмотря на внушительные суммы помощи, она нередко являлась объектом критики со стороны других доноров. Японию обвиняли в том, что её ОПР направлена, прежде всего, на обеспечение интересов собственного бизнеса, а не решение проблем стран-реципиентов.

В постбиполярный период, связанный с трансформацией внешнеполитического курса Японии и поиска ей о новой роли в мире, политика ОПР стала менять свои очертания, отходя от узкой направленности на защиту экономических интересов в сторону поддержки глобальных принципов. В 1992 г. был принят первый Устав ОПР, обозначивший условия предоставления японского содействия: внимание к вопросам окружающей среды; неприемлемость использования ОПР в военных целях; учёт таких показателей, как уровень военных расходов, производство ОМУ и др.; содействие демократизации, защита прав человека, развитие рыночной экономики. Такой подход означал готовность Японии отойти от прежней модели и начать следовать общему делу наряду с другими донорами помощи и международными организациями (Hook, Zhang 1998: 1056).

Дальнейший пересмотр содержания политики ОПР происходил в условиях роста реализма в японской внешней политике, вызванного изменением международной среды после терактов в США. В новом варианте Устава, принятом в 2003 г., в качестве целей ОПР были перечислены обеспечение мира и развития мирового сообщества, содействие в обеспечении безопасности и процветания Японии, акцент был сделан на использовании ОПР для обеспечения национальных интересов страны. Приоритетами ОПР были объявлены снижение уровня бедности, устойчивое развитие, решение глобальных проблем и миростроительство.

В 2015 г. был принят новый Устав, в котором понятие ОПР было заменено на «сотрудничество в целях развитию», означающее «международное сотрудничество по содействию развивающимся странам, в котором участвует государство и связанные с ним структуры»¹. Эта модель делает акцент на взаимодействии государства и частного сектора, а также вовлечении широкого круга участников в процесс оказания помощи. Были отражены в Уставе 2015 г. и такие базовые понятия японской внешней политики, как активный пацифизм, качественный рост, «безопасность человека» (*human security*). Политика содействия развитию приобрела более выраженный стратегический и комплексный характер.

Обзор истории японской помощи развитию ОПР позволяет сделать вывод о том, что на каждом этапе эволюции она отражала доминирующие внешнеполитические установки Японии. В годы холодной войны она была ориентирована

¹ Кайхацу кёрёку тайко ни цуитэ. Об Уставе содействия развитию. *МИД Японии*. [Электронный ресурс] URL: www.mofa.go.jp/mofaj/gaikou/oda/files/000072774 (accessed 20.06.2020)

на обеспечение экономических интересов Японии, создание условий для продвижения японского бизнеса. В 1990-е гг., когда во внешней политике вышли на первый план элементы либерализма, ОНР была переориентирована на защиту демократических ценностей, приоритетов японского международного сотрудничества. После 11 сентября 2001 г., когда в японской внешней политике возобладал реализм, акцент был перенесён на стратегическое использование ОНР, отвечающее национальным интересам страны, а также её использование в целях постконфликтного восстановления, в свете проблемы Афганистана. После 2015 г. содействие развитию ориентировано на сочетание деятельности *ЛСА* и частного бизнеса, что отвечает интересам наращивания инфраструктурного строительства, провозглашённого С. Абэ. Второй тенденцией является «секьюритизация» помощи развитию на основании принципа активного пацифизма.

В Японии за реализацию ОНР отвечают несколько структур: МИД, Министерство финансов и Министерство экономики, торговли и промышленности при участии бизнеса. МИД отвечает за выделение грантов, а иеновые займы – прерогатива Министерства финансов и Министерства экономики, торговли и промышленности, последнее также отвечает за оказание технического содействия. При этом каждое министерство при планировании программ ОНР руководствуется собственными приоритетами (Вода, Федоровский 2016: 185). Такая модель нередко служит объектом критики в связи с неэффективностью, фрагментарностью, отсутствием транспарентности и медлительностью.

ОНР в контексте японской стратегии в Центральной Азии

ОНР с начала 1990-х гг. стала основным инструментом проникновения Японии в регион. По инициативе Токио в начале декабря 1992 г. все пять республик были включены в список развивающихся стран, что позволило оформлять выделяемую им помощь как ОНР. Тогда же Япония стала добиваться вхождения стран региона в Азиатский банк развития (АБР). В связи с тем, что страны Центральной Азии ранее уже были включены в Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), идея двойного членства была негативно воспринята США, и только благодаря интенсивному лоббированию Японии этим странам было позволено сохранять членство в обоих банках и, соответственно, брать из них кредиты. Уже в 1994 г. Казахстан и Киргизия, а в 1995 г. Узбекистан вступили в АБР, Туркменистан присоединился в 2000 г. Для Японии это означало, во-первых, демонстрацию её международного влияния, а во-вторых, возможность популяризировать продвигаемую экономическую модель. В её основе лежала стратегия, делающая акцент на руководящей роли государства и поэтапной либерализации с целью развития отраслей промышленности в частном секторе. Этот подход во многом шёл вразрез с программой быстрой торговой либерализации, которую поддерживали США и другие защитники нелиберальной повестки дня в МВФ и Всемирном Банке (Hook et al. 2012: 47). Соперничество идей

вышло на уровень глобального интеллектуального противостояния, полем которого стала и деятельность по оказанию содействия развивающимся странам, в том числе странам бывшего СССР.

Политические цели Японии заключались в том, чтобы не допустить дестабилизации региона и помочь странам перейти на демократический путь развития. В Голубой книге по дипломатии за 1993 г. подчёркивалась приверженность содействию странам, ориентированным на рынок и придерживавшимся политики открытых дверей². Одновременно помощь Центральной Азии позволяла Японии выполнить обязательства по содействию бывшему СССР по линии Большой семёрки, взяв на себя «азиатский блок». По словам бывшего посла в России К. Ватанабэ, для Японии как промышленно развитого демократического государства, которое стремилось играть конструктивную роль после холодной войны, не было иного выбора, кроме как ответить на просьбы о помощи со стороны лидеров хоть и далёких, но азиатских государств (Watanabe 1995: 40).

Япония ещё в начале 1990-х гг. начала проявлять интерес к энергетическим ресурсам региона. В то же время анализ ОПР региону позволяет сделать вывод, что первоначально ресурсы не были доминирующим фактором при распределении ОПР. Либеральные установки играли решающую роль в стремлении Японии наладить связи со странами региона. Первоначально наибольшие симпатии японского правительства вызвал реформаторский настрой Киргизии. Сыграла роль и поддержка киргизским президентом японской позиции по территориальному спору с Россией. А. Акаев стал первым лидером региона, посетившим Токио в апреле 1993 г., а Киргизия первой из республик бывшего СССР, получившей иенный кредит на сумму 60 млн долл. на модернизацию промышленных мощностей. Вскоре Япония превратилась в крупнейшего донора ОПР в эту страну. Через некоторое время в число приоритетных партнёров в регионе вошли Казахстан и Узбекистан, в 1995 г. Япония выделила им первые крупные кредиты на улучшение коммуникаций.

Новый этап в политике содействия региону связан с появлением концепции Евразийской дипломатии, выдвинутой в июле 1997 г. премьер-министром Р. Хасимото. Часть концепции, касающаяся отношений с Центральной Азией и Закавказьем, получила название Дипломатия Шёлкового пути (ДШП). Основными элементами взаимодействия Японии с государствами Великого Шёлкового пути были объявлены: политический диалог, экономическое сотрудничество и сотрудничество в области освоения природных ресурсов; достижение мира в регионе посредством нераспространения ядерного оружия, демократизации и стабилизации³.

² Diplomatic bluebook 1993. *Ministry of foreign affairs of Japan* [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1993/c2_2_2.html#3 (accessed 20.06.2020)

³ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate executives. 24 July 1997. Prime minister of Japan and his cabinet. URL: www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html (accessed 20.06.2020)

Новый японский подход к региону делал больший акцент на геополитических и энергетических интересах Японии, что нашло отражение и в политике содействия развитию, как в количественном выражении, так и в страновом распределении. Если в 1993 г. ОПР Центральной Азии составляла 2,57 млн долл., то в 1997 г. она возросла – 145,38, а в 1998 г. увеличилась до 228,15 млн долл. До 1998 г. доля Центральной Азии в общем объёме японской ОПР составляла порядка 0,5%, а в 1998 г. этот показатель вырос до 2,7%⁴. В эти годы Япония стала одним из ведущих доноров региона и по мировым меркам. В 1998-2000 гг. она занимала первое место по объёмам двусторонней ОПР Казахстану и Узбекистану, в 1999-2000 гг. лидировала по объёмам помощи Киргизии, входила в пятёрку основных доноров Таджикистана, в 1998 г. занимала первое, а в 1999-2000 гг. – второе место по объёмам ОПР Туркменистану⁵. В 2000 г. помощь Японии Центральной Азии составляла 216,44 млн долл., то есть более четверти всего международного содействия региону (754,39 млн долл.) (Барановский, Квашнин, Тоганова 2018: 189). Наибольшие суммы были выделены Казахстану, перспективному с точки зрения энергетического сотрудничества: в 1998 г. объём ОПР возрос более, чем вдвое. Это совпало с приобретением компанией «Инпекс» доли в проекте по разработке крупнейшего в регионе месторождения «Кашаган», что стало первым случаем участия японских компаний в проекте по добыче углеводородов в Центральной Азии.

В 2000-е гг. интерес к природным ресурсам стал ещё более явно выраженным, что подтвердил визит в 2006 г. Дз. Коидзуми в Казахстан и Узбекистан, давший начало сотрудничеству в урановой сфере. Вскоре были достигнуты договорённости об участии японских компаний в разработке месторождений «Мынкудук» и «Северный Хорасан», о поставках уранового концентрата. Примерно в то же время через компанию «Итотю» начались поставки узбекского урана в Японию, а в июне 2009 г. достигнута договорённость о совместной разведке урановых месторождений в Навоийской области, а в феврале 2011 г. подписаны соглашения о сотрудничестве в урановой сфере и о закупке по 500-1000 т. урана в год в течение 10 лет. Интерес японцев привлекают и богатые запасы редкоземельных металлов, в октябре 2009 г. в Казахстане был подписан меморандум о взаимопонимании и взаимовыгодном сотрудничестве, а в марте 2010 г. при участии «Сумитомо» и JOGMEC (Японской национальной корпорации по нефти, газу и металлам) создано СП «SARECO» по производству редкоземельной продукции с высокой добавленной стоимостью. В настоящее время ведётся разведка месторождений РЗМ в Казахстане и Киргизии.

В начале 2000-х гг. в японской политике ОПР региону появились новые элементы. Изменение баланса сил, связанное с образованием ШОС, а также

⁴ Changes in ODA disbursements by the region. *Ministry of foreign affairs of Japan* [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2003/image/p4c2s3chart14big.gif> (accessed 20.06.2020)

⁵ List of the countries in which Japan is their largest donor. *Ministry of foreign affairs of Japan* [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2003/image/p4c2s4chart17big.gif> (accessed 20.06.2020)

появлением американских баз в Центральной Азии, повлияло на стремление Японии нарастить присутствие в регионе, и в 2004 г. был инициирован формат многостороннего Диалога Центральная Азия плюс Япония (ДЦАЯ), в котором Токио выступил как игрок, помогающий пяти странам углублять внутрирегиональное сотрудничество, при этом основным инструментом его содействия являлась ОПР. Вслед за США Япония установила отношения стратегического партнёрства с Узбекистаном, что сопровождалось выделением щедрого пакета экономической помощи. Во время визита в Токио в июле 2002 г. И. Каримов заявил о том, что Япония должна увеличить своё присутствие в Центральной Азии, а Узбекистан готов стать её «опорным пунктом» в регионе.⁶

После начала антитеррористической операции в Афганистане в повестке японской ОПР региону большее внимание получили вопросы безопасности и регионального взаимодействия. Япония приняла ограниченное участие в американской антитеррористической операции и взяла на себя существенную часть обязательств по восстановлению Афганистана, что нашло отражение в региональных программах взаимодействия.

Токио неоднократно подчёркивал связь между развитием Центральной Азии и стабильностью в Афганистане. В 2006 г. японский министр иностранных дел Т. Асо выдвинул концепцию «Коридора мира и стабильности», соединяющего Центральную Азию и Афганистан. В её основе лежал широкий подход к региону, подчёркивающий взаимосвязь безопасности Афганистана и Центральной Азии, открытое региональное сотрудничество, партнёрство, основанное на универсальных ценностях. Все эти принципы нашли воплощение в помощи развитию: открытость, по словам Т. Асо, демонстрировало сотрудничество Японии с другими донорами и международными организациями в регионе, а распространение «универсальных ценностей» рыночной экономики осуществлялось через семинары по линии *ИКА*, в частности, в Узбекистане и Киргизии. По линии двусторонней ОПР финансировалось строительство дороги между Таджикистаном и Афганистаном, имеющей особое значение в свете намерения Токио наладить «южный маршрут», связывающий Центральную Азию с морем через Афганистан и Пакистан⁷.

В ноябре 2009 г. пришедшая к власти Демократическая партия Японии заявила о прекращении участия Сил самообороны в антитеррористической операции в Афганистане и предпочла сосредоточиться на финансовом вкладе в стабилизацию этой страны. В новой стратегии в отношении Афганистана и Пакистана говорилось о том, что Япония намерена помогать стабилизации Афганистана путём содействия Центральной Азии как единому

⁶ *Асахи симбун*. 30.07.2002.

⁷ Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club. 01.06.2006. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (accessed 20.06.2020)

целому⁸. В 2010 г. Токио объявил о предоставлении очередного пакета помощи Центральной Азии, значительная часть средств из которого должна была пойти на борьбу с терроризмом и наркотрафиком. Тогда же активизировалось японское сотрудничество с организациями ООН по проектам, связанным с Таджикистаном, в частности, в районах, граничащих с Афганистаном.

Очередной виток активности Японии в регионе во время нахождения у власти премьер-министра С. Абэ во многом связан с намерением придать импульс деятельности по экспорту инфраструктуры как средству оживления национальной экономики, а также с ответом на обнародованную Си Цзиньпином в 2013 г. китайскую концепцию «Один пояс – один путь». Японским контрпроектом можно считать выдвинутую в 2015 г. инициативу Партнёрства для качественной инфраструктуры, охватывающую страны Азии и Африки. В рамках этой инициативы предполагается увеличить на 25% объём кредитов по линии ОПР на инфраструктуру в азиатских странах, удвоить финансирование проектов с относительно высоким профилем риска⁹.

Инфраструктурная инициатива С. Абэ нашла отражение в японской стратегии в Центральной Азии. В октябре 2015 г. состоялся первый в истории визит японского лидера во все пять государств региона. В Казахстане С. Абэ выступил с речью, в которой озвучил три столпа политики в отношении региона: 1) Япония значительно увеличит присутствие в Центральной Азии. Её основными инструментами станут помощь в развитии высокотехнологичных производств и в обучении профессионалов высокого класса; 2) Япония продолжит активно участвовать в решении общих проблем региона. Посредством ДЦАЯ продолжится реализация важнейших программ развития, в первую очередь модернизации сельского хозяйства, развитие транспорта и грузоперевозок. Будет задействовано государственно-частное партнёрство для реализации планов по развитию региона. 3) Планируется углубление партнёрства на международной арене, в первую очередь в сфере ядерного нераспространения и разоружения¹⁰.

Из речи С. Абэ можно сделать вывод о том, что помощь развитию продолжит играть ключевую роль в обеспечении японского присутствия в регионе, и её распределение будет направлено на задействование японских передовых технологий, обучение персонала, способного работать с этими технологиями с тем, чтобы повысить интерес стран региона именно к Японии как экономическому партнёру. Во время визита было объявлено о подписании документов о сотрудничестве на сумму около 27 млрд долл., в том числе, значительную часть со-

⁸ Тэро но кёи ни тайкё суру тамэно син сэнряку. *Ministry of foreign affairs of Japan* [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/terro/pdfs/shinsenryaku.pdf> (accessed 20.06.2020)

⁹ Partnership for quality infrastructure: investment for Asia's future. *Ministry of economy, trade and industry*. [Электронный ресурс] URL: www.meti.go.jp/english/press/2015/0521_01.html (accessed 20.06.2020)

¹⁰ Абэ соридайдин-но тую адзия сэйсаку супити. Речь премьер-министра Абэ о политике в отношении Центральной Азии. *Ministry of foreign affairs of Japan*. 28.10.2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/erp/ca_c/kz/page1_000148.html (accessed 20.06.2020)

ставляют проекты, финансируемые по линии ОПР. Средства в основном были направлены на модернизацию существующих и создание новых инфраструктурных объектов, в частности, в сфере энергетики и транспорта. Если в 2015 г. помощь Японии составила 152,08 млн, то есть менее 10% объёмов общего донорского содействия (1898,43 долл.), то уже в 2017 г. Японии выделила почти в полтора раза больше – 259,13 млн долл.

ОПР Японии в Центральной Азии: структура и особенности

К 2019 г. общий объём ОПР Японии региону составил порядка 567 млрд иен. Больше половины всей помощи приходится на Узбекистан (320 млрд иен), на втором месте Казахстан (115 млрд иен). Содействие Киргизии, в среднем годовом исчислении достигающее 2 млрд иен, к 2019 г. насчитывало 83 млрд иен, в 2000-е гг. значительно увеличилась помощь Таджикистану, составляющая 43 млрд иен, ОПР Туркменистану всегда была небольшой, в 2019 г. равнялась 6,3 млрд иен¹¹. Большую часть направленных в регион средств составляют кредиты – около 413 млрд иен. Гранты составляют 95,9 млрд иен, на техническое содействие приходится порядка 58 млрд иен.

Таблица 1. Официальная помощь развитию странам Центральной Азии. Данные по состоянию на ноябрь 2019 г.

Table 1. Official development assistance to Central Asian countries. (November 2019)

Страна	Кредиты	Гранты	Техническое сотрудничество	Итого	Доля
Казахстан	95,149	6,343	13,448	114,8	20,2%
Киргизия	37	28,370	17,899	83,3	14,7%
Таджикистан	-	35,193	7,877	43,1	7,6%
Туркменистан	4,505	0,643	1,119	6,3	1,1%
Узбекистан	276,630	25,512	17,705	319,8	56%
Итого	413,284	96,061	58,048	567,3	100%

Рассчитано по данным МИД Японии. Данные в млрд иен.

В официальных документах заявлено, что Япония поддерживает усилия по укреплению государственности с целью долгосрочной стабильности и устойчивого развития в этих регионах, направленные на создание прочной основы универсальных ценностей в странах региона, таких как права человека, демократия, рыночная экономика, верховенство закона, при этом принимая во внимание широкую перспективу, включающую Афганистан, Пакистан и другие соседние государства¹². Для каждого государства разработаны индивидуальные

¹¹ Рассчитано по страновым данным МИД Японии. Ministry of foreign affairs of Japan. www.mofa.go.jp

¹² White paper on development cooperation. 2017. Ministry of foreign affairs of Japan. P. 110. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000406644.pdf> (accessed 20.06.2020)

программы помощи, с учётом местных реалий и потребностей развития, объединённые задачей налаживания экономической инфраструктуры.

В Узбекистане помощь направлена на продвижение экономического роста и корректировку разницы в развитии, восстановление сфер транспорта и энергетики. Высока доля кредитов на создание или модернизацию инфраструктуры. В Туркменистане доля проектов по линии ОПР сравнительно низкая, в основном они представлены обучающими программами по линии *ИКА*, идёт сотрудничество по улучшению системы сейсмологического мониторинга. Содействие развитию Киргизии ставит целью поддержание управления транспортной инфраструктурой, урегулирование региональных диспропорций, реконструкцию социальной инфраструктуры. В Таджикистане приоритетными областями содействия являются сельское хозяйство и борьба с угрозами, исходящими из Афганистана.

Казахстан в 2015 г. вышел из категории реципиентов ОПР и сам стал её донором. Это единственная страна региона, отношения Японии с которой перешли из категории донор – получатель в категорию равноправного партнёрства. В связи с этим и сотрудничество по линии ОПР приобрело новый смысл: Казахстан охотно знакомится с японским опытом налаживания механизмов предоставления помощи. Япония приглашает экспертов из Казахстана для проведения консультаций в МИД и *ИКА*. Казахстан может стать и партнёром Японии по осуществлению проектов в Центральной Азии и Афганистане. В 2015 г. лидеры двух стран пришли к договорённости о совместной реализации пилотного проекта «Содействие Казахстану в сотрудничестве с Афганистаном в области официальной помощи развитию»¹³.

Анализ распределения помощи позволяет выделить основные направления финансирования: транспортная и энергетическая инфраструктура, обучение людских ресурсов, безопасность, в том числе её социально-экономическое измерение («безопасность человека»), культурное сотрудничество.

В структуре ОПР региону преобладают льготные кредиты, которые идут на восстановление ключевых объектов **инфраструктуры** с целью преодоления географической изолированности региона, а также на реформирование устаревшей с советских времён транспортной системы реципиентов. За счёт японской ОПР были осуществлены модернизация аэропортов в Казахстане (в Нур-Султане), Киргизии («Манас»), в Узбекистане (в Самарканде, Бухаре, Ургенче), Таджикистане (Душанбе), восстановление или строительство дорожной инфраструктуры (автодороги на западе Казахстана, мост через реку Иртыш, новая железнодорожная магистраль Ташгузар – Кумкурган на юге Узбекистана, произведены электрификация участка Карши – Термез, восстановление дороги

¹³ В Токио прошли казахстанско-японские консультации по вопросам официальной помощи развитию. Постоянное представительство Республики Казахстан при отделении ООН и других международных организаций в Женеве. 9.12.2017. [Электронный ресурс] URL: mfa.gov.kz/ru/geneva/content-view (accessed 20.06.2020)

Дусти – Нижний Пяндж, связывающей Таджикистан с Афганистаном, восстановление ключевой магистрали Киргизии – дороги Бишкек – Ош, а также участков дороги Ош – Баткен – Исфана и др.).

Япония финансирует инфраструктуру и по международным каналам, через АБР, где с 1997 г. была начата программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Программа направлена на создание шести транспортных коридоров, идущих через Центральную Азию с юга на север, от морских портов Пакистана до южной части Казахстана, и с востока на запад, от границ Китая до Закавказья, и далее в Европу.

В последнее время возросла доля кредитов на переоснащение и создание энергетической инфраструктуры в странах региона, прежде всего в Узбекистане, где осуществляется масштабный проект «ЮПИТЕР», включающий строительство Туракурганской ТЭС, модернизацию Талимарджанской ТЭС, расширение Навойской ТЭС и др.

Передача управленческого опыта и **развитие человеческих ресурсов** стали основным направлением технического сотрудничества с 1993 г., когда Япония начала командировать своих специалистов в регион, а затем и принимать у себя стажёров из Центральной Азии. Оно ставило целью содействие переходу стран региона к рыночной экономике и конкретно заключалось в создании юридических условий для деятельности предприятий, помощи в оптимизации налоговой системы, оздоровлении финансов и либерализации рынка, а также воспитании управленческих кадров, содействии реформам административных органов. За 25 лет Япония приняла у себя 9668 стажёров и командировала 2587 специалистов¹⁴.

Поскольку Япония первоначально возлагала большие надежды на Киргизию, именно там, как и в России, в 1995 г. был открыт первый Японский центр (в 2003 г. он был реорганизован). В настоящее время помимо Киргизии Японские центры (их официальное название – «совместные Центры развития человеческих ресурсов») действуют также в Узбекистане (в Ташкенте и Бухаре) и Казахстане (в Алма-Ате и Нур-Султане). В них проводятся бизнес-курсы, языковые и компьютерные занятия, а также различные мероприятия, посвящённые информационному и культурному обмену.

Особое внимание Япония уделяет переходу к рыночной экономике в Узбекистане, где со второй половины 1990-х гг. начала осуществление обучающих программ (например, проект по обучению людских ресурсов для развития рыночной экономики был реализован с марта 1997 г. по февраль 2000 г., в 2005 г. прошли семинары, направленные на содействие становлению правовой системы гражданских процессов, осуществлён проект «Поддержка вступления в ВТО»). По словам японцев, в последнее время в стране осуществляется переход

¹⁴ Кисиды Ф. Дипломатические отношения Казахстана и Японии – 25 лет. *Казинформ*. [Электронный ресурс] URL: www.inform.kz/diplomaticheskim-otnosheniyam-kazakhstan-i-yaponii-25-let_a3022210 (accessed 20.06.2020)

к более рыночно-ориентированной модели ведения бизнеса, что требует трансформации методов управления, для чего в Японском центре проводятся курсы проектного менеджмента, выпускники которых уже смогли реализовать полученные навыки на практике.

Помимо обучения на местах техническое содействие включает стажировки в рамках Программы развития человеческих ресурсов (*JDS*), с 1999 г. действующей в Узбекистане, с 2006 г. в Киргизии и с 2008 г. в Таджикистане. Она направлена на молодых госслужащих, которые получают возможность поступить в англоязычную магистратуру и докторантуру в Японии. В рамках этой программы предлагается обучение по направлениям, касающимся укрепления институциональной базы экономического развития, устойчивого промышленного развития, подъёма экономики регионов, улучшения экономической инфраструктуры, выбор программ варьируется в зависимости от страны. По японским данным, на 2016 г. в программе приняли участие почти 500 человек¹⁵. Образовательные программы являются неотъемлемой частью «мягкой силы», они способствуют формированию нового поколения прояпонски настроенной политической и деловой элиты.

В последние годы сотрудничество всё чаще включает в себя обучение узкоспециализированных кадров, например, инженеров, способных работать с японским оборудованием, с новыми технологиями. Через *JICA* осуществляются краткосрочные курсы обучения специалистов, например, в сфере внедрения возобновляемых источников энергии.

Техническое содействие в целом повышает уровень менеджмента и рабочих навыков, знакомит с японской моделью развития, создаёт возможности для более тесного взаимодействия. Узбекистан стал единственной страной Центральной Азии, с которой в 2019 г. был подписан меморандум о сотрудничестве, который позволит узбекским специалистам работать в Японии в категории «специалист с особыми навыками», принятой в результате реформы иммиграционного законодательства.

Значительный объём безвозмездного содействия направляется на обеспечение **безопасности**, однако его задачи и приоритеты со временем изменились. В 1990-е гг. такое содействие было направлено на ликвидацию ядерного оружия в Казахстане. После присоединения Казахстана к ДНЯО была создана японо-казахстанская комиссия по утилизации ядерного оружия, Япония выделила помощь в размере более 1,17 млрд иен на демонтаж ядерных арсеналов. Было предоставлено оборудование для мониторинга, система защиты ядерного

¹⁵ Developing Human Resources as a Foundation for the Market Economy First Japanese-style Business School in Uzbekistan. Ministry of foreign affairs of Japan [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000286350.pdf> (accessed 20.06.2020)

¹⁶ The project for human resource development scholarship. *JICA*. [Электронный ресурс] https://www.jica.go.jp/english/our_work/types_of_assistance/grant_aid/c8h0vm000ad5box-att/types_jds_01.pdf (accessed 20.06.2020)

материала для Агентства атомной энергетики и НИИ атомной энергии. Через Глобальный целевой фонд по региональному разоружению Япония оказывала финансовую поддержку переговорам о создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия.

С конца 1990 – начала 2000-х на первый план с точки зрения безопасности выходит Таджикистан, где в 1998 г. боевиками был убит известный японский учёный и телеведущий Ю. Акино, работавший наблюдателем в Миссии ООН по Таджикистану. После этой трагедии Япония активно включилась в содействие мирному процессу в Таджикистане, начала программу приёма стажёров, которые бы внесли вклад в дело укрепления мира и демократии в Таджикистане. Антитеррористическая операция в Афганистане естественным образом сделала соседние с ним страны объектами международного содействия обеспечению безопасности, в первые же месяцы после начала операции Таджикистану и Узбекистану была выделена экстренная помощь. В 2010-е гг. на первый план вышла тематика борьбы с терроризмом и наркотрафиком, где Япония тесно сотрудничает с Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и Программой развития ООН (ПРО ООН), а также с ЕС и Россией. Через фонд УНП ООН Япония финансирует Программу подготовки афганских специалистов по борьбе с наркотиками на базе Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России в г. Домодедово. Программа действует с 2012 г., а с марта 2016 г. к ней присоединились слушатели из Центральной Азии. В перспективе Япония и Россия планируют организовать в Кабуле кинологический центр.

С обеспечением безопасности связаны и социально-экономические программы в граничащих с Афганистаном странах, поскольку Токио исходит из понимания, что содействие в сфере обеспечения «безопасности человека» будет способствовать устранению коренных причин терроризма. В сотрудничестве с ПРО ООН в 2012 г. была реализована Инициатива по сокращению бедности в Таджикистане и Афганистане, Программа содействия продовольственной безопасности для фермеров в Раштской долине. По линии УНП ООН Япония выделила Узбекистану порядка 2.5 млн долл. на программу «Борьба с наркотиками из Афганистана в Узбекистане посредством учреждения межведомственных мобильных групп»¹⁷.

Проекты, относящиеся к области «**безопасности человека**», являются основным каналом применения безвозмездной помощи. Это проекты в сфере медицины и здравоохранения, образования, культуры. Например, на эти средства были оснащены республиканская детская больница, улучшена система скорой

¹⁷ Government of Japan provided 263 million Japanese Yens to UNODC for assisting the Uzbek Government in countering trafficking of narcotics from Afghanistan. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/centralasia/en/news/government-of-japan-provided-263-million-japanese-yens-to-unodc-for-assisting-the-uzbek-government-in-countering-trafficking-of-narcotics-from-afghanistan.html> (accessed 20.06.2020)

помощи в Киргизии и др. Токио уделяет внимание решению экологических проблем Семипалатинского региона, Аральского моря и Каспийского моря.

В рамках программ безвозмездной помощи Япония стремится выбирать те проекты, которые будут иметь устойчивый характер и способствовать развитию на долгосрочной основе. Приоритет отдаётся налаживанию производственного и сервисного цикла, которые местные производители смогут поддерживать сами (Dadabaev 2016: 49). Наглядным примером является программа регионального развития «Одна деревня — один продукт» (В Центральной Азии она называется «Одно село — один продукт (ОСОП)»). Она была разработана в Японии ещё в 1980-е гг. и доказала свою эффективность, что позволило распространить её более чем на 30 развивающихся стран. Суть ОСОП состоит в том, чтобы определить характерный для данной местности продукт, который будет пользоваться наибольшей популярностью, и сосредоточить силы на его производстве. Японцы через *JICA* предлагают всевозможную поддержку: обучение, предоставление информации о технике продаж и небольшой финансовой помощи для производства такой продукции, что позволит получить прибыль и создать рабочие места. Такую модель Япония внедрила в Иссык-Кульской области Киргизии, где за 10 лет было создано 164 группы в 47 сёлах, а часть произведённой продукции (горный мёд, войлок) идёт на экспорт в Японию. Опыт Киргизии было решено применить при реализации программ помощи на границе Таджикистана и Афганистана. Преимуществом модели ОСОП является долгосрочный эффект, позволяющий реализовывать её даже после завершения сроков программы помощи. Таким образом, действуя на локальном уровне с помощью небольших проектов, Япония способствует улучшению ситуации с занятостью, повышению доходов местного населения и, соответственно, достижению большей социально-экономической стабильности.

Ещё одним значимым блоком безвозмездного содействия в рамках ОПР является сфера **культуры**. Помощь осуществляется по двум схемам: культурные гранты (для государственных учреждений) и культурные проекты «корни травы» «*куса-но нэ*» (для неправительственных организаций). Культурное содействие, с одной стороны, направлено на поддержание объектов культуры и искусства, связанных с Японией, а с другой стороны, является частью усилий по формированию позитивного имиджа, распространению японского языка и культуры. Например, безвозмездная помощь включает предоставление оборудования для учреждений, где изучается японский язык. За счёт грантов осуществлялась поставка оборудования для музея древностей Таджикистана, а также оснащение театра им. А. Навои в Узбекистане, построенного японскими военнопленными. Япония намерена оказать поддержку казахстанскому проекту создания центра для консервации и реставрации важных культурных ценностей Центральной Азии в Национальном музее Астаны.

Токио осуществляет содействие в культурной сфере и по международным каналам. Япония является одним из крупнейших доноров ЮНЕСКО и

имеет в этой организации значительный вес, позволяющий влиять на принятие решений. Через целевые фонды, а также через Японский консорциум по международному сотрудничеству в области сохранения культурного наследия (включающий государственные структуры, университеты, НПО и др.) Япония спонсирует проекты по сохранению исторических объектов, расположенных вдоль маршрутов Великого Шёлкового пути. Целевым фондом ЮНЕСКО при участии Японии были реализованы проекты по восстановлению и консервации древних памятников Фаяз-тепа в Узбекистане (2000-2006), Отрар Тобе в Казахстане (2001-2005), Красная речка, Ак-Бешим, Бурана в Киргизии (2003-2006), руин Аджина-тепе в Таджикистане (2005-2008). С 2011 г. Япония осуществляет в ЮНЕСКО «Проект по поддержке всемирного наследия Шёлкового пути». Одним из его достижений стало внесение в список Всемирного культурного наследия в 2014 г. объектов «Коридора Шёлкового пути Чанъань – Тяньшань».

Оценки японской ОНР Центральной Азии

Многие исследователи отмечают, что хотя Центральная Азия является объектом помощи почти всех традиционных (то есть входящих в Комитет по содействию развитию ОЭСР) и новых доноров, роль большинства игроков остаётся номинальной. Япония наряду с США, Германией, Швейцарией и Великобританией относится к числу традиционных доноров, которые обладают определённым влиянием, к ним прислушиваются правительственные структуры центральноазиатских стран при разработке и реализации национальных программ развития (Сергеев, Казанцев, Бартенев 2013: 17). Япония на протяжении почти 30 лет сохраняет ведущие позиции среди доноров Центральной Азии, хотя в последние годы наблюдается ситуация, когда доля «традиционных доноров» снижается на фоне возросшей активности «новых доноров», таких как Россия, Китай, Турция, арабские страны (Барановский, Квашнин, Тоганова 2018: 187-188).

О результативности японского содействия можно судить по восприятию Японии в регионе. Согласно опросам общественного мнения, проведённым в 2015 г. и 2016 г., Япония два года подряд занимала второе место (14%) как страна, заслуживающая доверия, уступая лишь России (63%), но опережая Китай и Корею (по 3%). При этом Япония была упомянута третьим по важности партнёром (23% респондентов) после России (75%) и Китая (35%)¹⁸. Большинство участников опроса положительно отнеслись к продвижению японских предприятий в регионе. Для Японии такие показатели означают, что, несмотря на высокий уровень экономической взаимосвязи с Китаем, страны региона видят в Японии привлекательную альтернативу. Китайская экспансия зачастую вызывает у них опасения и противодействие, в то время как Япония, которая гораздо

¹⁸ Opinion poll: image of Japan in the Central Asia region. *Ministry of foreign affairs of Japan*. 15.04.2015. [Электронный ресурс] URL: https://www.mofa.go.jp/press/release4e_000718.html (accessed 20.06.2020)

меньше по территории и населению, находящаяся в относительном отдалении от них, не представляет угрозу. В качестве конкурентных преимуществ перед Китаем Япония выдвигает на первый план качество, внимание к вопросам окружающей среды, обучение местных кадров. Япония могла бы помочь странам региона преодолеть сырьевой характер экономики и выйти на более высокий уровень технологического развития.

Японская помощь в сфере инфраструктуры изначально была направлена на разблокирование региона и преодоление его зависимости от России. Модернизация оставшейся с советских времён железнодорожной инфраструктуры позволила странам региона увеличить объёмы грузопотоков, улучшить возможности внутрирегиональной торговли и транзитных перевозок. Были восстановлены как ключевые магистрали, так и пограничные участки дорог, позволяющие наладить более эффективное сообщение с Афганистаном, где Япония также активно восстанавливает дороги, в том числе маршрут, связывающий его с Пакистаном. Всё это способствует росту потенциала самостоятельного развития стран региона, их вовлечению в международное разделение труда, а также позволяет приблизиться к решению задачи интеграции Афганистана в мировую экономику.

Повышение уровня взаимосвязанности между самими странами региона при японском участии должно способствовать формированию единого экономического пространства в Центральной Азии. С начала 2000-х гг. Япония рассчитывала наладить сотрудничество с Центральной Азией как с единым целым, по модели «АСЕАН плюс Япония», однако сделать это оказалось не так просто из-за противоречий между странами региона, поэтому пока Япония вынуждена ограничиваться отдельными направлениями сотрудничества, которые могли бы вовлечь все страны региона. Среди таких направлений, согласованных на площадке ДЦАЯ – логистика и транспорт, сельское хозяйство, туризм.

ОПР обеспечивает лояльность в странах-реципиентах по отношению к японским компаниям, которые занимаются проектами по строительству и модернизации в рамках выделяемых правительством льготных кредитов. Она стимулирует активность японского бизнеса, довольно осторожно относящегося к Центральной Азии. Зачастую японские компании стремятся избежать потерь и вкладывают свои средства только в те инвестиционные проекты, которые поддерживаются японской ОПР (Милеев 2008: 525). Содействие со стороны японских или международных организаций, работающих в регионе, является неотъемлемым условием продвижения на рынки центральноазиатских стран.

Несмотря на заметное присутствие как донора, Япония не входит в число основных торговых партнёров Центральной Азии. Достаточно скромным остаётся и показатель японских капиталовложений в экономику региона. Опросы общественного мнения показывают, что Япония является желательным инвестором как страна с высоким уровнем технологического развития, низким уровнем коррупции, приверженностью демократическими ценностями. В Цен-

тральной Азии довольно высок уровень ожиданий относительно развития бизнеса с Японией, однако они автоматически не транслируются в создание деловых возможностей, поскольку в этих странах отсутствует необходимый инвестиционный климат, который привлёк бы японский бизнес.

Вместе с помощью Япония предлагает странам региона модель развития. Бывший министр иностранных дел Т. Асо резюмировал её сущность как «мир и счастье через экономическое процветание и демократию»¹⁹, подчёркивая, что Япония может служить примером того, как экономическое развитие привело к укреплению демократии. И. Каримов и Н. Назарбаев неоднократно называли Японию образцом для подражания как страну, построившую у себя демократию с восточной спецификой и при этом добившуюся впечатляющих экономических успехов.

Помимо экономической составляющей ОПР направлена и на достижение политических целей. Сочетание содействия в решении социально-экономических проблем и борьба с угрозами распространения терроризма и наркотиков, деятельность в сфере ядерного разоружения демонстрируют вклад Японии в обеспечение безопасности в рамках конституции, запрещающей применение военной силы. В свою очередь Япония ожидает от стран региона поддержки своих глобальных инициатив, например, в сфере разоружения, охраны окружающей среды, безопасности человека, а также позиции по региональным проблемам, например, в отношении ракетно-ядерной программы КНДР или критики попыток нарушения статус-кво (в японском внешнеполитическом лексиконе такие формулировки нередко имеют антикитайский подтекст). Немаловажным фактором является поддержка странами региона японской кандидатуры в постоянные члены СБ ООН.

ОПР в сфере культуры важна для Японии, потому что символизирует её вклад в международное культурное сотрудничество, что является частью её ооновской дипломатии, и одновременно позволяет официально закрепить её причастность к историческому ВШП не только как щедрого донора, но и как конечной точки его маршрута²⁰. В речи, посвящённой евразийской дипломатии 1997 г., Р. Хасимото отмечал, что в Японии существует «ностальгия по отношению к региону, идущая от славных времён Шёлкового пути»²¹. Ещё с 1960-х гг. японские учёные участвовали в экспедициях по изучению памятников буддизма. Наиболее активно взаимодействуют учёные Японии и Узбекистана, работа-

¹⁹ Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs at the Japan National Press Club. *Ministry of foreign affairs of Japan* June 1. 2006. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (accessed 20.06.2020)

²⁰ Kazuya Yamauchi. Japan's contribution to the inscription of the Silk Roads on the World Heritage List. *Japan Consortium for international cooperation in cultural heritage*. P.14. The Silk Roads as a world heritage site. [Электронный ресурс] URL: https://www.jcic-heritage.jp/wp-content/uploads/2016/11/silkroadreport_en.pdf (accessed 20.06.2020)

²¹ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24 July 1997. *Ministry of foreign affairs of Japan*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html> (accessed 20.06.2020)

ющие над теорией взаимовлияния и синтеза древних цивилизаций и религий двух стран²². Существует Ассоциация дружбы между древней буддийской столицей Нара и городом Термез, центром буддизма эпохи Кушанского царства, а в рамках юбилейных торжеств, посвящённых 1300-летию г. Нара, в Японии при поддержке МИД были проведены мероприятия, посвящённые наследию Шёлкового пути, в том числе крупный симпозиум «Древние цивилизации и религии Узбекистана: в поисках истоков культуры Японии».

Об особом отношении к памятникам буддизма на Шёлковом пути свидетельствует и активность, которую Япония развила в 2001 г., пытаясь предотвратить разрушение статуй Будды в Бамиане. Официальная делегация, состоящая из членов правящей партии, посетила Афганистан, а странам Персидского залива были направлены письма с просьбой помочь убедить талибов не разрушать статуи. Япония даже предложила укрыть их или же разобрать и вывезти из страны. После того как боевики всё-таки разрушили две гигантские статуи Будды, японцы прекратили контакты с движением «Талибан», которое раньше поддерживали, поскольку стремились выполнять посредническую роль в содействии процессу национального примирения. Японские дипломаты по сей день подчёркивают роль Центральной Азии в распространении буддизма, поскольку «рассказать историю Японии без упоминания культуры и знаний, переживших по Шёлковому пути, невозможно»²³. При этом в Токио проводят аналогии между ВШП и нынешней Центральной Азией как новым коридором в Евразии, где Япония оказывает содействие развитию и взаимосвязанности.

В то же время критическая оценка позволяет говорить о том, что далеко не всегда ОНР достигает своих целей, существуют и проблемы, как напрямую влияющие на эффективность помощи, так и связанные с репутационными издержками. Например, не оправдалась существовавшая в начале 1990-х гг. идея с помощью ОНР сделать из Киргизии образец успешной экономики, развивающейся по японской модели, поскольку потенциала Киргизии оказалось недостаточно для реализации такого сценария, а руководство страны не всегда прислушивалось к японским рекомендациям в сфере управления и экономики.

Актуальной является проблема поддержания инфраструктуры, выстроенной на японские средства. Например, на обслуживание подвесного моста, построенного японцами через реку Иртыш, местные власти выделяют всего 3 млн тенге, которых хватает только на благоустройство переправы, в то время как в Японии на обслуживание подобных сооружений выделяются суммы, эквивалентные 2-3 млрд тенге²⁴. Нередки случаи, когда предоставленная японцами

²² Узбекские и японские ученые создадут научное общество. *Газета.uz*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2010/02/28/japan/> (accessed 20.06.2020)

²³ Глава МИД Японии рассказал о перспективах сотрудничества Японии со странами Центральной Азии. *Ministry of foreign affairs of Japan* [Электронный ресурс] URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000494314.pdf> (accessed 20.06.2020)

²⁴ В Семее японцы осматрели ржавеющий подвесной мост. *Tengrinews*. 16.06.2012. [Электронный ресурс] URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/foto-v-semee-yapontsyi-osmotreli-rjaveyuschiy-podvesnoy-most-215987/ (accessed 20.06.2020)

помощь не соответствовала местным реалиям и оказывалась скорее в тягость получателям. Так, например, фермеры, получившие дорогостоящую японскую технику, с одной стороны, признают её значительное превосходство над произведённой в СНГ, но, с другой стороны, предпочли бы использовать последнюю, потому что она им знакома, её проще чинить самим, и запасные детали к ней обойдутся дешевле. Бывали и случаи, когда закупленные по программе помощи школам компьютеры использовались только для набора текстов, потому что в школах был слишком дорогой интернет (Dadabaev 2016: 50-51).

Ещё одной проблемой является контроль над целевым использованием средств. Так, в апреле 2014 г. в СМИ просочилась информация о том, что в ряде стран, включая Узбекистан, в период с 2009 г. по 2014 г. порядка 780 тыс. долл. было потрачено на взятки чиновникам при реализации проектов²⁵. По информации СМИ, по линии ОПР были проведены и средства, которые японское правительство выделило в качестве выкупа террористам, захватившим в заложники японских геологов в Киргизии в 1999 г. Около 3 млн долл. были наличными переданы правительству Киргизии якобы для выплаты боевикам, однако до боевиков так и не дошли, вероятно, осев в карманах чиновников администрации Акаева²⁶. Существование таких проблем требует более серьёзного изучения условий в странах-реципиентах, учёта местных реалий. Кроме того, актуальной является задача обеспечения прозрачности использования средств и контроля над фондами в странах с повышенной коррупционной составляющей.

Японское содействие развитию Центральной Азии на протяжении почти 30 лет не теряет своего значения как основного инструмента обеспечения присутствия в регионе. В процессе исследования удалось подтвердить гипотезу о том, что в ОПР отражён комплексный характер внешней политики Японии, сочетающей стратегию, основанную на национальных интересах, стремлении проводить в жизнь либеральные ценности, а также придающей особое значение общей азиатской идентичности со странами региона.

На примере ОПР региону удалось проследить стратегию Японии в регионе, которая первоначально заключалась в том, чтобы использовать Центральную Азию для реализации доминирующей в начале 1990-х в японской внешней политике либеральной повестки дня, сделать её образцовым примером следования японской модели развития и демократизации. Во второй половине 1990-х стратегия приобрела более выраженный реализм, что привело к переориентации ОПР на более перспективные с точки зрения ресурсов и геополитического влияния страны. В настоящее время в ней можно проследить элементы геополитического соперничества Японии с Китаем, приобретающего глобальный характер.

²⁵ *Japan setting up anti-bribery mechanism for aid program*. 3.06.2014. Devex. [Электронный ресурс] URL: <https://www.devex.com/news/japan-setting-up-anti-bribery-mechanism-for-aid-program-83616> (accessed 20.06.2020)

²⁶ *Japan paid \$3 million in '99 Kyrgyz hostage crisis*. *The Japan Times*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2005/04/10/national/japan-paid-3-million-in-99-kyrgyz-hostage-crisis/#.XtYqYG5uLIU> (accessed 20.06.2020)

Анализ количественного и качественного изменения ОПР позволяет проследить её связь с национальными интересами Японии. В сфере экономики они заключаются в получении доступа к природным ресурсам, Центральная Азия представляет для Японии интерес как источник энергоресурсов, урана, редкоземельных металлов. Казахстан и Узбекистан являются лидерами по получению кредитов по линии ОПР. Японские компании представлены в нефтехимической и газохимической промышленности, в строительстве, автомобильной промышленности, перспективным является сотрудничество в сфере сельского хозяйства, налаживание туризма. Перспективы расширения процессов евразийской интеграции, включающих Центральную Азию, могут повысить интерес к региону как рынку сбыта японской продукции.

В сфере политики Япония стремится к укреплению позиций в регионе, являющемся сферой влияния России и Китая. Она заинтересована в поддержке своей кандидатуры в постоянные члены СБ ООН, а также по актуальным международным проблемам. Соперничество с Китаем нашло отражение в инфраструктурных инициативах Японии, большая часть которых финансируется через механизм содействия развитию. В то же время любые инициативы, способствующие интеграции в регионе, выгодны Японии, поскольку позволяют ей более эффективно взаимодействовать с регионом как с единым целым. На политику содействия Центральной Азии влияет и американский фактор, что нашло отражение как в отдельных инициативах (например, сближении с Узбекистаном в 2002 г.), так и в долгосрочных программах – помощи в создании «южного маршрута» из Центральной Азии через Афганистан и Пакистан к морю, а также вниманию к безопасности районов, прилегающих к Афганистану.

В то же время исследование ОПР только с точки зрения реализма не в полной мере объясняет мотивацию Японии, которая, несмотря на большие объёмы помощи, не входит в число приоритетных торговых и инвестиционных партнёров стран Центральной Азии. Не стремится она и бросать вызов России и Китаю в регионе (концепция Дуги свободы и процветания, которая многими была воспринята как направленная против обеих стран, довольно скоро ушла из внешнеполитического лексикона).

Япония придаёт значение содействию переходу к рыночной экономике и демократии. С самого начала помощи региону внимание Японии было обращено на страны, проявляющие интерес к её модели развития демократии с восточной спецификой, предлагающей мягкий вариант либерализации экономики (например, Киргизию, Узбекистан).

Содействие в сфере безопасности на протяжении многих лет является неотъемлемой частью ОПР региону. В 1990-е гг. оно в основном было связано с задачей ядерного разоружения, в 2000-е гг. в повестке дня появились вопросы содействия восстановлению Таджикистана, а после начала участия Японии в восстановлении Афганистана на первый план вышли задачи борьбы с терроризмом и распространением наркотиков. Борьбу с этими явлениями Япония

ведёт не только путём содействия структурам, отвечающим за безопасность, но и реализуя социальные проекты в сфере «безопасности человека». Сотрудничество в сфере безопасности также является одной из сфер взаимодействия как с международными институтами, так и с другими игроками (ЕС, ОБСЕ, Россией).

Анализ ОПР позволяет выделить её особое измерение, которое находит воплощение не только в распространении японской культуры, но и во внимании к общим страницам истории – пребыванию японских военнопленных на территории Центральной Азии и к буддийскому наследию региона. Обращение к буддийским корням позволяет подчеркнуть особые отношения между Японией и регионом, обосновать её причастность к Великому шёлковому пути, а также является важным направлением вклада Японии в международное культурное сотрудничество по линии ООН.

Можно сделать вывод о том, что ОПР помогла Японии добиться впечатляющих результатов с точки зрения создания репутации в регионе и в мире. В то же время нельзя сказать, что благожелательное отношение к Японии и её бизнесменам транслируется в масштабное продвижение японских компаний на местных рынках. В политическом плане Япония прочно удерживает позиции дружественного государства, способного вести диалог с демократическими и авторитарными режимами и не стремящегося участвовать в Большой игре, уделяющего внимание социально-экономическим нуждам региона и сохранению его культурного наследия.

Об авторе:

Ольга Алексеевна Добринская – кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России. Москва. Ул.Остоженка, д.53/2. Научный сотрудник Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12. E-mail: doa_78@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 15, 2020
Accepted: April 15, 2020

Official Development Assistance in Japan's Strategy in Central Asia

O.A. Dobrinskaya
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-86-111

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article analyzes the official development aid (ODA) as a tool for ensuring Japan's interests in Central Asia. The author puts forward an idea that ODA reflects the complex nature of Japan's foreign policy which is a combination of a strategies based on national interests, efforts at implementation of liberal values and seeking common Asian identity. The research starts from the brief overview of history of the ODA and then proceeds to the coverage of Japan's ODA towards Central Asia to demonstrate how the evolution of Japan's political priorities manifested itself in the country's assistance policy. The author uses quantitative and qualitative analysis of ODA to Central Asia as well as content analysis of the key documents on diplomacy and ODA. The research then focuses on the main directions of assistance and studies how they relate to Japan's foreign policy goals. Further attention is given to the role Japan plays in the region, by assessing her position among the main donors of Central Asia as well as the significance of its aid from the point of view of economic development of the region, ODA's security role and Japan's efforts at preserving the cultural heritage of the region. The author comes to the conclusion that realism-based objectives such as getting access to the natural resources of the region, securing its geopolitical stance in the heart of Eurasia and ensuring the support for Japan's bid to the UN Security Council seat by five Central Asian states dominate Japan's ODA policy. It is also influenced by external factors, such as US-Japan military alliance and Japan's geopolitical rivalry with China. At the same time, much of Japan's efforts are directed at liberal goals such as promoting democracy in the region with Japan being a role model for democratization, supporting modernization and market economy. Assisting economic development and helping settle security issues with an emphasis on human security projects demonstrate not only Japan's desire to boost its positive image in the region but also enhance its international reputation and its vision of Central Asia as a ground for cooperation with other countries. The author comes to the conclusion that cultural ODA is directed at objects related to shared history, mainly at preservation of the Buddhist heritage which Japan sees as a foundation for common identity and which underlies its connections to the Silk Road.

Key words: ODA, soft power, infrastructure, Japan, Central Asia, Shinzo Abe

About the author:

Olga Alekseyevna Dobrinskaya – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Moscow. 53/2 Ostozhenka street. Research fellow Of the Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka street. E-mail: doa_78@mail.ru

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Dadabaev T. 2016. *Japan in Central Asia: Strategies, Initiatives, and Neighboring Powers*. Palgrave MacMillan: London.
- Hook G., Gibson J., Hughes Ch., Dobson H. 2012. *Japan's International Relations*. Third edition. London and New York: Routledge.
- Hook S., Zhang G. 1998. Japan's Aid Policy Since the Cold War: Rhetoric and Reality. *Asian Survey*. 38(11). P. 1051-1066.
- Watanabe K. 1995. Japan and the New Central Asia. *The New Central Asia in Search of Stability. A Report to the Trilateral Commission*. 183 p.

Baranovskij V.G., Kvashnin Yu.D. Toganova N.V. 2018. *Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnej politiki: zarubezhny'j opyt* [International Development Assistance as Foreign Policy Tool: Foreign Experience]. Moscow: IMEMO. 247 p. (In Russian)

Dobrinskaya O.A. 2015. Osobennosti «myagkoj sily» Yaponii v stranax Central'noj Azii. Yaponiya [Characteristics of Japan's Soft Power in Central Asian countries]. *Yaponia Ezhegodnik*. P. 36-56. (In Russian)

Dobrinskaya O.A. 2018. O nekotoryh aspektah evolucii vneshney politiki Yaponii [On Some Aspects of Evolution of Japan's Foreign Policy]. *Japanese Studies in Russia*. 2. P. 23-37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009 (In Russian)

Kovrigin E.B. 2014. Yaponiya – ASEAN: e'voljuciya oficial'noj pomoshhi razvitiyu [Japan – ASEAN: Evolution of Official Development Aid]. *Prostranstvennaya e'konomika*. №2. P. 40-74. (In Russian)

Lebedeva I.P. 2013. Rol' Yaponii v e'konomicheskom razvitii stran Vostochnoj Azii. Yaponiya v Azii: parametry sotrudnichestva [Japan's Role in Economic Development of East Asian Countries]. Moscow. Japan in Asia: parameters of cooperation. P. 96-121. (In Russian)

Mileev D.A. 2008. Vneshnyaya politika Yaponii v Central'noj Azii. Pod red. U.Z. Sharipova, A. M. Xazanova, M.I. Krupyanko, D.A. Mileeva. *Strany' SNG v sisteme mezhdunarodny'x ot-noshenij* [CIS Countries in the International Relations System]. Moscow: In-t Vostokovedeniya RAN. (In Russian)

Pavlenko O.V. 2015. Konstruktivistskij podhod k issledovaniyu mezhdunarodnyh ot-noshenij: vozmozhnosti i predely [Constructivist Approach to the International Relations Study: Possibilities and Limits]. *Vestnik RGGU*. P. 54-67. (In Russian)

Sergeev V.M., Kazancev A.A., Bartenev V.I. 2013. Sodejstvie razvitiyu gosudarstv Central'noj Azii: strategicheskie gorizonty' rossijskogo uchastiya [Development Cooperation towards Central Asian Countries: Strategic Horizons of Russia's Participation]. *Rabochaya tetrad' RSMU*. Moscow. 90 p. (In Russian)

Voda K.R., Fedorovskij A.N. 2016. Pomoshh' razvitiyu vo vneshnej strategii Kitaya, Respubliki Koreya i Yaponii [Development Aid in Foreign Policy Strategy of China, Republic of Korea and Japan]. *ME'IMO*. №12. P. 82-91. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-12-82-91 (In Russian)

Литература на русском языке

Барановский В.Г., Квашнин Ю.Д., Тоганова Н.В. 2018. *Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт*. Москва: ИМЭМО. 247 стр.

Вода К.Р., Федоровский А.Н. 2016. Помощь развитию во внешней стратегии Китая, Республики Корея и Японии. *МЭИМО*. №12. С. 82-91. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-12-82-91

Добринская О.А. 2015. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии. *Япония. Ежегодник*. С. 36-56.

Добринская О.А. 2018. О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии. *Японские исследования*. №2. С. 23-37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009

Ковригин Е.Б. 2014. Япония – АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию. *Пространственная экономика*. №2. С. 40-74.

Лебедева И.П. 2013. Роль Японии в экономическом развитии стран Восточной Азии. *Япония в Азии: параметры сотрудничества*. Москва: Ин-т Востоковедения РАН. С. 96-121.

Милеев Д.А. 2008. Внешняя политика Японии в Центральной Азии. Под ред. У.З. Шарипова, А.М. Хазанова, М.И. Крупянко, Д.А. Милеева. *Страны СНГ в системе международных отношений*. Москва: Ин-т Востоковедения РАН.

Павленко О.В. 2015. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы. *Вестник РГГУ*. С. 53-67.

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Бартенев В.И. 2013. Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия. *Рабочая тетрадь РСМД*. Москва: РСМД. 90 с.

Китайское экономическое присутствие в Восточной Африке на примере Кении

К.А. Гемуева

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук

Проведение первого в истории саммита и Экономического форума Россия – Африка в октябре 2019 г. не просто демонстрирует заинтересованность обеих сторон в развитии сотрудничества, но и имеет все шансы стать переломным событием при переходе от намерений к реальным действиям. Благодаря выгодному географическому положению, динамичному экономическому развитию и своей роли транспортно-логистического и финансового центра в Восточной Африке Кения обоснованно служит иностранным компаниям «точкой входа» на африканский рынок. В настоящее время экономическое присутствие России в этой стране весьма скромное, в связи с чем для разработки эффективной стратегии продвижения на рынок Кении представляется целесообразным изучить практический опыт других крупных игроков, как для поиска «ключей к успеху», так и для выявления потенциальных рисков. Выбор китайского опыта в качестве предмета исследования оправдан стремительным возвышением Поднебесной до одного из ключевых партнёров Кении. Таким образом, цель настоящего исследования заключается в разработке рекомендаций российским государственным структурам и представителям бизнеса по продвижению на африканские рынки на основе опыта китайского экономического присутствия в Кении.

В статье детально проанализированы три ключевых направления китайской экономической деятельности в Кении: внешняя торговля, инфраструктурное строительство и кредитное финансирование, а также взаимосвязь между ними. Автор делает вывод, что развитию двустороннего сотрудничества способствует готовность Китая реализовывать проекты, отвечающие принятым в Кении стратегиям развития. Деятельность Китая направлена не только на поддержку экспорта китайских товаров и услуг, а также повышение своего геополитического веса в регионе, но и благоприятствует Кении в проведении индустриализации и создании современной инфраструктуры. На примере железной дороги Момбаса – Найроби, самого масштабного проекта с участием китайских компаний в Кении, рассмотрены типичные проблемы, с которыми могут столкнуться иностранные компании в этой стране, включая негативное информационное воздействие. По результатам исследования сделан вывод, что развитие двустороннего сотрудничества во многом зависит от готовности обеих сторон к постепенной смене приоритетных областей и к использованию новых инструментов и механизмов взаимодействия.

Ключевые слова: Кения, Китай, торгово-экономическое сотрудничество, внешний долг, инфраструктурные проекты, китайские ПИИ.

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 29.03.2020 г.

Принята к публикации: 02.05.2020 г.

В настоящее время присутствие российского бизнеса на кенийском рынке минимально; по большому счёту, экономическое взаимодействие между странами ограничено сферой торговли. Исключение составляет перспективный двусторонний проект по решению экологических проблем озера Виктория¹. Вместе с тем проведение в октябре 2019 г. масштабного саммита Россия – Африка демонстрирует желание России усилить свои позиции на континенте и может дать импульс к развитию двустороннего сотрудничества.

Кения относится к числу крупнейших экономик на африканском континенте; это важный региональный центр в сфере логистики, торговли и финансов. Благодаря своему выгодному географическому положению на побережье Индийского океана и динамике экономического развития Кения служит «опорной точкой» для продвижения экономических интересов внешних игроков в Восточной Африке. Изучение опыта китайских компаний в Кении может представлять интерес для потенциальных российских инвесторов с точки зрения понимания современных реалий Кении и выявления типичных проблем, с которыми сталкиваются иностранные компании, с целью снижения рисков при реализации проектов.

Цель настоящего исследования состоит в разработке рекомендаций российским государственным структурам и представителям бизнеса по продвижению на африканские рынки исходя из опыта китайского экономического присутствия в Кении. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи: 1) анализ ключевых направлений китайского экономического присутствия в Кении и выявление взаимосвязей между ними; 2) сопоставление интересов Китая с приоритетами Кении в области развития; 3) выявление типичных проблем, с которыми могут столкнуться иностранные компании в Кении, и причин их возникновения; 4) выявление и изучение тенденций развития двустороннего сотрудничества. Выдвигаемая гипотеза исследования: активное участие Китая благоприятствует решению задач в проведении индустриализации и создании современной инфраструктуры Кении.

В отечественной научной литературе тема китайского экономического присутствия в Кении рассматривалась только как часть более общего дискурса при анализе китайского присутствия в Африке (Дейч 2018) и ПИИ в промышленность Кении (Фогель 2018). Выделим две работы зарубежных исследователей, в которых представлен взвешенный и комплексный анализ данной тематики (Chege 2008; Onjala 2008). В обеих публикациях детально рассматриваются отдельные аспекты двустороннего сотрудничества во второй половине XX – начале XXI вв., в т.ч. инвестиционные и подрядные проекты китайских компаний 2000-х гг. В первой работе сделан акцент на изучении динамики, структуры и проблем двусторонней торговли, во второй работе – на анализе прямых инвестиций китайских компаний и официальной помощи в целях развития с переч-

¹ Интервью с Д.И. Максимычевым, послом РФ в Республике Кения, 03.02.2020, Найроби.

нем конкретных проектов по годам и выявлением их особенностей и тенденций. Оба автора обращают внимание на поляризацию мнений научного сообщества относительно китайского присутствия в Африке, поиск различными игроками баланса между выгодами и рисками в условиях растущей конкуренции на местном рынке со стороны китайских производителей и подрядчиков, а также рассматривают соотношение интересов Китая и Кении в отдельных аспектах двустороннего взаимодействия. Более поздние работы были посвящены исследованию отдельных аспектов двустороннего взаимодействия, например, анализу взаимодополняемости торговли товарами и услугами между Китаем и Кенией исходя из структуры торговли и комплексного показателя уровня конкурентоспособности отдельных отраслей (Tian 2018), вопросу растущей задолженности Кении перед Китаем (Onjala 2018; Brautigam 2019) и китайского инвестиционного присутствия в Кении (Ying 2019). В связи с ограниченностью актуальных и точных данных в открытом доступе представляют интерес основанные на полевых исследованиях работы в рамках *China Africa Research Initiative (CARI)*, в т.ч. изучение проблем трудовых отношений на примере китайских и американских предприятий в Кении (Zander 2017).

Помимо научной литературы, при написании статьи использованы данные первоисточников, находящихся в открытом доступе: 1) СМИ и сайты компаний, что позволило актуализировать сведения по исследуемой тематике, а также выявить новые тенденции и составить общую картину текущей ситуации из множества отдельных фрагментов; 2) статистические данные международной торговли товарами: динамика экспортных потоков из Китая в Кению по отдельным товарным позициям в период с 2000 по 2018 гг. изучена на основе статистической базы ООН по торговле товарами (*Comtrade*), что можно считать отличительной чертой данного исследования. Исходя из специфики крупных инфраструктурных проектов в сфере энергетики, транспорта и коммуникаций, реализуемых в Кении в указанный период, в том числе с участием китайских компаний, определялись ключевые товарные позиции оборудования и материалов, а также соответствующие им коды номенклатуры *HS code*. Ежегодные показатели по каждой выявленной товарной позиции консолидированы нами по ключевым категориям и отражены графически в общем объеме экспорта из Китая в Кению. 3) Национальная и международная статистическая отчетность экономической направленности: данные ежегодных экономических обзоров, публикуемых Национальным бюро статистики Кении, использованы для анализа структуры и динамики внешнего долга Кении за 2007-2018 ф.г.², а также для выявления причин резкого увеличения китайского финансирования в общем объеме двусторонних межгосударственных займов Кении за последние несколько лет. По данным ежегодных экономических обзоров Кении и отчетов Международного энергетического агентства проводился анализ особенностей

² В Кении финансовый год установлен с 1 июля по 30 июня.

развития электроэнергетики в Кении. Сравнение данных национальной статистики Кении и Китая, а именно Статистического бюллетеня по учёту прямых зарубежных инвестиций Китая, статистики платёжного баланса Кении и обзорного доклада по иностранным капиталовложениям в Кению, выявило значительное расхождение в оценках объёма китайских ПИИ в Кении. Поскольку официальная статистика публикуется с определённым временным интервалом и зачастую не включает некоторые малые проекты и изменения в инвестиционных планах, составление полной актуальной картины китайского инвестиционного присутствия в Кении не представляется возможным без учёта данных полевых исследований и детального анализа данных СМИ и сайтов компаний.

Полученные выводы, в том числе в части изучения китайского опыта Россией, подтверждены в ходе личных встреч с сотрудниками посольства России в Кении, посольства КНР в Кении, представителями научного сообщества Республики Кения в рамках научной поездки в Кению в феврале 2020 г.

Развитие торгово-экономических отношений между КНР и Республикой Кения

Дипломатические отношения между Китаем и Кенией были установлены 14 декабря 1963 г., через два дня после обретения Республикой Кения независимости от Великобритании. Однако вплоть до конца 1970-х гг. вследствие идеологических разногласий двустороннее взаимодействие носило крайне ограниченный характер. Во время пребывания на посту президента Дэниэла арап Мои (1978-2002) были предприняты шаги по налаживанию торгово-экономического сотрудничества с Китаем с целью обеспечения новых источников финансирования и расширения доступа на внешние рынки. Показательным примером развития сотрудничества стало совместное строительство Международного спортивного центра Мои, 52% финансирования которого обеспечил китайский беспроцентный кредит (Chege 2008: 22-23, 25).

С приходом к власти в декабре 2002 г. президента Мваи Кобаки торгово-экономическое сотрудничество с Китаем вышло на новый уровень. Новое правительство разработало пакет структурных реформ в сфере экономики и управления, направленных на улучшение делового климата в стране. В рамках Стратегии восстановления экономики на 2003-2007 гг. и последующей экономической концепции *Vision 2030* на 2008-2030 гг. большое значение придавалось строительству и модернизации транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры. Потребность Кении во внешних ресурсах для реализации поставленных целей, с одной стороны, приобретённые компетенции в указанных сферах, финансовая и дипломатическая поддержка китайского бизнеса в рамках государственной стратегии «выхода вовне», с другой стороны, создали благоприятные условия для наращивания китайского присутствия на кенийском рынке. В ходе официальных визитов глав двух государств в 2005 и

2006 гг. был заключён ряд соглашений в сфере инфраструктурного строительства, финансов, туризма, добычи полезных ископаемых и пр. (Nyaga et al. 2017: 254-256).

После победы на президентских выборах 2013 г. Ухуру Кениаты отношения Кении со странами Запада ухудшились. Был продолжен курс на расширение сотрудничества со странами Востока, прежде всего с Китаем. В мае 2017 г. главы двух государств решили повысить двусторонние связи до уровня всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнёрства.

Китай проявляет интерес к реализации проектов в рамках национальной программы четырёх приоритетов Кении – так называемой «Большой четвёрки» (*The Big 4 Agenda*), принятой в декабре 2017 г. Программа предполагает активизацию производственной деятельности, обеспечение всеобщего охвата услугами здравоохранения, повышение продовольственной безопасности, а также строительство доступного жилья. Между тем по мере углубления торгово-экономического сотрудничества Кении и Китая в отдельных его аспектах возникают серьёзные проблемы, обусловленные конфликтом интересов.

Двусторонняя торговля

Согласно базе статистических данных ООН по торговле товарами (*Comtrade*), объём внешней торговли Кении в 2018 г. составил 23,4 млрд долл. Доля экспорта в товарообороте с наивысшего показателя 42% в 2003 г. сократилась до 26% в 2018 г. (см. рис. 1).

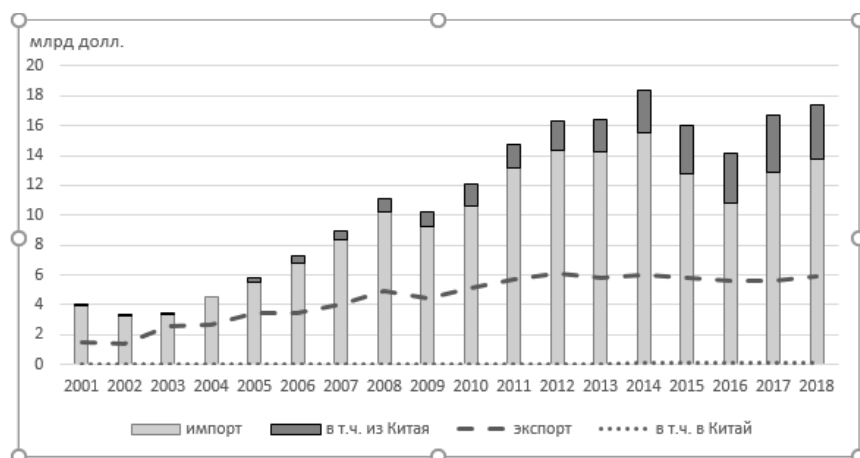


Рис. 1. Внешняя торговля Кении в 2001-2018 гг.

Figure 1. Kenya's foreign trade in 2001-2018

Источник: *trademap.org*

В структуре экспорта традиционно преобладает продукция растениеводства (48%), в которой ключевые товарные позиции занимают чай, срезанные

цветы, кофе, авокадо и макадамия. В структуре импорта лидируют нефть и нефтепродукты (18%), машины, оборудование и механизмы (17%), продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (11%). 67% импорта поступает из стран Азии. В пятёрку крупнейших экспортёров входят Китай, Индия, Саудовская Аравия, ОАЭ и Япония. Экспорт Кении ориентирован на Африку (35%), крупнейшие страны-импортёры – Уганда, Пакистан, США, Нидерланды и Великобритания.

Объём кенийского импорта из КНР в 2018 г. составил 3,66 млрд долл. Номенклатура китайских поставок обширна; ключевые товарные позиции – машины, оборудование и механизмы (32%), металлы и изделия из них (16%) и транспортные средства (12%). Нарастание импорта из Китая во многом связано с закупками материалов, оборудования и техники для реализации масштабных инфраструктурных проектов. Льготное финансирование этих проектов предоставляется при условии участия китайских компаний в качестве подрядчиков, которые, в свою очередь, отдают приоритет китайским поставщикам. Учитывая ключевые товарные позиции техники, машин и оборудования, используемых при реализации данных проектов, можно отметить рост импорта, связанного с реализацией инфраструктурных проектов: в 2014-2018 гг. его доля составляла порядка 40% (см. рис. 2). Обратная сторона растущего импорта из Китая, особенно потребительских товаров, – это давление на местных производителей в результате ценовой конкуренции, например, в сфере производства шин³. Отдельный случай, получивший широкое освещение в кенийских СМИ в 2018-2019 гг., связан с негативной реакцией населения на увеличение импорта рыбы из Китая⁴.

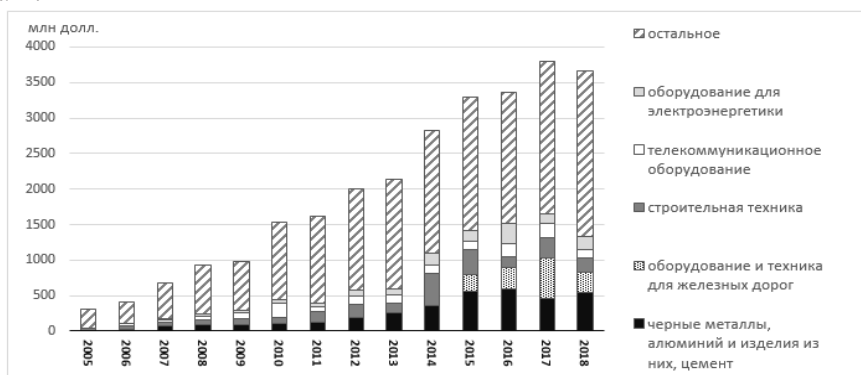


Рис. 2. Экспорт Китая в Кению в 2005-2018 гг.

Figure 2. China's exports to Kenya in 2005-2018

Источник: compiled by the author based on data from trademap.org

³ Otuki N. 2016. Kenya's full plate of Chinese imports. *Daily Nations*. 27.09.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nation.co.ke/lifestyle/smartcompany/Kenya-full-plate-of-Chinese-imports/1226-3396052-848300/index.html> (accessed 25.05.2020).

⁴ Dijkstra A. 2019. Chinese imports 'driving fishermen to despair'. *BBC News*. 21.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/business-47611076> (accessed 25.05.2020).

Объём кенийского экспорта в КНР в 2018 г. составил 110 млн долл. Скачок торговли в 2011-2013 гг. вызван резким ростом поставок медных сплавов и металлолома, которые в 2012 г. достигли рекордного уровня в 42% общего экспорта (см. рис. 3). Это объясняется хищением медной проводки, железных и стальных конструкций с их перепродажей в Китай в виде сплавов и металлолома (Chege 2008: 29). Однако, как наглядно демонстрирует график, к 2015 г. властям Кении фактически удалось свести данный незаконный оборот к нулю. Скачок торговли в 2014-2018 гг. связан с началом экспортных поставок в Китай с проекта Квале по разработке титано-циркониевых руд. В последние два года растёт экспорт продукции АПК. В августе 2019 г. дочерняя компания *ChemChina Petrochemical* приобрела на международном аукционе первую партию нефти, добытой на месторождении в долине Локичар.

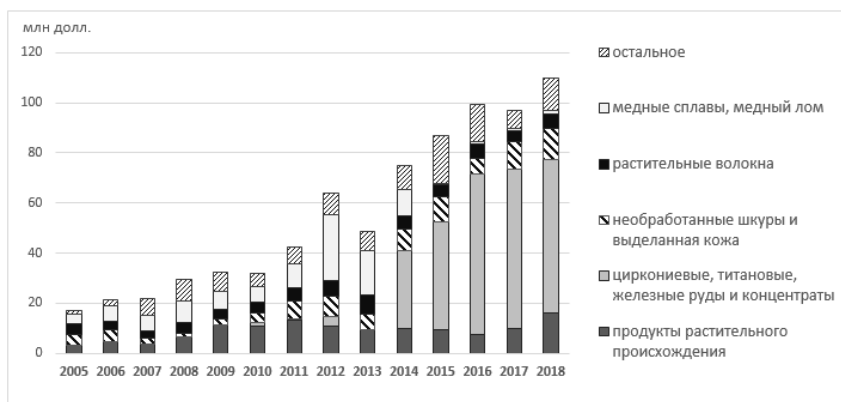


Рис. 3. Экспорт Кении в Китай в 2005-2018 гг.

Figure 3. Kenya's exports to China in 2005-2018

Источник: compiled by the author based on data from trademap.org

Резкий рост отрицательного сальдо в торговле с Китаем начался с 1994 г., что объясняется снижением стоимости импорта после введения плавающего курса кенийского шиллинга и постепенным вытеснением продукции отдельных внешних и местных поставщиков более конкурентоспособными китайскими товарами (Chege 2008: 25). После 2007 г. доля экспорта Кении в общем объёме торговли с Китаем не превышала 4%. В отличие от таких африканских стран, как ДР Конго и Ангола, имеющих профицит в торговле с Китаем, Кения только недавно стала экспортировать в Китай природные ресурсы, причём объём этих поставок относительно невелик и пока не существенно повлиял на общую картину. Отрицательное сальдо в торговле с Китаем вызывает у Кении серьёзную обеспокоенность (Tian 2018: 70). В обнародованной летом 2018 г. Комплексной национальной стратегии развития и продвижения экспорта приоритетным направлением названа экспансия на рынки Индии и КНР. Благодаря усилиям обеих сторон уже удалось достичь некоторых результатов. Так, в ноябре 2018 г.

Китай и Кения подписали протокол по санитарным и фитосанитарным требованиям к экспорту стевии; в апреле 2019 г. согласованы требования к экспорту замороженных авокадо. Кения планирует расширить товарную номенклатуру экспорта в Китай сельскохозяйственных продуктов. Достигнутые и планируемые договорённости открывают благоприятные перспективы для местных производителей. Однако, учитывая то обстоятельство, что в структуре взаимной торговли в импорте Кении высока доля высокотехнологичной продукции, а основу экспорта составляет продукция с низкой добавленной стоимостью, для выравнивания торгового баланса принятых мер явно недостаточно.

В странах Африки, в том числе в Кении, действуют китайские центры содействия инвестициям и развитию торговли, в функции которых входит обеспечение платежей, таможенных сборов, страхование, консультации предпринимателей⁵. Другой «актив», которым китайская компания может воспользоваться при выходе на зарубежный рынок – это традиционно тесные связи, своеобразная «партнёрская сеть» между представителями китайской общины в конкретных странах (Ying 2019: 17).

Подрядные работы в сфере транспорта

Транспортная сфера занимает доминирующее положение как по числу реализованных в Кении китайских проектов, так и по объёму кредитного финансирования из Китая. В качестве примера двустороннего взаимодействия рассмотрим строительство железной дороги Момбаса – Найроби, которая считается самым дорогостоящим инфраструктурным проектом в Кении за период независимости. Построенную железную дорогу называют *Standard Gauge Railway (SGR)* по причине использования стандартной ширины колеи (1435 мм), распространённой в Европе и Китае. Данному проекту, направленному на развитие межрегионального железнодорожного сообщения и предоставляющему внутриконтинентальным странам Восточной Африки выход к Индийскому океану через порт Момбаса, придаётся важное значение в рамках китайской инициативы «Пояса и пути».

Строительство железной дороги реализуется поэтапно. Пассажирское сообщение на первом участке Момбаса – Найроби открылось в мае 2017 г., а грузовое – в январе 2018 г. Ввод в эксплуатацию второго участка Найроби – Найваша состоялся в конце 2019 г. Строительство обоих участков общей стоимостью соответственно 3,8 млрд долл. и 1,5 млрд долл. финансировал *China Eximbank*. Подрядчиками проектов выступали компания *China Communications Construction Company (CCCC)* и её дочернее предприятие *China Road and Bridge Corporation (CRBC)*. Поставки связанных с реализацией проекта материалов и техники (рель-

⁵ *Стратегическое соперничество ведущих экономик мира за африканские ресурсы (2006-2008)* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inafran.ru/node/48> (accessed 25.05.2020).

сы, вагоны, дизельные локомотивы, строительная техника и пр.) составили весомую долю импорта из Китая в 2015-2018 гг. (см. рис. 2). Кенийские поставщики и подрядчики занимались поставками цемента, шпал, гальки и песка, а также отдельными работами и услугами. Примечателен пример с местными производителями цемента, организованное давление которых на президента привело к отмене существовавшего соглашения об импорте цемента из Китая. Впоследствии весь цемент для проекта закупался на местном рынке (Wissenbach 2017: 16). В мае 2017 г. с компанией *CRBC* было заключено соглашение по эксплуатации и техническому обслуживанию железной дороги Момбаса – Найроби сроком на 10 лет, которое предусматривает подготовку местных специалистов и постепенное замещение ими китайских кадров к истечению срока действия контракта. Стоит отметить усилия компании *CRBC*, направленные на развитие местных общин, в том числе строительство местных дорог и мостов, реконструкцию учебных и медицинских учреждений, создание учебного центра.

Строительство двух оставшихся участков на территории Кении, Найваша – Кисуму и Кисуму – Малаба, и возведение связанных железных дорог со стандартной колеей в соседних странах находится в подвешенном состоянии из-за множества взаимозависимых факторов. Во-первых, в последние годы растёт политическая напряжённость между Угандой и Руандой – ключевыми партнёрами Кении по интеграционному проекту Северного коридора. Во-вторых, Кения и Уганда не смогли согласовать с Китаем условия финансирования проектов на 2018-2019 гг. В-третьих, в Танзании запущен альтернативный проект железнодорожного сообщения в рамках Центрального коридора, который свяжет Руанду, Бурунди и ДР Конго с портом Дар-эс-Салам. Разница в стоимости строительства, транспортных расходах, сроках реализации проектов, а также прочие факторы могут повлиять на решение внутриконтинентальных стран в пользу того или иного проекта и в конечном счёте отразиться на объёме грузооборота двух железнодорожных линий и их рентабельности. В-четвёртых, учитывая высокую стоимость строительства новых железнодорожных линий и ограниченные финансовые возможности, в порядке дополнения или альтернативы страны рассматривают вариант реконструкции старых узкоколейных железных дорог. Согласно опубликованному в августе 2013 г. отчёту Отдела транспорта Африки Всемирного Банка, в котором представлен сравнительный анализ экономической эффективности четырёх вариантов, включая реконструкцию узкоколейной железной дороги и строительство новой со стандартной шириной колеи, в первом случае можно достичь рентабельности при объёме грузовых перевозок в 5,5 млн т в год, а во втором потребуется перевозить ежегодно 55,2 млн т. Грузооборот железнодорожного транспорта Восточноафриканского сообщества к 2030 г. по прогнозам составит 14,4 млн т в год⁶. Все перечислен-

⁶ The Economics of Rail Gauge in the East Africa Community. World Bank-Africa Transportation Unit. 08.08.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://africog.org/wp-content/uploads/2017/06/World-bank-Report-on-the-Standard-Gauge-Railway.pdf> (accessed 25.05.2020).

ные факторы могут повлиять на коммерческую жизнеспособность кенийского проекта.

Строительство железнодорожной инфраструктуры способствует социально-экономическому развитию, но имеет долгие сроки окупаемости, а также требует постоянных затрат на эксплуатацию и техническое обслуживание. Разумно ожидать, что на начальном этапе эксплуатации железная дорога будет работать с низкой рентабельностью или в убыток до тех пор, пока не будут достроены участки, обеспечивающие необходимый грузопоток. Тем не менее в местных и региональных СМИ акцентируется проблема убыточности железной дороги в течение первых двух лет эксплуатации. Учитывая неясные перспективы строительства остальных участков и задержку с возведением особой экономической зоны в г. Найваша, которая могла бы поспособствовать увеличению грузооборота, построенную железную дорогу ряд новостных изданий окрестил «дорогой в никуда». Другим поводом для критики стало введение правительством Кении на всю импортируемую готовую продукцию нового налога, поступающего в Фонд развития железных дорог для компенсации затрат по выкупу земли под полосу отчуждения железной дороги и частично на погашение китайских кредитов. Принятая в сентябре 2019 г. директива, обязывающая перевозить по железной дороге все грузовые контейнеры, привела к массовым протестам в Момбасе автомобильных перевозчиков и таможенных агентов.

Пример железной дороги Момбаса – Найроби позволяет выявить типичные проблемы, возникающие в Кении при реализации проектов китайскими и другими зарубежными компаниями. Прежде всего, выплата частным владельцам компенсаций за земельные участки оборачивается существенными финансовыми затратами и занимает длительное время. Эти вопросы, а также проблемы при распределении рабочих мест, заключении контрактов на поставку сырья и материалов нередко приводят к обострению напряжённости между этническими и социально-экономическими группами, использованию отдельных конфликтов в политической борьбе, а также усилению враждебности местного населения к проекту (Wissenbach 2017: 4, 15). Немалую сложность для иностранных компаний представляют различия в интересах и подходах к проекту у органов власти на национальном и местном уровнях (Wissenbach 2017: 11). Наконец, это элементы неопатримониализма в политической культуре Кении (Wissenbach 2017: 25) и сохраняющаяся коррупция. Последняя по опросу китайских компаний в 2014 г. признана самым серьёзным препятствием для ведения бизнеса в стране⁷.

Опыт китайских компаний показывает, насколько важно выстраивать взаимодействие с кенийскими работниками. Конфликты могут возникать по причине столкновения интересов различных этнических групп, неприятия китайского стиля руководства, языковых и культурных различий, политизации вопросов,

⁷ Chinese companies' perception survey of doing business in Kenya 2014. *Sino-African Centre of Excellence* 06.01.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fahamu.org/resources/SACEFoundation_BPKenya2014_FullReport.pdf (accessed 25.05.2020).

различия в занимаемых позициях и уровне оплаты труда у кенийских и китайских работников, в том числе из-за разницы в эффективности труда и уровне квалификации (Pan 2018: 87-88). Отдельный пункт касается соблюдения норм местного трудового законодательства (Masta, 2009: 409): китайские компании зачастую критикуют за «неофициальные практики», включая использование рабочей силы без официального трудоустройства. Необходимо подчеркнуть, что многие из перечисленных проблем характерны скорее для конкретных предприятий и определённых отраслей или же для любых, не только китайских, иностранных компаний (Zander 2017: 3). Стоит учитывать, что расходы на привлечение специалистов из-за рубежа очень высоки, что, в числе прочего, связано с затратами на оформление разрешения на трудоустройство (Ying 2019: 22).

Дополнительными поводами для критики китайских проектов зачастую служат выбор подрядчиков без проведения публичного тендера, ограниченность открытой информации о финансовой стороне реализуемого проекта и повышение его стоимости проекта в ходе реализации.

Наряду со строительством железной дороги, китайские компании принимают активное участие в развитии портовой инфраструктуры. Так, в 2011-2013 гг. компания CRBC реализовала проект правительства Кении по строительству причала в порту Момбаса стоимостью 67 млн долл. В апреле 2013 г. консорциум во главе с компанией CCCC выиграл тендер на строительство первых трёх причалов в порту Ламу стоимостью 484 млн долл. Возведение этого нового глубоководного порта – часть совместного проекта Кении, Эфиопии и Южного Судана по созданию транспортного коридора (*LAPSSET*). Финансирование первых трёх причалов осуществляется правительством Кении, а следующих 29 причалов, как ожидается, будет происходить на частные инвестиции. Строительство первого причала было завершено осенью 2019 г., второго и третьего причалов намечено на 2020 г. Поскольку наземная инфраструктура для перевозки грузов пока отсутствует, для начала портовые мощности будут ориентированы на перевалку грузов.

Начиная с 2006 г. китайские подрядчики реализовали проекты по расширению инфраструктуры Международного аэропорта им. Джомо Кениаты и Международного аэропорта Кисуму. Продолжается многолетнее судебное разбирательство между Управлением аэропортов Кении и компанией *China Aero-Technology International Engineering Corporation* в связи с расторжением договора на строительство нового терминала в Международном аэропорту им. Джомо Кениаты.

Наибольшее число инфраструктурных проектов китайских компаний в Кении реализуется в сфере строительства автомобильных дорог. Такие конкурентные преимущества, как возможность привлечения финансирования из Китая, многолетний опыт деятельности в стране, реализация проектов в сжатые сроки, хорошее соотношение цена-качество позволили китайским подрядчикам потеснить европейские и кенийские компании. Так, в 2010-2015 гг. семь из одиннадцати крупных контрактов на строительство дорог были заключены с китайскими

компаниями⁸. В числе примеров можно привести строительство в 2009-2012 гг. автомагистрали между г. Найроби и г. Тика общей стоимостью 360 млн долл. Китайские компании *China Wu Yi, Sinohydro* и *Shengli Engineering Construction Group* отвечали за строительство трёх отдельных участков трассы. Вытесненные китайцами кенийские строительные компании обвинили своих конкурентов в занижении стоимости работ, одновременно критикуя своё правительство за недостаточность мер по подготовке собственных инженерных кадров и созданию на иностранных предприятиях условий по передаче практического опыта местным работникам. Распространились слухи об использовании китайскими компаниями труда китайских заключённых в качестве дешёвой рабочей силы. Эти слухи ярко демонстрируют культурные различия и разницу в восприятии одних и тех же фактов: изолированность китайских работников, тяжёлые условия труда и проведение досуга исключительно в границах временных общежитий с китайской позиции рассматривается как самоотверженность и трудолюбие, тогда как кенийцы посчитали, что только заключённые могут работать в таких условиях. Эти слухи усиливали критику непрозрачных договорённостей между кенийским правительством и китайскими компаниями, неспособности первого настоять на справедливых условиях сотрудничества (Plummer 2019: 682, 685, 693).

Подрядные работы в сфере электроэнергетики

За минувшее десятилетие Кении удалось добиться впечатляющих успехов в повышении уровня электрификации страны. С 2013 г. по 2018 г. доля населения, имеющего доступ к электроэнергии, выросла с 25% до 75%⁹. Правительство Кении поставило цель обеспечить всеобщий доступ к электроэнергии к 2022 г. Размер установленных электрогенерирующих мощностей Кении вырос с 1268 МВт в 2008 г. до 2712 МВт в 2018 г.¹⁰. Доля ВИЭ в производстве электроэнергии составила 88,5% в 2019 г., на геотермальных станциях (ГеоЭС) и ГЭС было произведено 46% и 28% соответственно¹¹. При этом не решены проблемы высоких потерь при передаче и распределении электроэнергии, перебоев в электроснабжении и высоких тарифов на электроэнергию, что, в свою очередь, снижает конкурентоспособность предприятий.

Природные условия позволяют Кении активно использовать геотермальную энергию, более стабильный тип ВИЭ по сравнению с подверженными влиянию засух ГЭС. Контракты на ключевые работы при строительстве ГеоЭС заключаются преимущественно с японскими компаниями, китайские подряд-

⁸ Omondi D. Why Chinese firms are elbowing out foreign rivals in road construction? 22.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standardmedia.co.ke/business/article/2000183220/why-chinese-firms-are-elbowing-out-foreign-rivals-in-road-construction> (accessed 25.05.2020).

⁹ Access to electricity. IEA report. 11.2019. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections/access-to-electricity> (accessed 25.05.2020).

¹⁰ Economic Survey 2010, 2019. *Kenya National Bureau of Statistics*.

¹¹ Leading Economic Indicator December 2019. *Kenya National Bureau of Statistics*.

чики занимаются реализацией отдельных этапов проектов. Так, компания *Great Wall Drilling Co.* с 2005 г. занималась бурением геотермальных скважин в Кении, заняв лидирующие позиции в этой сфере. Компания *Sinopec International Petroleum Service Corporation* выиграла контракты на установку циркуляционной системы в проектах *Olkaria I, Olkaria IV и Olkaria V*. Совместное предприятие двух китайских компаний *Sieyuan Electrical и North East China International Electric Power Corporation* было привлечено для строительства подстанций и ЛЭП в проекте *Olkaria V*. Другой пример – участие китайской компании *Kaishan Renewable Energy Development*, дочерней компании *Zhejiang Kaishan Compressor*, в строительстве геотермальной станции *Menengai III* (34 МВт). В апреле 2019 г. компания заключила EPC-контракт (*Engineering, Procurement and Construction*) с независимым производителем энергии *Sosian Energy* стоимостью 65 млн долл. по возведению электростанции и контракт стоимостью 18 млн долл. по управлению и обслуживанию электростанции в течение 14 лет.

Китайские компании занимаются также строительством других видов электрогенерирующих мощностей. Например, компания *Sinohydro* выиграла контракт на строительство ГЭС *Songo'oro* мощностью 21 МВт на сумму 65 млн долл., проект был реализован в 2008-2012 гг. Компания *China Jiangxi International* стала EPC-подрядчиком в проекте по возведению СЭС *Garissa* (55 МВт), крупнейшей солнечной электростанции в Восточной Африке. Проект был реализован с привлечением финансирования *China Exim Bank* в размере 136 млн долл., поставку солнечных модулей осуществляла китайская компания *Jinko Solar*. Станция введена в эксплуатацию в декабре 2019 г.

Китайскими подрядчиками реализованы проекты в сфере передачи и распределения энергии, в их числе ЛЭП Лойангалани – Сусва к ВЭС *Turkana*, ЛЭП Момбаса – Найроби, ЛЭП Рабай – Малинди – Гарсен – Ламу, подстанция *City Center* в Найроби и пр. В ноябре 2019 г. компания *China Aerospace Construction Group* приступила к строительству ЛЭП Конза – Исинья. В январе 2020 г. компания *Shenzhen Star Instruments Company* выиграла тендер на сумму 7,4 млн долл. на поставку однофазных счётчиков с предоплатой для компании *Kenya Power*.

Многие проекты с китайским участием в сфере электроэнергетики пока остались на бумаге. Среди них наиболее острую реакцию у населения вызвал проект строительства угольной ТЭС в г. Ламу. В последние годы проект находится в подвешенном состоянии в связи с дискуссиями относительно целесообразности развития традиционной генерации и степени воздействия на окружающую среду.

Проекты в сфере телекоммуникационной инфраструктуры

Китайские телекоммуникационные компании вышли на рынок Кении в конце 1990-х гг. После заключения первого контракта в 2002 г. и налаживания тесного сотрудничества с оператором сотовой связи *Safaricom* компания *Huawei* закрепилась в качестве основного подрядчика в сфере развития телекоммуни-

кационной инфраструктуры Кении¹². Например, в 2010 г. компании подписали трёхлетний контракт на поставку ключевого оборудования и развертывания сети 4G стоимостью 143 млн долл. *Huawei* – один из ключевых подрядчиков в проекте строительства с привлечением китайского финансирования волоконно-оптической сети Кении. В рамках проекта «Безопасный город» компания предоставила комплексные решения по повышению общественной безопасности в Найроби и Момбасе. В 2017 г. *Huawei* ввела в коммерческую эксплуатацию коммуникационную сеть по обслуживанию железной дороги Момбаса – Найроби. В апреле 2019 г. Китай выразил готовность предоставить финансирование в размере 173 млн долл. на реализацию *Huawei* проекта «Умный город» и возведение дата-центра в новом технологическом городе Конза. Компания *ZTE* тоже принимала участие, хотя и более скромное, в проектах строительства телекоммуникационной инфраструктуры Кении.

Китайские компании присутствуют и на рынке телевидения Кении. В 2011 г. *Pan Africa Network Group*, дочерняя компания *Star Times*, по результатам тендера получила одну из двух лицензий на распределение трансляционных сигналов в цифровом формате. Компания приняла участие в развёртывании национальной инфраструктуры цифрового вещания в процессе перехода Кении с аналогового вещания на цифровое. С 2012 г. *Star Times* стала предоставлять услуги платного цифрового телевидения в Кении.

Проекты в сфере недвижимости

Строительство доступного жилья представляет один из приоритетов «Большой четвёрки». К 2022 г. правительство Кении намерено обеспечить 500 тыс. единиц доступного жилья. Уже начата реализация ряда проектов, в т.ч. с привлечением китайских подрядчиков. В марте 2019 г. компания *Erdemann Property Limited* объявила о запуске в районе Нгара (Найроби) проекта *River Bank Apartments*, предусматривающего строительство 3000 единиц жилья в течение 18 месяцев¹³. В том же районе Нгара в январе 2020 г. компания *China State Construction and Engineering Corporation* передала правительству первую партию квартир в количестве 288 единиц в рамках проекта на 1370 единиц жилья, завершение которого планируется к концу 2020 г.¹⁴. Тогда же, в январе 2020 г., китайский подрядчик *China Wu Yi* приступил к реализации проекта по

¹² *Huawei Kenya sustainability report 2018* [Электронный ресурс]. URL: https://www.huawei.com/minisite/explore-kenya/pdf/huawei_kenya_csd_report_v2.pdf (accessed 25.05.2020).

¹³ Wanjohi J. 2019. Inside Sh7 Billion Low-Cost Houses in Nairobi's Ngara Estate. *Mwakilishi.com*. 03.15.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mwakilishi.com/article/real-estate-news/2019-03-15/inside-sh7-billion-low-cost-houses-in-nairobis-ngara-estate> (accessed 25.05.2020).

¹⁴ Kariuki J. 2020. State opens bids for redeveloped civil servants' Parkroad houses. *Business Daily*. 05.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businessdailyafrica.com/news/civil-servants-Parkroad-houses/539546-5444022-hnfruu/index.html> (accessed 25.05.2020).

строительству 1343 единиц доступного жилья в районе Пангани (Найроби)¹⁵. В мае 2019 г. Международная финансовая корпорация и китайская *CITIC Construction* запустили инвестиционную платформу стоимостью 300 млн долл., направленную на развитие доступного жилья в нескольких африканских странах.

Китайские компании занимались строительством жилой и коммерческой недвижимости в Кении и до принятия Программы доступного жилья в конце 2017 г. Например, компания *China Wu Yi* к 2015 г. построила 21-этажное здание для Коммерческого банка Кении, а к концу 2016 г. – 22-этажное здание для Университета Найроби. Компания *Erdemann Property* построила в Кении около 4000 единиц жилья¹⁶, в числе крупных её проектов – *Great Wall Apartments*, *Seefar Apartments*, *Great Wall Gardens* и др.

При реализации крупных строительных проектов в Кении многие китайские компании сталкивались с обвинениями в коррупции, вступали в споры относительно прав собственности на земельные участки. В конечном счёте такие обстоятельства зачастую приводили к критике СМИ и даже к прекращению проекта. Например, остаётся неясной перспектива проекта по строительству самого высокого здания в Африке – *Pinnacle Towers*, подрядчиком которого выступает *China State Construction and Engineering Corporation*. В феврале 2019 г. Верховный суд Найроби выдал ордер на арест двух девелоперов проекта в связи со спором о признании права собственности на земельный участок. Осенью 2019 г. разгорелся скандал вокруг строительства торгового центра в Кисуму. Подрядчик проекта *Erdemann Properties Ltd.* и ряд чиновников обвиняются в завышении стоимости строительства более чем в полтора раза. Широкую огласку получили судебные разбирательства, связанные с проектами *Great Wall Gardens* и *Seefar Apartments* этого подрядчика.

Кредитное сотрудничество

В последние годы предметом горячих дискуссий в африканских и западных СМИ стала тема растущей задолженности Кении перед Китаем. К июню 2019 г. её размер достиг 6,46 млрд долл.¹⁷. Доля китайской стороны в общем объёме финансирования двусторонних межгосударственных займов Кении выросла с 15% в 2012 ф.г. до 69% в 2018 ф.г. (см. рис. 4). С 2015 ф.г. Китай стал крупнейшей страной-кредитором Кении, обогнав Японию. В число ключевых кредиторов также входят Франция, Германия, страны Северной Европы и США.

¹⁵ Muiruri P. 2020. Construction of 1,434 affordable houses begins as contractor moves to site. *Standard*. 16.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standardmedia.co.ke/business/article/2001356706/pangani-affordable-housing-project-now-gets-underway> (accessed 25.05.2020).

¹⁶ *Erdemann Property Website*. [Электронный ресурс]. URL: <http://erdemann.co.ke/> (accessed 25.05.2020).

¹⁷ Munda C. 2019. China takes up 87pc of Kenya interest payment. *Business Daily Africa*. 25.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.businessdailyafrica.com/economy/China-takes-up-87pc-of-Kenya-interest-payment/3946234-5287558-shxwg8/index.html> (accessed 25.05.2020).

Двусторонние межгосударственные займы составили около трети суммарного внешнего долга Кении в 2018 ф.г., доля в нём китайского финансирования – 22%. За последнее десятилетие при увеличении физических объёмов кредитования доля займов международных институтов в общем объёме внешнего долга Кении сократилась с 64% в 2009 ф.г. до 32% в 2018 ф.г. Этот тренд стал более явным после прихода к власти У. Кениаты, когда возрос интерес к альтернативным источникам финансирования (Prizzon 2016: 21). Кения не только активно привлекла кредиты из КНР, но также разместила три выпуска суверенных еврооблигаций в 2014, 2018 и 2019 гг. на общую сумму 6,1 млрд долл. Кроме того, были увеличены заимствования у коммерческих банков: к 2018 ф.г. их объём превысил 4 млрд долл. Общий долг на внутреннем и внешнем рынках к концу 2019 г. составил порядка 60% ВВП¹⁸. К причинам диверсификации пула внешних заёмщиков можно отнести ужесточение условий по привлечению льготного финансирования от западных доноров в результате получения Кенией статуса страны с доходами ниже среднего в 2014 г.

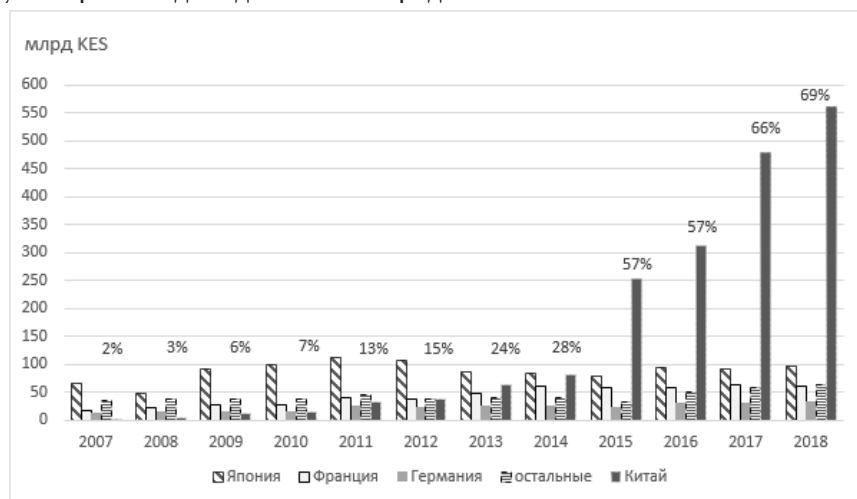


Рис. 4. Двусторонние межгосударственные займы Кении в 2006/2007-2017/2018 ф. гг.

Figure 4. Kenya's bilateral interstate loans in 2006/2007-2017/2018 financial years

Источник: Kenya National Bureau of Statistics, Economic Survey 2012-2019.

Один из способов решения проблемы дефицита финансирования при реализации инфраструктурных проектов правительство Кении усматривает в продвижении формата государственно-частного партнёрства (ГЧП). Наиболее активное участие частного сектора наблюдается в сфере энергетики: к осени 2019 г. на долю независимых производителей энергии приходилось около 40%

¹⁸ Kenya's public debt hits 60.4 bln USD. *Xinhua*. 27.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-01/27/c_138737678.htm (accessed 25.05.2020).

установленных электрогенерирующих мощностей страны¹⁹. К проектам ГЧП с китайским участием относится планируемая платная скоростная дорога, которая соединит Международный аэропорт им. Джомо Кениаты с автомагистралью Найроби – Накуру. Строительство началось в октябре 2019 г., завершение работ ожидается к декабрю 2021 г. Подрядная компания *China Road and Bridge Corporation* будет оператором платной дороги до 2049 г., после чего право собственности перейдёт к государству.

Согласно данным *CARI*, с 2000 по 2017 гг. Китай предоставил Кении кредитные линии в размере 9,8 млрд долл. По этому показателю Кения заняла третье место среди стран Африки, после Анголы и Эфиопии. В секторальном разрезе лидируют транспорт и энергетика, на них было направлено 81,1% и 8,7% китайского финансирования соответственно. Крупнейшие проекты с китайским финансированием – железная дорога Момбаса – Найроби и её продолжение до Найваши. Помимо этого, китайские кредиты привлекались к проектам дорожного строительства, включая объездную дорогу вокруг Найроби и автомагистраль Найроби – Тика, а также к бурению скважин для геотермальной станции *Olkaria IV* (Onjala 2018: 716-718), возведению СЭС *Garissa* и подстанции в Найроби, строительству ЛЭП, национальной волоконно-оптической сети и пр.

Некоторые СМИ рассматривают финансовую зависимость Кении от Китая в рамках широкого дискурса относительно китайской «дипломатии долговых ловушек», которая вызывает растущую озабоченность не только в Африке, но и, например, на постсоветском пространстве. Своеобразной точкой отсчёта стала публикация новостного портала *Africa Stand*, процитировавшего высказывание Генерального аудитора Эдварда Оуко, что в случае дефолта по кредиту, выделенного на строительство железной дороги Момбаса – Найроби, активы Управления портов Кении, включая порт Момбаса, могут перейти под контроль Китая. Впоследствии президент Кения категорически опроверг заявление, будто Кения рискует потерять порт²⁰. Тем не менее, публичное заявление Оуко, а также неразглашение условий кредитного договора повлекли за собой жёсткую критику деятельности китайских инвесторов.

Китай оценивает ситуацию иначе. Согласно опросу китайских граждан, проведённому Хуаном Чжэнли из Шеффилдского университета, в качестве обеспечения кредита в соглашении указано не право собственности на порт, а его операционный доход. «Китайская сторона ни при каких обстоятельствах не рассчитывает на передачу прав собственности на порт в качестве оплаты кредита не только потому, что это политически и практически невозможно, но и потому,

¹⁹ Richter A. 2019. Kenya's energy sector landscape – overview from interview with Joan Chahenza, KenGen. *Think Geoenergy*. 03.08.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thinkgeoenergy.com/kenyas-energy-sector-landscape-overview-from-interview-with-joan-chahenza-kengen/> (accessed 25.05.2020).

²⁰ Huang K. 2018. Will China seize prized port if Kenya can't pay back its belt and road loans? *South China Morning Post*. 30.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2180026/will-china-seize-prized-port-if-kenya-cant-pay-back-its-belt> (accessed 25.05.2020).

что финансовая состоятельность проекта железной дороги Момбаса – Найроби сама по себе гораздо важнее для китайских компаний»²¹. Исследования *CARI* также опровергает подозрение в том, будто Китай намеренно предоставляет кредиты странам Африки, которые не смогут их выплачивать, с целью получения стратегических преимуществ, включая контроль над выгодными активами (Brautigam 2019: 6).

Китайские кредиты представляют собой реальную альтернативу финансированию западных институтов. При этом Китай выставляет условия по доле участия в проекте китайского бизнеса, тогда как западные финансовые институты выдвигают требования политического и макроэкономического характера. К тому же в некоторых случаях получить кредит у западных институтов невозможно – например, из-за масштаба или направленности проекта. Важным преимуществом китайских связанных кредитов выступает возможность получить финансирование и реализовать проект в более сжатые сроки. В то же время поскольку конкретные условия кредитных сделок с китайскими банками не афишируются, утечка информации может вызвать широкий общественный резонанс (примеры см. выше). Повысить эффективность использования китайского финансирования можно в случае принятия и эффективного исполнения законов, гарантирующих обеспечение прозрачности государственных займов и определённой доли участия местных поставщиков и подрядчиков в реализации проектов (Onjala 2018: 725). В целом, выбор наиболее выгодного в конкретных условиях финансирования зависит от приоритетов, стратегического мышления и точных расчётов на долгосрочную перспективу принимающей стороны.

Прямые инвестиции

Согласно официальной китайской статистике, приток китайских ПИИ в Кению в 2018 г. составил 520 млн долл. Исключая скачки показателей в 2010 и 2016 гг., можно выделить период умеренного наращивания китайских ПИИ практически с нулевых показателей до 100 млн долл. в год в 2007-2012 гг. и период усиления инвестиционной активности после 2013 г. (см. рис. 5). Если к концу 2008 г. объём накопленных китайских ПИИ в Кении составлял менее 80 млн долл., то к концу 2018 г. он превысил 2 млрд долл.²². В настоящее время по объёму накопленных китайских ПИИ Кения входит в первую десятку африканских стран, в 2018 г. её доля от общего показателя Африки составила 4,5%.

К оценке доли Китая в ПИИ на основании статистических данных Кении нужно подходить с осторожностью, учитывая значительные расхождения меж-

²¹ Olander E. 2019. China Was Never Going to Seize the Port of Mombasa if Kenya Defaulted on its SGR Debts. 23.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://chinaafricaproject.com/analysis/china-was-never-going-to-take-the-port-of-mombasa-if-kenya-defaulted-on-its-sgr-debts/> (accessed 25.05.2020).

²² 中国—肯尼亚经贸合作简[China-Kenya Economic and Trade Cooperation]. Ministry of Commerce of the PRC. 09.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: [http://search.mofcom.gov.cn/swb/recordShow.jsp?flag=0&lang=0&base=iflow_app&id=xuf201903028393531&value=\(%E8%82%AF%E5%B0%BC%E4%BA%9A\)](http://search.mofcom.gov.cn/swb/recordShow.jsp?flag=0&lang=0&base=iflow_app&id=xuf201903028393531&value=(%E8%82%AF%E5%B0%BC%E4%BA%9A)) (accessed 25.05.2020).

ду предварительными и окончательными данными за 2016-2017 гг. Если взять за основу данные Доклада о мировых инвестициях за 2019 г., которые опираются на статистику платёжного баланса Кении, приток ПИИ в Кению в 2017 и 2018 гг. составил 1,275 и 1,626 млрд долл. соответственно²³. Сопоставив эти данные с китайской статистикой, можно рассчитать, что на Китай приходится почти треть от поступлений ПИИ Кении в эти годы. В то же время, по последним данным Обзора иностранных инвестиций Кении приток китайских ПИИ в 2017 г. оценивался в 96 млн долл., составляя лишь 7% от общего показателя²⁴. Полевые исследования показали, что в официальных данных Министерства коммерции КНР и Управления по инвестициям Кении (*KenInvest*) зачастую не учитываются проекты малого масштаба, а также изменения инвестиционных планов (Ying 2019: 3).

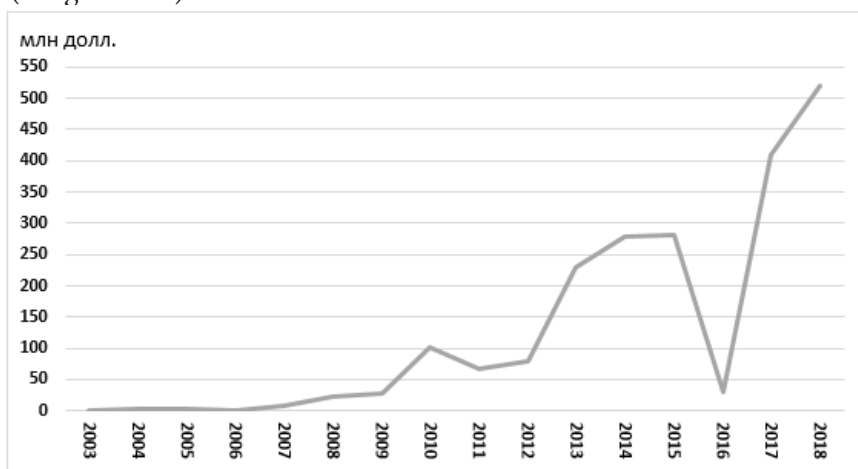


Рис. 5. Приток ПИИ из Китая в Кению в 2009-2018 гг.

Figure 5. FDI inflow from China to Kenya in 2009-2018.

Источник: Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. 2009, 2017, 2018.

Подавляющее большинство китайских инвесторов в Кении представлены некрупными частными предприятиями, открытыми китайскими эмигрантами и экспатами, т.е. фактически это кенийские предприятия с иностранным капиталом. Такой характер инвестиций обусловил крайне незначительное влияние государственной политики КНР по продвижению инвестиций за рубеж, которая преимущественно ориентирована на государственные предприятия или проекты крупного масштаба (Ying 2019: 16, 27). В связи с этим сместим фокус внимания на изучение конкурентных преимуществ Кении и национальных приоритетов развития, оценке мер по улучшению инвестиционного климата в стране, а также на фактический анализ китайских инвестиционных проектов.

²³ World Investment Report 2019. UNCTAD.

²⁴ Foreign Investment Survey Report 2018. Kenya National Bureau of Statistics.

Кения обладает рядом конкурентных преимуществ благодаря своему выгодному географическому положению, роли регионального экономического центра и амбициозной стратегии развития. Правительство предпринимает шаги по повышению инвестиционной привлекательности страны, включая упрощение административных процедур и их перевод в электронный вид, повышение надёжности электроснабжения, проведение законодательных и административных реформ и проч. За последние пять лет Кении удалось подняться со 136-й до 56-й позиции в рейтинге стран по лёгкости ведения бизнеса (*Doing business*). Тем не менее, остаётся нерешённым ряд проблем: недостаточный уровень развития инфраструктуры, нехватка квалифицированных кадров, политическая нестабильность и угроза террористических атак, социально-экономические и этнические конфликты, неэффективность правоохранительной системы и коррупция²⁵.

С 1990 г. в целях привлечения инвестиций в экспортоориентированные отрасли в Кении были созданы зоны экспортной переработки (*export processing zones*). В этих зонах распространены предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, а также швейной промышленности – вследствие принятия США Закона об экономическом росте и торговых возможностях Африки (AGOA) в 2000 г. В частности, преференциальный доступ на американский рынок стал ключевым мотивом открытия в Кении крупных швейных производств компаниями из Тайваня и материкового Китая (Ying 2019: 19). В последние несколько лет по причине длительных забастовок на предприятиях и растущей конкуренции со стороны других стран региона (по таким параметрам, как тарифы на электроэнергию, стоимость рабочей силы, транспортно-логистическая доступность, эффективность государственной политики) швейные производства компаний *Future Garments* и *Longyun Garments* закрылись.

Для привлечения инвестиций в реальный сектор экономики правительство Кении с 2015 г. приняло программу по развитию особых экономических зон (ОЭЗ); реализация её намеченными темпами затрудняется под действием ряда факторов: 1) недостаток финансовых ресурсов, выделяемых государством на создание базовой инфраструктуры с учётом количества запланированных проектов; 2) отсутствие чётких критериев отбора инвестиционных проектов; 3) отсутствие прозрачных административных процедур при получении статуса резидента ОЭЗ, налоговых и других льгот для совершения таможенных операций; 4) проблемы с выбором и выделением крупных земельных участков под ОЭЗ, в том числе нерациональность размещения некоторых проектов исходя из соображений транспортно-логистической доступности; 5) конфликт интересов между национальным правительством, местными правительствами, населением и иностранными инвесторами.

²⁵ Fingar C. 2019. Kenya's reputation for quality leads companies to choose Nairobi. *Financial Times*. 01.11.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/content/367907d0-d558-11e9-8d46-8def889b4137> (accessed 25.05.2020).

Можно выделить два проекта, реализуемых с участием китайских инвесторов: ОЭЗ «Жемчужная река» рядом с г. Эльдорет под управлением частного оператора *Africa Economic Zones Ltd.*, СП компаний *Africa Economic Zones* и *Guangdong New South Group Limited*, и ОЭЗ в рамках проекта *Tatu City* неподалеку от Найроби. По мере строительства базовой инфраструктуры для второй ОЭЗ китайские компании проявили интерес к производству газовых баллонов (*Tianlong Cylinder*), сталелитейному производству (*Stecol*), а также производству и сборке измерительных приборов для газа, воды, электричества (*Shenzhen Star Instrument Co.*).

Китайские компании неоднократно, хотя и без видимых результатов, проявляли интерес к проектам в сфере горнодобывающей промышленности. Например, в конце 2009 г. сорвались переговоры по приобретению китайской компанией *Jinchuan Group* 70% в проекте по разработке титано-циркониевых руд, принадлежавшем канадской компании *Tiomin Resources*. Компания *Chinese National Off-Shore Oil Corporation* в 2006 г. получила права на разведку шести блоков нефтяного месторождения в обход европейских конкурентов (Onjala 2008: 19), но в 2010 г. вышла из проекта из-за отсутствия коммерческих запасов нефти. В декабре 2013 г. компания *Fenxi Mining* подписала концессионное соглашение с правительством Кении на разработку угольного месторождения, однако проект заморожен из-за протестов местных жителей. В январе 2019 г. Верховный суд Кении предписал китайской фирме *Lijin Mining* прекратить деятельность по добыче золота и меди по причине отсутствия у компании необходимых разрешений и лицензий. Среди перспективных китайских проектов упомянем планы *Chuanshan International Mining Company* начать добычу и переработку диатомитовой руды в округе Баринго.

В исследовании *CARI* производство строительных материалов названо ключевым направлением китайских ПИИ в Кении в промышленности (Ying 2019: 13). В Кении присутствуют китайские производители кровельных материалов, керамической плитки, кирпича, бетонных столбов, строительных конструкций из алюминия, стройматериалов из натурального гипса и пр. К крупным проектам можно отнести инвестиции компании *China Wu Yi* в завод по производству сборных конструкций стоимостью 100 млн долл. и торговый центр по продаже строительных материалов и деталей внутреннего интерьера китайского производства.

За последние несколько лет внимание китайских инвесторов привлекла сфера недвижимости. В 2017 г. сообщалось о планах строительства 16-этажного здания для размещения регионального офиса агентства Синьхуа, с жильём для сотрудников и зонами отдыха. Другой пример – приобретение в 2015 г. компанией *Aviation Industry Corporation of China* 39% доли в проекте по возведению торгового центра *Two Rivers* за 70 млн долл.

Помимо перечисленных ключевых направлений китайские компании представлены в самых широких сферах: от переработки пластиковых отходов до

производства подгузников, батареек и папиросной бумаги, от выращивания лекарственных трав и цветов до скотобоев.

Благодаря планомерным усилиям, финансовой и дипломатической поддержке товаров и услуг китайских предприятий, а также готовности реализовывать проекты, соответствующие существующим стратегиям развития Кении, Китаю с начала XXI в. удалось значительно нарастить своё присутствие в этой стране. К трём прорывным направлениям сотрудничества, связанным между собой и ярко демонстрирующим усиление влияния Китая, относятся внешняя торговля, инфраструктурное строительство и кредитное финансирование.

В целом, ключевое направление деятельности китайских компаний в Кении в виде строительства транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры благоприятствует решению стоящих перед Кенией задач по проведению индустриализации и созданию современной надёжной инфраструктуры. Опасения относительно коммерческой жизнеспособности ряда проектов, помимо прочего, вызваны внешними факторами и отставанием с реализацией сопутствующей инфраструктуры или промышленных объектов.

Китайские компании зачастую сталкиваются с негативными слухами и враждебностью со стороны местного населения, подвергаются критике западными СМИ. Это отчасти вызвано сложившимися стереотипами и предубеждениями в отношении китайских компаний и товаров в Африке, нехваткой достоверной и актуальной информации, культурными различиями и недопониманием. Определённую роль играет и непрозрачность условий сделок с китайскими банками и компаниями, что порождает подозрения в коррупции ответственных лиц в местных администрациях и сомнения в их способности выстраивать отношения с внешними партнёрами исходя из национальных интересов.

Перспективы развития взаимовыгодного сотрудничества с Китаем во многом зависят от успеха при разрешении накопившихся в двусторонних отношениях проблем, от готовности обеих сторон использовать новые инструменты и механизмы взаимодействия и постепенно сменить приоритеты сотрудничества, переходя от кредитного финансирования проектов к ГЧП, от подрядных проектов в сфере инфраструктуры к прямым инвестициям в сферу производства.

По результатам изучения инвестиционных проектов и подрядных работ китайских компаний в Кении выскажем ряд рекомендаций по продвижению российских компаний на рынок Кении и других стран Африки:

1. Сопряжение целей инвестора с коренными интересами страны реализации проекта. Увязка проекта с приоритетными направлениями развития, обозначенными в государственных программах, обеспечивает поддержку со стороны органов власти.

2. Создание благоприятного информационного поля при освещении инвестиционного проекта. Этого можно достичь благодаря открытости, полному и своевременному информированию заинтересованных сторон, учёту интересов

местного населения при реализации проекта, в т.ч. в вопросах найма персонала, привлечения местных поставщиков, реализации небольших проектов и инициатив в сфере корпоративной социальной ответственности для нужд местных жителей.

3. Предварительное детальное изучение действующих норм и законов, особенностей политической среды, существующих конфликтов между этническими и социально-экономическими группами в стране реализации проекта, а также принятие заблаговременных мер по снижению рисков вовлечения проекта в политические и прочие конфликты. С особой тщательностью следует подходить к поиску надёжных и компетентных местных партнёров. При взаимодействии с представителями государственных органов необходимо учитывать их родственные связи, этническую принадлежность и политическую позицию.

4. Использование синергического эффекта за счёт вовлечения различных российских компаний и институтов на этапе финансирования, дипломатического содействия, реализации, поставки оборудования и материалов. Как представляется, достижение максимального эффекта возможно при ведущей роли крупных государственных концернов в проектах, отвечающих стратегическим интересам по продвижению российских товаров и услуг, тогда как частные компании ориентированы преимущественно на финансовый результат. Кроме того, государственному концерну легче обеспечить финансирование проекта, замыкание товарных и логистических цепочек. Необходимо учитывать интересы африканских стран, предлагая справедливые условия финансирования проекта и распределения его результатов проекта между участниками.

5. Создание в ключевых региональных центрах на африканском континенте специализированных агентств по продвижению российских инвестиций, представлению интересов российских производителей на базе Торговых представительств, финансируемых государством в рамках внешнеэкономической стратегии РФ. Подобное учреждение-посредник позволит существенно повысить вовлечённость и заинтересованность российского бизнеса, в т.ч. малых и средних предприятий, в выходе на рынки стран Африки благодаря снижению денежных затрат, минимизации возможных рисков, решению организационных и маркетинговых вопросов. Связанный с реализацией государственной политики характер агентств, с одной стороны, даст возможность использовать дипломатические каналы, с другой стороны, обеспечит доступность услуг за счёт покрытия части расходов из государственного бюджета. Думается, что наибольшего эффекта можно достичь принятием следующего комплекса мер: 1) привлечение компетентных специалистов для понимания местной специфики, норм и законодательства; 2) налаживание контактов с ответственными институтами и органами власти; 3) активное продвижение товаров и услуг через участие в тендерах, местных выставках, благотворительных акциях, а также содействие в получении необходимых лицензий; 4) обеспечение информированности местных потребителей о российских товарах и услугах путём создания demonstra-

ционных залов и специализированных супермаркетов, объединяющих товары определённой категории, например, товары агропромышленного комплекса (по аналогии с китайским торговым центром строительных и отделочных материалов в Кении), создания электронного каталога товаров на местном языке; 5) обеспечение контроля качества продвигаемых товаров; 6) создание необходимой инфраструктуры, включая организацию транспортно-логистических цепочек, аренду складских помещений и пр.

Об авторе:

Карина Алиевна Гемуева – младший научный сотрудник, ИМЭМО РАН, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: krina07@mail.ru.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено по гранту РНФ №17-78-20216 «Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы».

Received: March 29, 2020
Accepted: May 2, 2020

Chinese Economic Presence in East Africa: the Case of Kenya

K.A. Gemueva
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-112-137

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The first ever Russia-Africa Summit and Economic Forum in October 2019 demonstrates not only interest of both sides in developing bilateral cooperation, but also has every chance of becoming a turning point in translating words into action. Due to advantageous geographical position, dynamic economic development and its role as a transport, logistics and financial center in East Africa, Kenya is justifiably considered as an "entry point" to the African market for foreign companies. At present, Russia's economic presence in this country is extremely limited, and therefore, when developing an effective strategy for promoting the market in Kenya, it seems advisable to study the practical experience of other major players, both to find "keys to success" and to identify potential risks. Russia's economic presence in the country has been very limited so far, thereby learning from the practical experience of other major players would be useful for developing an effective strategy to enter the Kenyan market, both to find "keys to success" and to identify potential risks. The reason why the Chinese experience was chosen as the subject of study is the China's rapid uptake to become

one of Kenya's key partners. Thus, the purpose of this study is to develop recommendations for Russian companies to enter the African market based on the experience of the Chinese economic presence in Kenya.

The article analyzes in detail three key areas of Chinese economic activity in Kenya, i.e. foreign trade, infrastructure development and credit financing, as well as linkages between them. The author argues that the willingness of China to implement projects that are in line with the current Kenya's development agenda was an important factor in the large-scale increase of cooperation. Thus, China's activities are not only aimed at stimulating the export of Chinese goods and services, as well as increasing its geopolitical weight in the region, but also are supporting for Kenya's industrialization, modern and reliable infrastructure development. The Mombasa-Nairobi railway, the largest project involving Chinese companies in Kenya, is used as an example with regard to typical problems that foreign companies may face in Kenya, including media pressure. Based on the analysis of current trends, the author concludes that the further development of bilateral cooperation will depend to a great extent on the commitment from both sides to gradually change the priority areas of cooperation and to use new tools and mechanisms of interaction.

Key words: Kenya, China, trade and economic cooperation, foreign debt, infrastructure projects, Chinese FDI

About the author:

Karina A. Gemueva – junior researcher, IMEMO RAS, 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997. E-mail: krina07@mail.ru.

Conflict of Interests: The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements: Research is accomplished under the Russian Science Foundation grant No. 17-78-20216 "Increasing competition between Russian and Chinese companies on the African continent: prerequisites, current status and prospects".

References:

- Brautigam D. 2019. A Critical Look at Chinese «Debt-Trap Diplomacy»: the Rise of a Meme. *Area Development and Policy*. 5(1). 14 p. DOI: 10.1080/23792949.2019.1689828
- Chege M. 2008. Economic Relations between Kenya and China, 1963-2007. *Washington DC: Center for Strategic and International Studies*. P. 17-38.
- Masta J. 2009. Chinese Investments in Kenya. Chinese Investments in Africa: a Labour Perspective. *African Labour Research Network*. P. 384-421.
- Nyaga W., Munga A., Kinyua L., KathyGathu, Nge'no W. 2017. Kenya China Relations: Portrait of Economic Cooperation in the New Millennium. *International Journal of Social Science and Humanities Research*. 5(3). P. 254-269.
- Onjala J. 2008. *A Scoping Study on China-Africa Economic Relations: the Case of Kenya*. Nairobi: African Economic Research Consortium. 48 p.
- Onjala J. 2018. China's development loans and the threat of debt crisis in Kenya. *Development Policy Review*. 36(S2). P. 710-728. DOI: 10.1111/dpr.12328.
- Pan Yue, Chen Lusha. 2018. The Research on Chinese Companies' Labor Issue under "the Belt and Road" Initiative – Taking Kenyan and Indonesian Cases as Examples. *Crossroads: Southeast Asian Studies*. Vol. 1. P. 84-90. (In Chinese).
- Plummer A. 2019. Kenya and China's Labour Relations: Infrastructural Development for Whom, by Whom? *Africa*. 89(4). P. 680-695. DOI: 10.1017/S0001972019000858

Prizzon A., Hart T. 2016. *Age of Choice: Kenya in the New Development Finance Landscape*. London: Overseas Development Institute. 32 p.

Tian Feng, Zeng Shengcun. 2018. "Yi dai yi lu" beijing xia zhongken jingmao hezuo xian-zhuang yu qianjing [Current Situation and Perspectives of Economic and Trade Cooperation between China and Kenya in the Context of the "Belt and Road" Initiative]. *Financial Minds*. 3(4). P. 60-78. (In Chinese).

Wissenbach U., Yuan Wang. 2017. African Politics Meets Chinese Engineers: The Chinese-Built Standard Gauge Railway Project in Kenya and East Africa. *Washington DC: Johns Hopkins University, CARL, Working Paper No. 2017/13*. 33 p.

Ying Xia. 2019. Chinese Agricultural and Manufacturing Investment in Kenya: A Scoping Study. *Washington DC: Johns Hopkins University, CARL, Working Paper No. 2019/30*. 36 p.

Zander R., Hongxiang Huang. 2017. We are not so Different: A Comparative Study of Employment Relations at Chinese and American firms in Kenya. *Washington DC: Johns Hopkins University, CARL, Working Paper No. 2017/10*. 32 p.

Deych T.L. 2018. [China in Africa: Neo-Colonial Power or "Win –Win" Strategy?] *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 11(5). P. 119–141. (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141

Fogel D.V. 2018. [Structural Optimization of Foreign Capital Inflows in the Industry of Kenya]. *Bulletin of Moscow Region State University*. №2. P. 24–34. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-6646-2018-2-24-34

Список литературы на русском языке:

Дейч Т.Л. 2018. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win – win» стратегия? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 11(5). С. 119–141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141

Фогель Д.В. 2018. Оптимизация структуры иностранных капиталовложений в промышленность Кении. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. 2018. № 2. С. 24–34. DOI: 10.18384/2310-6646-2018-2-24-34

Production of Rice in Nigeria: The Role of Indian-Nigerian Bilateral Cooperation in Food Security

Lucky Igohosa Ugbudian

Alex Ekwueme Federal University, Ndufu-Alike

Abstract: The article focuses on the impact of India-Nigeria agricultural cooperation on rice production in Nigeria. Since 2000 in the quest for food sufficiency, diversification of the country's sources of foreign exchange, increasing employment for the rising population as well as expanding its external relations Nigeria has signed several bilateral agreements on agriculture with India. The analysis of the developments in the sub-sector, as well as media, governmental and non-governmental reports in the field and the interviews of the farmers has revealed that the Indian firms, including "Olam Group" and "Popular Farms and Mills Ltd", have cultivated thousands of hectares of land, built mills and machinery, provided farmers in 16 Nigerian states with better rice seedlings, and engaged thousands of farmers in regular training improving employment and revitalizing communities in the country. The support given by the Indian firms has triggered an unprecedented increase in rice production. The paper concludes that the agreements, particularly the one of 2017, have further promoted, strengthened and expanded rice production in the context of food security, job creation and saving foreign exchange. The article, therefore, demonstrates how Nigeria-India bilateral ties and cooperative programs have changed the dynamics of rice production in the country and brought more profound economic consequences. Despite the fact that Nigeria is not yet self-sufficient in rice production with the gap of around 2.5 million tonnes, the agricultural programs initiated within the framework of the Nigeria-India bilateral agreements and realized as large-scale agriculture programmes including investments, training, supply of better seedlings, land cultivation promoted by powerful corporations have significantly changed the economic and social environment in Nigeria.

Key words: Rice Production, Nigeria, India, Bilateral Agreements, Food Sufficiency

УДК: 339.9; 631

Received: March 28, 2020

Accepted: June 15, 2020

The apparent deficit in rice production with attendant burden and pressures on scarce resources forced the Nigerian government to engage with India. This culminated in several bilateral agreements on agriculture and trade. The key aspects of cooperation have been the encouragement of the major Indian corporations to participate in local rice production in Nigeria.

The role of bilateral cooperation in revamping and reconstructing the main sectors of the country's economy cannot be overemphasized. Since 1960, when the state gained independence, Nigeria has been cementing ties with several countries covering political, socio-cultural, scientific, economic as well as health spheres. It was in this spirit that the Nigerian government maintain warm relations with India which have culminated in a series of bilateral agreements concerning different sectors including education and agriculture. The decay of the Nigerian agricultural sector, however, had a negative effect on rice production in the country. That became obvious in the mid-1970's when the country lost self-sufficiency in local production and resorted to import. By early 1980's the import of rice reached an alarming scale that led to the imposition of restrictions and more governmental subsidies to local producers through international institutional supports. The administration of Goodluck Jonathan, tackling the problem of unsustainable rice import bill and its impact on foreign exchange earnings, decided to sign a new bilateral agricultural agreement with the Indian government. This bold step has gradually revitalized the rice production in the country: the agreement, guaranteeing safety and stability, motivated Indian companies to invest millions of dollars in rice farming and milling factories. The article, therefore, demonstrates the role of Nigeria-Indian bilateral cooperation in revamping the local production of rice in the country.

Conceptual framework

Nigeria is a vast agricultural country endowed with natural resources which include 68 million hectares of arable land, freshwater resources covering about 12 million hectares, 960 kilometres of coastline and ecological diversity which enables the country to produce a wide variety of crops and livestock, forestry and fisheries products (Oyakhilomen, Zibah 2014). Agriculture has to do with the cultivation of varieties of crop and creates value chain processes, and it's development usually has a multiplier effects on economy, people welfare and, moreover, state security.

The significance of agriculture for the Nigerian population cannot be overemphasized because it employs over 80 percent of the workforce, provides food, increases household incomes, local foreign exchange earnings and improves standards of living particularly of rural farmers.

Agriculture provided for a greater part of the economic growth and development in Nigeria between the 1950's and 1960's; however, it dropped drastically following the discovering of crude oil in the country that in turn added 1,342 million naira to the GDP in 1958/1959, and 1,808 million naira in 1973-1974 (Izuchukwu 2011). In the

2000's the Nigerian government in an attempt to reverse the decline in agriculture developed an economic framework named "The Economic Recovery and Growth Plan" (ERGP). The ERGP is an all-round developmental initiative covering 2017 to 2020 and including the "Strategic Implementation Plan" with an objective to restore economic growth and development¹. The major goals of the ERGP are investing in human resources, building a competitive economy and raising the annual growth of GDP to 7 percent (Izuchukwu 2011). The key point of the plan is stabilization of macroeconomic and economic diversification, development of agriculture, energy, Micro, Small and Medium-scale enterprises (MSME), growth in industry, manufacturing and key services by leveraging science and technology. This has led to more investments in the agricultural sector, financial, technological and educational support to the farmers and entrepreneurs. Agriculture has experienced increased production, employment and served as a basis for the other sectors according to the recent report of the National Bureau of Statistics².

As for the concept of food security, although defined differently by scholars and international organizations it usually embraces the availability, accessibility, utilization and stability of food for citizens in a given period and on a regular basis. Moreover, some experts include also such a category as a relevant nutritious and added value. The first major attempt to define "food security" could be traced back to 1905 when the Italian government sponsored the first conference of the International Institute of Agriculture³. This laid the ground for the formation of the Food and Agriculture Organization (FAO) which is now a leading global institution in proposing solutions to the issues of food security, elimination of hunger and agricultural development. These efforts culminated in the World Food Summit in 1974 conceiving food security as the availability at all times of adequate world food supplies of basic foodstuffs to sustain a steady expansion of food consumption and to offset fluctuations in production and prices. This definition is narrow and failed to cover the essential aspect of the quality of the food. Poor conceptualization led the Food and Agricultural Organisation (1983) to suggest that food security should include ensuring that all people at all times have both physical and economic access to the basic food that they need. However, the quality of food was not taken into account. At the same time, the World Bank Report of 1986 dwelled on the existence of trends in food security arguing that food security must result in access of all people at all times to enough food for an active, healthy life⁴.

¹ The Economic Recovery and Growth Plan. 2017. *Nigerian Investment Promotion Commission*. URL: <https://nipc.gov.ng/product/nigerias-economic-recovery-and-growth-plan-ergp-for-2017-2020/> (accessed 26.06.2020)

² Social Statistics in Nigeria: Employment Data. 2015. *Abuja NBS Press*. URL: <https://www.nigerianstat.gov.ng> (accessed 26.06.2020)

³ *Food and Agricultural Organization of the United Nations, History*. URL: <http://www.fao.org/home/en/> (accessed 26.06.2020)

⁴ Poverty and Hunger: Issues and Options for Food Security in Developing Countries. 1986. *World Bank*. Washington DC. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/166331467990005748/Poverty-and-hunger-issues-and-options-for-food-security-in-developing-countries> (accessed 26.06.2020)

The report highlighted a wide gap between chronic food insecurity, associated with problems of structural poverty and low incomes, and transitory food insecurity, which involved periods of intensified pressure caused by natural disasters, economic collapse or conflict. The UNDP Human Development Report of 1994 included in food security the provision of food in quantity and quality for human⁵. “The State of Food Insecurity” (2001) complemented the definition of the UNDP and defined it as a situation that exists when all people, at all times, have physical, social and economic access to sufficient, safe and nutritious food that meets their dietary needs and food preferences for an active and healthy life⁶.

Amid this conceptual development the FAO designed and implemented a number of programs to alleviate food insecurity. The recent program fashioned to contribute to the Sustainable Development Goals (SDGs) deals with “Zero Hunger” for the global population⁷.

Food security is critical to national growth and development. The lack of it often makes a country rely on import at a huge cost. Most countries with poor self-sufficiency such as Nigeria usually depend on import even to feed their population. Over the years Nigeria was able to meet the food needs of its people because the majority of population engaged in agricultural production and until the 1970's the sector was supported by government policies and plans. The reliance on crude oil, lack of investment, drought and famine made the agricultural sector unattractive. Rising population and changing consumption patterns aggravated the crisis coupled by unprecedented rural-urban migration. It resulted in a shift to the consumption of rice as a staple food in the 1970's following the oil boom. The demand for rice increased geometrically while the production grew arithmetically, hence, deepening state's dependence on import. The production gap created food insecurity, especially among the most vulnerable, namely the poor, children and women.

Bilateral cooperation was considered to be a key to the problem. Geoff R. Berridge's conception of bilateralism covers the process when two international actors negotiate and cooperate while pursuing their national interests (Berridge 1995). Alexander Thompson conceives bilateralism as the interaction of independent states on issues pertaining to the welfare of their people and countries that might be socio-cultural, political or economic (Thompson 2014). The spirit and letter of bilateralism often make states to recognize each other and result in the exchange of diplomatic missions to strengthen the relations. Similarly, states could also decide to complement, sustain and promote comparative advantage by engaging in trade agreements for economic growth and development.

⁵ *Human Development Report of 1994*. 1994. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed 26.06.2020)

⁶ *The State of Food Insecurity in the World 2001. Food and Agricultural Organization of the United Nations, History*. URL: http://www.fao.org/3/y1500e/y1500e01.htm#P0_0 (accessed 26.06.2020)

⁷ *Towards Zero Hunger 1945-2030. Food and Agriculture Organization of the United Nations*. URL: <http://www.fao.org/3/a-i6196e.pdf> (accessed 26.06.2020)

Nigeria and Indian bilateral cooperation

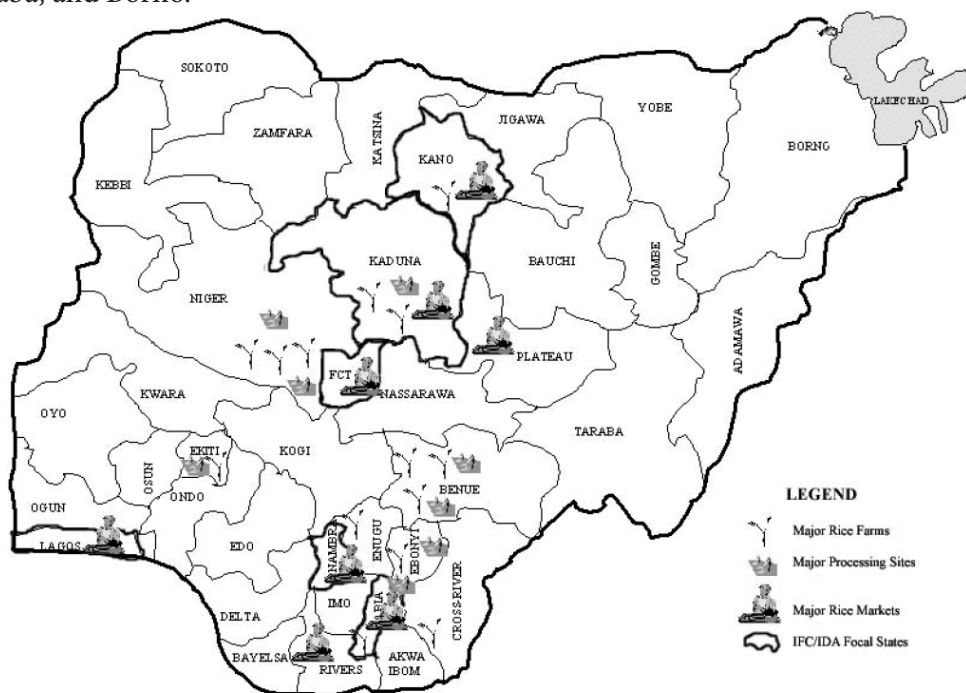
The relations between Nigeria and India have always been peaceful and friendly even before the former gained independence in 1960, with India establishing its consulate in Nigeria in 1958. Later Nigeria had been further strengthening ties with India in the political, security, socio-cultural and economic spheres. These warm relations also reflected in sharing the same position at the international stage; for instance, the both joined the Non-Aligned Movement (NAM) during the Cold War. The economic ties, however, remained weak between 1960's and 1998, but received a tremendous boost following the return of democratic governance in Nigeria in 1999. It resulted in exchange of visits by the leaders of both countries and the endorsement of agreements aimed at increasing trade between them. In 2003 for the first time President Olusegun Obasanjo reciprocated the visit of Prime Minister Pundit Jawaharlal Nehru to Nigeria in September 1962. At the same time, top Indian officials including Prime Ministers Dr. Manmohan Singh and Narendra Modi visited Nigeria in 2005 and 2017 respectively. The volume of trade reached its peak at \$19.5 billion in 2014 before dropping to \$16.36 in 2015 (Akpokodje et al. 2001).

One of the major agreements, "The Strategic Partnership Agreement", was signed in 2007, and included the Memorandum of understanding between the Foreign Service Institute and the Nigerian Foreign Service Academy, the Memorandum of understanding between the Indian Council for World Affairs (ICWA) and the Nigerian Institute of International Affairs, Protocol for Foreign Office Consultations and the Memorandum of understanding on Defence Cooperation. The 2017 bilateral agreement deals specifically with civil aviation and agriculture. While the first venue makes provision for a direct air links between both countries, the second one dwells on enhancing food security and self-sufficiency in rice production. It should be noted that the major objectives of these agreements were the promotion and protection of food security for Nigerians. Therefore, the quest for sustainable agricultural development in Nigeria relies on the bilateral agreements with India one of the closest partners that have been establishing companies and investing in the Nigerian economy. Some of these companies were involved in the importation of agro-products especially rice to the country from India and elsewhere.

The food industry generally includes legumes (groundnut, cowpeas and other vegetables), cereals (sorghum, maize, wheat, rice and millet), and tubers (yam, cassava and others). The dynamic of the rice food subsector in the last decade reflects the renewed and determined efforts of the Nigerian leaders to meet the consumption needs of the people. Since 1970's Nigerians began to consume rice on an unprecedented scale: annually rice consumption has been rising by not less than 10 percent, gradually putting more pressure on domestic agriculture that culminated in the demand for importation to complement the local production which got to 372 000 metric tonnes per annum by 1979. At the same time its deficit rose to 1 000 000 metric tonnes annually between the late 1980's and 1990's following the embargo on importation. While the production

was in the hands of small landholders, largely in the rural agro-ecological zones, the importation was driven by military regime to their “cronies”. By the first decade of the 21st century the worsened rice cultivation, which was less than 6.4 % from more than 25 million hectares of land, coupled with the removal of import restrictions as well as the unmet local demand, has led to the importation of millions of metric tonnes with the cost of 259 million USD. The lack of investments in the local rice production and rising consumption by Nigerians further deepened the deficits to about 4 million metric tonnes costing over 300 million USD (Akpokodje et al. 2001). This alarming rate of import made the President Jonathan’s administration use the Nigeria-India bilateral agreements to reverse the trend by using the Indian experience in rice production and running the big agricultural corporations.

The map (see Picture 1) shows the rice producing states in Nigeria. There are two major corporations controlled by Indians: “Olam Group” operates mainly in Nasarawa, Niger and Taraba states while “Popular Farms and Mills Limited” areas of operations spans 16 states including Kano, Kaduna, Yobe, Kebbi, Katsina, Abuja, Nigeria, Benue, Taraba, and Borno.



Picture 1. Rice producing states in Nigeria

Source: (Phillip et al. 2009)

The impact of bilateral cooperation on rice production

The paradigm shift of the Nigerian government from importation to transforming local rice production was impeded by several factors such as the lack of mecha-

nized rice farming and equipment, aging farmers and low-yielding seedlings and pests. The administration of Goodluck Jonathan mobilized and encouraged individuals and organizations to support rice production. Consequently, the government exploited investments and bilateral ties between Nigeria and India to encourage more Indian entities and companies to invest more in the rice sub-sector. It should be noted that Indians have always been interested in broader integration with the major companies involved in rice importation, namely “Olam Limited” and “Stallion Group”. These partnerships included provision and equipment of rice mill factories, supplying high-yielding seedlings and acquisition of several hectares of land for cultivation of rice.

The Table 1 summarises the volume of trade between Nigeria and India since 2012. The available statistics reveals that there was an upsurge in trade until Nigeria faced economic recession in 2015 resulted in weakened local currency. While crude oil became the major export category from Nigeria to India, India exported machineries and equipment, among the others, for the agro-sectors.

Table 1. India-Nigeria bilateral trade statistics (US \$ billions)

	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017
Indian's import	13 826	14 098.38	13 682.72	9 949.16	7 659
Indian's export	2 738	2 667.33	2 681.36	2 222.0	1 771.33

The “Stallion Group” conglomerate with the Nigerian headquarters in Kano and other parts of the country established its agribusiness subsidiary, “Popular Farm and Mills Lmted”, shifting its focus from importation to local rice production, training farmers and distributing seedlings in every planting season in all parts of the country. For instance, in 2017 the company distributed not less than 100 bags of the rice seedlings to farmers in Yola, Adamawa state.

According to Pandian Balamurugun, the director of the company, such an activity was in the spirit of the bilateral agricultural cooperation between Nigeria and India. He stated that the main objective of the gesture was to build a solid agricultural cooperation between India and Nigeria and to assist rice farmers in the country to boost their local rice production. The initiative was aimed not only at reducing the burden of rice importation but also eliminating poverty among rural farmers as well as attracting youth to the agricultural business. He supposed that the company had been collaborating and supporting rice farmers as well as farmers’ cooperatives to increase rice production. This resulted in the company supporting more than 5 000 farmers in 16 states of the country. At the same time, the company inaugurated “a unit to procure farm product direct from the farmers at affordable prices, to enhance their income generation”⁸. It must be noted that the company promoted its rice brands

⁸ Pandian Balamurugun, Director, Popular Farm and Limited, interviewed by the author in Taraba on November 23, 2017.

during “the Kano Rice Fair” in 2015 which included “Royal Stallion Shinkafa” and “Super Champion” which received widespread acceptance by the people that attended the fair. Pandian Balamurugun believes that his firm’s backward integration was initiated in 2011 as a part of the Nigeria-Indian bilateral cooperation on agriculture and put in place a number of measures such as the construction of factories and millings and delivering better seedlings. To him this effort over the years lifted thousands of Nigerian rice farmers out of poverty and created hundreds of thousands of jobs in the related areas. The obstacles to the effective rice production, in his view, remain the same: poor network of roads and logistics that in turn affects the marketing and prices of the product⁹.

One of the objectives of the fair, facilitated by “The Growth and Employment” in States (GEMS4) Project was to enhance market penetration of the Nigeria-made rice. This position was supported by “Stallion Group” General Manager Amit Kumar, who stated: *“We would appreciate more of these kinds of outings to help boost and sustain rice production, increase awareness and ultimately advance the patronage of Nigerian rice brands. We are soon going to launch new, more nutritious and highly competitive brands in the near future. The company’s impressive performance at the Rice fair was informed by its unequalled footprint and vast investment in agriculture. Popular Farms & Mills’ approach towards the backward integration of the Rice Value Chain is based on the simple mission of strengthening the rice farming and farming community. Its unique approach towards cooperatives integration by the means of technical knowledge transmission, assimilation of efficient farming mechanism to give higher yield and make farming profitable for the community is spread across rice producing states of Nigeria. Thousands of farmers and farmers cooperatives have become partners in the Stallion Group’s Mission of Leading Nigerian Rice Revolution through its backward integration initiatives. Group Farmer Agric Centers across rice producing states have become nodal centre of all such initiatives including off taking locally produced paddy”*¹⁰.

The Group’s Director of “The Popular Farm Limited” Harpreet Singh further emphasised the importance of food security and self-sufficiency in rice production arguing that sensing the need for local self-sufficiency and government’s ambitions for food security, Stallion pioneered investments into backward integration, creating a fully integrated value chain. “We are working tirelessly to improve farm yields and bring in sustainable and scalable growth to farmers” (Oyakhilomen, Zibah 2014). Their company, implementing and strengthening backward integration, supported local manufacturing facilities for nation-wide distribution infrastructure designed to meet the demands of the Nigerian people. The company, therefore, established new services known as “Village School” charged with the responsibility of training and distributing machineries and interfacing with farmers cooperatives to promote agricultural revolu-

⁹ Ibid.

¹⁰ *Agro-Nigeria* 2015. URL: <https://www.agronigeria.com.ng/stallion-group-new-realities-in-the-nigerian-rice-industry/> (accessed 26.06.2020)

tion in the country. In this regard, “Popular Farm” set up many collection points located in different parts of the rice producing states, namely Taraba, Benue, Adamawa, Niger, Kaduna, Kano, Jigawa, Sokoto, Kebbi and Zamfara¹¹.

In the interview, Garba Mohammed, a rice farmer in Kano, expresses satisfaction with the annual support “The Popular Farms and Mills Limited”, a subsidiary of “Stallion Group” provides him with¹². This assistance, according to him, includes not only training and supply of better yielding seedlings, but also buying his products. Another rice farmer in the Kaduna state Umar Abbani also states that rice farming has increasingly become a booming and lucrative business¹³. Garba Mohammed says that now farmers are making real profits in rice farming and improving the farms. He adds that “Popular Farms and Mills Limited” has been supportive of his farming venture through the provision of a number of incentives thereby motivating him to cultivate more acres of land and revitalise farmer cooperatives. In his words, the efforts of “Popular Farms and Mills Limited” encouraged rice professional associations to help farmers benefit more from the business. The company also gives support in form of seedlings, financial and training for improved production¹⁴. One of the farmers in Niger state Abdullahi Sani explains the role of the government in the ongoing transformations. To him, while the federal government through the CBN Anchor Borrower scheme assists farmers with soft loans, the “Stallion Group” support is much broader. Training and seedling supply by the company appears to be helpful to have a higher yield and using more acres of land expanded the farm for him and his children¹⁵. Murtala Usman says that the “Stallion Group” has created thousands of jobs in the state not to mention the direct support to the farmers¹⁶.

“Olam Group”, a multinational organisation with huge Indian share, commenced rice production in 2011, investing 25 billion naira. The Olam produced new rice brands for the Nigerian market including famous “Mama’s Pride” and “Mama’s Choice”. By 2013, the company cultivated 10 000 hectares of land, constructed mills and invested more than 19 billion naira. In addition, the company employed more than 950 workers and produced 36 000 metric tonnes of rice in 2011. The company expanded cultivation to 4 450 out of 9 479 hectares thereby hiring 1 044 regular and 450 seasonal farmers in 2017. The seedling varieties, according to “The West African Rice Development Association”, are expected to yield 10 metric tonnes per hectare over two crop cycles. In 2014 the corporation distributed high-yielding seedlings to 888 farmers, engaged 16 000 farmers in the outgrower scheme in 2018 supplying not less than 40 percent of the rice mills capacity and integrated the 120 million USD rice farm and the mill

¹¹ Falade D. 2017. Stallion Group Targets 1.5m Tonnes Annual Rice Production. *Nigerian Tribune*. March 27. URL: <https://tribuneonline.ng/bags-ibca-outstanding-projects-business-leader-awards/> (accessed 26.06.2020)

¹² Garba Mohammed, rice farmer, 54, interviewed by the author in Kano in November 2017.

¹³ Umar Abbani, rice farmer, 50, interviewed by the author in Kaduna on November 24, 2017.

¹⁴ Garba Mohammed, rice farmer, 54, interviewed by the author in Kano in November 2017.

¹⁵ Abdullahi Sani, rice farmer, 53, interviewed by the author in Kano on November, 25 2017.

¹⁶ Murtala Usman, rice farmer, 45, interviewed by the author in Kano on November, 25 2017.

in Ondorie, Nasarawa State¹⁷. The annual production of rice by the “Olam Group” has gradually increased from over 100 000 metric tonnes in 2013 to over 420 000 metric tonnes in 2016-2017 farm season¹⁸.

Mahesh Nimje, the Officer in-charge of the project in “Olam”, explained that the company continues to be highly involved in contributing to the rice self-sufficiency. He argues that the current rice demand in the country is about 6 million metric tonnes while the supply is 3.5 million¹⁹. If the activity of the corporations including those initiated within the framework of India-Nigeria cooperation, like “Olam Group”, and foreign investment increase, Nigeria is sure to become a self-sufficient state in rice production in the short term. He concludes that government needs to broaden access to financial resources for farmers and encourage foreign direct investment especially in agriculture. It also has to improve infrastructural environment since there is lack of electricity and poor facilities as well as bad roads network for the transportation of rice – everything rising its price.

One of the rice farmers that benefits from the support offered Mary John points out that rice farming has become a “big business” due to the incentives and training provided by the Group especially while the Central Bank of Nigeria gives low-interest loans²⁰.

Transformations in agriculture are accompanied by further social changes. Farmer Ruth Amos claims that despite having extra hours at the “Olam”, she is now able to pay school fees for her kids²¹. The interviews of rice farmers benefiting from the supportive programs shows that the majority of them consider the company to be an agent of a historical change that is improving social and economic stance in Nigeria lifting the thousands out of poverty. This explains the mass support for the “Olam Group” and “Popular Farms and Mills Limited”.

To demonstrate the rising contribution to the local rice production in the country, one of the major companies in the subsector, “Popular Farms and Mills Limited” of “Stallion Group” was awarded “the Outstanding Projects and Business Leader Award” in 2017 at the IBCA Programme in Lagos. The award was in recognition of the resolute efforts of the organisation in strengthening Nigeria’s self-sufficiency in rice by integrating rice value chain in food production²². On the other hand, “The National Productivity Centre” awarded “Olam Group” in 2016 for its contribution to rice production in Nigeria with the aim of bridging the Nigeria rice gap.

¹⁷ *Blueprint: Olam farm targets 40 000 Tonnes of Paddy Rice by 2017*. URL: <https://blueprint.ng/olam-sfarm-targets-40000-tonnes-of-paddy-rice-by-2017/> (accessed 26.06.2020)

¹⁸ Yusuf V.A. Olam Nigeria Gets Productivity Award for Rice Production. Daily Trust. March 9, 2017. URL: <https://www.dailytrust.com.ng/olam-nigeria-gets-productivity-award-for-rice-production.html> (accessed 26.06.2020)

¹⁹ Mahesh Nimje, Project Officer, Olam, interviewed by the author in Kano on November 26, 2017.

²⁰ Mary John, rice farmer, 46, interviewed by the author in Taraba on November 22, 2017.

²¹ Ruth Amos, rice farmer, 41, interviewed by the author in Nasarawa on November 23, 2017.

²² Stallion to Boost Rice Production to 1.5 Million Tonnes Annually. *The Nation Newspaper*. 14 May 2017. (accessed 26.06.2020)

Fig. 1 shows that since 2014 there has been a substantial and progressive increase in rice production in the country driven partly by the contribution of the Indian-owned and supported companies in the spirit of the bilateral cooperation. The two major Indian companies have a combined rice production of almost 1 million metric tonnes annually and are planning to increase it to 3 million metric tonnes²³.

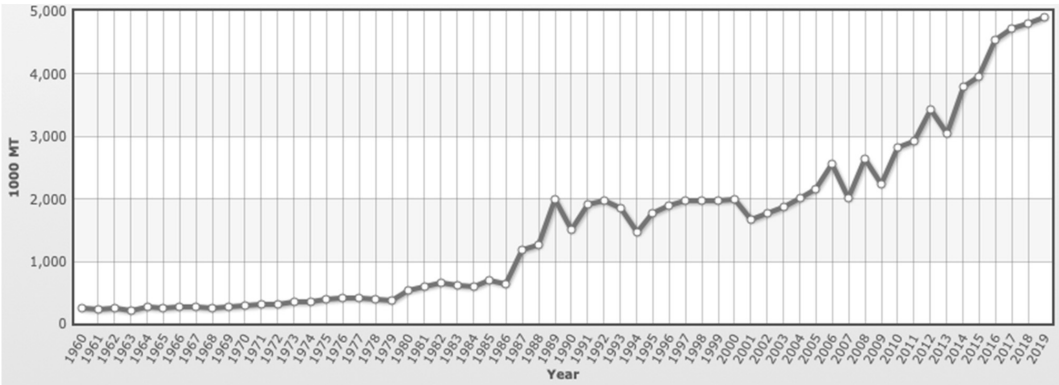


Figure 1. Nigeria rice production by year

Source: Index Mundi. Milled Rice. URL: <https://www.indexmundi.com/agriculture/?country=ng&commodity=milled-rice&graph=production> (accessed 20.06.2020)

Table 2 summarises the number of jobs each company has created since 2013 as well as the number of farmers supported by them.

Table 2. Support to farmers and job creation by the two leading corporations

Year	“Popular Farms and Mills Limited”: number of farmers employed – permanent/ Casual	“Olam Rice”: number of farmers employed – permanent/ Casual	“Popular Farms and Mills Limited”: supported rice farmers	“Olam Rice”: supported rice farmers
2013	1000	950	2550	1955
2014	1050	972	3800	2320
2015	2500	1954	4120	3500
2016	3600	3500	5000	4000

Source: Field research of the author; Federal Ministry of Agricultural and Rural Development. URL: <https://fmard.gov.ng> (accessed 12.12.2019)

The statistics shows that deepening bilateral cooperation between Nigeria and India have positive and multiplier effects on Nigerian food security, economic development, employment and welfare. Nigerian Minister of Agriculture Audu Ogbeh highlighted the efforts of the companies taken part in bilateral programs as critical for the state development²⁴.

²³ Olam Farm Targets 40 000 Tonnes of Paddy Rice by 2017. *Blueprint*. URL: <https://blueprint.ng/olam-sfarm-targets-40000-tonnes-of-paddy-rice-by-2017/> (accessed 26.06.2020)

²⁴ Yusuf V.A. Olam Nigeria Gets Productivity Award for Rice Production. *Daily Trust*. March 9, 2017. URL: <https://www.dailytrust.com.ng/olam-nigeria-gets-productivity-award-for-rice-production.html> (accessed 26.06.2020)

The article, therefore, demonstrates how Nigeria-India cooperative programs have changed the dynamics of rice production in the country and brought more profound economic consequences. What is more, the role of the Indian corporations cannot be overemphasized. Despite the fact that Nigeria is not yet self-sufficient in rice production with the gap of around 2.5 million tonnes, the agricultural programs initiated within the framework of the Nigeria-India bilateral agreements and realized as large-scale agriculture programmes including investments, training, supply of better seedlings, land cultivation promoted by powerful corporations have significantly improved the economic and social environment in Nigeria.

About the author:

Lucky Igohosa Ugbudian – PhD, Department of History and Strategic Studies, Faculty of Humanities, Alex Ekwueme Federal University, Ndufu-Alike. Ikwo, Abakaliki, Ebonyi State, Nigeria.
E-mail: liugbudian@gmail.com

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

УДК: 339.9; 631

Поступила в редакцию: 28.03.2020 г.

Принята к публикации: 15.06.2020 г.

Производство риса в Нигерии: роль индийско-нигерийского двустороннего сотрудничества в обеспечении продовольственной безопасности

Луки Игохоса Угбудуан

DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-138-150

Федеральный университет имени Алекса Эквуема, Нигерия

В статье рассматривается влияние двустороннего сотрудничества Индии и Нигерии в области сельского хозяйства на производство ключевой культуры в Нигерии – риса. С 2000 г., стремясь обеспечить продовольственную безопасность, диверсифицировать источники иностранных инвестиций, увеличить занятость среди увеличивающегося населения, а также расширить свои внешние связи, Нигерия подписала несколько двусторонних соглашений в сфере сельского хозяйства с Индией. На основе анализа развития этого стратегически важного для экономики страны сектора, а также исследования публикаций в средствах массовой информации, докладов правительственных и неправительственных структур и на основе интервьюирования нигерийских фермеров удалось обнаружить, что усилиями индийских корпораций, в том числе *Olam Group* и *Popular Farms and Mills Ltd*, было обрабо-

тано несколько тысяч гектаров земли, построены мельницы и ввезено оборудование, фермеры в 16 штатах были обеспечены более плодоносными сортами риса, приняли участие в обучении и нашли рабочие места. Поддержка, оказанная индийскими компаниями, способствовала беспрецедентному увеличению производства риса в стране. В статье делается вывод о том, что двусторонние соглашения, в частности соглашение 2017 г., содействовали дальнейшему развитию, укреплению и расширению производства риса в контексте продовольственной безопасности Нигерии. Автор показывает, как двусторонние связи и программы сотрудничества Нигерии и Индии изменили динамику производства риса в стране и привели к более глубоким экономическим последствиям. Несмотря на тот факт, что Нигерия всё ещё не может полностью обеспечить себя достаточным урожаем риса, сельскохозяйственные программы, запущенные в рамках двусторонних соглашений и реализованные в виде крупномасштабных сельскохозяйственных программ, включавших инвестиции, обучение, поставку лучших сортов, возделывание земель и поддержанные влиятельными корпорациями, значительно изменили социально-экономическую ситуацию в Нигерии.

Ключевые слова: производство риса, Нигерия, Индия, двустороннее сотрудничество, продовольственная безопасность

Об авторе:

Луки Игохоса Угбудян – PhD, Департамент истории и стратегических исследований, Факультет гуманитарных наук, Department of History and Strategic Studies, Faculty of Humanities, Федеральный университет им. Алекса Эквуэме. Айкво, Абакалика, Эбони, Нигерия. E-mail: liugbudian@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Akpokodje G., Lancon F., Erenstein O. 2001. *Nigerian Rice Economy: State of the Art*. The Nigerian Rice Economy in a Competitive World: Constraints, Opportunities and Strategic Choices. West Africa Rice Development Association (WARDA). Bouake, Côte d'Ivoire. P. 1-57.
- Berridge G.R. 1995. *Diplomacy: Theory and Practice*. Prentice Hall. Harvester Wheatsheaf. 212 p.
- Gujarati D.N. 2007. *Basic Econometrics*. 4th Edition. Tata McGraw-Hill, New Delhi.
- Izuchukwu O. 2011. Analysis of the Contributions of Agricultural Sector on the Nigerian Economic Development. *World Review of Business Research*. №1. P. 191-200.
- Jhingan M.L. 2010. *The Economics of Development and Planning* (39th edn). Vrinda Publication (P) Ltd.
- Maxwell S. 1996. Food Security: A Post-Modern Perspective. *Food Policy*. №2. P. 155-170.
- Nwachukwu I.M., Agwu N.M., Ezech C.I. 2008. *Comparative Study of Consumer Purchase Attitude of Local and Foreign Rice in Abia State*. Proceedings of 42nd Meeting of Agricultural Society of Nigeria Held at Ebonyi State University, Abakaliki, 19-23 October. P. 764-767.
- Oyakhilomen O., Zibah R.G. 2014. Agricultural Production and Economic Growth in Nigeria: Implication for Rural Poverty Alleviation. *Quarterly Journal of International Agriculture*. 53(3). P. 207-223.
- Phillip D., Nkonya E., Pender J., Ayoola Oni O. 2009. *Constraints to Increasing Agricultural Productivity in Nigeria: A Review*. Nigeria Strategy Support Program (NSSP). Background Paper No. NSSP 006. 64 p.
- Thompson A. 2014. Multilateralism, Bilateralism and Regime Design. *International Studies Quarterly*. 58(1). P. 15-28.

Роль мелкого производства в достижении устойчивого развития в Индии

Н.В. Галищева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В настоящей статье на примере Индии проанализирована роль мелкого производства в решении проблемы достижения устойчивого развития. Автор показывает, что стимулирование этого сегмента индийской экономики не только сокращает безработицу в стране, но и оказывает существенное влияние на решение проблем бедности и продовольственной безопасности, способствует повышению уровня образования и обеспечению гендерного равенства. Показано, что индийский истеблишмент в течение всего периода независимости страны рассматривал мелкое производство как своеобразный буфер между современным крупным бизнесом и основной массой населения.

Приведены критерии определения мелкого производства в Индии в соответствии с численностью работников на предприятии и объёму уставного капитала, а также статистические данные по численности предприятий, их доле в экспорте и промышленном производстве страны и динамике создания рабочих мест в этом сегменте индийской экономики. Автор выявила основные проблемы и преимущества развития мелкого производства в Индии на современном этапе. Через призму стимулирования мелкого производства и изменения его места в индийской экономике автор анализирует эффективность промышленной политики Индии, уделяя особое внимание деятельности Национального банка по развитию сельского хозяйства и села, который оказывает помощь развитию мелкого производства. Исследование проведено на основе системного подхода к изучению экономики с использованием базовых методов научного познания.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальные проблемы Индии, кустарная промышленность Индии, Национальный банк по развитию сельского хозяйства и села, группы самопомощи, Национальная корпорация по развитию мелкого производства

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 05.02.2020 г.

Принята к публикации: 15.04.2020 г.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы изучить роль в индийской экономике мелкого производства, выявить его преимущества и актуальные проблемы, а также исследовать систему государственного регулирования в пореформенный период. Исходя из этого, автор ставит следующие задачи:

- показать эволюцию развития мелкого производства в Индии в период независимости и определить его роль и место в экономике страны на современном этапе;
- отразить специфику государственной политики по стимулированию малых предприятий промышленного сектора в период независимости;
- рассмотреть вклад групп самопомощи в решение социальных проблем;
- выявить актуальные проблемы малого бизнеса.

Предметом исследования является мелкое производство в Индии, а исследовательский вопрос заключается в определении его роли в достижении устойчивого развития индийской экономики. Для полноты анализа автор прибегает к иллюстрации места малого бизнеса в индийской экономике в целом, освещая деятельность малых предприятий не только в промышленности, но и в сфере услуг. Используемые в работе статистические данные относятся к мелкой промышленности, поскольку в соответствии с нормами индийской статистики, мелкое производство включено в состав мелкой промышленности.

Теоретической основой исследования стал синтез концепции мелкого производства как важнейшего компонента многоукладной экономики развивающегося государства, представляющего собой своеобразный буфер между современным крупным бизнесом и основной массой населения, остающейся за его пределами, и подхода индийских экономистов к определению его влияния на решение социальных проблем в национальной экономике.

Концепция устойчивого развития была предметом исследования многих индийских авторов, в т.ч. Амарты Сена¹, Виджая Джоши (Joshi 1998), Монтека С. Ахлувалия (The Indian Economy: Recent... 1989), Правина Висарии (The Indian Economy: Problems... 2004), Говиндана Параиля (Parayil 1996). Прит Рустаги (SAARC 2006), Мадхави Сингх Шах (Nepalese Economy... 2004), Мухаммад Юнус (Yunus 2010), С. Акбар Заиди (Zaidi 2014) показали значимость мелкого производства в южно-азиатских государствах и описали работу микрофинансовых институтов в условиях слаборазвитой экономики. Р. Агравала (Agrawal 2002), В.М. Дандекар (The Indian Economy: Recent... 1989), У. Капила (The Indian Economy since Independence 2004-2005; Kapila 2005), С.К. Мисра и В.К. Пури (Misra, Puri 2001) изучили развитие в период независимости малого бизнеса и мелкого производства. Исследования американских и британских индологов

¹ Sen A. 1988. *The Concept of Development*. Handbook of Development Economics. Volume 1. Edited by H. Chenery and T.N. Srinivasan. Elsevier Science Publishers B.V. 350 p.

Роберта Е.Б. Лукаса (*The Indian Economy: Recent... 1989*) и Густава Ф. Папанека (*The Indian Economy: Recent... 1989*) освещают вклад мелкого производства в развитие индийской экономики на разных этапах независимости².

Методологически настоящее исследование основано на методах научного познания, таких как индукция и дедукция, анализ и синтез. В качестве базового использован системный подход к изучению индийской экономики в целом и отдельных аспектов промышленной политики, в частности.

Актуальность темы исследования обусловлена объективным процессом возрастания роли малого бизнеса, и в том числе мелкого производства, в решении задач социально-экономического развития Индии для продвижения к целям устойчивого развития. Индийский опыт, доказывающий, что мелкое производство способно внести существенный вклад не только в ускорение темпов экономического роста, но в решение комплекса социальных проблем, пока не нашёл глубокого освещения в российском индоведении. Отдельные аспекты данной проблемы изучены в трудах Е.А. Брагиной (Брагина 2012), О.В. Малярова (Маляров 2010; Индия 1985-1986... 1987) и А.И. Медового (Медовой, Галищева 2009). В настоящей работе автор использовала ряд собственных публикаций по исследуемой теме (Галищева 2009; Галищева 2014; Галищева 2019).

Хронологические рамки работы охватывают период с конца 1940-х гг. по 2020 г., т.е. весь этап независимости Индии.

Индийская концепция устойчивого развития

За последние десятилетия в связи с неблагоприятными тенденциями в сфере экологии (сокращение площади лесов, уменьшение естественного плодородия почв, изменение климата и др.) и экономики (обострение проблемы бедности и неравенства в доходах в большинстве африканских, латиноамериканских и ряде азиатских государств; высокий уровень безработицы, в том числе и молодёжной; острая для ряда развивающихся стран проблема недоедания; низкий уровень развития человеческого потенциала; частые экономические кризисы; зависимость национальных экономик от мировой конъюнктуры и др.), актуальность концепции устойчивого развития заметно выросла. Впервые о ней заговорили в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Важной вехой в выработке теоретических основ этой концепции стал опубликованный в 1987 г. доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию при ООН «Наше общее будущее». В докладе впервые было дано определение: устойчивое развитие удовлетворяет потребностям настоящего времени, но при этом не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. В

² В экономической истории независимой Индии чётко выделяются два макроэтапа: дореформенный, развитие по модели импортозамещения (1947–1991 гг.), и пореформенный, этап либеральных реформ (после 1991 г.).

настоящее время общепризнано, что устойчивое развитие проявляется в экономическом, экологическом и социальном измерениях, и соответственно достижение целей устойчивого развития предполагает решение на государственном уровне трёх задач: повышение экономической эффективности, обеспечение экологической безопасности и социальной защищённости. Поиском решения проблем устойчивого развития заняты экономисты не только развитых, но и в развивающихся стран, причём для последних в силу их догоняющего развития, эта задача становится приоритетной. Поучительный пример успешного выбора методов и инструментов по достижению устойчивого развития демонстрирует Индия, один из экономических и политических лидеров развивающегося мира.

Впервые о необходимости устойчивого развития в этой стране заговорили при составлении IX пятилетнего плана (1997–2002 гг.). Тогда была признана взаимозависимость экономического и социального развития, а социальное развитие стали понимать как одно из главных условий ускорения экономического роста.

Значительное влияние на выработку в Индии национальной концепции устойчивого развития оказали работы экономистов Амартьи Сеноа, Виджая Джоши, Монтека С. Ахлувалии, Правина Висария и др. Так, А. Сен указывал, что при оценке экономического развития государства не следует ограничиваться лишь измерением его ВВП – необходимо анализировать также качество жизни граждан, уровень их образования, среднюю продолжительность жизни и проч.³; эффективные преобразования в сельском хозяйстве и развитие системы здравоохранения способствуют улучшению жизненных условий бедных слоев населения и их более активному вовлечению в производство (Indian Development... 1997: 45).

Монтек С. Ахлувалия подчёркивал необходимость активной социальной политики на государственном уровне, нацеленной в первую очередь на сокращение бедности, преодоление социального неравенства и уменьшение разрыва в доходах граждан, что, в свою очередь, невозможно без ликвидации неграмотности и решения проблемы безработицы, особенно на селе (The Indian Economy... 1989: 357-358).

Проблему гендерного неравенства поднимает демограф Правин Висария, указывая на необходимость искоренения безграмотности среди женщин и решения проблемы феминизации бедности путём активного включения в общественную жизнь (The Indian Economy... 1989: 326-328).

Экономист Виджай Джоши подчёркивал, что экономический рост и развитие национальных систем образования и здравоохранения способствуют искоренению бедности (Joshi 1998: 330-350); Говиндан Параиль отмечал, что разви-

³ Sen A. 1988. *The Concept of Development*. Handbook of Development Economics. Volume 1. Edited by H. Chenery and T.N. Srinivasan. Elsevier Science Publishers B.V. 350 p. P. 15.

тие социального капитала необходимо для успешного развития национальной экономики (Parayil 1992: 941-957).

Научные изыскания по проблеме были обобщены в докладе «Развитие человеческого потенциала для устойчивого развития», представленном индийским Министерством по охране окружающей среды и лесов в 2002 г.⁴ Этот документ очертил основные задачи по обеспечению устойчивого развития индийской экономики: борьба с бедностью посредством активной поддержки и стимулирования микро- и малого бизнеса; развитие человеческого потенциала; повышение конкурентоспособности экономики; введение экостандартов для сохранения природно-ресурсного потенциала страны; использование энергосберегающих технологий; развитие демократического общества и активное включение в социальную жизнь граждан; поддержание независимых судебной ветви власти и СМИ и др. Конкретные меры для этих задач были сформулированы при разработке X пятилетнего плана (2002–2007): переход к обязательному начальному образованию и повышение уровня грамотности до 75%; сокращение гендерного неравенства в уровнях грамотности и заработной платы; сокращение младенческой и материнской смертности; увеличение лесопокрытой площади; обеспечение всему населению доступа к питьевой воде; очищение загрязнённых рек.

Ключевое значение для достижения целей устойчивого развития имеет ускорение темпов развития экономики, что, в свою очередь, увязывается с необходимостью поддержки малого бизнеса во всех его формах (Галищева 2014).

Успехи в экономике неоспоримы: Индия десять лет сохраняет за собой третье место⁵ в мире по объёму ВВП по ППС; по оценке МВФ, в 2019 г. страна впервые поднялась на пятую позицию по ВВП по обменному курсу, после США, КНР, Японии и ФРГ⁶. Прогнозы темпов экономического роста оптимистичны: 7,5% в 2020 г., 7,7% в 2024 г.⁷ Запущенная в 2014 г. нынешним премьер-министром Н. Модии программа *Make in India* привела к беспрецедентному росту притока ПИИ в индийскую экономику, объём которых, по предварительным оценкам UNCTAD, в 2019 г. достиг 49 млрд долл.⁸ Индийские компании со своими товарами, услугами и капиталом уверенно проникают на рынки не только развивающихся, но и развитых государств.

⁴ Empowering People for Sustainable Development. 2002. *Ministry of Environment and Forest (MoEF), Government of India* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.envfor.nic.in/divisions/ic/wssd/doc1/forward.htm> (accessed 30.06.2020).

⁵ По оценкам МВФ, объём индийского ВВП по ППС составил 11,326 трлн долл. (около 8% мирового объёма ВВП). *List of Countries by GDP (PPP)*. [Электронный ресурс]. URL: www.statisticstimes.com/economy/countries-by-gdp-ppp.php (accessed 30.06.2020).

⁶ По оценкам МВФ, объём индийского ВВП по обменному курсу составил 2,936 трлн долл. (около 3,4% мирового объёма ВВП). *Projected GDP Ranking (2019-2024)*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statisticstimes.com/economy/projected-world-gdp-ranking.php> (accessed 30.06.2020).

⁷ World Economic Outlook: Growth Slowdown, Precarious Recovery. April 2019. *International Monetary Fund*. P. 160.

⁸ *India attracted \$49 billion FDI in 2019, among top 10 recipients of overseas investment: UNCTAD*. [Электронный ресурс]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/india-attracted-49-billion-fdi-in-2019-among-top-10-recipients-of-overseas-investment-unctad/articleshow/73441481.cms> (accessed 30.06.2020).

На этом фоне решение социальных проблем продвигается с большим трудом. В стране по-прежнему высок уровень бедности: по данным *Human Development Report 2019*, он составил 21,9% по национальной методике подсчёта в 2007-2018 г. и 58% - по международной методике в 2007-2017 гг. (при этом уровень сверхбедности – 21,2%)⁹ (см. табл. 1). Столь существенная разница обусловлена крайне низким уровнем прожиточного минимума: 972 руп. в месяц для жителей села и 1407 руп. для горожан.

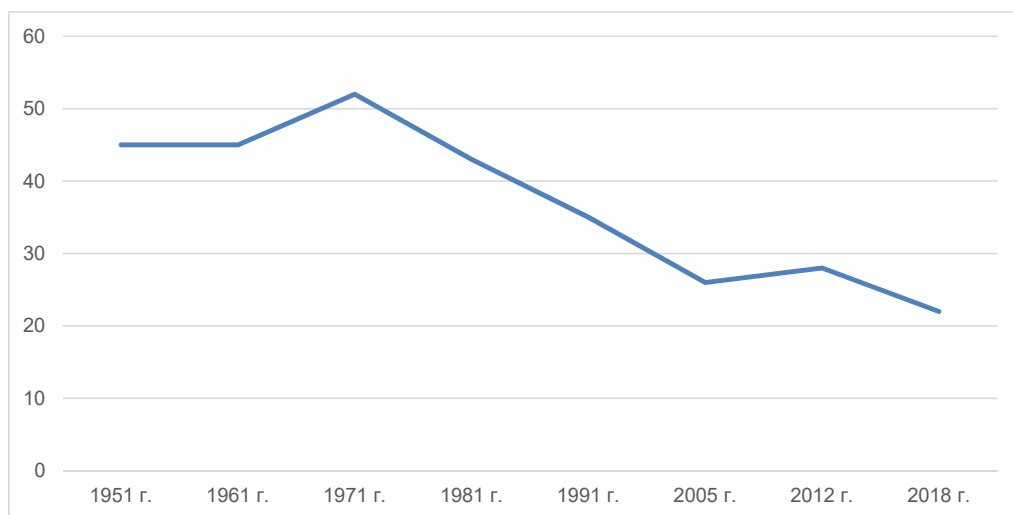


Рисунок 1. Уровень бедности в Индии в 1951-2018 гг. по национальной статистике (%)

Fig 1. The poverty rate in India in 1951-2018 according to national statistics (%)

Источник: (Медовой, Галищева 2009: 346); Human Development Report. Various Issues. Kaur R. Poverty and its Causes in India. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mapsofindia.com/my-india/society/poverty-in-india-and-its-causes> (accessed 30.06.2020).

Достижение продовольственной безопасности также остаётся серьёзным вызовом. По данным ФАО, в 2015-2017 гг. в Индии насчитывалось свыше 183 млн недоедающих, или 14,8% населения. В пореформенный период абсолютное число недоедающих сократилось незначительно (см. табл. 1).

Другая нерешённая проблема – сравнительно низкий уровень грамотности, 71,2% в 2018 г., это самый низкий показатель среди стран БРИКС¹⁰. В среднем граждане проводят в школе 6,4 года, что едва превышает продолжительность

⁹ *Human Development Report 2019*. Beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). P. 320.

¹⁰ *Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalhungerindex.org/pdf/en/2018.pdf> (accessed 30.06.2020).

обучения в начальной школе¹¹. При этом уровень грамотности среди женщин ниже, чем среди мужчин (соответственно 65,5% и 84%), как и среднее количество лет школьного обучения (4,7 года для девочек и 8,2 – для мальчиков¹²).

Таблица 1. Масштабы недоедания в Индии в 1990-2016 гг.

Table 1. The extent of malnutrition in India in 1990-2016

1990-1992 гг.		2000-2002 гг.		2005-2007 гг.		2010-2012 гг.		2014-2016 гг.		2015-2017 гг.	
млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%
210,1	23,7	185,5	17,5	233,8	20,5	189,9	15,6	194,6	15,2	183,5	14,8

Источники: The State of Food Insecurity in the World 2015. FAO UN, IFAD, WFP. Available at: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/a-i4646e.pdf>. (accessed 30.06.2020). Global Hunger Index: Forced Migration and Hunger 2018. FAO UN, IFAD, WFP. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (accessed 30.06.2020).

В текущей демографической ситуации замедление спроса на неквалифицированную рабочую силу может привести к дальнейшему росту безработицы¹³, особенно молодёжной - в настоящее время, по официальным данным, безработица составляет соответственно 3,5% и 10,5%¹⁴.

С учётом вышесказанного, достижение целей устойчивого развития неразрывно связано с решением социальных проблем, в том числе путём поддержки малого бизнеса.

Напомним, что ещё в 1986 г. американский индолог Густав Ф. Папанек указывал, что причина медленного сокращения уровня бедности в Индии заключается в том, что в условиях капиталоинтенсивного экономического роста спрос на неквалифицированную рабочую силу низок. Папанек считал, что Индии следовало бы развивать трудоёмкие отрасли (The Indian Economy... 1989: 138), то есть фактически активно поддерживать мелкое производство.

Другой американский индолог Е.Б. Лукас также отмечал целесообразность поддержки мелкого производства в Индии, учитывая высокий уровень бедности и значительную численность низкоквалифицированной рабочей силы. В эпоху перехода от политики импортозамещения и к либеральной модели хозяй-

¹¹ В соответствии с образовательным стандартом продолжительность обучения в начальной школе пять лет.

¹² Human Development Indices and Indicators. 2018 Statistical Update. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalhungerindex.org/pdf/en/2018.pdf> (accessed 30.06.2020). Human Development Report 2019. Beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). P. 314.

¹³ Скрытая безработица превышает 10%, выше среднего этот показатель в кустарной промышленности и сельском хозяйстве. Большинство занятого здесь населения официально нигде не работает.

¹⁴ Human Development Report 2019. Beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century. Published for the United Nations Development Program (UNDP). P. 332.

ствования он призывал правительство разработать новые меры для поддержки малого производства (The Indian Economy... 1989: 187-188).

Вопрос о том, чтобы увязать поддержку мелкого производства в развивающейся стране с решением социальных проблем неоднократно поднимался в работах южно-азиатских учёных. Так, непальский экономист Трибхуван Мадхави Сингх Шах подчёркивает значение малого бизнеса и, в частности, мелкого производства, для ускоренного развития экономики Непала. По его мнению, особую актуальность проблеме придаёт то обстоятельство, что, как правило, в мелком производстве трудятся женщины. Таким образом, поддерживая малый бизнес, правительство не только решает проблему феминизации безработицы, но и добивается снижения безграмотности среди женщин, повышения их квалификации, а также снижения рождаемости (Nepalese Economy... 2004: 423-424).

Индийский экономист Прит Рустаги отмечает, что, развивая малый бизнес и вовлекая в общественный труд женщин, государство уменьшает гендерный дисбаланс, устраняет остроту проблемы недоедания среди женщин, улучшает доступ женщин к медицинскому обслуживанию. Это важно для Южной Азии – региона, который Рустаги называет «поясом патриархальности» (SAARC 2006: 309-310).

На вклад малого бизнеса, и особенно мелкого производства, в решение проблемы безработицы указывал и пакистанский экономист С. Акбар Заиди: «фокус на развитие предприятий мелкой промышленности в итоге приводит к самому социально эффективному типу распределения капитала и, таким образом, имеет самый существенный потенциал для создания производительной занятости» (Zaidi 2014: 135, 137).

Место и классификация мелкого производства в индийской экономике на современном этапе

За период импортозамещения (1947–1991 гг.) позиции мелкого производства в индийской экономике заметно укрепились. К 1992 г. – началу либеральных реформ – его доля в экспорте увеличилась до 30%, а за пореформенный период (к 2016 г.) – уже до 40%. Доля мелкого производства в промышленном производстве увеличилась до 31,5% и 45% соответственно. В 2018 г. на мелкое производство приходилось 40% экспорта Индии, около 80% занятых в промышленности, 45% производства промышленных товаров (см. табл. 2). Вклад этого сегмента индийской экономики в ВВП превышал 8%¹⁵; правительство намеревается поднять этот показатель до 25% к 2022 г. и создать 100 млн рабочих мест, что позволит нарастить ВВП до 22 трлн долл.¹⁶

¹⁵ Ministry of Micro, Small&Medium Enterprises. What are Micro, Small&Medium Enterprises [Электронный ресурс] URL: <https://msme.gov.in/know-about-msme> (accessed 30.06.2020).

¹⁶ Ibid.

Таблица 2. Эволюция места мелкого производства в экономике Индии в 1961–2016 гг.**Table 2. Evolution of the place of small-scale production in the Indian economy in 1961-2016**

Год	Доля в экспорте (%)	Доля в промышленном производстве (%)	Число предприятий (млн)
1961	-----	9,6 (по данным за 1971/72 ф.г.)	0,036
1980	-----	26,5 (по данным за 1981/82 ф.г.)	0,800
1992	30	31,5 (по данным за 1991/22 ф.г.)	2,082
2000	33	34,3 (по данным за 2001/02 ф.г.)	3,225
2016	40	45,0 (по данным за 2014/15 ф.г.)	36,000

Источник: (Misra, Puri 2001: 584, 588, 590; 21; 25); Ministry of Micro, Small&Medium Enterprises. What are Micro, Small&Medium Enterprises. [Электронный ресурс]. URL: <https://msme.gov.in/know-about-msme> (accessed 30.06.2020).

В настоящее время малый бизнес, составной частью которого является мелкое производство, развивается в Индии повсеместно, причём как в формальном, так и неформальном секторе (Брагина 2012). При этом максимальная концентрация наблюдается в северных и северо-восточных штатах страны (см. табл. 3). Самыми перспективными видами малого бизнеса в сфере услуг считаются репетиторство, разработка сайтов для компаний, переводческая деятельность, салоны красоты, консультационные центры по развитию карьеры, работа спичрайтеров и блогеров, доставка еды.

Таблица 3. Географическое распределение предприятий малого бизнеса в Индии (млн предприятий), 2018 г.**Table 3. Geographical distribution of small businesses in India (million enterprises), 2018**

Штат	млн предприятий
Западная Бенгалия	5,3
Уттар Прадеш	5,3
Махараштра	4,6
Тамилнад	3,3
Андрха Прадеш	2,8
Керала	2,4
Раджастан	2,3
Гуджарат	2,2
Карнатака	2,2
Мадхья Прадеш	2,0

Источник: Ministry of Micro, Small&Medium Enterprises. What are Micro, Small&Medium Enterprises [Электронный ресурс]. URL: <https://msme.gov.in/know-about-msme> (accessed 30.06.2020).

К мелкому производству относят хозяйства различного социального типа, зачастую разных экономических укладов. Из этого следует обособленность вос-

производственного цикла и неодинаковая реакция на экономическую политику государства, интервенция которого в сферу докапиталистических и мелкокапиталистических форм хозяйства иногда приводит к противоречивым последствиям, в том числе для социального развития страны (Медовой, Галищева 2009: 138).

По социальным и материально-техническим показателям мелкая промышленность, включающая мелкотоварное производство и различные формы мелкокапиталистической промышленности, делится на два сегмента: современный (т.н. современное мелкокапиталистическое производство) и традиционный (традиционное, или кустарное, производство).

К «современному мелкокапиталистическому производству» относят немеханизированные предприятия (*small scale industries*) с численностью занятых менее 20 человек и механизированные предприятия (*power looms*), где число занятых не превышает 10 человек. Вклад немеханизированных предприятий в общий объём продукции мелкого производства достигает почти 4/5, а механизированных предприятий – 1/10 (Kapila 2005: 387). В основе отраслевой классификации лежит размер основного капитала от 2,5 млн до 50 млн руп. (см. табл. 4). Итак, «современное мелкокапиталистическое производство» включает мелкотоварное производство и различные формы мелкокапиталистической промышленности. В целом на этот сегмент приходится около 5% основного капитала промышленности (Галищева 2009: 75). Широко распространены предприятия по производству электроники, компьютеров и их комплектующие и проч.

Таблица 4. Классификация малого и среднего бизнеса в Индии по величине основного капитала (млн руп.), 2018 г.

Table 4. Classification of small and medium-sized businesses in India by fixed capital (million rup.), 2018

	Промышленный сектор	Сфера услуг
Микропредприятие	Менее 2,5 млн руп.	Менее 1 млн руп.
Малое предприятие	2,5 – 50 млн руп.	1-20 млн руп.
Среднее предприятие	50 – 100 млн руп.	20 – 50 млн руп.

Источник: Ministry of Micro, Small&Medium Enterprises. What are Micro, Small&Medium Enterprises [Электронный ресурс]. URL: <https://msme.gov.in/know-about-msme> (accessed 30.06.2020).

Традиционное, или кустарное, производство унаследовало опыт и навыки общинного хозяйства. Здесь используются простейшие станки и инструменты, неквалифицированная рабочая сила, за редким исключением не применяются наёмный труд. Традиционное производство характерно для сельской местности. Ассортимент продукции состоит главным образом из тканей и ковров, простых инструментов и различных украшений. Продукция предназначена преимуще-

ственно для местного рынка, хотя в ряде случаев через может выходить на национальный и даже мировой рынок (Медовой, Галищева 2009: 139).

Традиционное производство подразделяется на шесть видов: народные промыслы (*handicrafts*), вклад которых в общий объём создаваемого продукта всеми формами мелкого производства страны составляет 5%; предприятия с ручным ткацким станком (*handlooms*), вклад которых – 4%; домотканое производство (*khadi*); шелководство (*sericulture*); предприятия по производству койры (*coir*); кустарная промышленность на селе (*village industries*) (Kapila 2005: 387).

Мелкое производство в 1950-2010-е гг.

Поддержке мелкого производства в Индии придают важное значение, так как эффективное функционирование этого сегмента экономики считается необходимой предпосылкой здорового экономического роста и стабильности. Ещё М.К. Ганди говорил о том, что нужно укреплять мелкие и кустарные производства для сохранения национальных и культурных традиций Индии (Галищева 2009: 76). Прялка, как символ кустарной промышленности, изображена на государственном флаге. Принятая в 1948 г. Резолюция о промышленной политике (*Industrial Policy Resolution, 1948*) была направлена не только на расширение производственной мощи государства за счёт создания тяжёлой промышленности, расширения государственного сектора, развития кооперативного движения, но и на поддержку кустарной промышленности¹⁷. Сочетание столь разнородных целей было в тех условиях целесообразным. Как подчёркивал П.Ч. Махаланобис, Индии тяжёлая промышленность необходима, но на каждый инвестированный доллар она создаёт ограниченное количество рабочих мест¹⁸. Поэтому в интересах национальной экономики промышленная политика первых лет независимости совмещала развитие металлургии, машиностроения, электроэнергетики и проч. с поддержкой и субсидированием кустарной промышленности, обеспечивающей занятость большого числа граждан. Эту политику можно понимать как попытку достичь сбалансированного развития за счёт оптимального и рационального сочетания производительных сил, принадлежащих к различным укладам (Галищева 2019: 215). Государственная поддержка мелкой промышленности была адресована главным образом традиционному производству, поскольку его разрушение грозило скачкообразным ростом безработицы (Маляров 2010: 610). В целях формирования устойчивой институциональной структуры поддержки малого бизнеса были созданы четыре региональных института, оказывающих услуги малым предприятиям (*Regional Small Industries*

¹⁷ *Industrial Policy Resolution, 1948*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gktoday.in/gk/industrial-policy-resolution-1948/> (accessed 30.06.2020).

¹⁸ *Text of the Planning's Commission's Proposal for the Second Five Year Plan*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.planningcommission.gov.in/plans/planrel/fiveyr/welcome.html> (accessed 30.06.2020).

Service Institutes), а также Национальная корпорация мелкой промышленности (*The National Small Industries Corporation*), подчинявшиеся Министерству по микро-, малым и средним предприятиям (*The Ministry of Micro-, Small and Medium Enterprises*). На поддержку и субсидирование кустарной промышленности в 1950-1955 гг. было потрачено 420 млн руп. (Misra, Puri 2001: 589).

Вторая Резолюция о промышленной политике от 1956 г. (*Industrial Policy Resolution, 1956*), сохраняя преемственность по отношению к аналогичному документу 1948 г., также уделила внимание развитию мелкой промышленности. Архитекторы индийской экономики предписывали мелкой промышленности важную функцию поставщика рабочих мест, обеспечивающего эффективную мобилизацию человеческого капитала. Отраслям мелкой промышленности (их число в 1967 г. достигало 47, в 1976 г. – 180, в 1978 г. – 504) оказывалась прямая и косвенная помощь¹⁹. Экономические преобразования конца 1960-х гг. – начала 1970-х гг. (национализация 14 коммерческих банков, ограничение деятельности иностранного капитала, проведение антимонопольных мер) поддержали мелкое производство, и это положительно сказалось на развитии индийской экономики. Мелкое производство выросло не столько из мелкотоварного производства, сколько из мелких торговцев и ростовщиков. Число мелких промышленных предприятий, зарегистрированных в промышленных департаментах штатов, увеличилось с 36 тыс. в 1961 г. до 800 тыс. в 1980 г. Общая численность предприятий, нанимающих не менее одного рабочего, возросла в не-сельскохозяйственных отраслях с 480 тыс. в 1951 г. до 3,3 млн в 1980 г. (Индия... 1987: 24). Таким образом, расширение массовой базы капиталистического развития за счёт мелкого производства способствовало повышению устойчивости развития страны, а также расширило возможности вовлечения рабочей силы в производство.

Последним программным документом, регулирующим развитие индустриального сектора в дореформенный период, стала Промышленная политика 1980 г. (*Industrial Policy, 1980*). Согласно положениям этого документа, число зарезервированных за мелкой промышленностью отраслей к 1984 г. увеличилось до 863 (*The Indian Economy...* 2004: 67). Для финансовой поддержки мелкого производства в 1984 г. были основаны Банк по развитию мелкой промышленности (*The Small Industries Development Bank of India*) и Национальный банк по развитию сельского хозяйства и села (*The National Bank for Agricultural and Rural Development, NABARD*).

В рамках Новой промышленной политики, запущенной в 1991 г. (*The New Industrial Policy, 1991*), реализуется Новая политика для малых предприятий (*The New Small Enterprise Policy*). Финансовая помощь микропредприятиям предоставляется на регулярной основе, а малым – на разовой (*The Indian Economy...*

¹⁹ *Industrial Policy Resolution, 1956* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gktoday.in/gk/industrial-policy-resolution-1956/> (accessed 30.06.2020).

2004-2005: 516). Такой подход к финансированию преследует цель помочь микропредприятию найти свою производственную нишу и перейти в разряд малого бизнеса («современное мелкое производство»). Большую помощь получает кустарная промышленность села в расчёте на сдерживание излишней миграции в города (Agraval 2002: 482, 493).

Хотя значительная часть предприятий мелкой промышленности малоэффективны (недогрузка производственных мощностей достигает 30%), государство оказывает им поддержку как на микро-, так и макроуровне. Микроуровень – это предоставление налоговых и банковских льгот, ряда консультационных услуг, помощь в подготовке кадров и т.д. На эту помощь можно рассчитывать, если предприятие не было создано путём раздела или преобразования существовавшей ранее промышленной единицы или переводом из старого предприятия ранее использованного заводского оборудования, и если на нём производится тип продукции, зарезервированный за мелкой промышленностью.

Для финансирования мелкой промышленности в Индии действует разветвлённая и достаточно эффективная система банковских услуг. Для них упрощены банковские процедуры, предусмотрен льготный процент по займам до 200 тыс. руп.

Макроуровень подразумевает практику резервирования за мелкой промышленностью некоторых видов продукции (в 2018 г. около 350 наименований); крупным предприятиям производить эту продукцию запрещено. Другой способ государственной помощи малому бизнесу – выдача госзаказа на благоприятных для производителей условиях (Misra, Puri 2001: 592).

Деятельность банка NABARD по поддержке малого бизнеса

Ключевую роль в оказании помощи предприятиям малого бизнеса играет Национальный банк по развитию сельского хозяйства и села (NABARD). Одним из первых кредитных учреждений в Индии этот банк стал предоставлять кредиты на развитие микро- и малых предприятий села. К настоящему времени банк реализовал 324 проекта и, что самое важное, вовлёк в их орбиту более 15 тыс. женщин²⁰. Самый известный проект, реализуемый с 1992 г. вплоть до настоящего времени, – Программа организации связи групп самопомощи с банками (*Self-Help Groups Bank Linkage Program – SHGBLP*).

Группы самопомощи начали появляться в Индии в 1987 г. как совместный проект NABARD, Резервного банка Индии (центральный банк страны) и ряда неправительственных организаций для кредитования крестьянской бедноты. Проект был задуман для снижения бедности, безграмотности, безработицы,

²⁰ Status of Microfinance in India 2017-18. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nabard.org/auth/writereaddata/tender/SMFI%202017-18.pdf> (accessed 30.06.2020).

прежде всего среди женщин. Предполагалось также, что вовлечение женщин в общественную деятельность и предоставление им рабочих мест снизит рождаемость. К 1992 г. в стране насчитывалось 500 групп самопомощи, которые были подключены к специально созданной Программе *SHGBLP*. В 1996 г. Резервный банк Индии внёс программу финансирования групп самопомощи в число приоритетных сфер финансирования коммерческих банков²¹. К 2006 г. число групп самопомощи выросло до 2,2 млн, а к 2018 г. – до 8,7 млн; они охватывали 100 млн домохозяйств. Общий объём сбережений этих групп составил 195 млн руп.²²

В настоящее время группа самопомощи представляет собой своеобразный финансовый комитет из 10-20 человек, включая женщин, преимущественно принадлежащих к одной социальной страте. Эти группы делают сбережения, которые в дальнейшем либо трансформируются в инвестиции, либо вносятся на депозиты в коммерческий банк, либо выдаются как кредит члену группы или кому-то из жителей деревни. Если капитала для начала или для развития предпринимательской деятельности недостаточно, группа может получить кредит под низкий процент в коммерческом банке, входящем в Программу *SHGBLP*. В 2018 г. из 8,7 млн групп этой возможностью воспользовались 5 млн групп. Среди прочего, группы самопомощи выполняют роль своеобразного клуба, где женщины из бедных семей общаются по всем жизненно важным вопросам – от питания и здоровья до методов контрацепции.

Методы и принципы работы *NABARD*, как и сам проект *SHGBLP*, выстроены по образцу Грамин Банка (*Grameen Bank*²³) соседней Бангладеш. Этот банк (в Бангладеш его называют банком для бедных) и его основатель Мухаммад Юнус стали лауреатами Нобелевской премии мира 2006 г.

В начале второго десятилетия XXI в. число заёмщиков *Grameen Bank* превысило 7,5 млн человек, 97% из которых – женщины²⁴. Деятельность банка способствует повышению качества жизни заёмщиков: они обязуются перед банком пить только кипячёную или бутилированную воду, отправить своих детей в школу, следить за их здоровьем и проч. К числу положительных последствий деятельности *Grameen Bank* следует отнести более чем двукратное сокращение в стране домашнего насилия в отношении женщин, получивших кредит (Yunus 2010: 314). Работа банка построена по принципу солидарного кредитования:

²¹ В Индии существует обязательный порог кредитования «приоритетных» секторов (40% — для национальных банков и 32% — для иностранных), к которым относятся сельское хозяйство, малый бизнес и экспортная составляющая внешней торговли. Это означает, что 40% всех выдаваемых национальными коммерческими банками и 32% иностранными коммерческими банками кредитов должны быть предоставлены на финансирование деятельности фирм в приоритетных секторах.

²² *Status of Microfinance in India 2017-18*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nabard.org/auth/writereaddata/tender/SMFI%202017-18.pdf> (accessed 30.06.2020).

²³ Название *Grameen Bank* на русский язык с санскрита можно перевести как «Сельский банк».

²⁴ В Бангладеш деятельность этого банка помогла 68% семей преодолеть национальную черту бедности (Yunus 2010: 308-309).

заёмщики образуют группу из пяти человек, состав которой предварительно одобряется менеджерами местного отделения банка. Группа выбирает лидера, разрабатывающего план по вложению кредитных средств. Каждый член группы может брать кредит без обеспечения, но при обязательном условии, что первые два заёмщика группы уже вернули банку заёмные средства в полном объёме. Как показывает практика, доля возвращённых кредитов в *Grameen Bank* достигает 98%.

Актуальные проблемы малого бизнеса

Малый бизнес содействует использованию латентных ресурсов и создаёт внушительное число рабочих мест, прежде всего в сфере трудоёмких производств (см. табл. 5). На его счету решение многочисленных социальных проблем, в том числе и тех, которые стали появляться в последнее время: усиление миграции в города и рост концентрации промышленности. Мелкое производство располагает серьёзным экспортным потенциалом (по таким товарным позициям, как ковры, изделия из шёлка, дерева, ювелирные изделия). При этом многие производства сферы не требуют больших финансовых вложений.

Таблица 5. Динамика создания новых рабочих мест в малом бизнесе Индии в 2002/03 ф.г. – 2014/15 ф.г.

Table 5. Dynamics of creating new jobs in small business in India in feng 2002/03 - 2014/15 f.y.

	2002/03 ф.г.		2003/04 ф.г.		2004/05 ф.г.		2009/10 ф.г.		2014/15 ф.г.	
	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%
Рабочие места	20,0	4,01	27,1	4,31	28,3	4,37	92,2	4,70	117,1	5,12

Источник: Status of Microfinance in India 2017-18 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nabard.org/auth/writereaddata/tender/SMFI%202017-18.pdf> (accessed 30.06.2020).

Среди основных проблем развития как мелкого производства в Индии, в частности, так и малого бизнеса, в целом, несмотря на хорошо организованную и разветвлённую сеть микрофинансирования, главным препятствием к развитию малого бизнеса остаётся недостаточное финансирование. Сохраняет актуальность замечание индийского экономиста П.П. Садесара: «малый бизнес извечно оставался бедным родственником крупного бизнеса» (Misra, Puri 2001: 594).

Другая проблема малых предприятий – отсутствие организованного маркетинга, несовершенство менеджмента, слабость инфраструктуры (недоиспользование или простаивание мощностей, низкое качество трудовых ресурсов). Государство поставляет мелкой промышленности сырьё и материалы, но зачастую низкого качества; к тому же система распределения недостаточно прозрачна и эффективна.

В настоящее время на передний план выходит противоречие между социальной функцией малого бизнеса и потребностью в модернизации экономики. Представляется, что в краткосрочной перспективе индийский истеблишмент не будет предпринимать решительных шагов по модернизации малых предприятий. Любые попытки в этом направлении будут встречать сопротивление самих предпринимателей и неизбежно повлекут за собой рост уровня безработицы, а вместе с ней и обострение других социальных проблем. Задача модернизации этого сектора откладывается на среднесрочную перспективу, и её реализация будет увязана с решением проблемы развития человеческого потенциала.

Малый бизнес, включая мелкое производство, представляет собой важнейший элемент социально-экономической структуры индийской экономики. Будучи одним из основных поставщиков рабочих мест, этот сегмент экономики оказывает положительное влияние на решение социальных проблем. Исходя из понимания важности этой социальной функции, государство традиционно включает поддержку малого бизнеса в структуру государственного регулирования. Создана нормативная среда для функционирования предприятий малого бизнеса, а субъекты, работающие в приоритетных для государства направлениях, получают адресную помощь через налоговые льготы, льготный доступ к кредитам, облегчённый доступ к информации, консультирование, обучение, техническую поддержку и проч. Государство целенаправленно ограничивает экспансию крупного бизнеса, резервируя за традиционным производством отдельные отрасли по принципу «всё, что может производиться мелкими предприятиями, должно производиться ими». Реализуются программы подготовки рабочей силы для этого сегмента экономики, а в каждом пятилетнем плане предусматриваются расходы на финансирование мелкой промышленности. Одновременно предпринимаются усилия по созданию инвестиционного климата который содействовал бы переходу мелкого производства на более высокую ступень развития.

Поддержка мелкого производства, особенно начиная с 1980-х гг. и вплоть до настоящего времени, реализуется параллельно с осторожными попытками модернизации производства. В связи с тем, что модернизация неизбежно приводит к сокращению спроса на неквалифицированную рабочую силу, можно ожидать, что в кратко- и среднесрочной перспективе подходы государства к поддержке малого бизнеса (прежде всего, через создание новых рабочих мест) станут разнообразнее. Поддержка мелкого производства превратилось в инструмент по достижению целей устойчивого развития. Государственная промышленная политика традиционно рассматривает мелкую промышленность как поставщика рабочих мест, способного обеспечить эффективную мобилизацию и постепенное развитие человеческого капитала.

Индийскому правительству удалось найти оптимальный баланс между крупным и малым бизнесом, способствующий развитию национальной экономики. Предприятия мелкой промышленности зачастую выполняют заказы

крупных компаний на условиях подряда и субподряда. Однако более важной представляется социальная функция: малый бизнес при относительно невысоких затратах создаёт новые рабочие места, что приводит к увеличению доходов населения и смягчению социальной напряжённости в стране, что особенно актуально с учётом высокой доли бедных слоёв населения.

Недавние либеральные реформы благоприятно отразились на состоянии микро- и малого бизнеса Индии: существенно увеличилось число предприятий и стоимостной объём выпускаемой ими продукции. Происходит укрепление позиций малого предпринимательства, его вклад в решение проблемы устойчивого развития возрастает.

Об авторе:

Наталья Валерьевна Галищева – доктор экономических наук, заведующая кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: galistcheva@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 05, 2020

Accepted: April 15, 2020

The Role of Small-Scale Industries in Achieving the Sustainable Development: the Experience of India

N.V. Galistcheva

DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-151-169

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: The article deals with the role of small scale industry in India in achieving the sustainable development. The author draws attention to the fact that the small scale industry promotion policy impacts significantly not only on decreasing the unemployment rate as well as long-term and youth unemployment but also on solving such acute social problems as poverty, famine, undernourishment and food insecurity, lack of quality education, gender inequality and the empowerment of women. The author pays attention to the evolution of small business in India in 1950-2010s. It argues convincingly that due to significant number of population as well as low-skilled labor on the one hand and limited financial resources on the other one small business has been considered to be a buffer between modern big business and the bulk of the population remaining outside it. The author considers the effectiveness of the industrial policy through the prism of stimulating small-scale industry and changing its place in the Indian economy. The author examines the activity of the *The*

National Bank for Agricultural and Rural Development (NABARD) which is considered to be the most important institution which looks after the development of the small scale industries. The aim of NABARD was poverty reduction and development assistance (it's one of the premier agencies providing developmental credit in rural areas). The article presents the definition of small scale industry in India both in terms of employment level and the investment limits as well as statistical data on number of units, its share in industrial production and exports and expansion of small scale sector in 2000-2010s. The author identified main problems facing cottage and small scale industries in India at the present time.

The research is based on the systematic approach to the study of national economy using basic methods of scientific knowledge such as induction and deduction, analysis and synthesis.

Key words: the economy of India, the liberal reforms, sustainable development, social problems in India, small business, small scale industry in India, cottage industry, NABARD, National Small Industries Corporation

About the author:

Natalia V. Galistcheva – Doctor of Science in Economics (Dr. Sc. oec. habil.), the head of the department of the World Economy, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: galistcheva@yandex.ru

Conflict of Interests: Author declares the absence of the conflict of interests.

References:

- Agraval R. 2002. *Business Environment*. 2nd Edition. New Delhi: Excel Books. 818 p.
- Indian Development: Selected Regional Perspectives*. 1997. Ed. by Sen Dreze, Amartya Sen, Jean Dreze. Oxford University Press. 448 p.
- Joshi V. 1998. India's Economic Reforms: Progress, Problems, Prospects. *Oxford Development Studies*. 26(3). P. 330–350.
- Kapila U. 2005. *Indian Economy*. New Delhi: Academic Foundation. 490 p.
- Misra S.K., Puri V.K. 2001. *Indian Economy – Its Development Experience*. Nineteenth Revised and Enlarged Edition. S.K. Misra, V.K. Puri. New Delhi: Himalaya Publishing House. 955 p.
- Nepalese Economy: Towards Building a Strong Economic Nation-State*. 2004. Edited by Madan Kumar Dahal. Kathmandu: Central Department of Economics, Tribhuvah University and New Hira Books Enterprises. 589 p.
- Parayil G. 1996. The Kerala Model of Development: Development and Sustainability in the Third World. *Third World Quarterly*. 17(5). P. 941-957. DOI:10.1080/01436599615191
- SAARC. 2006. Ed. by Imtiaz Alam. Pakistan, Lahore: SAPANA. 499 p.
- The Indian Economy since Independence*. 2004-2005. 16th Edition. Ed. by Kapila Uma. New Delhi: Academic Foundation. 1040 p.
- The Indian Economy: Problems and Prospects*. 2004. Ed. by Bimal Jalan. New Delhi: Penguin Books. 427 p.
- The Indian Economy: Recent Development and Future Prospects*. 1989. Edited by Robert E.B.Lucas and Gustav F. Papanek. New Delhi: Oxford University Press. 374 p.
- Yunus M. 2010. Moingeon Bertrand and Lehmann-Ortega Laurence. Building Social business Models: Lessons from the Grameen Experience. *Long Range Planning*. № 43. P. 308-325.

Zaidi A.S. 2014. Issues in Pakistan's Economy. S. Akbar Zaidi. Oxford University Press. Karachi. 530 p.

Bragina E.A. 2012. Neformal'ni trud v ekonomike Indii [Informal Activity in the Indian Economy]. *Mirovye i nacional'noe hozyajstvo*. 3(22). P. 2-5. (In Russian).

Galishcheva N.V. 2009. Ekonomika stran Yuzhnoi Azii [The Economy of South Asian Countries]. Moscow: MGIMO University Publ. 768 p. (In Russian).

Galishcheva N.V. 2014. «Model' Kerala» – model' ustoichivogo razvitiya indiiskoi ekonomiki [«Kerala Model» is the Sustainable Development Model of the Indian Economy]. *Mirovye i nacional'noe hozyajstvo*. 3(30). P. 2-5. (In Russian).

Galishcheva N.V. 2019. Promishlennaya politika kak draiver razviniya ekonomiki Indii [The Industrial Policy as a Driver of the Development of the Indian Economy]. *Vestnik RUDN: Seriya Ekonomika*. 27(2). P. 205-222. (In Russian).

Indiya 1985-1986. Ezhegodnik [India 1985-1986. Yearbook]. 1987. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 383 p. (In Russian).

Malayarov O.V. 2010. *Nezavisimaya Indiya: evolyutsiya sotsialno-ekonomicheskoi modeli I razvitiye ekonomiki* [India in the Period of Independence: Evolution of the Socio-Economic Model and Economic Development]. In 2 books. Book 2/ Moscow. The Eastern Literature Publ. 775 p. (In Russian).

Medovoy A.I., Galishcheva N.V. 2009. *Ekonomika Indii* [The Indian Economy]. Moscow: MGIMO-Universitet. 352 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Брагина Е.А. 2012. Неформальный труд в экономике Индии. *Мировое и национальное хозяйство*. 3(22). С. 2-5.

Галищева Н.В. 2009. *Экономика стран Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Мальдивы, Бутан)*. Н.В. Галищева. Москва: Изд-во МГИМО (У) МИД России. 768 с.

Галищева Н.В. 2014. «Модель Керала» – модель устойчивого развития индийской экономики. *Мировое и национальное хозяйство*. 3(30). С. 14-26.

Галищева Н.В. 2019. Промышленная политика как драйвер развития экономики Индии. *Вестник РУДН: Серия Экономика*. 27(2). С. 205-222.

Индия 1985-1986. 1987. Ежегодник. Москва: Главная редакция восточной литературы. 383 с.

Малаяров О.В. 2010. *Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики*. В 2-х кн. Кн.2. О.В. Малаяров; Ин-т востоковедения РАН. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 775 с.

Медовой А.И., Галищева Н.В. 2009. *Экономика Индии*. А.И. Медовой, Н.В. Галищева. Москва: МГИМО-Университет. 352 с.

Women in Small and Medium Enterprises and Entrepreneurship in Japan

S. Rebrey

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The article undertakes a gender analysis of small and medium enterprises and entrepreneurship in Japan to find out whether they affect gender inequality, women and economy; what women empowerment could bring to the development of SME, entrepreneurship and economy in Japan. To answer these questions the author uses gap analysis (gender wage gap, enterprise size wage gap, education wage gap) per industry in dynamics; international comparisons, institutional analysis, trend analysis, case studies, historical analysis and policy analysis. The research finds out that SMEs in Japan maintain higher level of inequality, comparing to large enterprises. Interlocked business relations between SME and large corporations (keiretsu) and employment structure are major and unique factors that exacerbate gender inequality in Japan. Tracing back how labor relations were organized in Japan, the research finds that the exclusion of women from lifetime employment was supposed to suit women's best interests, however it resulted in subordinate position and economic dependence of women. Women's entrepreneurship in Japan presents an area of untapped potentials that could effectively tackle a set of socio-economic problems and impact exponentially women empowerment in Japan. Women business in Japan proves to be effective and profitable and, what is more important, it has a "human face" and occupies (among others) vacant niche of social care, both optimizing and humanizing it. Finally, the research concludes that female entrepreneurship requires more attention and support from the government.

Key words: Japanese SME, female entrepreneurship, gender inequality, women empowerment

Women empowerment have become a top priority for Japan since 2013, when *Womenomics* was introduced. *Womenomics* present a set of policies aimed to tackle gender inequality and facilitate women empowerment in Japan not only to bring justice and social inclusivity, but also to spur economic

УДК: 339.9

Received: March 25, 2020

Accepted: April 15, 2020

growth¹ – the most challenging goal for super-aging society (Acemoglu, Restrepo 2017; Bloom, Canning, Fink 2011; Harioka 2017; Lee, Shin 2019; Liu, Westelius 2016; Nakamura, Kaihatsu, Yagia 2018).

Gender inequality and female discrimination in the workplace undermine competition, underexploit “the skills, ideas and perspectives of half of humanity” (Schwab 2018), which is particularly harmful in the era of talentism (Damiano 2017); and subsequently lowers economic output and growth. Some studies, however, prove the opposite: early industrialization used to exploit cheap female workforce, that increased the competitiveness of goods, fostered investments and accelerated economic growth (Seguino 2000). Nevertheless, growth-promoting effect of female discrimination is limited to early stages of development, rather than being universal. Further studies, including cross-country analyses explicitly emphasize crucial role of gender equality for economic growth (Schober, Winter-Ebmer 2011; Weichselbaumer, Winter-Ebmer 2005).

Small firms differ from large enterprises in terms of gender inequality. Initially, scholars concentrated only on gender discrimination in large enterprises (Ashenfelter, Hannan 1986; Becker 1971; Bergmann 1974; Bergmann 1986; Bielby, Baron 1984; Blau 1977; Blau, Feber 2018; Buckley 1971; Groshen 1991; McNulty 1967; Pfeffer, Davis-Blake 1987; Powell 1987). Troske and Carrington (Troske, Carrington 1995) pioneered the research of gender segregation in small firms and found that (1) “interfirm segregation is prevalent among small employers”, (2) “the education and sex of the business owner strongly influence the sex composition of a firm’s workforce”, (3) “interfirm segregation can account for up to 50 percent of the gender gap in annual earnings”. The series of works by Woodhams and Lupton show that small firms tend to maintain higher level of female discrimination (Woodhams, Lupton 2006) and demand specific policies and gender-based diversity management (Woodhams, Lupton 2009).

Female entrepreneurship deserves special attention. Female entrepreneur activity rises globally, so does the research of the phenomenon advances from the studying how female entrepreneurship differs from male (Berner et al. 2012, Minniti, Naudé 2010; Peredo, McLean 2006; Seelos, Mair 2005; Troske, Carrington 1995), to the establishment of “well-respected and defined area of academic inquiry” (Minniti, Naudé 2010), that includes network issues (Aldrich et al. 2002, Greve, Salaff 2003), issues related to health, motherhood, family position (Schindehutte et al. 2003; Williams 2004), female-owned businesses issues, (Bird, Brush 2002; Burke 2002; Carter 2003; Stewart et al. 2003), finance issues (Cervelló-Royo, Moya-Clemente, Ribes-Giner 2015; Garikipati 2008; Kabeer 2001; Ngo, Wahhaj 2012; Weber, Ahmad 2014). However, as De Bruin et al (2006), Green et al (2007) and Minniti and Naude (2010) and many others repeatedly emphasize, “female entrepreneurship is vastly understudied” (cit. Minniti, Naude 2010). Minniti and Naude (2010) explains the necessity of thorough examination of different practices of female entrepreneurship across the world for comprehension of

¹ Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html (accessed 26.06.2020)

the phenomenon, its causes, outcomes and policy implications. Thus, the research of Japan's SME through gender lenses is important for both Japan's economy (and SME in particular) to find obstacles for women empowerment and boost economic growth; and theoretical studies of gender issues of SME and female entrepreneurship.

I use Japan's Ministry of Economy, Trade and Industry (METI)'s White Papers on SMEs and Small Enterprises². Official data allows me not only to analyze statistics, but also to reflect on official agenda and priorities. Besides, I use statistics of Ministry of Health, Labor and Welfare, Ministry of Internal Affairs and Communication and international databases (OECD, UN, WEF, etc.) for international comparison, institutional analysis, trend analysis, case studies (Japanese female entrepreneurs' stories on Youtube and other open online sources), economic history methods for tracing origins and evolution of female labor in Japan.

The article consists of 3 parts: first concerns Japan's SME trends analysis through gender lenses in international comparisons (gender wage gap according to the size of enterprise and education level); second part dives into the origins and traces evolution of female labor in Japan up to present time; third part deals with female entrepreneurship in Japan by identifying major trends, factors, obstacles and stimulus, characteristics of female run business, social and economic effects.

Japanese SME through gender lenses

Japan's SMEs play great part in national economy, accounting for 99,7% of enterprises, almost 70% of employment and 53% of added value³. The gender wage gap in Japanese SMEs is striking: whether Japan holds first place among G7 and second among OECD members (after S. Korea) with average 25% gender wage gap according to OECD stat, more detailed national statistics show that gender wage gap hits 35% in small firms among low educated employees (lower & upper secondary school) (Fig. 1).

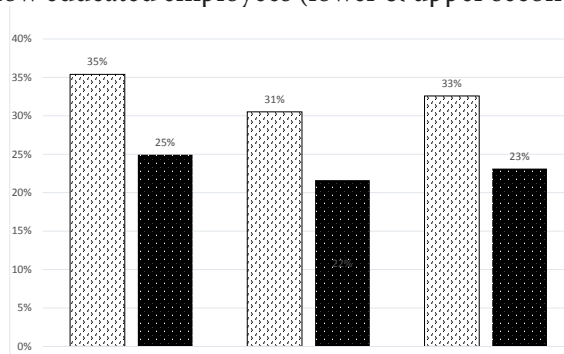


Figure 1. Gender Wage Gap per Enterprise Size and Education Level, 2017.

Source: Calculated by author based on data from Ministry of Health, Labor and Welfare, Japan, 2019.

² 2018年版 中小企業白書・小規模企業白書 概要 (Eng. White Papers on SMEs and Small Enterprises 2018) METI, Japan. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2018/04/20180420001/20180420001-3.pdf> (accessed 26.06.2020).

³ White Paper on Small and Medium Enterprises in Japan 2019. 2019. METI. Japan.

In fact, the gender income gap is even larger, because the data includes only monthly contractual earning of regular employees and omits additional, but important benefits of regular employees and particularly of the lifetime employment. Moreover, the gender wage gap of part-time and temporary employees might be higher. To understand the specifics of female discrimination, one should dive into Japan's employment structure. Many heard of lifetime employment and believe that every Japanese is employed for lifetime, but it is not true. Lifetime employment accounts for about 20% of Japan's employment and a vast amount of lifetime employees work in large enterprises. For lifetime job, gradually increasing salary, benefits (bonuses, pension, insurance, etc.) and respect, lifetime employees basically "belong" to their employers: they crucially overwork (12-18 hours a day), barely take days off, can be relocated out of a town or even the country. The ultimate quality of lifetime employee is *loyalty*. However, a woman is not seen loyal enough to participate in lifetime employment, as her first duty is to be a mother. When 1970-80-s saw golden age of lifetime employment, only men participated in it. In 1986 the new law of equal career opportunities for men and women forced employers to include women and that is what they did: they divided lifetime employees into two categories: *sogoshoku* and *ippanshoku*. *Sogoshoku* are specialists, managers, governance, whether *ippanshoku* is a female field and mostly administrative. The major difference is that if *sogoshoku* provides career growth according to experience which inquires rotation and education, *ippanshoku* does not. Roughly 80% of *ippanshoku* are female and 80% of *sogoshoku* are male (Lebedeva 2019). It means that women who participate in lifetime employment do not receive the benefits like gradual salary increase, career growth and lifetime education that men do. Besides that, tax system and social security facilitate unequal benefit distribution and gender wage gap. Spousal deduction tax system provides the spousal deduction of ¥380,000 if a spouse earns an annual income of less than ¥1.03 mn (US\$9,364). Social security covers dependent spouse and children for healthcare and the national pension by premiums deducted from a worker's salary at a cost no higher than the premium a single worker pays or that each member of a married working couple pays. As a result, women often agree with lower salary, what creates general atmosphere of acceptance of low salaries by "good mothers and wives" (Kaku 2015). Altogether, institutions in Japan view women primarily as mothers, who supposed to leave company for family and childbirth. It makes them weaker assets, not worthy of additional investments in education and career development. Moreover, lifetime employment becomes a severe obstacle on the path towards women empowerment and gender equality by maintaining patriarchal time and duty allocation. Men belong to their companies and cannot participate more in household chores and childcare, whether women belong to their families and have limited opportunities of career growth.

In that sense, SMEs, that more rarely practice lifetime employment (14% of lower educated workforce and 40% of college/university graduates vs. respectively 31 and 44% at large firms⁴) could provide more gender equal conditions. In fact, they do not.

⁴ Calculated on data Labor Force Survey. 2019. Statistics Bureau. Ministry of Internal Affairs and Communications. Japan.

Together with cultural and institutional constraints, severe gender inequality in Japan's SME rests on two pillars. The first pillar deals with vertical ties between SME and large corporations, named keiretsu. Those ties are based on trust and loyalty and they last, rather than being based on competition and effectiveness. Although, the ways of inter-connection between large firms and SME vary, few important features are widespread. Firstly, large firms usually set price for product, forcing SME cut down expenses (in return large firms provide technological and other assistance). Thus, SME are strictly limited in their abilities to increase wages. Secondly, the corporative rhetoric that a woman is "a weaker asset" is spreading to SME. Second pillar resembles foreign experience (Troske, Carrington 1995; Woodhams, Lupton 2006), concerning the sex, age and education level of the employer and his or her personal preferences.



Figure 2. Female part-timers in Japan's major industries, 2017

Source: Calculated by author based on data from Ministry of Health, Labor and Welfare, Japan, 2019.

Worth mentioning, that Japan's government acknowledges the lack of balance between work and life, rigid labor market, keiretsu and lifetime employment negative impacts and seeks ways to restore balance. One of the ways to protect life-work balance is the part time employment. Part-timers are not included into lifelong employment as they do not receive any benefits, but they do experience stable job with no overworking. Analysis of detailed statistics of salaries and number of female part-timers in 4 major industries ((1)wholesale, retail and trade; (2) accommodations, eating and drinking services; (3) manufacturing and (4) medical healthcare and welfare) show that the less the wage gap between large corporations and small firms, the more women work in small firms (1,2), but the more the wage gap, the less women work in large corporations (Fig. 2). Not only wage gap, but also the salary level matters: medical healthcare and welfare pays on average 30% and the share of women within the industry, employed by large firms, is only 13%. Thus, the allocation of female workers between large and small firms facilitate female discrimination. However, positive trends can be found:

in wholesale industry the wage gap rises from -0,1% in 2015 to 2,4% in 2017 and the share of women in large firms rises from 14,4% to 18,1%; in manufacturing the wage gap rises from 15,7% in 2015 to 17,8% in 2017 and the share of women in large firms rises from 14,4% to 18,1% (Fig. 3).

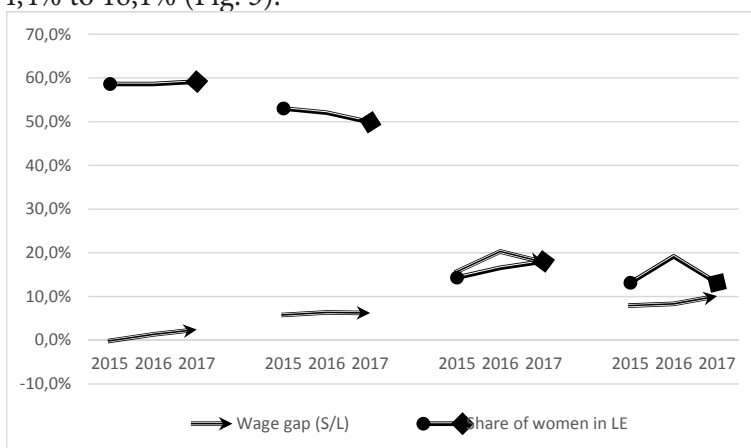


Figure 3. Female Part-timers in Japan's major industries, 2015-2017

Source: Calculated by author based on data from Ministry of Health, Labor and Welfare, Japan, 2019.

Apart from regular employment, there are other forms of employment in Japan: daily, temporary, family and self-employed workers (Fig. 4). Temporary and family work is viewed as female field with women account for 80 and 62,9% accordingly. On the contrary, self-employment is viewed as male field with men account for 75% of self-employed and 83% of self-employed with employee. Thus, women prevail in the least paid, the least prestigious and the least stable forms of employment, which means that average gender wage gap (25%) does not mirror the depth of gender inequality in labor force.



Figure 4. Employment Structure (except long term employment), thousand persons.

Source: Labor Force Survey, Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications, Japan, 2019.

Thus, Japan labor market is highly discriminative and the allocation of female employment according to firm size and employment type exacerbates the gender wage gap. Let's trace the origins and evolution of female labor market in Japan to find key factors and reason of female discrimination.

The origins and evolution of female labor market in Japan

Modern employment structure of Japan was formed during industrialization in late 19th – first half of 20th centuries. Early industrialization extensively exploited female labor, including child labor. Poverty forced families to send their children (particularly girls, as they were seen as “less important for families”) from 8-9 y.o. for work, despite severe conditions. Girls lived in dormitories (15-20 girls in one room) under the supervision of an elder women, who substituted mother and watched and taught girls the obedience and some basic skills within the dormitory; and a male manager, who substituted father and controlled the girls at work. All connections with the family through the letters was also under strict control. The imitation of family model justified violence and abuse calling it *oyagokoro* (parental benevolence) (Tsurumi 2015⁵).

The severe conditions of female labor at the silk and textile industries are vividly captured in Wakizo Hosoi's *Joko Aishi* (The Pitiful History of the Female Factory Workers, 1925), where he describes different forms of abuse of the factory girls. The Dickensian picture also emerges in the notes of the assigned medical observer, when he describes nightshifts at the Kurashiki Cotton-Spinning Factory: “Only females were at work... There were workers 9 or 10 years old... Their spindles were at eye level. And dense dust filled the air... Almost a prison” (Rodo Kagaku Kenkyujo Rokuju Nenshi, 12; Tsuzuki 2015: 196).

Roughly a half of a million of women worked in silk, cotton, textile, cigarette and other industries, accounting for 80-95% of labor force (Takenaka 1983: 48). Not only young girls, but women of all ages including mothers were vastly employed and suffered from terrible conditions. Nevertheless, not only women were treated as “a low-cost, disposable source of labor power” (Kaku 2015: 31). It was severe poverty, that extorted both spouses and even children to leave villages and work for factories. As Kaku points out the gender wage gap at that time was low and men experienced the same struggles as women.

However, it seems like paramount underestimation of gender inequality of those times. Even though primitive labor relations were formed with no regard for natural or physical limitations (Okochi 1948, cit. by Kaku 2015: 32) and exploited both genders, low level of the gender wage gap does not confirm the absence of female discrimination. Apart from financial dimension, female discrimination was seen in

⁵ Kazuko Tsurumi. 2015. *Social Change and the Individual: Japan Before and After Defeat in World War II*. Princeton University Press. 456 p.

form of sexual harassment, psychological abuse, social and sleep deprivation, physical violence both at home and at work⁶. Moreover, women experienced severe discrimination and deprivation at mother-in-law's house, where a woman obliged to live after her arranged marriage (*kumiai*), even in case husband's death. As a factory girl wrote in the essay about her mother:

When I used to cry my mother scolded me, she said: "It is good that you can cry now. When a woman gets married, she cannot afford to cry. If she cries in her bed, she is found out. If she cries in the toilet, her mother-in-law complains that she is in the toilet too long. If her face shows that she has been crying, her mother-in-law gossips about her with the other old women over their cups of tea. If she cries in front of her own parents when she is allowed to visit them once a year, she is scolded by her parents for being immature. It is good that you can cry now. (Sawai cit. from Tsurumi 2015: 237).

Those were conditions where the modern housewife emerged: a woman was clawed between traditional rural family and primitive labor market. Therefore, the restrictions of female labor and the emergence of the modern housewife were supposed to serve women's best interests.

Amelioration of labor relations took long period from late XIX century to the World War II and was impacted by social, political, economic and technological factors. Let's focus on political agenda and female awareness. The exploitation of cheap labor force with no limits of working hours was an important factor of development and competitive advantage of Japan's industrialization. However, the concepts of protecting employees, granting them rights, limiting working hours was arising among intellectuals and bureaucrats. They argued that limiting working hours and working age would result in higher qualification, that would enforce productivity and efficiency. The exploitation of female labor force with no limits led to health problems and decreased female fertility.

Balancing between employers and employees, Japan's government gradually embarked on factory legislation. What is particularly important, that legislation dealt with only large enterprises, leaving small firms to self-regulation.

Japan's ambitions on the world arena also spurred the legislation. West countries already had the minimum standard of labor protection. The establishment of International Labor Organization brought Japan's labor conditions into sharp focus through the international comparison. Thus, the pressure from advanced West paced the process.

The limitation of working hours led to salary decrease, so the government had to guarantee minimum wages and that is the point, when the gender approach was implemented. As women's salaries were seen as supplement to family budget, they were excluded from further labor relations evolution, including the establishment of lifetime employment.

⁶ Not to mention the absence of women in government, low education access, etc.

Despite the short-term decrease, business won from labor legislation as it resulted in technological and productivity advancement.

Concerning the development of female awareness, the transition from obedient girl to a woman who participates in violent strikes took place at the turn of XX-th century. Kazuko Tsurumi traces the transition basing on essays, that factory girls wrote about themselves and their mothers (Tsurumi 2015: 234). They contemplated on their mothers' misery and they saw that absolute obedience, exacerbated that misery. Moreover, they saw that strikes and demands for better labor conditions actually work even better than obedience. If in the late XIX an American visitor in Japan writes: "The Japanese girl does not seem to strive continually for the increased wage due to an increased exertion. She seems content with what appears to consider a reasonable wage" (Moser, p. 16. Cit. from Hunter 2003: 144), 1930-s witnessed aggressive strikes by Japanese women, demanding better working conditions. One of the most famous is the Toyo Muslin strike lasted over 60 days and involved thousands of women (Mackie 1995). The female awareness was institutionalized in form of various organizations like the Proletarian Women' League (Musun Fujin Doumei) and the Women Workers Night School. Whether this activity developed the new dimension of life for women – social and political, where women were seen as equal comrades, that image did not overcome the image of a mother. Both government and feminists admitted that motherhood is an absolute priority for women. Thus, the emergence of modern housewife was not seen as a step back in women empowerment, but as the escape from unbearable conditions.

However, it arrested gender inequality both at the labor market and at the family institution. Family nuclearization that usually accompanies industrialization decreased female abuse at home, but also perpetuated the division of gender roles.

To sum up, female discrimination at the labor market roots in the Prewar era, when the modern labor force relations were settled, and women happened to be excluded in their best interests after decades of severe exploitation. It explains why simple legislation of gender equality at work makes little difference and inspire to look for other ways of women empowerment in Japan, among which the female entrepreneurship development deserves particular attention.

Female entrepreneurship in Japan

Japan has the lowest entrepreneurial activity among OECD states; hence, low female entrepreneurial activity is no surprise (Fig. 5).

The low entrepreneurial activity in Japan rests mostly on cultural, rather than institutional factors (Tadokoro 2017). Japanese culture exalts the collectivism over individualism, that makes it very hard for individuals to engage in risk as they pursue new businesses (Tahara 2017). Concerning institutional factors, there are issues of underdevelopment of venture capitalism (Hamao et al. 2000) and legal hurdles, that make it too hard to recover from bankruptcy. But where do 99,7% of small enterprises in

Japan come from? Japanese don't start business, they inherit it. Who does? Most often the sons do – 42,8% of succession, whether daughters become successors only in 2,3% cases⁷.

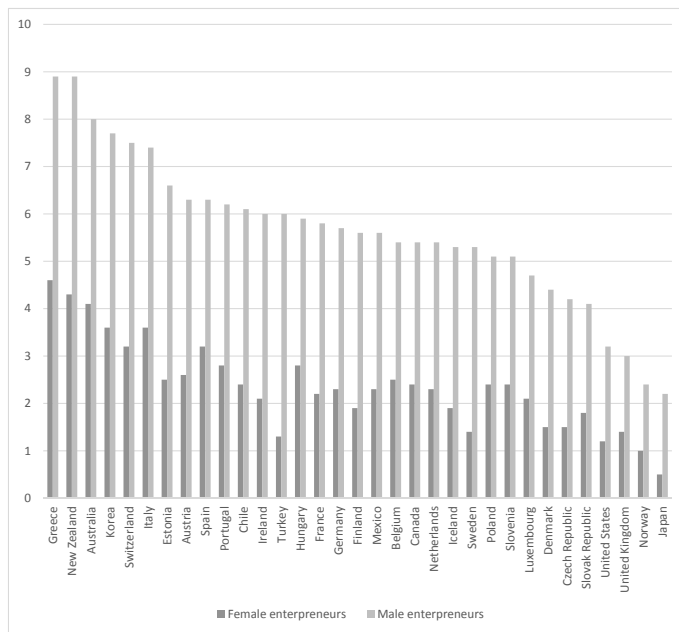


Figure 5. Share of female and male entrepreneurs in OECD states, 2017, %.
Source: OECD data

The lack of inheritor is a very frequent reason to discontinue business. According to White Papers, 19,8% of businessmen in a survey named the reason “Didn’t have a successor candidate with capacity”. Another 7,1% had a successor, but he resisted. 3,9% also could not find a successor within the family and “felt resistant to the succession of business to someone outside the family”⁸. All in all, around of 1/3 of the reasons could be potentially solved if women were seen as decent successors. The discontinuity of business becomes a serious problem of Japan’s economy, as the number of cases increases fast: from 34 800 in 2013 to 46 724 in 2018. Thus, developing female entrepreneurship in Japan could reverse the negative trend and support small firms and entrepreneurship. However, White Papers do not emphasize the problem of under exploitation of female entrepreneurship and do not view it as a window of possibilities for SME, rather concentrating on succession methods and bankruptcy procedures.

However, Japanese female entrepreneurship is developing and no doubts it deserves special attention. Who are those brave women, that embarked on the path of entrepreneurship, and why they did it? What industries they chose? How they operate their business? What problems they face?

⁷ White Papers on SME. 2019. *METI*.

⁸ Ibid.

Japanese female start-upers are on average older than male: 32,9% are 40-49 y.o. and 19,7% are 50-59 y.o., whether male start-upers are mostly 30-39 y.o. (39,5%)⁹. It might be explained by various factors. From psychological dimension, younger women might lack self-confidence and motivation. Being entrepreneur is not a common life goal for Japanese girls, who are raised to be mothers and wives. Thus, motivation between men and women for startup also differs. Concerning life circumstances, Fujii and Satoshi (Fujii, Kanaoka 2014) emphasize the difference of family structure, education level and household chores responsibilities allocation of entrepreneurs according their gender. They find that 47,5% female entrepreneurs are single (versus only 20,8% of single male entrepreneurs); 52,8% of female entrepreneurs have a child or another dependent (an old parent). At the same time, female entrepreneurs are more burdened with household chores with more than 60,1% doing it alone or almost alone (versus 10,3% male entrepreneurs). Thus, female entrepreneurs usually undergo through severe life circumstances, and have to provide care to dependent, and manage household chores together with their own business. The ability to juggle different dimensions of life and take responsibility appears to be essential characteristic of Japanese female entrepreneur. However, female entrepreneurs have lower education level% only 21,3% graduated university (versus 38,2 – for male), which also points that starting a business was a choice made under life circumstances, rather than a planned path. Another gender specific motivation is that women become entrepreneurs in attempt to escape discrimination and harassment at work (30,1%) and because they want to make the world a better place (28,4%).

Concerning problems, that female entrepreneurs face in Japan, they mostly affirm foreign experience, however strict division between female and male world exacerbate them. Resources, viewed as natural for men, are challenging for women. Those are business network, finance, technology, etc. However, those challenges enforce women to operate with smaller start-up budget and operate faster than male entrepreneurs. The corporate performance of female start-ups shows higher profits than male after 3 years. Matsui explains that Japanese women tend to close low-performing businesses faster than men¹⁰. And if a woman continued business more than 3 years, chances that it is successful are higher.

Another important characteristic of female entrepreneurship is that women tend to hire more women or only women. It solves the array of problems such as discrimination, sexual harassment, female unemployment and poverty, etc. Female business creates better conditions for life-work balance because it takes into consideration double-burden effect. The development of female business also helps to change the attitude towards women at work in order to treat them as equal partners, rather than helpers.

However, Japanese government seemingly underestimate the potential of female entrepreneurship and does not provide enough support for women who embark on

⁹ 日本政策金融公庫総合研究所「2013年度新規開業実態調査(特別調査)

¹⁰ Womenomics 2.0.

entrepreneur path. White papers on SMEs do not identify female discrimination as one of the key problems and the window of opportunities. I have not found any coherence state program to support nor women in SME neither female entrepreneurship, whether research and experience show that SME need special policies and special management for female inclusion. However, there are stippled initiatives, such as programs, held by Ministry of Agriculture, Forestry and Fishery. that stimulate female agricultural business.

Private initiatives, led by successful and influential women, make a tremendous contribution into female entrepreneurship development. The experience of DBJ is a good example, worth examination. DBJ Women Entrepreneurship Center was created by Kathy M. Matsui – famous Japanese businesswomen and women rights activist. It provides grants, assistance, mentorship, education, financing and networking for Japanese women since 2011 (2 years before Womenomics were launched). DBJ programs are completely transparent: reports and videos are available online. However, the scale of private initiatives is insufficient for notable improvements.

* * *

The analysis of gender wage gap according to enterprise size shows that SMEs in Japan preserve higher level of gender inequality, comparing to large enterprises. In-depth analysis of available statistics of different categories of employment prove that gender wage gap is not sufficient for capturing actual level of gender inequality at Japanese labor market as it does not factor in the specifics of lifetime employment practices, its benefits for male employees and the lack of those benefits for female employees. Complicated structures of employment forms and interlocked relations between enterprises, named keiretsu hold gender inequality and create obstacles for women empowerment.

Tracing back the origins of labor market inequality shows that restricting female labor force participation took place before lifetime employment was settled and aimed to free women from enormous burden of severe exploitation. However, it froze the development of female labor activity and ennobled the reproductive role.

The female entrepreneurship in Japan is in inchoative stage and develops in spite of, not thanks to Japanese institutions of family and market. Women choose entrepreneurship in attempt to escape gender discrimination and harassment at work; to find balance between family and work; to care for dependent children and parents; and to change the world. Thus, women often engage in socially useful activities. Due to challenges and lack of possibilities, female entrepreneurship develops in tougher conditions, comparing to male. Thus, women proved to operate faster, have better time management in order to jungle different spheres of life; and female business proved to be more profitable after 3 years.

To sum up, the female entrepreneurship have positive effects on economy, granting diversity, creating new sustainable business models “with human face”, developing

small enterprises; on society creating socially useful products; on women empowerment by creating new image of successful and equal women, by employing more women, by finding balance between family and work.

Discussion

Historical analysis of origins and evolution of female labor relation provides few important insights. Firstly, the restrictions on female labor (in order to grant them more opportunity for childcare) consequently lead to discrimination, not to empowerment. Secondly, female labor participation stimulates awareness of women, concerning their rights and injustice they face, even if those women were taught obedience for centuries. Thirdly, the absence of women in governing institutions incapacitate government's ability to comprehend and tackle women issues effectively, defeating the best intentions.

Concerning ongoing debate of gender inequality impact on economic growth, the research affirms that early stage of industrialization might add competitive advantage through reduced labor costs. However, positive results are short-termed, because it impedes the technological advancement, deteriorate the quality of labor force and endanger reproductive labor.

The research proves that SMEs are less sensitive to government regulation and particularly in gender aspects. They hide higher level of inequality and require special attention. Not only legislation, but also special management practices are essential.

However, the government initiatives to spur female entrepreneurship seems incoherent and stippled, hence insufficient and ineffective. Outdated perception of female labor as supplement still prevails and lurks in SMEs, creating obstacles for women empowerment.

Focus on female entrepreneurship could improve the effectiveness of Womenomics, as it provides clue to series of Japan's socio-economic problem and particularly women empowerment.

History teaches us that in search for balance between productive and reproductive labor, the restriction of the former doesn't support the later. In Taleb's terms it decreases the antifragility of women. Being dependent financially doesn't provide security. Being viewed as supplement labor force, incapable for real 'brutal' business doesn't add on self-confidence. Both security and self-confidence are essential for the motherhood. Therefore, closing opportunities of Japanese women at the labor market, decrease their confidence in themselves and their future and put them into subordinate position. Thus, women empowerment is essential for Japan's economy in both productive and reproductive dimensions.

There is no any universal path towards gender equality. Women and governments all over the world struggle to find the balance between productive and reproductive dimensions. Indeed, restriction of female labor exacerbates inequality instead of granting more space and opportunities for productive labor, as it puts women into subordi-

nate state and ennoble only reproductive functions. Women empowerment is the key to find balance between production and reproduction and female entrepreneurship can bring tremendous improvements as it tackles a number of issues and impacts exponentially. Female entrepreneurship has great but yet untapped potential to create favorable conditions to couple productive and reproductive dimensions, which is particularly challenging for Japan facing demographic tsunami.

About the author:

Sofia M. Rebrey – PhD in Economics, Associate Professor at the World Economy Department Moscow State University of International Relations (MGIMO-University). 76 Prospect Vernadskogo, Russian Federation, 119454 E-mail: sofia rebrey@gmail.com

Conflict of interests: The author declares absence of conflict of interests.

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 25.03.2020 г.

Принята к публикации: 15.04.2020 г.

Женщины на малых и средних предприятиях и в сфере предпринимательства в Японии

С. Ребрей

DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-170-185

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

В статье проводится гендерный анализ малых и средних предприятий и предпринимательства в Японии, чтобы выяснить, влияют ли эта сфера занятости на гендерное неравенство в Японии; позволит ли расширение прав и возможностей женщин привести к развитию малого и среднего бизнеса, предпринимательства и экономики в Японии. Для ответа на эти вопросы автор использует динамический отраслевой GAP-анализ, международный сравнительный анализ, институциональный анализ, анализ тенденций. Исследование показывает, что МСП в Японии поддерживают более высокий уровень неравенства по сравнению с крупными предприятиями. Взаимосвязь между МСП и крупными корпорациями (кейрецу) и структурой занятости являются основными и уникальными факторами, усугубляющими гендерное неравенство в Японии. Прослеживая историю трудовых отношений в Японии, автор показывает, что исключение женщин из пожизненной занятости должно было соответствовать интересам женщин, однако это привело к экономической зависимости женщин и их подчинённому положению. Женское предпринимательство в Японии представляет собой область неиспользованного потенциала, которая может эффективно решить ряд социально-экономических проблем и экспоненциально повлиять на расширение прав и возможностей

женщин в Японии. Женский бизнес в Японии оказывается эффективным и прибыльным, и, что более важно, он имеет «человеческое лицо» и занимает (среди прочего) вакантную нишу социальной помощи, оптимизируя и гуманизируя её. Наконец, исследование делает вывод, что женское предпринимательство требует большего внимания и поддержки со стороны правительства.

Ключевые слова: японское МСП, женское предпринимательство, гендерное неравенство, расширение прав и возможностей женщин

Об авторе:

Софья Михайловна Ребрей – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России, заместитель главного редактора журнала «Мировое и национальное хозяйство». 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

E-mail: sofia rebrey@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Acemoglu D., Restrepo P. 2017. Secular stagnation? The Effects of Aging on Economic Growth in the Age of Automation. *American Economic Review*. 107(5). P. 174–179.
- Ashenfelter O., Hannan T. 1986. Sex Discrimination and Product Market Competition: the Case of the Banking Industry. *Quarterly Journal of Economics* 100(1). P. 149–73.
- Becker G.S. 1971. *The Economics of Discrimination*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bergmann B.R. 1974. Occupational Segregation, Wages, and Profits When Employers Discriminate by Race and Sex. *Eastern Economic Journal*. 1(3). P. 561–73
- Bergmann B.R. 1986. *The Economic Emergence of Women*. New York: Basic Books.
- Bielby W., Baron J. 1984. A Woman's Place is With Other Women: Sex Segregation Within Organization. *Sex Segregation in the Workplace: Trends, Explanations, Remedies*. Ed. Reskin B. P. 27–55. Washington, DC.: National Academy Press.
- Blau F.D. 1977. *Equal Pay in the Office*. Lexington, Massachusetts: D.C. Heath.
- Blau F.D., Feber V.A. 2018. *The Economics of Women, Men and Work*. Englewood Cliffs, New Jearsey: Prntice-Hall, Simon& Schuster Inc.
- Bloom D.E., Canning D., Fink G. 2011. *Implications of Population Aging for Economic Growth*. PGDA Working Paper. No.64. Harvard School of Public Health.
- Buckley J. 1971. Pay Differences Between Men and Women in the Same Job. *Monthly Labor Review*. 94(11). P. 36–39.
- Damiano S. 2017. From Capitalism to Talentism – Embracing a New Era of Leadership. *About My Brain*. URL: <https://blog.aboutmybrain.com/from-capitalism-to-talentism-embracing-a-new-era-of-leadership> (accessed 26.06.2020).
- Fujii T., Kanaoka S. 2014. Real Image and Significance of Female Entrepreneurs (In Japanese: Josei kigyōka no jitsuzō to igi) *Journal of the Japan Finance Corporation* (In Japanese: Nihon seisaku kinyūkōko ronshū) 23. P. 27–42. URL: www.jfc.go.jp/n/findings/pdf/ronbun1405_02.pdf (accessed 26.06.2020)
- Groshen E.L. 1991. The Structure of the Female/Male Wage Differential. *Journal of Human Resources*. 26(3). P. 457–472.
- Hamao Y., Packer F., Ritter J.R. 2000. Institutional Affiliation and the Role of Venture Capital: Evidence from Initial Public Offerings in Japan. *Pacific-Basin Finance Journal*. 8(5). P. 529–558.
- Horioka C.Y., Niimi Y. 2017. Saving Behavior of Japanese Middle-aged and the Elderly.

ESRI International Conference on Empirical Analysis on Population Decline and Aging in the Japanese Economy. ESRI, Tokyo.

Hunter J. 2003. *Women and the Labour Market in Japan's Industrializing Economy*. Routledge Curzon.

Lee H.H., Shin K. 2019. Nonlinear Effects of Population Aging on Economic Growth. *Japan and the World Economy*. Vol. 51. DOI: 10.1016/j.japwor.2019.100963

Liu Y., Westelius N. 2016. *The Impact of Demographics on Productivity and Inflation in Japan*. IMF Working Paper WP. 16(237). International Monetary Fund.

Kaku S. 2015. *Patriarchy in East Asia: A Comparative Sociology of Gender*. BRILL.

Mackie V. 1995. *Women, Work and Resistance in Japan: The Depression Years*. 5th Women and Labour Conference. URL: https://www.academia.edu/1515646/Women_Work_and_Resistance_in_Japan_The_Depression_Years (accessed 26.06.2020).

McNulty D. 1967. Differences in Pay between Men and Women Workers. *Monthly Labor Review*. 90(12). P. 40-43

Minniti M., Naudé W. 2010. Introduction: What do We Know about the Patterns and Determinants of Female Entrepreneurship across countries? *European Journal of Development Research*. 22(3). P. 277-293. DOI: 10.1057/ejdr.2010.17.

Nakamura K., Kaihatsu S., Yagia T. 2019. Productivity Improvement and Economic Growth: Lessons from Japan. *Economic Analysis and Policy*. Vol. 62. P. 57-79.

Pfeffer J., Davis-Blake A. 1987. The Effect of the Proportion of Women on Salaries: The Case of College Administrators. *Administrative Science Quarterly*. 32(1). P. 1-24

Powell G.N. 1987. The Effects of Sex and Gender on Recruitment. *Academy of Management Review*. 12(4). P. 731-43.

Schober T., Winter-Ebmer R. 2011. Gender Wage Inequality and Economic Growth: Is There Really a Puzzle? A Comment. *World Development* 39(8). P. 1476-1484. DOI: 10.1016/j.worlddev.2011.05.001

Schwab K. 2018. Preface. *The Global Gender Gap Report*.

Seguino S. 2000. Gender Inequality and Economic Growth: A Cross-Country Analysis. *World Development*. 28(7). P. 1211-1230.

Tadokoro M. 2017. *Kigyō no Kagaku (In Japanese: The science of Entrepreneurship)* Nikkei PB Sha.

Takenaka E. 1983. *Joshi rodo ron (Theory of Women's Labor)*, Yuhikakusensho, 1983 (竹中恵実子「女子労働者」有斐閣選書、

Tahara K. 2017. *What are the characteristics of a person with an entrepreneurial spirit?* (In Japanese: Kigyōka no seishin o motsu hito wa donna tokuchō ga aru no?)

Troske K., Carrington W. 1995. Gender Segregation in Small Firms. *Journal of Human Resources*. 30(3). P. 503-533.

Tsurumi K. 2015. *Social Change and the Individual: Japan before and after Defeat in World War II*. Princeton University Press.

Tsuzuki C. 2015. *The Pursuit of Power in Modern Japan 1825-1995*. Oxford: Oxford University Press.

Weichselbaumer D., Winter-Ebmer R. 2005. A Meta-Analysis of the International Gender Wage Gap. *Journal of Economic Surveys*. 19(3). P. 479-511

Woodhams C., Lupton B. 2006. Does Size Matter? Gender-Based Equal Opportunity in UK Small and Medium Enterprises. *Women in Management Review*. 21(2). P. 143-169.

Woodhams C., Lupton B. 2009. Analyzing Gender-Based Diversity in SMEs. *Scandinavian Journal of Management*. 25(2). P. 203-213.

Германо-иранские отношения в политико-военной сфере: невозможность раскрытия потенциала?

В.С. Мирзеханов, Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН
Институт всеобщей истории РАН

Статья изучает взаимоотношения между Германией и Ираном в политико-военной сфере на современном этапе их развития и на перспективу. Отмечается, что обе страны относятся к категории «восходящих держав», причём ФРГ является единственной таковой среди стран-участниц евроатлантического сообщества. Исследуя контуры двусторонних отношений, авторы обращают внимание на наличие у обеих стран имперского цивилизационного кода, растущих внутривнутриполитических проблем (прежде всего, уменьшения влияния действующих элит), а также общей заинтересованности в углублении торгово-промышленного сотрудничества (принимая во внимание историческую и потенциальную современную роль Германии как технического и технологического модернизатора экономики ИРИ).

Указано, что «иранский фактор» оказывает растущее влияние на политику ФРГ на Ближнем и Среднем Востоке, развитие этой тенденции прослежено на примерах ливанского, сирийского, иракского и йеменского вооружённых конфликтов. В первых трёх случаях ФРГ ограничивает масштаб, характер (фокусируясь исключительно на небоевых формах), географическую зону (избегая глубинных районов стран) использования бундесвера. Одна из ключевых причин этой тактики состоит в стремлении ФРГ уклониться от боевых действий с КСИР и с младшими партнёрами Ирана – «Хезболлой» в Ливане, шиитскими милиционными формированиями на юге Ирака. Официальный Берлин всё более отчётливо осознаёт невозможность обеспечения своего политико-военного присутствия в названных странах без реального учёта иранских интересов. Этим обстоятельством авторы объясняют введение со стороны ФРГ временного оружейного эмбарго для Саудовской Аравии, играющей активную роль в организации интервенции в Йемен для борьбы с проиранскими силами.

Рассматриваются усилия Германии по сохранению иранской «ядерной сделки» (от 14 июля 2015 г.) после выхода из неё администрации Д. Трампа. В этой связи авторы пытаются спрогнозировать вероятную реакцию ФРГ в случае возникновения военно-политического кризиса и, особенно, начала боевых действий против Ирана.

В заключении очерчены контуры перспективных германских целей в отношении Ирана.

Ключевые слова: Германия, Иран, Соглашение о всеобъемлющем плане действий, вооружённые конфликты, Сирия, Ближний Восток

УДК: 327

Поступила в редакцию: 26.03.2020 г.

Принята к публикации: 07.04.2020 г.

Конфликты вооружённые, особенно если они развиваются на территории геополитически и геоэкономически значимых средних и малых государств, а также политические, если они напрямую затрагивают крупных и наиболее влиятельных международных игроков, одним из своих главных свойств имеют тестирование на дееспособность держав и тем более стран, стремящихся обрести данный статус. В 2014-2017 гг. такой ключевой лакмусовой бумажкой был вооружённый конфликт в Сирии, который на Западе рассматривался сквозь призму не только российского, но и в не меньшей степени иранского факторов (Murciano 2017: 1-6).

С рубежа 2017-2018 гг. самым показательным индикатором соответствия статусу державы для ведущих государств мира стали их действия по решению «иранской проблемы». Из частного вопроса – сохранения Соглашения о всеобъемлющем плане действий (СВПД) – она переросла в общий: стремление ряда региональных игроков (прежде всего, Израиля и Королевства Саудовская Аравия) и стран Запада (особенно США) хотя бы остановить, но лучше – повернуть вспять процесс роста влияния Ирана (ИРИ) на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ) и в мире в целом. Столь масштабная цель влечёт за собой использование широкого инструментария (включая военный) для её достижения. Есть риск перерастания политического конфликта указанной группы стран с ИРИ в военную фазу с крайне опасными последствиями как для региона, как и международного сообщества в целом.

Иран являет собой пример одной из «восходящих держав». Традиционно этот термин используется для обозначения стран за пределами «коллективного» Запада, демонстрирующих серьёзный рост ресурсной базы и существенное усиление своих позиций на всех уровнях (в том числе глобальном) (Schirm 2010). Сточки зрения авторов, Германия – это единственная «восходящая держава» среди государств евроатлантического сообщества. Обусловлено это тем, что его участники уже длительное время находятся в положении одной из наиболее влиятельных сил мира. Ещё в период «первых изданий» холодной войны¹ среди них чётко сформировалась группа лидеров. Полноценное встраивание в неё ФРГ было связано: во-первых, с объединением страны; во-вторых, в условиях свёртывания холодной войны Германия смогла перенаправить значительные ресурсы с обеспечения территориальной обороны на решение широкого круга задач безопасности вне зоны ответственности Альянса. В 1990-е гг. в условиях распространения евроатлантических структур на Восточную Европу и благодаря активному участию в создании постюгославского политического пространства ФРГ смогла утвердиться в качестве региональной державы. С начала XXI в. Германия стремится к статусу полновесного глобального игрока. Неотъемлемой и притом необходимой составляющей данного процесса стало укрепление по-

¹ Под «первыми изданиями» холодной войны авторы понимают череду хронологически сменявшихся фаз: 1946-1957 гг., 1958 – конца 1960-х гг., конца 1960-х – 1979 гг., 1979-1987 гг. и, наконец, завершение в конце 1980-х гг.

литико-военных позиций страны в регионе БСВ. Исключительную значимость это положение приобрело в середине – второй половине 2010-х гг. в условиях резкого увеличения исходивших от конфликтогенных стран региона угроз и рисков нестабильности для ФРГ и её партнёров по НАТО. Иллюстрацией тому стали миграционный кризис 2015-2016 гг. и тесно связанный с ним рост террористической опасности в государствах-членах ЕС.

В свою очередь, Иран уверенно движется по пути превращения во влиятельного игрока в регионе БСВ, конкурирующего с существующими (Израиль, Саудовская Аравия, Египет). В этой связи возникает вопрос: каково настоящее и будущее соотношение компонентов «конкуренция – кооперация» в отношениях ФРГ и ИРИ? Задача данной статьи – изучить состояние и перспективы германо-иранских отношений в политико-военной сфере, учитывая её значимость и чувствительность. Методами исследования избраны, во-первых, ивент-анализ наиболее значимых шагов каждой из сторон в политико-военной сфере, оказывающей прямое или опосредованное на партнёра (в частности, эмбарго на экспорт вооружений и военной техники в третьи страны). Во-вторых, это компаративный анализ при сопоставлении подходов ФРГ и ИРИ к решению конкретных проблем региона БСВ.

Исследуемой тематике в научных работах источниках уделялось недостаточное внимание. Прежде всего, это объясняется фокусированием на действиях США (Schaller 2018: 21-23), в меньшей степени Франции, Великобритании и ЕС, что объяснимо, если учитывать масштаб и последствия их активности, в том числе собственно военной, в отношении Ирана или в связи с развитием обстановки вокруг него. Имеются исследования о развитии ракетного арсенала Ирана (Arnold, Meier 2019). Между тем тактика ФРГ в отношении ИРИ находилась, особенно до рубежа 2018-2019 гг., в значительной степени в тени.

Можно выделить три основных подхода немецких исследователей к видению германо-иранских отношений. Первый основан на представлении об ИРИ как о безусловном оппоненте ФРГ, выстраивающем свою, входящую в полное противоречие с интересами официального Берлина, архитектуру безопасности в регионе: подразумеваются поддержка «Хезболлы» в Ливане, кооперация с хуситским движением в Йемене, тесное сотрудничество с шиитскими силами на юге Ирака и особенно в Сирии, где активно использовались иранские войска (прежде всего, части Корпуса стражей исламской революции (КСИР)). Сторонники этого подхода выступают за «выдавливание» Ирана с занимаемых позиций и минимизацию контактов с ним (Leemhuis 2018: 2-5).

Второй подход охарактеризуем как «сдержанный». В фокусе его внимания находится необходимость сохранения СВПД и поддержка усилий, направленных на недопущение начала боевых действий против Ирана (Lohmann 2015; Brustlein et al. 2018: 1-2; Perthors 2019: 64). Официальному Берлину при таком подходе отводят роль посредника в налаживании контактов Ирана с группой государств – его жёстких оппонентов. При этом посреднические функции мыс-

лятся не только применительно к СВПД, но по широкой региональной повестке дня, включая спектр вооружённых конфликтов (Murciano 2017: 8; Wimmen 2016: 8). Следуя этому курсу, Германия могла бы достичь сразу двух целей: снизить градус конфликта вокруг Ирана (исключив риск его перерастания в военную фазу) и купировать укрепление позиций Исламской Республики на БСВ.

Наконец, просматривается и третий подход, ориентированный на углубление кооперации ФРГ и ИРИ (Azizi 2020: 2-3). Правда, сфера сотрудничества секторально ограничена промышленно-торговой (притом не очерчивая перспектив в военно-технического взаимодействия), а из политических вопросов – СВПД². Этот подход был востребован прежде всего в 2015-2017 гг., т.е. в короткий период казавшейся успешной имплементации «ядерной сделки». В последующем, в условиях растущего санкционного давления на ИРИ со стороны США вкупе с ростом военно-политической напряжённости вокруг Ирана, этот подход стал постепенно размываться.

Общие контуры взаимодействия: исторические, внутривнутриполитические и экономические аспекты

Помимо принадлежности к категории «восходящих держав», к общим для ФРГ и ИРИ знаменателям следует отнести: наличие имперского цивилизационного кода, серьёзных внутривнутриполитических проблем и растущего внешнего давления – уже на современном этапе развития.

Имперский цивилизационный код начал формироваться в Персии (Иране³) ещё в эпоху Ахеменидов (с середины VI в. до н.э.), а в Германии – с существования Первого рейха (Священной римской империи германской нации, основанной в 962 г. н.э.). Обе страны неоднократно переживали исторические фазы мощного роста ресурсной базы и влияния, превращаясь в сильнейшую (одну из сильнейших) держав на Ближнем и Среднем Востоке и в Европе соответственно. Этот признак, помноженный на нынешнее укрепление позиций обеих стран, свидетельствует о наличии стратегических перспектив для конкуренции двух государств.

Второй общий знаменатель – наличие внутривнутриполитических проблем – проявляется, прежде всего, в снижении доверия масс не только к действующему руководству, но к властным элитам в целом. Так, на выборах в Бундестаг (24 сентября 2017 г.) ведущие («народные») партии – блок ХДС/ХСС и СДПГ – продемонстрировали наихудший результат в истории ФРГ, набрав соответственно менее 32,9% и 20,5% голосов избирателей. Это итог постепенного, но неуклонного (с середины 1980-х гг.) снижения электоральной поддержки демох-

² Deutsch-iranische Beziehungen. Dossier. 2019. *Iran Journal*. Электронный ресурс: <http://iranjournal.org/deutsch-iranische-beziehungen> (accessed 10.05.2020).

³ До 1935 г. Иран официально именовался Персией.

ристиан и социал-демократов в пользу вновь поднимающихся сил на крайних флангах партийно-политического ландшафта современной Германии – особенно на правом («Альтернатива для Германии»). Впервые в политической истории ФРГ при формировании нового правительства возник более чем полугодовой (с конца сентября 2017 г. по начало марта 2018 г.) кризис, а в конце октября 2018 г. А. Меркель, «супертяжеловес» германской политики, заявила об отказе выдвигать свою кандидатуру на пост канцлера на грядущих выборах. Эти обстоятельства свидетельствуют о сокращении пространства для внешнеполитического маневрирования действующей элиты, и, соответственно, о желательности скорейшего невоенного урегулирования «иранского вопроса» и максимально полной (особенно де-юре) роли ФРГ в нём.

Но и Иран к кооперации с Германией подталкивает рост внутренней напряжённости. Президентские выборы 19 мая 2017 г. закончились победой действующего президента Х. Роухани в первом туре, однако успеха удалось добиться лишь с небольшим перевесом (57,14% в поддержку)⁴. Со второй половины 2018 г. в условиях вновь возникшего и растущего санкционного давления со стороны США в Исламской Республике стало расти число беспорядков, в том числе разгоняемых силовыми структурами⁵. По сравнению с Германией, иранские элиты располагают преимуществом благодаря исключительно высокой легитимности фигуры аятоллы, играющего ключевую роль в сплочении населения страны.

Наконец, третий общий знаменатель для ИРИ и ФРГ: обе страны стали объектами применения рестриктивных мер со стороны США. Сам факт масштабного многовекторного демонстративного давления на Германию (особенно на правительство и бизнес-структуры) со стороны Белого дома характеризует новое, существенное охлаждение трансатлантических отношений. Иллюстративно и одностороннее решение администрации Д. Трампа о выходе из СВПД (от 8 мая 2018 г.), рассматривавшееся его предшественником в качестве крупного внешнеполитического успеха. Фактор санкционного давления содействует сближению ФРГ и ИРИ. Однако следует подчеркнуть несоизмеримость масштабов вводимых санкций в отношении Германии (прежде всего, за попытки нормализации экономического сотрудничества с Россией и Ираном) и Ирана.

Ещё при шахском режиме – в период «белой революции» в 1963-1979 гг. – ФРГ сыграла ключевую роль одного из основных внешних акторов модернизации иранской экономики. Как ни парадоксально покажется на первый взгляд, после Исламской революции, несмотря на резкий пересмотр внешнеполитического курса, индустриальный сектор Исламской Республики работал на оборудовании и с использованием технологий, поставленных Западной Германией. По оценкам МИД ФРГ, к концу 2010-х гг. до 30% производственного оснаще-

⁴ Deutsch-iranische Beziehungen. Dossier. 2019. *Iran Journal*. Электронный ресурс: <http://iranjournal.org/deutsch-iranische-beziehungen> (accessed 10.05.2020).

⁵ Ibid.

ния реального сектора иранской экономики составляло германское оборудование⁶. Участие в модернизации реального сектора экономики и возможность привлечь новые технологии составляют важную компоненту интереса к сотрудничеству с Германией со стороны Ирана. В свою очередь, немецкий бизнес, поддерживаемый правительством, весьма заинтересован в проникновении на ёмкий внутренний рынок ИРИ с его более чем 80-миллионным населением. В 2016-2017 гг. в двусторонних торгово-экономических отношениях начался бум⁷. Поэтапный ввод прямых санкций США в отношении Ирана (7 августа и 5 ноября 2018 г., 2 мая 2019 г.) и угроза их применения в отношении германского бизнеса (по образцу закона CAATS), включившегося в торгово-экономический обмен с Исламской Республикой, привели к лавинообразному спаду двустороннего сотрудничества: в 2018 г. товарооборот внешней торговли сократился на 7% по сравнению с предыдущим годом (до 3,15 млрд евро), а в первом квартале 2019 г. – вдвое по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.⁸. На этом фоне обострился вопрос сохранения и углубления кооперации в политико-военной сфере, ограничителями которой выступают разногласия сторон по вооружённым конфликтам в регионе.

«Ливанская проблема» в германо-иранских отношениях

С 2006 г., после завершения «33-дневной войны» между Израилем и движением «Хезболла», ФРГ участвует в обеспечении мира и порядка в Ливане и прибрежных водах, в том числе посредством использования бундесвера. Германский контингент (изначальный «потолок» в 2,4 тыс. военнослужащих) входит в состав миссии *UNIFIL* (ВСООНЛ) с ключевым политическим целеполаганием оказания помощью официальному Бейруту и недопущения новых столкновений сторон конфликта⁹. С одной стороны, эти действия уместно рассматривать в качестве недружественных по отношению к «Хезболле». С другой – не следует преувеличивать степень этой недружественности; необходимо отметить принцип взвешенности (граничащей с осторожностью) как ключевую составляющую германского участия в урегулировании конфликта. В собственно военном плане этот принцип реализовался, во-первых, в фокусировании ФРГ на военно-морской компоненте деятельности *UNIFIL*. Немецкий контингент контролировал снятие установленной израильскими ВМС морской блокады Ливана, в дальнейшем – обеспечение безопасности гражданских судов, следующих в ливанские порты, а также занимался укреплением потенциала войск бе-

⁶ Deutschland und Iran: bilaterale Beziehungen. Stand. 25.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausenpolitik/laender/iran-node/bilateral/202402> (accessed 10.05.2020).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/2572, 13.09.2006. 8 S.

реговой охраны и флота Бейрута. В отличие от глубинных районов Ливана (где бундесвер практически не задействован), на море и в прибрежной зоне позиции «Хезболлы» были слабыми, что минимизировало риск столкновений с ней. Во-вторых, уже к 2011 г. ФРГ резко (до 300 военнослужащих) сократила «потолок» своего контингента в составе UNIFIL¹⁰, что, вкупе с сосредоточением усилий на море, должно было устранить у ливанцев ощущение масштабного иностранного военного присутствия.

В общеполитическом плане принцип взвешенности просматривался в готовности поддерживать отношения со всеми сколько-нибудь влиятельными внутриполитическими силами, включая «Хезболлу». Берлин приветствовал создание правительства национального единства (в состав которого вошли представители «Хезболлы») под руководством С. Харири¹¹. При этом де-факто взаимодействие с «Хезболлой» носило ограниченный и скорее вынужденный характер, а главными контрагентами Германии были политические и бизнес-круги, выражавшие интересы христианского и отчасти суннитского населения. После распада этого правительства (2011 г.) из опасения втянуться в нараставшие внутренние распри ФРГ резко снизила степень своего участия (как с финансовой точки зрения, так и по численности личного состава) в обеспечении мира и порядка в Ливане.

С началом гражданской войны в Сирии (с 2011 г.) главные силы «Хезболлы» передислоцировались на сирийскую территорию, активно поддерживая официальный Дамаск. Поскольку «Хезболла» боролась с поддерживаемой ФРГ «умеренной» оппозицией, эта ситуация противоречила германским интересам, но, как ни парадоксально, она была выгодна в кратко- и среднесрочной перспективе. Во-первых, внося весомый вклад в борьбу со структурами международного терроризма (прежде всего, «Исламским государством»¹² и «Джебхат Ан-Нусрой»), «Хезболла» уменьшала риски проникновения в ЕС боевиков и нарастания масштабов миграции в целом. Во-вторых, переброска бойцов движения в Сирии вела к временному ослаблению его позиций в Ливане, в этом отношении облегчая углубление контактов ФРГ и официального Бейрута. В октябре 2016 г. к своим полномочиям приступил президент М. Аун, а парламентские выборы (мая 2018 г.), состоявшиеся впервые с 2009 г., обеспечили возвращение к власти С. Харири, который стал председателем нового коалиционного правительства. Оба политика, как показала практика, занимают дружественную позицию по отношению к ФРГ¹³. Ситуация может качественно измениться после

¹⁰ Ibid, S. 2-3.

¹¹ *Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL)*. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/1905, 02.06.2010. S. 3.

¹² Запрещённая в России террористическая организация.

¹³ *Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der „United Nations Interim Force in Lebanon“ (UNIFIL)*. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/2383, 30.05.2018. S. 5.

возвращения в Ливан основных сил «Хезболлы», что весьма вероятно в условиях постепенного затухания боевых действий в Сирии. Учитывая растущую значимость ливанского вектора во внешнеполитической деятельности и планировании ФРГ, будет расти и интерес к нормализации отношений с «Хезболлой» – в том числе, через официальный Тегеран.

Сирийское и иракское направления: опосредованная борьба без возможного учёта интересов?

По мере развития вооружённого конфликта в САР (с 2011 г.) подходы ФРГ и ИРИ к его урегулированию стали всё более различаться.

Германская сторона избрала курс на последовательную поддержку политико-дипломатическим и экономическим инструментарием «умеренной» оппозиции. В частности, через механизм «Группы друзей Сирии» (ГДС), особенно в 2012-2014 гг. и по двусторонним каналам; в частности, ГДС занималась дискредитацией июньских 2014 г. президентских выборов в САР, завершившихся убедительной победой Б. Асада. В 2016 г. в Берлине было открыто и стало полноценно функционировать Контактное бюро Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (т.е. политической платформы «умеренной» оппозиции), де-факто выполнявшее функции посольства¹⁴. При этом ФРГ последовательно отказывалась от предоставления значительной военной помощи «умеренной» оппозиции.

До 2016 г. бундесвер не использовался на сирийском театре военных действий. С декабря 2015 г. Германия присоединилась ко II западной антитеррористической коалиции (создана в сентябре 2014 г. по инициативе США для борьбы с ИГ) не только в политическом, но и военном отношении. Правда, бундесвер ограничился «разгрузкой» своих партнёров – прежде всего, Франции – как на сирийском (ведение воздушной и космической разведки, заправка топливом, охрана), так и на иракском театрах военных действий¹⁵. Сверх того, в Ираке была развёрнута военно-тренировочная миссия (до 2018 г. действовавшая де-юре отдельно от II западной коалиции), в штабные структуры которой была направлены офицеры¹⁶. Иными словами, германские военные не были задействованы ни в собственно боевой, ни, что особенно важно, в назем-

¹⁴ Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten U. Jellpke, Dr. A. Hahn, G. Akbulut, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE. – Drucksache 19/6817 – Unterstützung der Nationalkoalition syrischer Revolutions- und Oppositionskräfte (ETILAF) durch die Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/7562, 06.02.2019. S. 1-2.

¹⁵ Одновременное наступление «Исламского государства» в Ираке и Сирии, несмотря на первоначальную несхожесть вооружённых конфликтов на их территории, позволяет с рубежа 2014 г. говорить о едином сирийско-иракском конфликте.

¹⁶ Rede von Ursula von der Leyen. Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C-13877A.

ной деятельности¹⁷ (включая миротворческую составляющую). Группировка ВВС ФРГ первоначально дислоцировалась на авиабазе НАТО «Инджирлик» в Турции, а в июне – августе 2017 г. вследствие ухудшения отношений с турецкой стороной самолёты были перебазированы в Иорданию, на аэродром «Аль-Ашрак»¹⁸. Таким образом, германские военные в составе II коалиции базировались вне территории САР и Ирака, что, с точки зрения авторов, также отражает принцип взвешенности в политике ФРГ. Приверженность этому принципу во многом обусловлена стремлением избежать даже случайных военных столкновений с силами коалиции РФ – Дамаска – ИРИ.

В окончательном виде эта коалиция оформилась 30 сентября 2015 г., когда Россия приняла решение о начале боевой операции по разгрому террористических структур на территории САР. РФ приняла основную нагрузку при осуществлении военно-воздушной составляющей операции, а сирийские правительственные войска, КСИР и дружественные ему силы (в частности, «Хезболла») – наземной. ИРИ придерживалась последовательного и логичного курса на поддержку Дамаска, «ядро» сил которого составляли бойцы-алавиты. В отличие от ФРГ, Иран оказывал своему союзнику в Сирии регулярную и активную прямую, хотя и не афишируемую, военную помощь.

Показателен параллелизм действий обеих антитеррористических коалиций (II западной и РФ – Дамаска – ИРИ) при совершенно несоизмеримой их эффективности. Если западная не смогла самостоятельно даже приостановить наступление ИГ, спровоцировавшее массовый приток беженцев в ЕС, то вторая, действуя в основном в Сирии, в результате ряда последовательных операций 2015-2018 гг. нанесла поражение ИГ. Ослабление сил «Исламского государства» на территории САР привело к переброске туда резервов из Ирака, позволив местным курдам, правительственным войскам и поддерживающих их силам II западной коалиции с осени 2016 г. перейти в наступление.

Как и в случае с «Хезболлой», только в несоизмеримо большем масштабе, с одной стороны, действия ИРИ, будучи направлены на ослабление позиций «умеренной» оппозиции, противоречили германским интересам. В этой связи показательна мощная информационная кампания в декабре 2016 г., организованная МИД ФРГ и лично Ф.-В. Штайнмайером, с обвинениями Ирана, России и официального Дамаска в создании гуманитарной катастрофы в районе Алеппо из-за затягивания штурма города¹⁹. При этом игнорировались усилия

¹⁷ По неофициальным источникам, в июне 2016 г. подразделения германского спецназа (численностью от взвода до роты) в районе Алеппо (Сирия) участвовали в операции по поддержке «умеренной» оппозиции, а в ноябре – декабре 2016 г. обеспечивали наступление правительственных иракских войск на Мосул. В обоих случаях Берлин категорически отрицал выходящее за рамки мандата Бундестага боевое использование немецких военных.

¹⁸ *Parlamentsbeteiligung beim Abzug der Bundeswehr aus Incirlik*. Deutscher Bundestag: Wissenschaftliche Dienste. WD 2 - 3000 - 056/17. 8. Juni 2017. S. 1-2.

¹⁹ *Außenminister Steinmeier zu Ost-Aleppo: Blockaden der Evakuierung umgehend beenden*. 16.12.2016. Электронный ресурс: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/161217_BM_Ost_Aleppo.html (accessed 10.05.2020).

(особенно РФ) по скорейшему выводу мирных жителей из зоны боёв и сдаче в плен боевиков. В реальности своими дипломатическими шагами Берлин стремился спасти от разгрома остатки сосредоточенных в Алеппо военизированных формирований «умеренной» оппозиции. С другой стороны, действия Ирана вносили огромный вклад в обеспечение безопасности ФРГ, приводя к резкому снижению масштаба террористической и миграционной угроз.

Достигнутые коалицией РФ–правительства САР–ИРИ военные результаты, помноженные на политические успехи треугольника Турция – Россия – Иран в области сирийского урегулирования в 2018-2019 гг., привели ФРГ к осознанию необходимости поиска договорённостей с вершинами этого треугольника. Берлин избрал путь переговоров с каждой из них по отдельности. В случае Ирана обсуждение сирийской тематики осуществлялось, во-первых, в рамках ежеквартальных встреч формата Е3 (Великобритания, Франция и Германия) с Ираном по сохранению СВПД. Во-вторых, во время двусторонних встреч на высоком уровне – прежде всего, в ходе визита главы МИД ФРГ Х. Мааса в ИРИ 10 июня 2019 г.²⁰. Каковы возможные контуры сделки по Сирии между двумя сторонами? Для официального Берлина во всех отношениях, включая имиджевое, важно обеспечить встраивание на постоянной основе представителей «умеренной» оппозиции в политические структуры Сирии (в сегментарном виде). Кроме того, очевидна выгода стабилизации САР с точки зрения безопасности ФРГ и её партнёров по ЕС. В свою очередь, Германия могла бы, во-первых, принять весомое участие в социально-экономическом восстановлении Сирии, а во-вторых, пойти на восстановление замороженных отношений с официальным Дамаском, и, что, не менее важно, принять (или как минимум не критиковать) факт долгосрочного военного присутствия Ирана на сирийской территории. Германия уже демонстрирует интерес не только к сохранению СВПД, но и учёту интересов Ирана и по иным пунктам региональной повестки дня – в частности, по иракскому и йеменскому.

Официальный Берлин всё более внимательно учитывает фактор присутствия Ирана и на иракском направлении. 15 мая 2019 г. федеральное правительство в согласии с Бундестагом приняло решение о приостановке деятельности германской военно-тренировочной миссии (160 военнослужащих)²¹, функционировавшей с декабря 2014 г. Миссия была нацелена на параллельное обучение правительственных иракских войск (комплектуемых в основном в «суннитском треугольнике») и курдских пешмерга с поставкой вооружений и предметов военного снабжения. Чем обусловлен неожиданный на первый взгляд вывод военных советников при наличии действующего мандата? Во-

²⁰ Maas im Iran. "Wir bemühen uns nach Kräften". 10.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (accessed 10.05.2020).

²¹ Bundeswehr unterbricht Irak-Einsatz. 15.05.2019. Электронный ресурс: <https://www.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-irak-131.html> (accessed 10.05.2020).

первых, перегруппировкой к новому наступлению сил ИГ на иракской территории. Эту угрозу, а, следовательно, и эфемерность своих успехов в Ираке официально признал Вашингтон, частично эвакуировав из Багдада персонал посольства США и призвав к аналогичным мерам ФРГ²². Во-вторых, новым углублением противоречий между иракским Курдистаном (власти которого 25 сентября 2017 г. провели референдум о независимости, не признанный ни одним государством в мире) и официальным Багдадом. После этого Германия существенно сократила военную помощь пешмерга, небезосновательно опасаясь критики в косвенной поддержке курдского сепаратизма. Наконец, в-третьих, весьма значимой причиной был риск боевых столкновений между правительственными иракскими войсками (поддерживаемыми ФРГ и её партнёрами по II западной антитеррористической коалиции) и шиитскими военизированными формированиями на юге Ирака, действующими под патронатом Ирана. Эти стычки могли быть использованы как повод для резкого усиления военного давления на Иран, организуемого группой стран во главе с США, Саудовской Аравией и Израилем.

«Йеменский вопрос»: эволюция германского прочтения

В 2015 г. началась интервенция группы государств с участием большинства монархий ССАГПЗ во главе с Саудовской Аравией в Йемен для борьбы с мощным движением хуситов (шиитов), получавшим неофициальную помощь от Ирана. Берлин постарался остаться над схваткой: он не стал оказывать активной политической поддержки де-факто свергнутому и эмигрировавшему в Саудовскую Аравию йеменскому президенту А.Р.М. Хади, при этом проявляя на первых этапах боевых действий (в 2015-2017 гг.) сдержанность в вопросах использования силы антихуситской коалицией. В середине 2010-х гг. позиция Германии характеризовалась существенно большим в сравнении с другими западными странами учётом интересов Ирана. Почему? Йеменский вооружённый конфликт, как никакой другой на Ближнем и Среднем Востоке, Берлин рассматривал в качестве одной из компонент малой «холодной войны» между ИРИ и КСА (Leemhuis 2018: 2-3). Соответственно, просаудовская позиция не просто резко сузила бы возможности вести конструктивный диалог с Ираном, но трактовалась бы Эр-Риядом как поддержка в борьбе с ИРИ, способствуя эскалации напряжённости. На предотвращение или как минимум уменьшение напряжённости и направляла свои усилия Германия.

В ходе визитов тогдашнего министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера (апрель 2016 г.) и канцлера А. Меркель (апрель 2017 г.) в Эр-Рияд немецкая сторона неизменно подчёркивала свою приверженность исключительно

²² Ibid.

политическому урегулированию йеменского вооружённого конфликта, призывая Саудовскую Аравию к скорейшему выводу своей группировки войск из Йемена и к максимальной сдержанности в отношении Ирана²³. Взамен предлагалась и в основном реализовывалась схема многотрекового продвинутого сотрудничества, включая поставки широкой номенклатуры германских вооружений и военной техники саудитам²⁴. По «йеменскому вопросу» в 2015-2017 гг. ФРГ оказывала на КСА лишь дипломатическое влияние. Ситуация качественно изменилась к сентябрю 2018 г., когда Берлин ввёл полугодовое эмбарго на поставки вооружений в КСА, а в апреле 2019 г. продлил его²⁵. И хотя де-факто – через дочерние фирмы, в-третьих, странах – часть заказанных ранее вооружений в Саудовскую Аравию поступила, военно-техническому сотрудничеству был нанесён существенный урон как в физическом выражении, так и имиджевом. Чем было обусловлено введение эмбарго, на которое не пошли остальные западные державы (США, Великобритания, Франция)? Безусловно, в германо-саудовских отношениях накопился широкий спектр «раздражителей» (иницирование КСА дипломатического кризиса вокруг Катара в июне 2017 г., убийство саудовского журналиста Дж. Кашогги на территории генконсульства КСА в Стамбуле в октябре 2018 г.). Однако самым весомым из них следует признать действия группировки войск КСА в Йемене. Во-первых, они стали представлять серьёзную опасность в условиях выхода США из СВПД (8 мая 2018 г.). Активно включившись в растущее силовое давление Белого дома на Иран, Саудовская Аравия могла пойти на расширение своего присутствия в Йемене, а также на осуществление прямых инцидентов с участием ИРИ. Во-вторых, самим фактом своей интервенции Саудовская Аравия в полной мере несла ответственность за провоцирование хуситов к ответным ударам по своей территории. К весне 2019 г. эта угроза стала реальностью, что показали атаки на НПЗ Королевства 15 сентября 2019 г., ответственность за которые взяли на себя хуситы. Соответственно, сохранение военной вовлечённости КСА во внутрийеменский конфликт таило в себе резко возросший риск расширения военного давления и начала боевых действий против ИРИ. Приостановив поставки вооружений официальному Эр-Рияду, правительство ФРГ стремилось, во-первых, сохранить СВПД. Во-вторых – не допустить эскалации напряжённости или как минимум снять с себя косвенную ответственность за этот процесс. Введением и продлением эмбарго на поставки вооружений официальный Берлин отправлял своему партнёру отчётливый сигнал о неприемлемости новых жёстких, особенно силовых, мер прямого и косвенного давления на Иран.

²³ Angela Merkel in Saudi-Arabien: Bundeswehr soll saudisches Militär ausbilden. 30.04.2017. Электронный ресурс: <https://m.tagesspiegel.de/politik/angela-merkel-in-saudi-arabien-bundeswehr-soll-saudisches-militaer-ausbilden/19738430.html> (accessed 10.05.2020).

²⁴ Ibid.

²⁵ Deutschland verlängert Waffenembargo gegen Saudi-Arabien. 12.04.2019. Электронный ресурс: <https://www.hrw.org/de/news/2019/04/12/deutschland-verlaengert-waffenembargo-gegen-saudi-arabien> (accessed 10.05.2020).

Позиция Германии: от сохранения СВПД к недопущению военного конфликта вокруг Ирана

С 2006 г. ФРГ участвовала в переговорном процессе с ИРИ, направленном на недопущение появления у этой страны ядерного оружия, при этом действуя в составе ЕЗ, т.е. «евротройки», наряду с Великобританией и Францией. Примечательно, что большинство стран-участниц иранской «шестёрки» (прежде всего, РФ и США) использовали для обозначения её состава формулу «5+1», т.е. пять легальных ядерных держав-постоянных членов Совета Безопасности ООН и ФРГ. Официальный Берлин придерживался формулы «ЕЗ+3» (т.е. «евротройка» + США, РФ и КНР), тем самым не только нивелируя свой статус страны, не имеющей ОМП и постоянного членства в СБ ООН, но и оттеняя роль игроков вне ЕС (прежде всего, РФ). Исключительный интерес Германии к недопущению появления у Ирана ОМП объяснялся не только собственно аспектами безопасности, но и имиджевыми соображениями. В соответствии с Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. объединённая ФРГ приняла на себя обязательство по отказу от владения, производства и распоряжения биологическим, химическим и атомным оружием²⁶. Соответственно, неотъемлемой частью внешней политики Германии, стремящейся достичь положения полновесного глобального игрока, становилось недопущение создания ОМУ/ОМП странами, не входящими в клуб легальных ядерных держав. Во время заключения СВПД (14 июля 2015 г.) германские СМИ подчёркивали исключительно весомый вклад в подписание договора тогдашнего главы МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайера: его называли архитектором «ядерной сделки»²⁷.

Берлин придавал особую важность сохранению в силе Соглашения о всеобъемлющем плане действий (2015); к этому призывала канцлер А. Меркель в ходе своих немногочисленных прямых политических контактов с Д. Трампом. В ответ на выход администрации президента США из СВПД (8 мая 2018 г.) германская сторона заявила о реализации мер по сохранению договора²⁸. Серьёзным успехом немецкой дипломатии стало сохранение по данному вопросу консенсуса ЕЗ, включая Великобританию – несмотря на фактор Брекзита. При активной и по сути направляющей роли ФРГ ежеквартально стали происходить встречи в формате «ЕЗ+1» по обсуждению хода имплементации СВПД. Значимы были и совместные заявления стран «евротройки» в поддержку сохранения «ядерной сделки» – таковое, в частности, было сделано 14 июля 2019 г., т.е. в

²⁶ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. 1994. *Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации*. Выпуск XLVII. Москва: Международные отношения. С. 34-37.

²⁷ Deutschland und Iran: Durch gute und schlechte Zeiten. 9.05.2019. Электронный ресурс: <https://www.dw.com/de/deutschland-und-iran-durch-gute-und-schlechte-zeiten/a-48676496> (accessed 10.05.2020).

²⁸ Deutschland und Iran: bilaterale Beziehungen. Stand: 25.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausienpolitik/laender/iran-node/bilateral/202402> (accessed 10.05.2020).

пятую годовщину заключения СВПД, и содержало критику действий администрации Д. Трампа²⁹.

10 июня 2019 г. демонстративный визит в Иран совершил глава МИД ФРГ Х. Маас; его закрытые переговоры с иранским коллегой М. Дж. Зарифом продолжались более двух часов. На пресс-конференции Х. Маас употребил эмоциональное выражение «мы стараемся изо всех сил»³⁰, обозначив активные попытки ФРГ по снятию санкций США, больно ударяющих в по широким слоям населения Ирана³¹. По всей видимости, именно в ходе этих переговоров Зариф был приглашён на саммит G7 в Биаррице (24-26 августа 2019 г.). Это решение германо-французского тандема оказалось во многом неожиданным для администрации Д. Трампа и было достаточно редким для встреч «Большой семёрки», показывая то внимание, которое ФРГ и Франция уделяли «иранскому вопросу». Несколько ранее, в июле 2019 г., Х. Маас обозначил инициативу по развёртыванию монито-ринговой миссии стран-участниц ЕЗ (под эгидой ЕС) с целью недопущения инцидентов, в том числе военно-силового характера, в зоне Персидского залива³².

Исходя из изложенных фактов, не следует рассматривать германскую позицию как сугубо проиранскую. ФРГ последовательно, даже в период краткой фазы резкого подъёма торгово-экономического сотрудничества, отказывалась от поставок Ирану ВиВТ. Вслед за США, Великобританией и Францией Германия возложила на Тегеран ответственность за налёт дронов на НПЗ Саудовской Аравии 14 сентября 2019 г. (ответственность взяли на себя йеменские хуситы), осудив эти действия³³. С одной стороны, ФРГ не стала ужесточать свою линию по Ирану, вновь призывая к интенсификации переговоров³⁴. С другой стороны, не последовало сколько-нибудь существенной реакции Берлина ни на взрыв на иранском танкере в Красном море, ни на решение США увеличить своё военное присутствие на территории КСА³⁵ (отметим, оба события произошли одновременно, 11-12 октября 2019 г.).

Следовательно, ФРГ стремится держать дистанцию как от Ирана, так и его оппонентов.

²⁹ E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action: 14 July. Pressemitteilung 14.07.2019. Электронный ресурс: <https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350> (accessed 10.05.2020).

³⁰ Maas im Iran. "Wir bemühen uns nach Kräften". 10.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (accessed 10.05.2020).

³¹ Wiener Nuklearvereinbarung erhalten: Außenminister Maas in Teheran. 10.06.2019. Электронный ресурс: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/iran-node/maas-teheran/2225052> (accessed 10.05.2020).

³² „Chancen für die Diplomatie offenhalten“. Außenminister Heiko Maas sagte gegenüber der Funke-Mediengruppe zur Lage am Persischen Golf. Interview. 27.07.2019. Электронный ресурс: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-funke/2235780> (accessed 10.05.2020).

³³ Auch Deutschland macht Iran verantwortlich. 24.09.2019. Электронный ресурс: <https://www.tagesschau.de/ausland/angriffe-oelanlagen-101.html> (accessed 10.05.2020).

³⁴ Ibid.

³⁵ US to deploy 3,000 additional troops to Saudi Arabia. 11.10.2018. Электронный ресурс: <https://www.aljazeera.com/news/2019/10/deploy-large-number-forces-saudi-arabia-report-191011160852019.html> (accessed 10.05.2020).

Ключевой вопрос состоит в следующем: какую позицию займёт Германия в случае перерастания политического конфликта вокруг ИРИ в военно-политический кризис, и тем более, в случае начала войны – как ограниченной, так и широкомасштабной? Возможность использования в этой войне бундесвера равна нулю, на что указывает не только линия ФРГ на иранском направлении, но и её подход к использованию военно-политического инструментария на БСВ в целом, основанный на принципе «стратегической сдержанности». Практически исключено оказание прямой политической поддержки; стремится к нулю и вероятность предоставления опосредованной помощи (как политико-дипломатической, так и военной).

Для ФРГ «выключение» ИРИ как влиятельного игрока из региональной подсистемы БСВ, осуществлённое в полном объёме только военно-силовыми средствами, несоизмеримо невыгоднее, чем все издержки, связанные с укреплением позиций официального Тегерана, что обусловлено следующими причинами.

Практически в прямо пропорциональной зависимости от масштаба боевых действий против Ирана находится рост нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке. Начало войны заставит официальный Тегеран или нарастить объёмы использования КСИР в Сирии и поддержку шиитских сил в Ливане, САР, Ираке и Йемене (в случае ограниченной или неудачно развёртывающейся широкомасштабной войны), или, наоборот, частично/полностью вывести КСИР и свернуть/сократить помощь. При первом сценарии зона активных боевых действий выйдет далеко за границы Ирана, приведя к «размораживанию» арабо-израильского конфликта и новому витку вооружённой борьбы во всех остальных случаях. Для ФРГ это будет означать паралич практически всей её политико-военной и отчасти экономической активности на БСВ, что продемонстрирует несоответствие её возможностей и амбициозных целей. Столь же неприятна вероятность мощного миграционного кризиса, вновь ставящего ФРГ и её партнёров по ЕС в оборонительное положение. Его потенциальная возможность и масштаб ещё выше при втором сценарии, т.е. при уходе Ирана из зон вооружённых конфликтов. В них (особенно в Ираке и Сирии) вновь быстрыми темпами пойдёт восстановление структур международного терроризма, ключевую роль в поражении которых до этого сыграла коалиция РФ – правительства САР – ИРИ. Готова ли в этом случае ФРГ взять на себя резко возросшую нагрузку не только по поддержанию, но и по обеспечению мира? Положительный ответ на данный вопрос вызывает большие сомнения.

Наибольшую опасность таит угроза слома института государственной власти в Иране, который превратит его в огромный очаг напряжённости, «мост» в дуге нестабильности, протянувшейся от зоны арабо-израильского конфликта (размороженного) до Афганистана. Эти обширные земли вновь, но в несопоставимо больших масштабах, чем это было в 2015-2016 гг., станут источниками неконтролируемой миграции, а также увеличения потенциала и активизации террористических структур для государств-членов ЕС во главе с ФРГ. И в дан-

ном случае актуализируется принципиальный вопрос о способности Германии обеспечивать мир и порядок на БСВ в резко поменявшихся реалиях.

С точки зрения авторов, в случае «выключения» ИРИ как влиятельного игрока из региональной подсистемы Ближнего и Среднего Востока перед ФРГ встанет и ещё один значимый вопрос. Насколько изменится ценность Германии как партнёра для широкого круга региональных игроков (включая КСА и в целом монархии Аравийского полуострова, Израиль и Египет), негативно или как минимум скептически настроенных в отношении Ирана?

Для этой группы стран официальный Берлин интересен не только (и зачастую не столько) как посредник в налаживании их отношений с Ираном, но главным образом как партнёр в политической, экономической и военной (прежде всего, поставщик широкой номенклатуры вооружений, боевой и вспомогательной техники, предметов снабжения) сферах. Следовательно, силовое решение «иранской проблемы» (точнее, антирешение) приведёт, как ни парадоксально покажется на первый взгляд, к снижению заинтересованности в ФРГ как партнёре со стороны группы влиятельных государств Ближнего Востока и, соответственно, учёта германских интересов в регионе.

В контексте значимости для ФРГ мирного урегулирования «иранской проблемы» возникает вопрос: почему Берлин не стремится к активному практическому сотрудничеству с РФ, не менее Германии заинтересованной в достижении той же цели? С точки зрения авторов, проблема заключается в пересечении двух тенденций. Первая – общее ухудшение отношений евроатлантического сообщества в целом и России (с 2014 г.); на ближневосточном направлении оно проявляется в параллельной деятельности двух антитеррористических коалиций: РФ – правительства САР – ИРИ и II западной. Вторая тенденция – претензия ФРГ на роль ведущего игрока в урегулировании «иранского вопроса». В урегулировании сирийского вооружённого конфликта, как в собственной военной, так и политико-дипломатической плоскостях, к 2020 г. роль Германии несопоставимо меньше, чем у стран-участниц «треугольника» Иран – Россия – Турция (прежде всего, у первых двух «вершин»). На афганском направлении администрация Д. Трампа стремится, игнорируя официальный Берлин, выйти на мирные договорённости с местным Талибаном, завершив многолетний вооружённый конфликт. Наконец, на ещё одном крайне значимом (исходя из суммы военных и политико-дипломатических усилий) направлении политики ФРГ в области безопасности – в Мали – урегулирование конфликта далеко от полного завершения.

На этом фоне для демонстрации статуса глобально оперирующей державы ФРГ нужен «свой» крупный дипломатический успех, например, урегулирование «иранского вопроса». Это, во-первых, подтвердило и помножило бы (в имиджевом плане) вклад официального Берлина в заключение СВПД (2015), продемонстрировав особое качество германо-иранских отношений. Во-вторых, Германия фактически выступила бы медиатором в конфликте группы ближневосточных

государств и США с Ираном, т.е. поднялась бы выше администрации Д. Трампа, тем нивелировав её успехи в переговорах с Талибаном. В-третьих, сблизившись с Ираном, официальный Берлин преследует латентную цель по его отрыву от России, ослабляя укрепившиеся позиции РФ на Ближнем и Среднем Востоке.

Следует подчеркнуть, что все эти дивиденды – как и в целом возможности двустороннего сотрудничества с ИРИ – пока носят характер потенциальных, и с высокой долей вероятности останутся таковыми. С одной стороны, действуя в составе ЕЗ, ФРГ на иранском направлении, по сути, конкурирует с США. С другой стороны, наличествуют чёткие пределы (и в политико-военной, и в экономической сфере) солидарности с партнёрами по НАТО и ЕС, перейти которые официальный Берлин не готов. Иллюстрацией тому стали спад в торгово-промышленном обмене после введения санкций США и обвинение Ирана в нападении на НПЗ Саудовской Аравии в сентябре 2019 г.

В 2010-е гг. наблюдается тенденция к неуклонному возрастанию абсолютного значения и удельного веса «иранского фактора» во внешней политике ФРГ. Ключевая причина этого объективна: динамично усиливающаяся мощь Ирана и, соответственно, необходимость учёта этого обстоятельства для сохранения (а тем более упрочения) расшатанных политико-военных позиций самой Германии на Ближнем и Среднем Востоке. При этом по многим направлениям (урегулирование вооружённых конфликтов в Ливане, Сирии, Ираке, Йемене; двусторонние отношения с КСА и в целом монархиями Персидского залива) «иранский фактор» оказывает сдерживающее и даже стеснительное влияние на действия ФРГ, заставляя де-факто корректировать существовавшие приоритеты и временно ослаблять традиционные связи.

К какому результату будет стремиться Германия на иранском направлении? По убеждению авторов, это существенно расширенная формула 2015 г. В дополнение к сохранению СВПД и взаимовыгодному росту торгово-экономического сотрудничества эта формула включает:

- сведение к минимуму угрозы военного конфликта в отношении Ирана (что проявилось в ходе инцидента с убийством генерала К. Сулеймани 3 января 2020 г.);

- в обмен на это чёткое лимитирование с учётом германских интересов пределов роста влияния Ирана на территории Ливана, Сирии, Ирака и Йемена.

Представляется возможным снизить градус напряжённости в отношениях ИРИ с КСА и Израилем, сведя к минимуму вероятность их военного столкновения, но ликвидировать эволюционным путём их антагонизм крайне маловероятно. Как ни парадоксально, объективно ФРГ в том и не заинтересована. Лимитированная борьба с Саудовской Аравией и Израилем будет обуславливать растущий интерес Ирана к развитию многовекторной кооперации с Германией как с влиятельным внешним партнёром (это происходило в 2014-2017 гг.), от-

крывая Германию потенциал для укрепления своих частично утраченных позиций на Ближнем и Среднем Востоке.

Об авторах:

Велихан Салманханович Мирзеханов – доктор исторических наук, заместитель директора, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Ленинский проспект 32А, 119334; заведующий Отделом Азии и Африки, ИНИ-ОН РАН, Москва, Нахимовский проспект 51/21, 117418. E-mail: lum62@yandex.ru

Филипп Олегович Трунов – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, Нахимовский проспект 51/21, 117418. E-mail: 1trunov@mail.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: March 26, 2020
Accepted: April 7, 2020

Germany-Iran Relations in Political-Military Sphere: The Impossible Unlocking of Potential?

Mirzekhanov S. Velikhan, Ph.O. Trunov
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-186-204

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article explores the current relations between Germany and Iran in political-military sphere. Both countries belong to the category of emerging powers (the Germany is perhaps the single emerging power among Euro-Atlantic states). Outlining the contours of bilateral relations, the authors underline the presence of imperial historical code in each country, the growing internal political problems (dwindling authority of the ruling elites) and mutual interest in deepening trade-industrial partnership with Germany becoming a technological modernizer of Iranian economy.

The authors show that Iranian factor has a growing impact over German policy in the Near East and the Middle East, especially in Lebanese, Syrian, Iraqi and Yemeni armed conflicts. In the first three cases Germany tries to limit the scale, the character (non-combatant capabilities), geographic area (not in deep regions) of the Bundeswehr usage. One of the key reasons of it is that Germany avoids being drawn into action against the Iranian troops or its junior allies («Hezbollah» in Lebanon, Shia combatants in Southern Iraq). Germany also recognizes that ignoring Iranian interests in each of these cases will make it difficult to maintain its political-military presence in the region. Because of the Yemen conflict with active participation of Saudi Arabia Germany has imposed arms embargo for the Kingdom.

Germany attempted to keep the Iranian nuclear deal after Trump's administration withdrawal from the agreement. The authors try to estimate the probable position of Germany towards possible military-political crisis in the region involving Iran and especially towards a potential US war against Iran.

What result will Germany strive for in the Iranian direction? According to the authors, this is a significantly expanded formula of 2015. In addition to maintaining the JCPOA and mutually beneficial growth in trade and economic cooperation, this formula includes:

- minimizing the threat of a military conflict against Iran (which has become especially important after the assassination of General Qasem Soleimani on January 3, 2020);
- in exchange for this clear limitation of Iran's influence in Lebanon, Syria, Iraq and Yemen.

Key words: Germany, Iran, Joint Comprehensive Plan of Action, Armed conflicts, Syria, Near East

About the authors:

Mirzekhanov S. Velikhan – ScD (Historical Sciences), Deputy Director, Institute of World History RAS, Moscow, Leninskiy prospect 32A, 119334; Head of the Department Asia and Africa, INION RAS, Moscow, Nachimovskiy prospect, 51/21, 117418. E-mail: lum62@yandex.ru

Philipp O. Trunov – PhD (Political Sciences), Senior Researcher, INION RAS, Moscow, Nachimovskiy prospect, 51/21, 117418. E-mail: 1trunov@mail.ru

Conflict of Interests: The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Azizi H. 2020. Iran's Multi-Faceted Strategy in Deir ez-Zor. *SWP Comments*. March. № 15. 4 p.
- Arnold Y., Meier O. 2019. Die Proliferation von Mittelstreckenwaffen. *SWP. Forschungsgruppe Sicherheitspolitik*. Juli. №2. 4 p.
- Brustlein C., Dobbins J., Kaye D.D., Meier O., Overhaus M., Quilliam N., Ries Ch., Schmid D., Vakal S., Zamuirad A. 2018. Saving Transatlantic Cooperation and Iran Nuclear Deal. *SWP Comments*. February. №9. 4 p.
- Leemhuis R. 2018. Iran's Destructive Regional Policy. *Federal Academy of Security Policy. Security Policy Working Paper*. №27. 5 p.
- Lohmann S. 2015. Zwang zur Zusammenarbeit. *SWP-Aktuell*. Juni. №54. 8 p.
- Murciano G. 2017. Israel vis-à-vis Iran in Syria: The Perils of Active Containment. *Stiftung Wissenschaft und Politik. SWP Comments*. October. №41. 8 p.
- Perthers V. 2019. Eine Chance für die Diplomatie. *Handelsblatt*. 12-14. Juli. №132.
- Schaller Ch. 2019. «America First» – Wie Präsident Trump das Völkerrecht strapaziert. *Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. SWP-Studie 27*. Dezember. 38 s.
- Schirm St.A. 2010. Leaders in Need of Followers: Emerging powers in Global Governance. *European Journal of International Relations*. 2(16). P. 197-221.
- Wimmen H. 2016. Lebanon's State of Erosion. *Stiftung Wissenschaft und Politik. SWP Comments*. October. №46. 8 p.

Developing Sino-Israeli Relations in the Post-Cold War Era: Analyzing Desecuritization Scenarios for Iran

Fariborz Arghavani Pirsalami, Seyed Javad Salehi, Hossein Alipour

Shiraz University, Iran

Abstract: An important feature of Israel's foreign policy in the post-Cold War era has been development of relations with emerging powers, including China. The importance of the economic component in the foreign policy of both countries, China's efforts to achieve the status of a great power, and Israel's strategies to improve its global image and regional position have brought the two countries' relations into a form of comprehensive cooperation in the post-Cold War era. Describing the relations between the two countries in the political, military and economic spheres and acknowledging the impact of China and Israel's behavior patterns on national and regional security of Iran the article seeks to answer the following questions: What are the indicators of the development of China-Israel relations in the post-Cold War era? What are the consequences of these relations for Iran? From this article's point of view, the development of China-Israel relations in all areas has been on an upward trajectory and hence have substantial implications at the national (threatening China-Iran relations in the field of energy and weakening Iran-China military relations and enfeebling Iran's position in the Silk Road project), regional (changing the balance to the detriment of Iran, Iran's containment and normalization of Arab-Israeli relations) and international levels (China's accompanying pressures on Iran, Israel's use of China's capacity in international institutions and efforts to legitimizing and reinforcing the notion of Iran's threat and continuing Iranophobia) for Iran's security.

Key words: China, Israel, Iran, the Middle East, Security, Foreign Policy.

In the post-Cold War era, one of the most important aspects of Israel's foreign policy has been widespread cooperation with emerging powers, largely due to the end of the rigid blockings of the Cold War on the one hand and its regional isolation and the difficulty of its integration into the Middle East on the other. Israel's dramatic

УДК: 327.8

Received: February 10, 2020

Accepted: April 15, 2020

progresses in advanced technologies in the fields of military, energy, agriculture and information sectors are the main causes that have attracted the attention of emerging powers. One of the emerging powers whose relations with Israel have reached unprecedented levels is China. Since late 1970s, along with economic reforms it has changed its relations from nonrecognition to comprehensive cooperation with Israel. China needs advanced Israeli technology in its quest for the status of a great power and modernization, especially in the military field. With the West refusing to transfer military technology to China, Israel is the only way to fill that gap. On the other hand, Israel needs to expand its relations with China in various areas in order to improve its regional position and global image. China is also a big market for Israel. The \$ 14 billion trade volume between the two countries, massive investments, scientific-academic and cultural partnerships show that relations between the two countries in the post-Cold War era have shifted to a form of inclusive cooperation (Evron 2017b: 828).

On the other hand, the Islamic Republic of Iran has extensive relations with China. Iran also has advantages for China that cannot be easily ignored. The abundance of energy resources, the large consumer market, regional power, and Iran's revisionist approach to the existing international order are significant to China. The Islamic Republic, which has been subject to Western sanctions due to its revisionism, views China as a strategic partner that can act as a balancer against the West, especially the United States that could be a good substitute for them to provide the resources needed to modernize Iran in different areas. The experience of Iran's nuclear program and Iran's membership in the Shanghai Organization have shown that the Islamic Republic's perception of China as a strategic partner is completely false, leading to Iran becoming a playing card for this country (Arghavani 2015: 168-170). Indeed, there are fundamental differences in the foreign policy of China and Iran. China's foreign policy is not designed to be a direct challenge to the US hegemony, and in its bilateral relations with Iran it is trying to take into account the concerns of the United States and Iran's neighbors. While Iran's foreign policy has remained ideological but regardless of its existing contexts and risks, unilaterally regards China as a strategic partner. At the same time, the issue of large-to-medium power asymmetry between the two countries has also become a contradiction (Chau, Kane 2014: 259-63).

On the other hand, relations between Iran and Israel have been severed after the Islamic Revolution because of the changes in Tehran's foreign policy. The Islamic Republic explicitly supports the ideals of Palestine and Palestinian groups and even calls for the destruction of Israel. Iran's nuclear crisis, its support for Palestinian militant groups, Israel's efforts to identify Iran as the cause of regional instability and failures in the Middle East peace process, and Israel's destructive role in Iran-US relations, have exacerbated relations between the two countries. Israel is pursuing active diplomacy aimed at pushing China and Russia away from Iran to complete pressure on this country. So, one of the main reasons for Israel's proximity to China is to negotiate with Beijing over Iran (especially its regional role and missile issues) in order to persuade one of the major powers close to Iran to a consensus against it (Chau, Kane 2014: 259-63).

Although there are researches on the bilateral relationship of each of these three sides, the simultaneous examination of the three has not received much attention. Aron Shai in China and Israel (1890-2018) has examined relations between the two countries since the presence of Jewish communities in China and has covered all aspects of the two countries' relations. Anoushiravan Ehteshami and Niv Horesh (Ehteshami, Horesh 2018) have analyzed the relations between the two countries under the Belt and the Road Initiative and have only considered the economic aspects of the parties' relations. There have also been numerous articles on China-Israel relations. Yoram Evron (Evron 2017b: 828) has analyzed the dramatic growth of the two countries' relations with emphasis on economic dimensions. Islam Ayyadi & Mohammed Kamal (Ayyadi, Kamal 2016) have only scrutinized the military relations of the two countries, especially in the area of Israeli military technology transfer to China and the role of the United States in halting such cooperation.

Given the lack of Persian literature on Chinese-Israeli relations and due to the significance of this field in Iranian foreign policy, national security, and regional security, an independent research on this case is needed. This article, after describing the relations between the two countries in the political, military and economic spheres and acknowledging the impact of China and Israel's behavior patterns on national and regional security of Iran, seeks to answer that what are the indicators of the development of China-Israel relations in the post-Cold War era? And what are the consequences of these relations for Iran? From this article's point of view, the development of China-Israel relations in all areas has been on an upward trajectory and hence have substantial implications at the national level (threatening China-Iran relations in the field of energy and weakening Iran-China military relations and enfeebling Iran's position in the Silk Road project) regional (changing the to the detriment of Iran, Iran's containment and normalization of Arab-Israeli relations) and international (China's conscious passivity and accompanying pressures on Iran, Israel's use of China's capacity in international institutions and efforts to legitimizing and reinforcing the notion of Iran's threat and continuing Iranophobia) for Iran's security.

In order to prove the article's claim, the Middle East's position in Chinese foreign policy and then the various aspects of China-Israel relations will be explored and then the consequences of the two countries' relations on Iran's security will be examined.

China and the Middle East in 21st Century

China which has changed its foreign policy strategy in the light of economic reform, is also taking a special look at the Middle East region, and its relationship with the region in the 21st century has taken a new form and entered a new phase (Sazmand, Arghavani 2017: 191-92) The reasons for the region's growing importance to China in the post-Cold War era can be attributed to the following political and economic interests:

Economic interests: Since the beginning of economic reforms, the role of economic variables in Chinese foreign policy has been very vital and its main focus has been

on domestic and international stability to improve economic development. China's continued economic growth requires two key elements that have doubled the importance of the Middle East for this country. The first element is China's growing need for energy imports, especially crude oil (Kim, Mohaisen 2016: 5). Figure 1 shows China's growing oil imports.

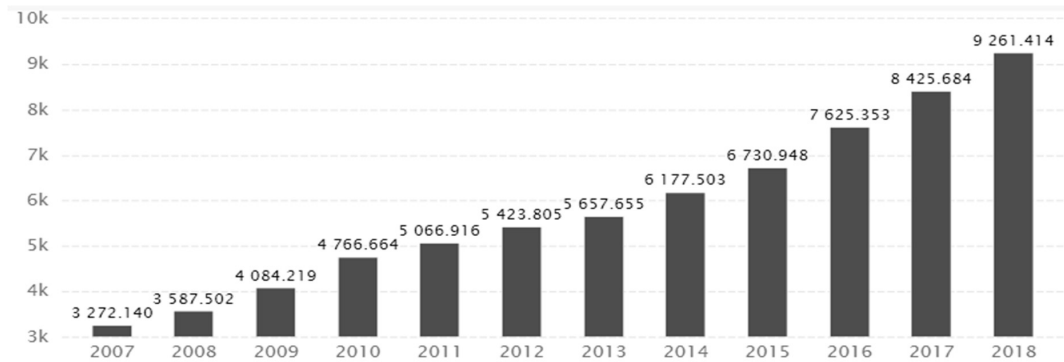


Figure 1: China's Oil Imports in 2007-2018 (Billion Barrels)

Source: Global Economic Data, 2019

The Middle East is at the center of China's focus on energy imports. The region holds 56 percent of proven oil reserves and 42 percent of the world's proven gas reserves. Currently, 52 percent of China's oil imports come from the Middle East and forecasts suggest that this rate will rise to 72 percent in the third decade of the 21st century. Trade and investment are the second factors that make the Middle East important to China. The region has a large market and mainly the importer of industrial goods. China is now the region's second largest trading partner behind the United States. China's exports to the region in 2018 are reported to exceed \$ 125 billion, and its investment in the region has reached \$ 160 billion (2018) (Javaid, Meer 2016: 705–706).

Political interests: This type of Beijing interests in the region depends on various factors. The first is stability in the Middle East, whose fragile situation threatens China's economic interests, especially its energy security. China strives to maintain stability and balance in the region by maintaining friendly relations with all the governments of the region, and especially the major powers (Ponížilová 2019: 643). The second factor is the ethnic and religious affiliation of Chinese minorities with the countries of the region, which has made the Middle East an immediate neighborhood to China. This country fears infiltration Islamic extremism into the Uyghur minority, especially as they tend to radical readings of Islam and tens of thousands of them have been participating in groups such as al-Qaeda and ISIS. China's strategy among these minorities is repression and forced integration. Because this strategy raises the sensitivity of Muslims, Beijing is trying to prevent the global mobilization of Muslims and internationalization of this issue by maintaining friendly relations with the Muslim countries of the region (Scobell 2018: 15-17).

The desire to be identified as a responsible great power and to meet the expectations of the international community is the third factor that makes the region politically significant. Western governments believe that China is reluctant to carry out its responsibilities and spending on peace and stability in the Middle East and refer to this as free riding. They insist that Beijing uses Western spending to stabilize the region and refuses to take security responsibilities. This debate has been particularly prominent since 2013, with China being called the primary beneficiary of the order that the United States maintains in the region. But China's elites have rejected the issue and persist that this country is the victim of instability in the region because the US has made mistakes that have caused more turmoil which have increased energy prices (Jin 2017: 40–41). Chinese authorities argue that their approach to participate in the political and economic governance of the region is fundamentally different from that of western governments. They see the root of the region's problems as economic underdevelopment and believe that improving living standards and welfare levels will promote regional stability and security of regional governments. They disagree with Western approaches to resolving regional problems and by citing the experiences of Afghanistan, Iraq and Libya argue that the West has exacerbated the security situation in the region (Dorsey 2017: 8).

China and Israel: From non-recognition to inclusive cooperation

During the struggles between the Communist and nationalist forces to control mainland China, Jewish activists and Chinese nationalists supported each other and even formally recognized each other. The goal of the Jewish activists in these relations was to pave the way for expediting the migration of Jews residing in China to Israel, as the largest East Asian Jewish community resided in China, whose population had grown after World War II. Following the establishment of the State of Israel (1948), during voting for Palestinian partition plan, Republic of China with its abstention paved the way for the project to be approved (Goldstein 2004: 235–237). But communist domination over China and the establishment of a communist regime led by Mao Zedong changed China-Israel relations. Israel was the first Middle East government to recognize the new Chinese system in 1950 but the People's Republic of China (PRC) did not reciprocate. Israel sought formal relations with the PRC for two main reasons; the first being China's growing influence and capacity in the international system that could support Israel's security concerns. The second reason was to attract economic aid and accelerating the migration of Jewish communities in China to Israel (Sufott 2000: 95). The outbreak of war on the Korean Peninsula and opposition from pro-US groups were Israel's most significant barriers to formal relations with the PRC. Communist China was reluctant to establish relations with Israel too. At the time, to the Chinese leaders, Israel was the instrument of imperialism and the illegitimate son of the capitalist system in the region. Despite sending numerous messages from Israel to China to establish relations, the PRC was not willing to formally engage with

Israel under the influence of two factors; One of these factors was the Bandung conference, which brought China closer to the Arabs and intensified its anti-Israeli policies. China's isolation due to the Cultural Revolution was another factor that pushed this country further away from Israel (Shichor 2015: 141). Figure 2 illustrates the limiting factors of China-Israel relations during the Cold War.



Figure 2: The Limiting Factors of China-Israel Relations (1949-92)

Source: Compiled by Authors

But since the 1970s, positive developments have taken place in the relations of two countries. Improving China-US relations, the Camp David Accords and the Madrid Peace Conference led China and Israel to start informal contacts. Since then, representatives of the two countries met in international forums, and even an Israeli business board traveled to China. During Sino-Vietnamese War a new era of China-Israel relations began. The Chinese military needed technical and military assistance, and since it used Soviet-made weapons, Israel was able to meet the needs of China because of its familiarity with those weapons. This military cooperation was brokered by an active Jewish businessman in East Asia named Shaul Eisenberg. In this partnership, Israel upgraded China's T59 tanks. Mao's death was another factor that made it possible to improve these relations. The change of leadership and reforms of Deng Xiaoping led world-wide measures to improve China's economic situation and international relations. After then, due to its strategic relationship with the United States as well as significant advances in military technology Israel attracted Beijing attention (Shai 2014: 73). Formal diplomatic relations between the two countries officially began in 1992, and since then, China-Israel relations have grown rapidly in all areas.

China and Israel in the post-Cold War era

Political and Diplomatic Relations: This type of China – Israel relationship has experienced significant growth and senior officials from the two countries have met regularly. Chinese officials have traveled to Israel 13 times, the most notable of which was President Jiang Zemin's 2000 trip to Israel. Other trips have been made at the level of the Foreign Minister and the Deputy Prime Minister. But the Israeli side has been more active in that relations, with 19 official visits to China, including five visits by the President and Prime Minister and 14 visits by various ministers (Efron et al. 2019: 48–50). Another major Israeli move is to establish consular offices in Shanghai, Guangzhou and Chengdu (Xiao 2016: 4).

Relations between the two sides have now improved in the light of a pragmatic foreign policy and economic orientation and the separation between political and economic issues. But the two countries pursue different goals in developing relations; Israel is looking for new allies that could be used as a balance against European pressures and dependence on the United States. Israel can enjoy a variety of political and economic benefits by developing relations with emerging powers such as China, India and Russia. In the political dimension, Israel could gain the support of these powers in regional conflicts and persuade them to put pressure on its enemies in the region (including Iran). So, one of Israel's important goals in improving its relations with China is to influence its Middle East policies. On the economic front, these countries also represent a huge market for Israel's advanced technologies, both military and civilian. Israel seeks to create a kind of dependence on emerging powers, including China, that ties their economic interests to its stability and security (Agdemir 2016: 55–57). China also pursues specific goals of developing relations with Israel. Its most prominent goal is to achieve Israel's state-of-the-art technology that is essential to China's modernization process. Israel has these technologies in a variety of fields, including military, energy, agricultural and medical. With the West refusing to transfer dual-use technologies to China, Israel can act as a supplier of these technologies to Beijing. Israel's second most important feature for China is its strategic relationship with the United States and its powerful Jewish lobby in this country. From the Chinese leaders' point of view, Israel can play a constructive role in US-China relations. The importance of this issue is further accentuated by the restrictive role the United States plays in the transfer of military technology from Israel to China. China's third target for improving relations with Israel is the concern that this country could transfer advanced military technologies to China's neighbors and rivals in East and South Asia. Beijing is particularly sensitive about the transfer of these military technologies to Taiwan and India. Under China's pressure, Israel has halted the transfer of these technologies to Taiwan, but India remains one of the largest purchasers of advanced military weapons from Israel, while Beijing is barred from such relationships. This changes the balance in China-India relations, which have some discords¹.

¹ Border disputes and strategic rivalries between the two countries to influence different areas, especially in South and Southeast Asia, are the most important accords between them.

Since the beginning of the new millennium, there have been two major issues in China's and Israel's political divisions: the Palestinian issue and China-Iran relations. China has appointed a special envoy to the Arab-Israeli conflicts in the new millennium to mediate them through increased diplomatic activities. By presenting its plans and proposals, China is working to ease the tensions and advance the peace process. President Xi Jinping, who separately hosted Israeli Prime Minister and Chairman of the Palestinian National Authority in 2013, presented a four-point plan to resolve the conflict. The plan included the establishment of an independent Palestinian state (based on pre-1967 borders), respect for the existence, legitimacy and security concerns of Israel, negotiations as the only solution to the immediate cessation of violence against civilians and settlements, land for peace principle and greater involvement of the international community to advance the peace process. In 2017, when Beijing was once again host to both sides, by insisting the initiative, added a new article to the plan that addresses conflict resolution through economic development. Promoting economic cooperation, improving the welfare of Palestinians, interactions between people and a proposal to establish a tripartite cooperation forum are included in this article (Evron 2017a: 130-132).

Another issue between China and Israel is China's relations with Iran. They have different views on resolving Iran's issues. While Israel supports pressure and coercion to contain Iran, China has always insisted on resolving Iran's problems through peaceful and diplomatic means. So, Israel tries to persuade China to limit its relations with Iran and bargains over it (The details will be discussed in more details in Section 4). In summarizing the political relations between China and Israel, it should be noted that these relations by Israel are focused on influencing China's Middle East policies as well as the use of China's capacities in international and regional equations. China's focus is on acquiring Israeli advanced technologies for economic and military modernization. However, the issue of Palestine and China-Iran relations are the most controversial issues between two countries that sometimes cause divergences in their relations.

Military-security relations in the post-Cold War era

Israel's dramatic development in the military industry has attracted China's attention to fill this gap with the West. To achieve the position of a great power, China must modernize the People's Liberation Army. Following Tiananmen Square protests that led to the West boycotting China's weapons, Israel became the second supplier of weapons to China after Russia. China and Israel are both exporting and importing weapons. Exact statistics on Chinese arms imports from Israel are not available. In addition to the nature of this type of relationship, which is often associated with lack of transparency, another factor that leads to lack of information on this issue is the US sensitivity and opposition to China-Israel military cooperation. The United States argues that such cooperation will change the strategic balance in East Asia, and in particular in the Taiwan Strait in favor of China (Olimat 2013: 261-62).

Military exchanges between the two countries began in the late 1970s. China, which was in difficulty in the Vietnam War (1979), sought military and technical assistance. In this collaboration, Israel provided the Chinese Army with a rebuilt 105mm cannon (Shai 2014: 73). There are reports that the two countries have had 60 arms deals from 1979 to 2000, estimated between \$ 3 billion and \$ 4 billion. These deals included: Air-to-air (Python 3) missiles sales to China, Anti-tank missiles sales to China, Harpy and Kfir aircraft sales to China, upgrading the MiG aircrafts, J-10 aircraft design (based on Levi Project), Designing Missile Technology for CSS-2, Intermediate-Range Ballistic Missile, and DF15, Short-Range Ballistic Missiles, Selling Gabriel missiles, Development of surface-to-air missiles (PL-8H) and air-to-air missiles (PL9), sales of spyware, refueling technology, radar technology for submarines, F-62 tanks rebuilding and Merkava tanks sales (Shichor 1998; Ayyadi, Kamal 2016: 263).

Several arms deal between the two countries were also canceled by direct US intervention. In 2000, under pressures from the United States, Israel announced that would not be able to supply Falcon aircraft to China. The United States opposed the deal, arguing that it would alter the strategic balance in the Taiwan Strait in favor of China. This country threatened to cut military and economic aid to Israel if the treaty would not terminate. Israel's Prime Minister Ehud Barak, seeking full US support for negotiations with the Palestinians, terminated the deal and it forced Israel to pay \$ 350 million in compensation to China (Evron 2013: 511).

The second controversy between the two countries was in 2005. Israel had agreed to repair the Harpy aircraft that it sold to China in the 1990s. The United States demanded that the planes not be returned to China. In the end, it was not clear whether Israel repaired the planes or returned them to China without repair. The US then called for a complete halt to Israeli arms sales to China, and called on the Israeli government to provide the US government with a full report on technology transfers to China. The United States and Israel signed a Memorandum of Understanding on the Need for US Approval to Sell Any Military or Dual-use Technologies of Israel to China, which implemented tough policies to ban technology transfer to China (Rajiv 2017: 419).

Existence of some Chinese weapons in the hands of Hamas and Iran's nuclear program has forced Israel to alter security-defense relations with China (Chau, Kane 2014: 259–261). The first 'China-Israel Security and Strategy' Symposium was held in 2011 at the Interdisciplinary Center Herzliya by the Centre for Global Research in International Affairs and the International Institute for Counter-Terrorism (ICT), which indicates China's interest in using Israel's experiences in dealing with unrest among Muslim minorities. Senior military officials' meetings have resumed since 2011 as well. The Israeli Defense Minister traveled to China in 2011. Despite the lack of signs of technology transfer, three weeks after the trip, Israeli industries were bidding to establish a center for the production of fighter aircrafts. The chief of staff of the People's Liberation Army also visited Israel that year. In 2012, Qingdao Guided-Missile destroyer docked in Haifa port, northern Israel, with a battleship and a Chinese Navy ship (Rabkin 2013: 114).

Economic relations in the post-Cold War era

Since the beginning of China's reforms, economic diplomacy has become an important aspect of its foreign policy. Beijing is looking for markets to sell its products as well as attracting advanced technologies. Israel is important to China in this regard, and there are two main reasons for the growing economic ties between the two countries; first, their economy is complementary. Israel is an exporter of technology and an importer of capital, and China is an exporter of capital, industrial goods and labor. The second reason is their pragmatic foreign policy. Despite controversy over military cooperation between the two countries, they have separated political and economic issues from one another and have not allowed these differences to harm cooperation in other areas. In fact, China understood Israel's restrictions on military cooperation and then focused on economic cooperation (Evron 2017b: 828–829).

Bilateral trade: The trade relations between the two countries have grown rapidly and have almost doubled since 1992. Currently, China is Israel's largest trading partner in Asia and its fourth largest export partner globally (Chaziza 2018a: 33). Table 1 shows China's position among Israel's top trading partners.

Table 1: China's position among Israel's top trading partners

Country	The Portion among Israeli import partners (%)	Country	The Portion among Israeli export partners (%)
USA	11.7	USA	28.8
China	9.7	England	8.2
Switzerland	8	Hong Kong	7
Germany	6.8	China	5.4

Source: CIA-World Fact Book, 2018

Israel's exports to China were valued at \$ 4.794 billion in 2018. China's exports to Israel also valued at \$ 9.315 billion in 2018². Figure 3 shows the volume of trade between the two countries.

Investment: About 42 Chinese companies operating in Israel invested approximately \$ 12 billion between 2007 and 2018 (Efron et al. 2019: 82). In 2011, ChemChina company acquired 60% of Makhteshim-Agan, the largest Israeli company in the field of chemicals and pesticides. Another major investment of China is the acquisition of 51% of Tnuva (Israel's largest food processing company) (Shai 2019: 226–229). In 2013, the two sides signed the 'Water Technology City' Agreement which has selected Shandong Province as the project site. Accordingly, China draws on Israeli experiences in desalination, irrigation, recycling and water treatment (Xiao 2016: 16-18). In the field of energy, the parties have expanded research and development collaborations and established a fund for renewable energies. China seeks to utilize Israel's expertise

² Trade Map. 2018. Yearly Time Series'. URL: tradingeconomics.com (accessed 20.06.2020).

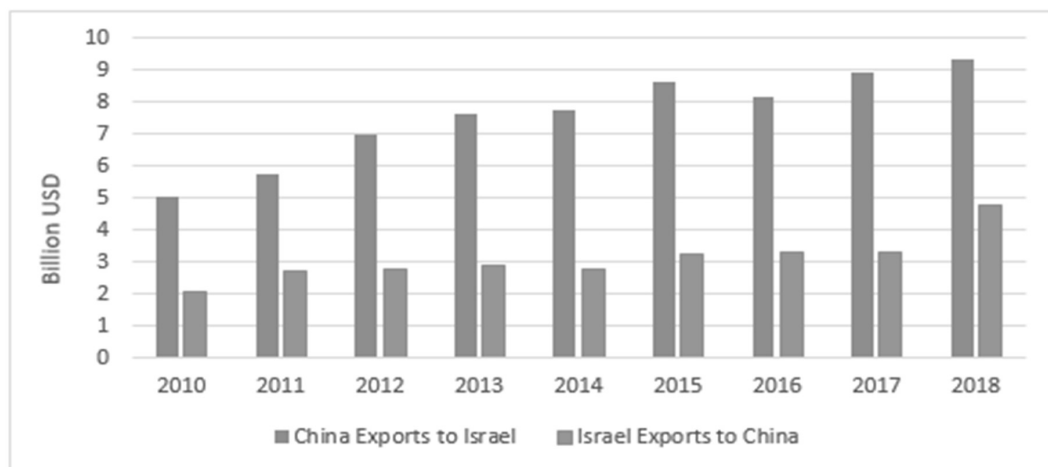


Figure 3: China-Israel bilateral trade volume (2010-2018)

Source: Trade Map, 2018

in wind and solar energies. Israel also invites Chinese companies to participate in Israeli oil and gas exploration (in the Eastern Mediterranean) (Chaziza 2018a: 35).

Another part of China's investment is operating under the Belt and Road Initiative (BRI). Israel is important to China for operationalizing this project because of its geographical location and its advantages as a sustainable partner. Israel's geographical location between the Mediterranean and the Indian Ocean allows China to bypass the Suez Canal and connect the Red Sea to the Mediterranean. Chinese companies spend tens of billions of dollars on transportation projects, construction of docks and customs warehouses in Israel. China's Harbor Pan Mediterranean Engineering Company (PMEC) is building a port next to one of the southern cities of Ashdod on The Mediterranean Coast. Shanghai International Port Group (SIPG) has also obtained a 25-year contract to construct a port in the north of Haifa. These maritime projects are particularly important for China, which is seeking to diversify sea routes for trade. To start the two projects, a total of \$ 1 billion has been invested to be completed by 2021 (Chaziza 2018b: 60-61). The RED-MED rail project from the Israeli Red Sea port town of Eilat to the Israeli port of Ashdod on the Mediterranean ports is also being built by the Chinese which estimates \$ 6 billion to \$ 13 billion. Through these projects, China is able to easily export its goods to North Africa and Europe, and the Suez Canal will no longer be the only route to trade with the two regions. Another advantage of these projects for China is the employment of more than 20,000 Chinese workers (Evron 2017a; Rajiv 2017: 417).

Desecuritizing Scenarios for Iran

Although at first glance the development of China-Israel relations is as common as the expansion of relations between many other countries but the regional

and ideological rivalries between Iran and Israel on the one hand and the strategic vision of Iran to cooperate with China on the other cause the rise of Beijing-Tel Aviv relations to be accompanied by scenarios of threat and desecuritization for Iran.

Scenarios at National Level
Threatening China – Iran Relations in the Energy Sector

Energy cooperation is at the heart of China-Iran relations. Iran holds the world's fourth largest oil reserves and one of the world's largest gas reserves, so in this case is one of China's major partners. About 6.3% of China's oil imports in 2018 came from Iran. China has helped developing the energy industry in Iran since the Islamic Revolution and Tehran has had to turn to Beijing for attracting investments because of international and unilateral US sanctions. China's investment in Iran's energy industry totaled more than \$ 120 million in 2007. Some investments have also been canceled under direct US pressure. This shows that China does not want its cooperation with Iran causes any harm to its relations with other countries (Ponížilová 2019: 6). Iran's dependence on China and the pragmatic approach of Beijing will turn Iran into a playing card. Especially since China has already been willing to compromise on Iran³. Israel, that calls for especially economic pressures and restrictions on Iran, could threaten China-Iran energy relations. Israel is seeking to persuade China to cooperate with the United States to put pressures on Iran. Israel could seek US approval for the transfer of some sensitive technologies to China and instead urging Beijing officials to limit their ties with Iran in the energy sector and instead invest in its energy industries in the eastern Mediterranean. China is also easily able to offset the decline in oil imports from Iran by importing other countries, including Saudi Arabia, Russia and Iraq. Table 2 shows China's oil imports from various countries.

Table 2: Top Oil Suppliers to China (2018)

Grade	Country	The Portion of oil export to China (%)	Grade	Country	The Portion of oil export to China (%)
1	Russia	15.8	7	Iran	6.3
2	Saudi Arabia	12.4	8	Kuwait	5
3	Angola	10.4	9	Venezuela	2.9
4	Iraq	9.4	10	USA	2.8
5	Oman	7.2	11	UAE	2.8
6	Brazil	6.8	12	Libya	2

Source: World Export, 2018

³ Ending Nuclear Cooperation with Iran in the 1990s Following Jiang Zemin's and Clinton's agreement and China's joining in the Obama-era comprehensive sanctions on Iran were only some critical points in of China's US reconciliation about Iran.

Another variable that is likely to threaten Iran-China energy relations is the improvement of Arabs relations with Israel. Arab Countries (especially some members of the GCC) and Israel both seek to align with the United States to put pressure on Iran. They can persuade China to cut ties with Iran in the energy sector and are able to offset its share of oil exports to China. Continuation of current trend in foreign policy of the Islamic Republic of Iran will bring Arabs and Israel closer to put pressure on Iran and encourages some powers close to Iran, including China, to make some distances. Although China's policies are based on maintaining regional balance, and it is not seeking to change the balance to the detriment of any party in the region but Iran's current foreign policy makes it unable to enjoy the benefits of a relationship with China and it causes divergences in their relations.

Weakening of Iran-China military relations

China is one of the largest arms exporters in the world, which sells weapons to various governments regardless of their political system or human rights status. Iran is also one of the most important arms importers from China. Chinese arms sales to Iran began in the 1980s, and during this decade, due to the Iran – Iraq war and Europeans' refusal to sell weapons to Iran, this country became the largest importer of weapons from China. According to Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), Iran purchased annually \$ 174 million of conventional weapons from China until 2004. Another important aspect of the military relationship between the two countries is China's involvement in Iran's missile industry. Beijing has been involved in the sale of missiles to Iran (especially the Silkworm) and the promotion of Iranian technical knowledge in this field (Arghavani 2015: 223–25).

Given China's growing military cooperation with the Middle Eastern countries, one of Israel's key goals in developing relations with China is influencing its proliferation of weapons policies in this region. Israel is concerned that China's advanced military technologies will be made available to its enemies, including Iran and resistance groups. The experience of the 2006 Lebanon War and Hezbollah targeting an Israeli frigate using the Silkworm missile testified Israel's concerns about military technology transfer to Iran and its allies (Xiao 2016: 9-10) This is one of the key factors behind Israel's reluctance to sell military technology to China. Israel has repeatedly urged China to limit its military ties with Iran and not to provide advanced military weapons to this country. Israel's concerns increased after 2019 and following determination for abolition of arms sanctions on Iran from 2020 (based on Joint Comprehensive Plan of Action).

Weakening Iran's position on the Silk Road project

One of the serious concerns of Israeli officials since offering the China's silk road project with the name of 'One Road, One Belt', is the diminishing impact of sanctions on Iran over its presence in this strategic project. In addition to its high status in the land-use plan in this project, Iran has received informal promises from China for

investing heavily in transportation and oil and gas industries⁴. If the alleged volume of investment is made, special developments will take place in these two important infrastructure areas of Iran, that is not in line with the policy of Iran's isolation in the economic sphere which Tel Aviv pursues. Israel, on the other hand, as an alternative to Iran's oil and gas industries has called for Chinese investment in the exploration and extraction of hydrocarbon resources in the eastern Mediterranean to deprive Iran of the investments on the one hand and expand Israel's infrastructure on the other. Continuing widespread sanctions on Iran and Chinese fears of Western punishments and its attempt to portray itself as a responsible actor in the international community reinforces the possibility that, if an active diplomacy is not employed, Iran's predetermined position will be weakened or at least it will pale out which raises the dilemma of fears and hopes about the project and the prospect of China becoming a serious competitor among Iranians (Shariatinia, Azizi 2019: 987–990).

Scenarios at Regional Level

Changing the regional balance to the detriment of Iran

The development of China-Israel relations in the regional dimension could change the regional balance to the detriment of Iran. The pragmatic policies of Iran's rivals, including Israel and Saudi Arabia, make them better able to enjoy the benefits of cooperating with Beijing, but given its foreign policy, Iran is unlikely to benefit from cooperating with China in political, economic or military sectors. The divergences discussed at national level for China-Iran relations are also effective at changing regional balance to Iran's detriment. Iran's competitors seek to limit China-Iran relations by strengthening economic and political ties with Beijing. Some factors on Iran's side also reinforce these limitations; a lack of realism in Iranian politics and a misunderstanding of China's Middle East policies will lead to a narrower bilateral China-Iran relationship. While Israel and other Iranian rivals benefit from China's economic-friendly foreign policy and creating an economically attractive domestic environment but Iran in this case is in a weaker position than its rivals.

Iran's Regional Containment: Increased cooperation between China and Israel could lead to Iran's containment in the region. One of Israel's goals for its proximity to China is to influence its Middle East policies. Israel has repeatedly called on China to cut ties with Palestinian groups, including Hamas. In addition to Beijing's donations to these groups, there are reports that some Chinese weapons have been trafficked to these groups (Shai 2011: 27). China, on the other hand, is trying to play a more prominent role in presenting itself as a responsible power by encouraging the Palestinians to accept the two-state plan and supporting less radical groups, which means weakening Iran's regional allies. Israel's other goal is to put pressures on Iran. Tel Aviv is trying

⁴ China and Iran Flesh out Strategic Partnership. URL: <https://www.petroleum-economist.com/articles/politics-economics/middle-east/2019/china-and-iran-flesh-out-strategic-partnership> (accessed 20.06.2020)

to limit Beijing relations with Iran by approaching China and convincing this country to put pressure on Iran over its missile and regional role. The persistence of the current tense and unstable situation in the region will also threatens China's economic interests that would turn this country toward Iran's containment in the region. China's integration into the existing international order is another factor that forces China to put pressure on Tehran.

The normalization of Arabs-Israeli relations: One of the axes that is constantly pursued in modern Israeli foreign policy is the attempt to exploit a shared common enemy or a common friend with Arab countries to facilitate normalizing its relations with them. Meanwhile, the growing and improving relations between China and Arab countries have been one of the main centers of attention for Israeli. In addition to strengthening bilateral relations with almost all Arab countries in the last two decades, China has formed multilateral initiatives through joint meetings with these countries and has provided many opportunities for cooperation in various fields. The field could gradually come to the aid of Israel and, through Chinese mediation, provide conditions for gently more Israeli-Arab relations than ever before and also could turn the Palestinian issue into a low priority one and make it just a slogan. In the same vein, given that the Palestinian issue is one of the grounds for justifying Iran's regional presence, if it becomes a normal issue, in the mid-term, Iran's regional influence could be further challenged, and this will naturally be in line with regional goals of Israeli foreign policy.

Scenarios at International Level

China's conscious passivity and aligning with Pressures Against Iran

One of Israel's policies to counter Iran is persuasion of close powers to Iran, including China, to put pressure on this country. Israel wants China to limit particularly its economic relations with Iran and to accompany US pressure on this country to normalize its conduct. Given that China does not want to harm its relations with Iran, it is unlikely that China, Israel and the United States will negotiate over Iran. Israel can use its advantages, including advanced military technology, to attract China. Another issue that fuels China's conscious passivity towards Iran is its integration into the existing international order and strengthening of its economic relations with the West. While China seeks to exploit the capabilities of the existing world order, the Islamic Republic continues to oppose it, which will lead to divergence in relations between the two countries. If China aligns with the pressure on Iran in this situation, this would mean consolidating the perception of this country as a threat and it would further isolate it.

Israel's exploitation of China's capacity in international institutions and efforts to legitimizing itself: Since the official launch of diplomatic relations between China and Israel, one of Tel Aviv's key goals in these relations has been to use China's international presence in various institutions and regimes. China has always been a party to bargaining on a variety of international issues as well as establishing new norms and

regimes within international organizations due to the political power of permanent membership of the Security Council. Thus, developing relations with China helps Israel, in addition to legitimizing its actions in the disputed territories, diminishes the relevance and importance of the Palestinian issue. Furthermore, one of Israel's challenges in recent years has been the condemnation of international community, especially in the human rights field, but China's presence in these institutions and its strong stance on human rights issues in terms of linking it to national sovereignty can help Israel to reduce pressures or display them differently.

Strengthening the perceptions of Iran as a threat and Continuing Iranophobia:

Attempts to magnify the negativity of Iran's activities and its threats have been among hallmarks of Israel's foreign policy in recent years. Naturally, the success of this policy would be greater when the great powers are aligned with it. To this end, reinforcing the idea of an atomic and ideological Iran that is sensitive about the destiny of Muslims all over the world is one of the issues that has at times occupied the minds of Chinese officials. This approach has been compounded by Beijing officials concerns due to China's sensitivity to the activities of the Uyghurs as well as Iran's vigorous attempt to join Shanghai Organization. So, the development of Israel's comprehensive relations with China and the influence of media and diplomacy on this country could certainly combine with the greater implications of the perception of Iran's threats and weaken the potential for exploiting China's capabilities for Tehran in the future.

The growing relationship between China and Israel has experienced two completely different stages. The first was from 1949 to 1992, and by the early 1970s, third-party variables, including the Arabs and the United States, had a negative impact on China-Israel relations. But since the beginning of China's economic transformation, the relationship between the two parties has been gradually improving with considering the benefits two sides. The second phase has begun since 1990s, which has led to the flourishing of relations between the two countries, especially in the economic field. However, Israeli-Chinese relations are one of the issues neglected in Iranian foreign policy. These relations could be coupled with numerous security scenarios for Iran. These relations, at the national level and in the energy and military fields, threaten relations between China and Iran. Iran due to sanctions is looking for China's investment in energy fields. Israel can threaten Iran's energy security by taking these advantages and normalizing relations with Arab countries. In the military field, Israel wants China to restrict the transfer of military technology to its enemies, including Iran. Iran, however, hopes to cooperate with countries such as China and Russia in the area because of the arms sanctions. The repercussions of China-Israel relations at regional level are also significant for Iran. At the regional level, the balance of power shifts to the detriment of Iran because its rivals, including Israel, enjoy the benefits of working with China, but due to inaccurate foreign policy strategies, Iran cannot enjoy the full benefits of working with China and reaches to a weak position particularly in economic terms compared to its competitors. Another consequence is the containment of Iran. Israel seeks to persuade China to put pressures on Iran over its missile projects and

regional role, and China's economic-oriented view to the region reinforces Iran's containment. Another regional consequence is Israel's attempt to normalize relations with Arabs by focusing on their common friend and enemy or China and Iran respectively. At the international level, the sum of these issues could also lead to China's conscious passive response to pressure on Iran, working with the United States to normalize this country's behavior, Israel's use of China's international capabilities and reinforcing the perception of Iran as a threat.

Given the strategic relations between the United States and Israel, it seems that the US confrontational approach to China during Trump's presidency will cause Israel to be more cautious in developing relations with China. Although before Trump's presidency, the United States treated the growing relations between Tel Aviv and Beijing with a kind of pragmatism and disregard but in the current situation, it seems that the strict approach of the United States toward China and Iran in the same time could reduce the negative aspects of this development of relations for Tehran in the medium term. But it should be noted that this situation will not be sustainable at all because either Trump will not be elected in the next elections or Chinese pragmatism will lead to reconciliation with the United States and thus the continuation of the development of relations with Israel.

At the regional level, the COVID-19 pandemic may lead to conflicting effects. On the one hand, China has become one of the main sources of medical assistance to Middle Eastern countries, including Iran and Israel that are relying on its experience of fighting the virus, and this has strengthened its position in the region. On the other hand, Washington's diplomatic efforts aim to accusing China for concealing the coronavirus outbreak, destroying its reputation and increasing pressure on it. This seems to put Israel in a tight spot in the medium term and put Iran in a better position to take advantage, albeit passively, of existing tensions.

The current trends in relations between China and Israel on the one hand and the persistence of Iran's view of international order and relations with the West on the other hand indicate that Iran's rejection of the existing international order and its attempts to exploit the beneficiaries of this order for facing the current order has been costly and often unsuccessful. For this reason, the development of inter-regional power relations, especially those powers that have a special place in the Iran's looking to east strategy - China and Russia - with countries that are in rival or conflict with Iran, always has adverse consequences in political and security fields. To avoid Iran's isolation and strengthen ties with China, considering some points is essential. First, the Islamic Republic must refrain from relying on a particular power and seek multi-lateralism and expand relations with the emerging powers. Experiences also show that Iran has always suffered from reliance on a particular power. Second, Iran must extend its relations with emerging powers, including China, beyond the energy sector, and in particular through strengthening economic ties to make them dependent on these relations. The third point is the revision of the security-oriented foreign policy and shifting it to an economy-oriented one. At the same time, the internal environment must

also be favorable and attractive for economic cooperation. But if the current foreign policy continues, divergence in China-Iran relations would not be surprising.

About the authors:

Fariborz Arghavani Pirsalami – Assistant professor of International Relations at Shiraz University, Eslami Blvd. Shiraz 71946-84471, Iran. E-mail: farghavani@shirazu.ac.ir (Corresponding Author).

Seyed Javad Salehi – Assistant professor of International Relations at Shiraz University, Eslami Blvd. Shiraz 71946-84471, Iran. E-mail: Salehi_j@yahoo.com

Hossein Alipour – Ph.D Student in Middle East Studies, Shiraz University, Eslami Blvd. Shiraz 71946-84471, Iran. E-mail: h.alipour18@gmail.com

Conflict of interests: The authors declare absence of conflict of interests.

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 10.02.2020 г.

Принята к публикации: 15.04.2020 г.

Развитие китайско-израильских отношений после окончания холодной войны: анализ сценариев десекуритизации Ирана

Фариборз Аргавани Пирсалами, Сейед Джавад Салехи, Хосейн Алипур
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-205-224

Ширазский университет, Иран

Важной особенностью внешней политики Израиля после окончания холодной войны стало развитие отношений с развивающимися странами, включая Китай. Акцент на экономическую составляющую во внешней политике обеих стран, усилия Китая по достижению статуса великой державы и стратегия Израиля по улучшению своего глобального имиджа и регионального положения привели отношения двух стран к состоянию полноценного сотрудничества. В статье наряду с описанием отношений между двумя странами в политической, военной и экономической сферах и признанием влияния поведения Китая и Израиля на национальную и региональную безопасность Ирана, делается попытка ответить на следующие вопросы: Каковы показатели развития китайско-израильских отношений в эпоху после окончания холодной войны? Каковы последствия этих отношений для Ирана? С точки зрения этой статьи, развитие китайско-израильских отношений во всех областях идёт по восходящей траектории и, следовательно, имеет существенные последствия для национального (угроза для китайско-иранских отношений в области энергетики, ослабление ирано-китайских военных

отношений и укрепление позиции Ирана в проекте Шёлкового пути), регионального (изменение баланса в ущерб Ирану, сдерживание Ирана и нормализация арабо-израильских отношений) и международного уровня (сопутствующее давление Китая на Иран, использование Израилем потенциала Китая в международных институтах и усилия по узакониванию и укреплению понятия «угрозы Ирана» и продолжающейся иранофобии) для безопасности Ирана.

Ключевые слова: Китай, Израиль, Иран, Ближний Восток, безопасность, внешняя политика.

Об авторах:

Фариборз Аргавани Пирсалами – доцент кафедры международных отношений в университете Шираз, Шираз, Бульвар Еслами 71946-84471, Иран. E-mail: farghavani@shirazu.ac.ir (автор для связи)

Сейед Джавад Салехи – доцент кафедры международных отношений университета Шираз, Шираз, Бульвар Еслами 71946-84471, Иран. E-mail: Salehi_j@yahoo.com

Хосейн Алипур – аспирант по изучению Ближнего Востока, Университет Шираз, Шираз, Бульвар Еслами 71946-84471, Иран. E-mail: h.alipour18@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Agdemir A.M. 2016. Israel's Rise in Asia: The Relations between Israel and the People's Republic of China. *Review of International Law and Politics*. 12(1). P. 41-74. DOI: 10.19096/rilp.2016116719.
- Arghavani F. 2015. *An Introduction to Strategic Relations between Iran and China in the Light of International Identities*. Tehran: Mokhtab.
- Fariborz A. 2015. *An Introduction to Strategic Relations between Iran and China in the Light of International Identities*. Tehran: Mokhtab.
- Ayyadi I., Kamal M. 2016. China-Israel Arms Trade and Co-Operation: History and Policy Implications. *Asian Affairs* 47(2). P. 260–273.
- Chau D.C., Kane T.M. 2014. *China and International Security: History, Strategy, and 21st-Century Policy*. California: Santa Barbara.
- Chaziza M. 2018a. Israel-China Relations Enter a New Stage: Limited Strategic Hedging. *Contemporary Review of the Middle East*. 5(1). P. 30-45. DOI: 10.1177/2347798917744293.
- Chaziza M. 2018b. The Chinese Maritime Silk Road Initiative: The Role of the Mediterranean. *Mediterranean Quarterly*. 29(2). P. 54–69. DOI: 10.1215/10474552-6898099
- Dorsey J.M. 2017. China and the Middle East: Venturing into the Maelstrom. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 11(1). P. 8. DOI: 10.1080/25765949.2017.12023322.
- Efron S. et al. 2019. *The Evolving Israel-China Relationship. The Evolving Israel-China Relationship*. RAND Corporation. DOI: 10.7249/rr2641
- Ehteshami A., Horesh N. 2018. *China's Presence in the Middle East: The Implications of the One Belt, One Road Initiative*. London: Taylor & Francis Group.
- Evron Y. 2013. Between Beijing and Washington: Israel's Technology Transfers to China. *Journal of East Asian Studies*. 13(3). P. 503-528. DOI: 10.1017/S1598240800008328.
- Evron Y. 2017a. OBOR's Impact on Sino-Israeli Relations. *China's Presence in the Middle East the Implications of the One Belt, One Road Initiative*. Eds. A. Ehteshami and N. Horesh. London: Routledge. P. 120–136.

Evron Y. 2017b. The Economic Dimension of China – Israel Relations: Political Implications, Roles and Limitations. *Israel Affairs*. 23(5). P. 828-847. DOI: 10.1080/13537121.2017.1343870.

Goldstein J. 2004. The Republic of China and Israel, 1911–2003. *Israel Affairs*. 10(1–2). P. 235–237. DOI: 10.1080/13537120412331321441.

Javadi U., Meer W. 2016. China's Foreign Policy in the Middle East. *South Asian Studies*. 31(2). P. 701-711. http://pu.edu.pk/images/journal/csas/PDF/20_31_2_16.pdf

Jin L. 2017. China's Role in the Middle East: Current Debates and Future Trends. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 3(1). P. 39-55. DOI: 10.1142/S2377740017500014.

Kim I., Mohaisen M. 2016. China's Foreign Policy Towards the Middle East: Trends and Challenges. *The Journal of Modern China Studies*. 17(2). P. 329-352. DOI: 10.35820/JMCS.17.2.10

Olimat M. 2013. *China and the Middle East: From Silk Road to Arab Spring*. New York: Routledge.

Ponížilová M. 2019. Foreign Policy Activities of China in the Middle East: Establishing Energy Security or Being a Responsible Emerging Power? *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 21(6). P. 1-20. DOI: 10.1080/194489

Rabkin Y.M. 2013. Russia, China and India and the Israel-Palestine Conflict. *Holy Land Studies*. 12(1). P. 9-24. DOI: 10.3366/hls.2013.0057.

Rajiv S.C. 2017. Israel-China Ties at 25: The Limited Partnership. *Strategic Analysis*. 41(4). P. 419, DOI: 10.1080/09700161.2017.1330942 P. 413-431. doi.org/10.1080/09700161.2017.1330942.

Sazmand B., Arghavani F. 2017. *Global and Regional Foreign Policy of China in the 21st Century*. Tehran: University of Tehran Press.

Scobell A. 2018. Why the Middle East Matters to China. *China's Presence in the Middle East the Implications of the One Belt, One Road Initiative*. Ed. by A. Ehteshami and N. Horesh. London: Taylor & Francis Group.

Shai A. 2011. Sino-Israeli Relations: Current Reality and Future Prospects. *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 5(2). P. 17-42. DOI: 10.1080/19370679.2011.12023178

Shai A. 2014. China and Israel: Relations and Future Prospects. *ASPJ Africa & Francophonie*. 5(2). P. 66-86.

Shai A. 2019. China and Israel: Chinese, Jews. Beijing, Jerusalem (1890–2018). *Israel Journal of Foreign Affairs* 13(2). P. 226–229. DOI: 10.1080/23739770.2019.1651983.

Shariatinia M., Azizi H. 2019. Iran and the Belt and Road Initiative: Amid Hope and Fear. *Journal of Contemporary China*. 28(120). P. 984–994. DOI: 10.1080/10670564.2019.1594108

Shichor Y. 1998. Israel's Military Transfers to China and Taiwan. *Survival*. Informa UK Ltd. P. 68–91. DOI: 10.1093/survival/40.1.68.

Shichor Y. 2015. Chinese-Israeli Relations in a Middle Eastern Context: Retrospect and Prospects. *Mediterranean Quarterly*. 26(1). P. 137-151. DOI: 10.1215/10474552-2873021

Sufott E.Z. 2000. Israel's China Policy 1950–92. *Israel Affairs*. 7(1). P. 94-118. DOI: 10.1080/13537120008719591.

Xiao X. 2016. The "Belt and Road Initiative" and China-Israeli Relations. *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 10(3). P. 1-23. DOI: 10.1080/19370679.2016.12023285.

О чём сигнализируют парадоксы глобальной экономики

Т.А. Малова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Технологическая и институциональная трансформация глобальной экономики сопровождается парадоксами, возникающими на различных её структурных уровнях. Мировая пандемия COVID-19 и её последствия поддерживают эти парадоксы. Цель статьи заключается в выявлении и интерпретации содержания и смысла парадоксов, которые можно рассматривать в качестве индикаторов обострившейся необходимости обновления существующей модели глобального мира. Рассмотрение процессов глобального взаимодействия через призму парадоксов позволяет показать, что тенденция к гиперсвязанности экономики и социума не может преодолеть стремления к национальному обособлению. Главный парадокс глобализации получает неожиданную и драматичную верификацию в связи с распространением в мире вируса SARS-COV-2. Разрыв международных коммуникаций как единственно возможный путь борьбы с распространением инфекции противоречит необходимости поддержания её взаимосвязанности в долгосрочном плане. Институционально конфликтный характер управления международными политическими и экономическими процессами в глобальном пространстве не соответствует цифровой траектории развития мировой экономики. Макроэкономические парадоксы сигнализируют о необходимости перехода от доминанты монетарного регулирования к фискальной экспансии. Меры монетарного регулирования даже в их нетрадиционном формате оказываются малоэффективны в условиях совпадения пандемии коронавируса с высокой волатильностью на мировых фондовых рынках и рынках нефти и газа. Пилотным проектом воплощения некоторых базовых идей *Modern Monetary Theory (MMT)* становится фискальное стимулирование, предпринятое государствами в условиях распространения в мире неизвестной науке инфекции. Разрешение микроэкономического парадокса общественного благ возможно на основе принципа «рациональности» как приоритетного общественного концепта. Парадоксально, но шок пандемии, «взорвавший» ход вещей, спровоцировавший беспрецедентный спад деловой активности в целом ряде секторов экономики, при определённых условиях способен развернуть вектор мирового движения в направлении экономического роста и развития. Парадоксы глобальной экономики сигнализируют о том, что действующая социально-экономическая модель глобальной экономики исчерпала свой эндогенный потенциал развития. Разрешение парадоксальных ситуаций требует обновления научных воззрений и паттернов их реализации. План Еврокомиссии по восстановлению

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 25.03.2020 г.

Принята к публикации: 15.04.2020 г.

экономики обращён к будущему поколению Евросоюза. Шок пандемии коронавируса ускоряет трансфер ценностей и технологий новой парадигмы глобального мира.

Ключевые слова: парадоксы глобальной экономики, шок пандемии коронавируса, макроэкономические парадоксы, парадокс общественных благ, план Еврокомиссии по восстановлению экономики

Происходящие изменения глобальной экономики на всех уровнях трансконтинентальной экономической системы полны парадоксов. Мировая пандемия *COVID-19* и её последствия поддерживают тренд на парадоксальные ситуации в процессах глобального мира. Нарастание неопределённости перспектив мирового развития на фоне коронавирусного кризиса объясняет интерес к исследованию смысла и значения парадоксов глобальных взаимоотношений.

Выявление и интерпретация возникающих парадоксов составляет суть методологии открытия новых направлений знания как неотъемлемой части общего процесса развития науки. Не удивительно, что методологический потенциал термина «парадокс» давно и успешно применяется в различных областях теоретического и практического познания: в философии исследуется проблема парадоксальности сознания; в физике особенно парадоксальна область квантовой механики; в экономической науке парадоксы Алле, Бертрана, Леонтьева, «парадокс бережливости» и многие другие зафиксированные парадоксальности составляют «золотой фонд» инструментария, используемого в моделировании хозяйственных процессов.

В актуальных российских и зарубежных научных публикациях проблема парадоксов общественных отношений исследуется в различных ракурсах анализа. Теоретические и методологические рамки исследования парадоксов, возникающих в контексте мировых политических и экономических процессов, разрабатываются в русле тенденций и противоречий движения глобального мира в XXI в. в трудах российских экономистов – представителей МГИМО МИД России¹, МГУ им. М.В. Ломоносова² научно-исследовательских институтов РАН Российской Федерации и других научных организаций. Интеллектуальный вклад в изучение парадоксальности современной модели глобальной экономики вно-

¹ См. *Перспективы экономической глобализации*. 2019. Под ред. А.С. Булатова. Москва: Кнорус. 666 с. Холопов А.В. 2018. Параметры глобальных дисбалансов. *Международные процессы*. 16-1 (52). С. 14-18.

² См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. 2015. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. *Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма* (Маркс re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. Москва: ЛЕНАНД. 640 с.; Бузгалин А.В., Колганов А. И. 2015. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. *Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы* («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. Москва: ЛЕНАНД. 904 с.

сят труды таких зарубежных авторов, как У. Митчелл, У. Нордхаус, Э. Остром, М. Риччери, Д. Родрик, Р. Рэндал, М. Уотс, П. Ханна и др.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и релевантной интерпретации содержания и смысла парадоксов как предпосылок модернизации модели глобального мира, что актуализируется в условиях уникального кризиса мировой экономики, спровоцированного пандемией коронавируса. Методологическая особенность настоящего исследования заключается в использовании процедуры редукции проблем и противоречий глобальных процессов к парадоксам, по мере накопления критической массы которых возрастает их роль как эндогенного импульса трансформации сложившейся социально-экономической модели глобальной экономики. Исследование проблемы парадоксальности глобальных взаимодействий позволяет посмотреть на перспективы мирового развития с новой, недостаточно изученной стороны. Содержание парадоксов глобальной экономики конструирует траекторию движения глобального мира к его будущему состоянию, что позволяет прогнозировать и преодолевать последствия шоковых ситуаций, таких, например, как распространение SARS-COV-2, и управлять этими изменениями в будущем.

Анализ глобального взаимодействия через призму парадоксов

Современная глобальная экономика – производная конструкция перехода от классического экономического либерализма к неолиберализму под воздействием принципов и идеологем глобализации. Неолиберальная парадигма выступила проводником идей и принципов Вашингтонского консенсуса, обеспечивших разрушение системы, основанной на приоритете национальных суверенитетов. Со временем неолиберальная глобализация трансформировалась в особую форму рыночного трансконтинентального обмена, всё чаще реализующую противоречия геополитических и экономических отношений в форме парадоксов. Так, вопреки рациональному ожиданию, что глобальный рыночный механизм справится с функцией экономической координации, и несмотря на бесконечные разговоры о гибкости, эффективности и состязательном характере глобализации, парадоксальным образом экономика стран мира характеризуется всё большей нестабильностью, замедлением темпов роста и усилением раздробленности (Trade and Development 2018).

Исследование Д. Родрика показало, что нестабильность и неэффективность глобальной экономической системы определяется несовершенством институциональной основы функционирования глобальных рынков. На глобальном уровне не существует антимонопольного регулирования и социального обеспечения, отсутствует и глобальная демократия. Субъектность национального государства вступает в конфликт с глобальной природой рынков. Главный парадокс глобализации заключается в том, что этот процесс не существует вне пространства национальных государств и демократий, но при этом он не в со-

стоянии управляться ими (Rodric 2011). Независимо от того, примет ли в дальнейшем процесс глобализации форму гиперглобализации или деглобализации, для мировой экономики характерна «гиперсвязанность» на основе глобально связанных цепей поставок, транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры (Khanna 2016). Вместе с тем переход к постглобальной системе не устраняет возникший на предыдущей стадии глобализации парадокс: тенденция к связанности экономики и социума не может преодолеть стремления к национальному обособлению.

Распространение в мире *COVID-19* создаёт неожиданное, драматичное и иногда трагичное подтверждение главного парадокса глобализации. В условиях пандемии страны идут на разрыв транспортных, экономических, социальных коммуникаций, поскольку это единственно возможный путь борьбы с вирусом в краткосрочном периоде. Дезинтеграция субъектов глобального мира принимает характер «триумфа национализма»: принимаются национальные запреты на экспорт предметов медицинского назначения, страны прибегают к собственным стандартам карантина на фоне локализованной нехватки и случайных, примитивных подходов к сдерживанию инфекции. Италия вынужденно обращается за помощью в Китай, в Россию, но не в Евросоюз³. В разгар пандемии благотворительную помощь США предлагает китайский бизнес: один из основателей *Alibaba*, миллиардер Джек Ма, готов пожертвовать 500 000 наборов для тестирования и один миллион масок⁴. Российская Федерация, будучи под американскими экономическими санкциями, которые поддерживают страны Евросоюза, приходит на помощь в преодолении коронавируса стране-члену ЕС Италии. 22–24 марта Россия отправила в охваченную эпидемией Италию 15 военно-транспортных самолётов Ил-76, которые доставили отряд высококвалифицированных вирусологов, эпидемиологов, мобильные комплексы с оборудованием для диагностики и проведения дезинфекций, лекарства, антисептики.

Происходящие в области глобального взаимодействия изменения означают, что «одна форма нерегулируемой глобализации свободного рынка с её склонностью к кризисам и пандемиям, безусловно, умирает. Но рождается другая форма, которая признаёт взаимозависимость и первенство основанных на фактических данных коллективных действий. Будет ещё больше пандемий, которые заставят правительства инвестировать в учреждения общественного здравоохранения и уважать науку, которую они представляют»⁵. Таким обра-

³ См. Bloomberg New Economy. Covid-19 Might Kill Globalization. 2020. *Bloomberg*. March 21. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/markets/economics>. (accessed 19.06.2020).

⁴ Farrell H., Newman A. 2020. Will the Coronavirus End Globalization as We Know It? *Foreign Affairs*. March 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-16/will-coronavirus-end-globalization-we-know-it> (accessed 19.06.2020).

⁵ Coronavirus Won't End Globalisation, But Change It Hugely for the Better. *The Guardian* [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/08/the-coronavirus-outbreak-shows-us-that-no-one-can-take-on-this-enemy-alone> (accessed 19.06.2020).

зом, судьба мировой экономики в долгосрочном периоде находится в области сбалансированного выбора, основанного на необходимости восстановления её «гиперсвязанности».

Парадоксы глобального взаимодействия сигнализируют об институционально конфликтном характере управления социально-экономическими процессами, что противоречит логике цифровой трансформации мирового производства и жизнедеятельности социума. Эффективность глобальной цифровой цивилизации всё сильнее зависит от ликвидации институциональных пробелов в использовании цифровых технологий. Эффективное обеспечение глобального регулирования на этапе *Globalization 4.0* предполагает создание оптимальной архитектуры управления в таких областях, как конфиденциальность данных, кибербезопасность и цифровая идентификация⁶. Трудности, возникающие при поиске способов сближения «домашних» и общих интересов, можно увидеть на примере финансовой сферы: добровольный характер применения глобальных стандартов финансового регулирования стал одной из важнейших причин низкого уровня эффективности глобальной финансовой реформы (Худякова 2019).

Ключевая проблема кроется в отсутствии глобального субъекта управления. Выявить роль этого института, а также внутреннюю противоречивость глобального единства позволяют методологические принципы теории систем – принцип целостности, комплементарности, рефлексивности. Принцип доминантности очерчивает требования, необходимые и достаточные для того, чтобы одна из составных частей глобальной системы выполняла функции глобального управления. Среди таких требований выделяют компетентность, ответственность, доверие, внешний контроль и др. Сформированная на основе данных требований модель глобального управления экономическими процессами способна вывести хозяйственную систему на более высокий уровень самоорганизации и адаптации к изменениям глобального мира (Malova, Pivovarova 2019). В условиях распространения в мире новой вирусной инфекции эффективная модель преодоления кризисной ситуации, предложенная Китаем, усилила авторитет этой страны в её претензиях на позицию мирового лидера.

В настоящее время на роль глобального лидера претендуют США, но ни американское руководство, ни элита страны не соответствуют этой роли. «США как глобальный регулятор не только небеспристрастен, но и обслуживает исключительно локальные интересы»⁷: этот вывод был сделан по поводу влияния США на рынок нефти, но думается, что он носит универсальный характер. Распространение коронавирусного кризиса обнажило сложность реше-

⁶ Globalization 4.0. Shaping a New Global Architecture in the Age of the Fourth Industrial Revolution. 2019. *World Economic Forum*. 40 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Globalization_4.0-Call_for_Engagement.pdf (accessed 19.06.2020).

⁷ Сушенцов А. 2019. Вернуть рынку былое величие. *Эксперт*. 10-16 июня [Электронный ресурс] URL: <http://www.expert.ru/expert/2019/24> (дата обращения 19.06.2020).

ния глобальных проблем, когда не сформировано глобальное многополярное управление, включающее участие России, Евразийского экономического союза, крупнейших стран Евразии. Очевидна нехватка единых для всех участников глобальных отношений правил в такой жизненно важной сфере обеспечения национальной безопасности, как здравоохранение. Элиминирование влияния этого барьера требует повышения кастомизации антикризисных программ Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации, Всемирной организации здравоохранения к специфическим интересам участников глобального взаимодействия. Для этого необходима не только модернизация существующих, но также создание новых глобальных социально-экономических и финансовых институтов, способных генерировать новые правила и институции.

Макроэкономические парадоксы определяют вектор движения глобального мира

Не менее важные тенденции трансформации глобальных взаимодействий отражаются в фокусе макроэкономических парадоксов. Один из важнейших парадоксов формируется в области глобального торгового сотрудничества, дух которого в течение уже почти векового периода составляет основу для скоординированных глобальных отношений едва ли не по всем острейшим вопросам современности. Главным бенефициаром глобального торгового проекта выступают США, так как преимущества международной торговли для страны превосходят издержки. При этом президент Д. Трамп, ссылаясь на дефицит торгового баланса, утверждает, что США проигрывают в своей торговой политике. По меткому замечанию У. Нордхауса, один из первых уроков для экономики заключается в том, что в многострановом мире двусторонние торговые балансы не имеют значения. С точки зрения современной макроэкономики, дефицит торгового баланса представляет собой аналог низких внутренних сбережений (например, у США) и высоких внешних сбережений (например, у Китая)⁸.

Углубление парадоксальной ситуации иллюстрирует то обстоятельство, что одним из источников финансовых потоков в США является эффект портфеля, который говорит о том, что торговый дефицит США велик, потому что его финансовые рынки чрезвычайно привлекательны. По образному выражению, возникает парадокс, когда «хвост виляет собакой»⁹.

Рассмотренные парадоксы позволяют объяснить, почему в общем-то рациональное стремление Трампа сделать ставку на развитие реального сектора американской экономики на основе протекционизма входит в противоречие с

⁸ См. W. Nordhaus 08.October 2018. The Trump doctrine on international trade: Part one. Vox. [Электронный ресурс] URL: <https://voxeu.org/article/trump-doctrine-international-trade-part-one> (accessed 19.06.2020).

⁹ Там же.

созданной в США экономической и общественно-политической моделью. В условиях, когда возрастает роль неожиданных шоков в порождении деловых циклов (что проявляется в воздействии коронавирусного кризиса на финансовый рынок США, на невероятные финансовые потери элиты бизнеса и в целом на деловую активность), отказ Трампа от основ атлантизма и глобализма, отказ от партнёрства с Россией не способствуют выходу из ситуации, в которой оказались США при всём их могуществе.

Выглядит парадоксально, но даже в условиях деградирующего миропорядка под воздействием пандемии возможно изменение вектора развёртывания спирали глобального посткризисного развития. Экономической науке известно, что выход из стагнации возможен только в результате воздействия серьёзного шока, неважно, будет этот шок позитивным или негативным. Такой шок должен прежде всего найти отклик в реальном секторе экономики. Воздействие шока должно позволить возрасти прибыльности корпоративного сектора, повысить его эффективность в результате внедрения новых технологических решений и бизнес-моделей¹⁰.

По определению, шоки непрогнозируемы, несистемны, внезапны. Они выступают как ошибки при прогнозировании будущих значений экзогенных переменных в модели. Экзогенность означает, что у нас нет теории, объясняющей эти переменные. Если бы у нас была такая теория, то они стали бы эндогенными (Wickens 2012). Определению экзогенного шока сегодня соответствует шок глобальной пандемии COVID-19.

Пытаясь предотвратить экономические последствия этого шока, монетарные регуляторы мира идут на радикальные меры¹¹. ЕЦБ объявил о расширении своего баланса на 750 млрд евро (820 млрд долл.), увеличив тем самым баланс, который был стабилизирован в течение последних двух лет, на 16%. Центральный банк Бразилии снижает операционный ориентир – ставку овернайт – на 50 базисных пунктов. Таким образом, страна, которая помнит гиперинфляцию, вступает в клуб наций, обеспокоенных стагнацией.

ФРС США, Банк Японии, Банк Англии и другие Центральные банки активизируют программы массового количественного смягчения, используют скоординированные СВОП-линии на предоставление ликвидности в долларах, снижают различные регуляторные требования. Проблема заключается в том,

¹⁰ В условиях коронакризиса на фоне резкого спада в некоторых секторах экономики возникли очаги роста и даже модернизации производства. Рост уровня продаж и развития против тренда демонстрируют биофармацевтические компании, сектор *hardware*- и *software*-услуг, связанных с возможностью удалённой работы, производство систем очистки и обеззараживания воздуха, производство медицинского оборудования и средств индивидуальной защиты, включая инновационные противомикробные маски, тепловизоры, инфракрасные термометры, аппараты искусственной вентиляции лёгких и другую продукцию.

¹¹ См. John Aurthers. Lagarde's Bazooka Isn't Big Enough for this Crisis. *Bloomberg*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-03-19/lagarde-s-ecb-bazooka-needs-fiscal-support-from-governments> (accessed 19.06.2020).

что трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики в сложившихся условиях не даёт ожидаемого эффекта. В ситуации падения спроса монетарное стимулирование не способно активизировать потребление и восстановить производство, но может помочь минимизировать ущерб, не допустить коллапса финансовых рынков. Не случайно в глобальном сообществе формируется запрос на получение поддержки от государства, но не от Центральных банков. Обобщая эти соображения, экономист *Bank of America* Э. Харрис пишет: «Центральные банки играют незначительную роль в нынешнем кризисе»¹².

Экономическая наука, словно предвидя необходимость преодоления последствий негативного шока коронавируса, предложила новый подход к макроэкономическому регулированию на основе современной монетарной теории (ММТ – *Modern Monetary Theory*). ММТ является ответом неортодоксальной науки на вызов новой реальности в виде ослабления возможностей денежной политики влиять на экономическую динамику многих развитых стран. В этой ситуации наблюдается возрождение интереса к классической модели государственных финансов, в центре которой влияние бюджетных рычагов на накопление и инвестирование капитала, иными словами, переход к долговременным факторам экономического роста. В этом ключе следует рассматривать значение фискальной теории уровня цен, которая говорит о том, что общий уровень цен в экономике определяется не количеством денег в экономике, а фискальными соображениями (Wickens 2012).

Ирония заключается в том, что современная монетарная теория является собственно теорией, раскрывающей роль расширяющихся возможностей фискального регулирования. И да, описание взаимодействия фискальных и денежных регуляторов в ММТ отчасти напоминает политику количественного смягчения.

Приведём некоторые ключевые идеи ММТ: монетарная и фискальная политика должны обеспечить полную занятость и стабильность цен; гарантированное трудоустройство укрепляет национальную валюту и гарантирует, что достижение полной занятости повысит как ценовую, так и финансовую стабильность; нулевая ставка должна быть постоянной, так как она сокращает накопление долга и тенденцию к поглощению всё большей части экономики классом рантье; отказ от типичного представления о Центральном банке как о независимом и влиятельном институте (Mitchell, Randall, Watts 2019).

Конфликт ММТ с мейнстримом экономической науки объясняет острый дискуссионный характер обсуждения новой теории в мировом экономическом сообществе. Российские экономисты высказывают в этой дискуссии противоположные точки зрения. Критическая оценка ММТ сводится к утверждению

¹² Stocks slide on Wall Street over coronavirus and oil crash. *Politico*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/news/2020/03/09/stocks-oil-plunge-over-global-fight-for-crude-production-124243>. (accessed 19.06.2020).

о том, что эта теория имеет успех только в США, Великобритании, Японии и Швейцарии (Моисеев 2019).

Как всегда, реальность сложнее и многообразнее теоретических умозаключений. Можно сказать, что пилотным проектом воплощения некоторых базовых идей ММТ становится фискальное стимулирование, предпринятое государствами в условиях распространения SARS-COV-2.

Принимая экстренные, беспрецедентные меры для оказания финансовой помощи населению и фирмам, руководство США использует широкий спектр фискального стимулирования экономики. В частности, введён перенос налоговых платежей без процентов или штрафов для физических лиц и предприятий, испытывающих негативное воздействие распространения вируса; на 50 млрд долл. увеличено финансирование программ по льготному кредитованию предприятий малого бизнеса¹³. Президент Трамп подписал Акт об оборонном производстве, который даёт ему право поручить гражданским предприятиям помогать выполнять заказы на продукцию, необходимую для национальной безопасности¹⁴. Подписан Закон о противодействии коронавирусной инфекции в семье, который обеспечивает защиту рабочих мест, предусматривает налоговые льготы работодателям, новые оплаты отпуска по болезни, пострадавшим работникам и многое другое¹⁵.

Не только в США, но и в странах ЕС, Японии принимаются беспрецедентные меры в виде денежных выплат всем гражданам, чей доход значительно упал в условиях пандемии. Правительства осуществляют прямое субсидирование малого и среднего бизнеса. Дело в том, что стимулирование потребительского спроса – необходимое условие эффективности комплекса мер по поддержанию бюджетом компаний реального сектора, так как их продукция и активы приобретают ценность только в том случае, если на них предъявляется платежеспособный спрос.

В Российской Федерации 17 марта правительство разработало и приняло План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики¹⁶. План включает ряд финансовых мер поддержки бизнеса и населения: предусмотрены отсрочки по налогам, предоставление гарантийной и прямой финансовой поддержки, создаётся финансовый резерв в размере до 300 млрд руб. Будут приняты законы, которые предоставят Правительству Рос-

¹³ Trump Unveils Measures to Combat Economic Impact of Virus. *Pymnts*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.pymnts.com/coronavirus/2020/trump-unveils-measures-to-combat-economic-impact-of-virus/> (accessed 20.03.2020).

¹⁴ Trump signed the Defense Production Act "in case we need it". But what is it? *ABC News*. [Электронный ресурс] URL: <https://abcnews.go.com/Politics/trump-signed-defense-production-act-case/story?id=69670828> (accessed 20.03.2020).

¹⁵ COVID-19 Update: The Families First Coronavirus Response Act Becomes Law. *National Law Review*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.natlawreview.com/article/covid-19-update-families-first-coronavirus-response-act-becomes-law> (accessed 19.06.2020).

¹⁶ План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/vBHd4YRxpULCaUNNTFLVpPSZbMCIA2Zq.pdf> (дата обращения 19.06.2020).

сийской Федерации дополнительные возможности оперировать бюджетными ресурсами. Пакет мер по поддержке экономики, который дополняет и подкрепляет действия Правительства, 20 марта принял Банк России¹⁷. Центробанк использует инструменты предоставления ликвидности, а также меры в сфере банковского и в целом финансового регулирования.

Анализ названных документов позволяет сделать вывод о том, что в области макроэкономического регулирования наступает эра фискальной экспансии. Это закономерно, так как исход в борьбе с мировым кризисом зависит от контрциклических мер правительства, которые в большей мере контролирует фискальный регулятор, а не монетарный. Бюджетная политика не влияет на фундаментальные основы финансовой устойчивости, но от неё сегодня зависит шанс создать адекватную комбинацию факторов в условиях возникшего шока, вызванного самой острой за столетие пандемией коронавируса.

Глубину экономического спада отражает снижение оценки годовой чистой прибыли различных секторов экономики, представленных в фондовых индексах США, Европы и Японии (см. табл. 1).

Таблица 1. Снижение оценки чистой прибыли различных секторов экономики в 2020 г.

Table 1. Decrease in net profit estimates for various sectors of the economy in 2020

Индекс	Показатель	Сектор экономики	Количество секторов экономики
S&P500	>30%	Одежда, автомобили, строительные материалы, энергетика, гостиничный бизнес, пассажирский транспорт, туризм	7
Euro Stoxx 660	>30%	Авиакосмический, автомобильный, банковский, проектный, гостиничный, индустриальный, энергетика, пассажирский транспорт, недвижимость, рекреационные объекты, розничная торговля	11
Topix Index	>30%	Аэрокосмический, автомобильный, металлургический, металлургическая промышленность, пассажирские перевозки, транспортное оборудование	6

Источник: Bloomberg. 8 May 2020. *Commodities, transport see 30%-plus annual profit forecast cuts*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/professional/blog/commodities-transport-see-30-plus-annual-profit-forecast-cuts/?mpam-page=26763> (accessed 15.05.2020)

То, что спад оказался так силен и мгновенен, возможно, не очень плохо для будущего восстановительного роста. Резкий спад отражает высокую степень эластичности реакции экономики на экзогенные шоки.

¹⁷ Банк России утвердил меры по поддержке граждан, экономики и финансового сектора в условиях пандемии коронавируса. *Банк России*. [Электронный ресурс] URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=20032020_133645if2020-03-20T13_36_08.htm (дата обращения 19.06.2020).

Так, анализ, проведённый *McKinsey & Co*, свидетельствует о высокой чувствительности банковского сектора к импульсам коронакризиса. Европейские банки терпят более существенные убытки по сравнению с последствиями финансового кризиса и кризисов суверенного долга. Выручка может упасть до 40%, отрасли придётся сократить расходы при сохранении инвестиций в технологии. Вместе с тем пандемия за два года ускорила переход на цифровой банкинг. По опросу клиентов розничных банков во Франции, Испании, Италии, Германии, Португалии и Великобритании, сектор смог адаптироваться к беспрецедентному росту числа запросов клиентов, которые сопровождали развёртывание чрезвычайных мер, финансируемых государством. Использование онлайн-банков выросло во всех странах: с 7% роста в Италии до 19% в Португалии. Согласно опросу *BCG* британских клиентов, с начала кризиса 63% респондентов сократили использование наличных, а 43% отправили больше платежей через приложения для обмена сообщениями в социальных сетях¹⁸. В ситуации происходящих в ускоренном темпе изменений важно не то, какой глубины и масштаба будет спад, а как долго он продлится. Во многом это зависит от эффективности проводимых государством и регуляторами программ поддержки и развития экономики, их соответствия стратегическим вызовам, какими бы парадоксальными эти решения ни казались.

Разрешение микроэкономического парадокса или «торжество» рационализма

Микроэкономические парадоксы формируются при активной имплементации принципов неолиберализма, ведущей к экспансии рыночных отношений в новые сферы экономики и социума. Рыночный империализм формирует политический рынок, рынки научных идей, искусства и интеллектуального труда. Парадоксально, но на фоне масштабного роста новых сфер реализации рыночного механизма возрастает потребность в обеспечении роста производства и потребления общественных благ. Концепция глобальных общественных благ раздвигает содержательные контуры экономических благ, рассматривая финансовую стабильность, международный торговый режим, знания и технологии как общественные блага, необходимые для развития экономики (*Public Goods* 2008).

Трансформацию процесса глобализации как системы рыночного самоуправления в трансконтинентальном пространстве трудно себе представить без таких глобальных общественных благ, как безопасность, законность, экологическая и климатическая устойчивость, инновационный прогресс. Сегодня это ус-

¹⁸ Bankers get a glimpse of the post-virus future. *Bloomberg*. 21 May 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/professional/blog/bankers-get-a-glimpse-of-the-post-virus-future/> (accessed 19.06.2020).

ловие жёстко верифицирует пандемия коронавируса, когда выживание каждого человека как главная общественная ценность и дальнейшая судьба глобализации определяются созданием такого экстерриториального общественного блага, как вакцина от COVID-19. Если создать вакцину нельзя, таким экстремально чистым общественным благом становится эффективная терапия заболевания.

Экономические отношения по поводу потребления общественных благ не просто корректируют, но кардинально меняют систему общественного воспроизводства, основанную на дихотомии частной и государственной собственности. «Идея общественных благ даёт другое измерение, которое превосходит как индивидуальную собственность, так и традиционное государственное управление благами. Это не другая форма собственности, а противоположность собственности...» (Риччери 2017). Развитие отношений собственности означает переход к новым формам экономического управления, ориентированным на достижение баланса между частным и общественным потреблением.

Научно-теоретическим продвижением по этому пути стала разработка Э. Остром теории институциональных отношений, связанных с эффективным регулированием и управлением общими ресурсами. Теория Остром позволяет показать на практике возможность достижения равновесия между потреблением общих ресурсов и расходами на администрирование этого процесса благодаря тому, что многие сообщества задействовали институты, позволяющие успешно управлять некоторыми ресурсными системами в долгосрочном периоде, и при этом не похожие ни на государство, ни на рынок (Ostrom 2007).

Парадокс общественных благ сигнализирует о необходимости строительства новых международных геополитических и экономических отношений. Острая востребованность этого подхода проявляется по отношению к таким экономическим благам, как открытые данные, искусственный интеллект, робототехника, интернет вещей, 3D-печать, квантовая коммуникационная инфраструктура. Эти и другие цифровые блага воплощают цивилизационные достижения в области фундаментальных знаний и технических решений всего человечества. В силу этого они должны принадлежать всем и никому. Все должны иметь к ним доступ, и никто не должен эксклюзивно претендовать на них. Вместе с тем создание и эффективное использование этих благ в глобальном масштабе требует консолидации инвестиций в исследования и разработки государства и частного сектора. Постепенное стирание грани между государственным и частным секторами принимает различные переходные формы финансирования производства высокотехнологичных и, в частности, цифровых продуктов. Иллюстрацией могут послужить интернет-протоколы, созданные международным Инженерным советом интернета (*Internet Engineering Task Force – IETF*) – сообществом проектировщиков, учёных, сетевых операторов и провайдеров, занимающихся развитием протоколов и архитектуры интернета.

Совершенствование форм совместного финансирования сложных технологических проектов, воплощающих достижения фундаментальной и приклад-

ной науки, открывает путь разнообразию производства и потребления глобальных общественных благ. В подтверждение этому тренду 30 мая с космодрома на мысе Канаверал во Флориде состоялся запуск космического корабля *Space X Crew Dragon*, разработанного компанией И. Маска. Многоцветный корабль *Crew Dragon* – это корабль нового поколения, первый в мире частный пилотируемый корабль коммерческого предприятия, финансируемого NASA¹⁹. Эти и другие явления убеждают в том, что создание глобальных общественных благ не только способствует конвергенции государственного и частного секторов, но определяет траекторию мирового технологического прогресса.

Особо отметим, что производство глобальных общественных благ соответствует критериям универсального экономического принципа рациональности. Реализуя полномасштабное сотрудничество, все страны извлекают выгоду, которая возрастает с ростом числа стран-участниц. Предельные выгоды от глобальных действий уменьшаются плавно по мере увеличения их количества, а предельные издержки не растут резко (Anand 2004).

Обращение к принципу рациональности как предпосылке логичного мышления и оптимального экономического поведения в «новой реальности» не случайно. Рациональность как базовый методологический принцип экономического анализа, как точка отсчёта в моделировании глобальных взаимодействий нередко уступает свои позиции иррациональности.

Обратим внимание на то обстоятельство, что альтернативные модели экономического поведения, в частности, поведенческая экономика, вступая в конфликт со стандартной рациональной моделью и открывая новые направления экономического анализа на основе признания статуса иррациональности поведенческих реакций, не отказываются от приоритета гипотезы рациональности как аналитической рамки (Thaler 2016).

Отказ от контуров рациональности в критически важных ситуациях для глобальной стабильности приводит к тому, что иррациональность выступает триггером парадоксов. Один из них формируется в рамках американо-китайского конфликта, сценарий которого ужесточается по инициативе США. Противостояние двух глобальных субъектов в борьбе за технологическое первенство ведёт к фундаментальному провалу мирового рынка в гонке инноваций (на основе «технологического раскола») в области искусственного интеллекта, фармацевтики, в отрасли полупроводников, в сфере термоядерной энергетики, в космосе. В моменте это отражается на перспективах преодоления пандемии, охватившей планету. Скорейшее прекращение её воздействия на людей и экономику зависит от изобретения эффективной вакцины от коронавируса. Взаимные обвинения в искусственном создании вируса также не способствуют

¹⁹ SpaceX Makes History With First-Ever Human Rocket Launch For NASA. *Forbes*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.com/sites/jonathancallaghan/2020/05/30/spacex-makes-history-with-first-ever-human-rocket-launch-for-nasa/#6dc773153218> (accessed 19.06.2020).

решению этой острой проблемы²⁰. Разобщённость в среде ведущих мировых держав ведёт их к сближению с Россией и формированию новой конфигурации лидерства.

Сохранение приверженности рационализму становится платформой для поиска инструментов решения стратегических проблем, когда отрицаются проверенные временем стандарты и принципы международных отношений, экономическая целесообразность уступает место политическим интересам. Тестирование мировой экономики на рациональность выбора в условиях неопределённости планетарного масштаба даёт основания для сдержанного оптимизма. Преодолев острую фазу распространения заболеваний коронавирусом, Евросоюз делает ставку на возможность радикального разворота кризиса европейской экономики к росту и развитию. Об этом свидетельствует План восстановления европейской экономики *Europe's moment: Repair and Prepare for the Next Generation*²¹. Пока ещё рано давать оценку реалистичности его выполнения, но план предлагает ответ, соразмерный краху расходов и инвестиций домашних хозяйств и компаний. Проект Еврокомиссии по масштабной экономической помощи странам Евросоюза включает:

- *European Stability Mechanism (ESM) Pandemic Crisis Support/EIB Guarantee Fund for Workers and Business*. Предусматривается создание совместной системы поддержки домашних хозяйств, компаний и государственного сектора посредством выделения кредитной помощи на общую сумму до 540 млрд евро.

- *Next Generation EU*. Еврокомиссия намерена предоставить странам, наиболее пострадавшим от вируса SARS-COV-2, 750 млрд евро в виде займов и субсидий. Большая часть этого финансирования принимает форму концессионных кредитов и грантов государствам-членам ЕС 27.

- *Multiannual Financial Framework*. Целевая поддержка долгосрочного бюджета ЕС на 2021–2027 гг. составит 1,1 трлн евро.

В проекте Еврокомиссии существенная роль отводится государственным инвестициям и ключевым структурным реформам, на финансирование которых будет направлено более 80% ресурсов *Next Generation EU*.

В основе стратегии ответа Еврокомиссии на вызов коронавируса три «кита»: инвестиции в зелёную, цифровую и устойчиво здоровую Европу. Возможность держать под контролем будущее развитие Европы связана с капиталовложениями в ключевые секторы и технологии от 5G до искусственного интеллекта, от чистого водорода до возобновляемой энергии. Таким образом, эффективность

²⁰ Covid-19 Might Kill Globalization. 2020. *Bloomberg*. March 21. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/markets/economics/> (accessed 19.06.2020).

²¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Region. 2020. *European Commission*. Brussels. 27.05. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/assessment_of_economic_and_investment_needs.pdf (accessed 19.06.2020).

программы перехода к посткризисному развитию для всех членов ЕС и глобальных партнёров определяется мобилизацией ресурсов для производства экономических благ, которые по своей природе относятся к категории общественных благ.

Оценку результативности предлагаемых Еврокомиссией мер содержит квест-модель симуляций макроэкономических эффектов, определяемых воздействием на экономику восстановительными инструментами, включёнными в долгосрочную финансовую структуру бюджета на 2021-2027 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2. Детализация результатов симуляций

Table 2. Detailed Simulation Results

Сценарий	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
ВВП (%)										
L	1,0	1,3	1,4	1,5	1,0	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8
H	1,5	1,9	2,2	2,3	1,5	1,4	1,3	1,3	1,2	1,2
Занятость (%)										
L	0,6	0,7	0,7	0,5	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
H	0,9	1,1	1,0	0,8	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Реальная заработная плата (%)										
L	0,1	0,4	0,5	0,6	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,6
H	0,2	0,5	0,8	1,0	1,0	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9
Частные инвестиции (%)										
L	0,8	1,3	1,2	0,9	0,8	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6
H	0,9	1,4	1,3	1,2	1,0	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9
Государственные инвестиции (%)										
L	21,0	21,0	21,0	21,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
H	34,5	34,5	34,5	34,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Отношение долга к ВВП										
L	-0,6	-0,8	-0,9	-1,0	-0,9	-1,2	-1,5	-1,8	-2,0	-2,3
H	-0,8	-0,9	-1,0	-1,0	-0,8	-1,3	-1,7	-2,2	-2,6	-2,9

Источник: Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Region. European Commission. Brussels, 27.5.2020. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/assessment_of_economic_and_investment_needs.pdf (accessed 29.05.2020)

В табл. 2 приведены средневзвешенные значения переменных для ЕС-27. Сценарии *H* и *L* относятся к высокому или низкому принципу «дополнительности» инвестиционных кредитов и грантов. Моделирование сценария *H* предполагает, что государства-члены ЕС используют 100% грантов на дополнительные государственные инвестиции. Сценарий *L* исходит из 50% дополнительной грантов. Уровень влияния кредитов всегда составляет 50%. При этом рассматривается вариант экономической политики, неизменной во времени. Уровень долга к ВВП представлен отклонением процентного отношения от базового уровня²². Все другие переменные показаны в реальном вы-

²² Базовый уровень определяется осенней 2019 г. траекторией прогноза инвестиций в экономику.

ражении и в процентах характеризуют отклонение показателей от базового уровня.

Данные таблицы показывают, что уровни реального ВВП, реальной заработной платы, частных инвестиций постоянно превышают базовый уровень. Мобилизованные инвестиции повышают реальные уровни ВВП ЕС на 1,5% в 2021 г. и на 2,3% к 2024 г. Даже по прошествии десяти лет реальные уровни ВВП по крайней мере на 1% выше по сравнению с базовым сценарием. Уровни занятости в период 2021-2024 гг. в среднем приблизительно на 1% выше, чем в базовом сценарии. С 2025 г. положительный эффект занятости постепенно уступает эффекту повышения реальной заработной платы, поскольку производительность увеличивается из-за эффекта дополнительных инвестиций. К 2030 г. среднее значение показателя отношения долга к ВВП в Евросоюзе ожидается почти на 3% ниже базового уровня.

Всё это даёт основания для заявления председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен: «План восстановления преобразует огромный вызов, с которым мы сталкиваемся, в возможность не только поддерживать восстановление, но также инвестировать в наше будущее. Европейское Зелёное соглашение и цифровизация повысят количество рабочих мест и темпы роста, устойчивость развития и здоровья нашего общества. Это – время Европы. Наша готовность действовать должна соответствовать проблемам, с которыми мы сталкиваемся. С *Next Generation EU* мы даём амбициозный ответ»²³.

Таким образом, стратегия ответа Еврокомиссии на вызов коронавируса позволяет сделать вывод, что шок пандемии коронавируса при определённых условиях может способствовать росту и развитию глобального мира, как бы парадоксально это сейчас ни выглядело. При этом, в сущности, глобальный мир сохранится прежним. В соответствии с принципом целостности теории систем отдельная национальная экономическая система останется воспроизводственным фрагментом глобальной системы в целом. Принцип комплементарности подтверждает тенденцию к неограниченному национальному разнообразию. Глобальная система не сможет функционировать без отдельных частей, научиться (на опыте преодоления последствий COVID-19) разрешать противоречия целого и части, известные как антиномии целостности. Принцип рефлексивности потребует сместить акценты на взаимную зависимость всех участников глобальных взаимодействий. В посткризисный период придёт осознание, что каждый элемент глобальной системы, преследуя собственный интерес, вынужден ориентироваться на поведение и реакцию других. Возникает надежда, что, пройдя через испытание пандемией, государства и общества изменят отношение к ценности здоровья нации, роли фундаментальной и прикладной науки, необходимости достижения гуманитарного, экономического равенства, сотрудничества в решении стратегических проблем.

²³ The EU budget powering the recovery plan for Europe. *European Commission*. [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/eu-long-term-budget/2021-2027_en (accessed 19.06.2020).

Об авторе:

Татьяна Алексеевна Малова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: mta97@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Received: March 25, 2020
Accepted: April 15, 2020

What Signal Paradoxes of Global Economy

T.A. Malova
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-225-242

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: The technological and institutional transformation of the global economy is accompanied by paradoxes that arise at its various structural levels. The global COVID-19 pandemic and its consequences have strengthened the paradoxical situations. The main paradox of globalization receives an unexpected and dramatic verification by the spread of the SARS-COV-2 virus. Disruption of international communications as the only possible way to combat the spread of infection in the short term contradicts the need to restore its interconnectedness in the long term. The institutional contradictions within global economic governance does not correspond to the digital path of the global economy development. Macroeconomic paradoxes signal the need for a transition from the dominant monetary regulation to fiscal expansion. Monetary regulation mechanisms, even in their non-traditional forms, are ineffective given the coincidence of the coronavirus pandemic with high volatility in global stock markets and oil and gas markets. Fiscal stimulation undertaken by states in the face of the spread of virus can be interpreted as a pilot project for the implementation of some of the basic ideas of the Modern Monetary Theory (MMT). The solution of the microeconomic paradox of public goods is possible on the basis of the principle of "rationality" as a priority social concept. Paradoxically, the shock of the pandemic, which "blew up" the course of things, provoked an unprecedented decline in business activity in a number of sectors of the economy, under certain conditions, can turn the vector towards economic growth and development. The paradoxes of the global economy signal that the current socio-economic model of the global economy has exhausted its endogenous development potential. Resolving paradoxical situations requires updating scientific views and patterns of their implementation. The European Commission's economic recovery plan addresses the future generation of the European Union. The shock of the coronavirus pandemic accelerates the transfer of values and technologies to the new paradigm of global world.

Key words: paradoxes of global economy, shock of a coronavirus pandemic, macroeconomic paradoxes, a paradox of public goods, European Commission Economic Recovery Plan

About the author:

Tatjana A. Malova – Dr. of Economics, professor of Department of economics theory MGIMO, Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: mta97@mail.ru

Conflict of Interests: Author declares the absence of conflict of interests.

References:

Anand P.B. 2004. Financing the Provision of Global Goods. *The World Economy*. 27(2). DOI: 10.1111/j.1467-9701.2004.00597.

Khanna P. 2016. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House 459 p.

Malova T., Pivovarova M. 2019. The Dilemmas of Macroeconomic Management: Impact of Global Financial Stability. *The Future of the Global financial System: Downfall or Harmony. Lecture Notes in Networks and Systems*. Ed by. Popkova E. Vol. 57. Springer, Cham. P. 683-691. DOI: 10.1007/978-3-030-00102-5_71

Mitchell W., Randall W., Watts M. 2019. *Macroeconomics*. London: Red Globe Press. 573 p.

Ostrom E. 2007. *Governing the Commons. The evolution of Institutions for Collective Action*. New York: Cambridge University Press. 281 p.

Public Goods for Economic Development. 2008. United Nations Industrial Development Organization. Vienna. 198 p.

Rodric D. 2011. *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. New York and London: W.W. Norton. 368 p.

Thaler R.H. 2016. *Misbehaving: the Making of Behavioral Economics*. W.W. Norton & Company, 1 edition. 432 p.

Trade and Development. Repot 2018. Power, Platforms and the Free Trade Delusion. 2018. New York and Geneva: United Nations. 162 p.

Wickens M. 2012. *Macroeconomic Theory: a Dynamic General Equilibrium Approach*. Second Edition. Princeton University Press. 596 p.

Moiseev S. 2019. Хайп вокруг (не)денежной (не)теории [Hype around (Non)Monetary (Non) Theory]. *Voprosy Ekonomiki*. №9. P. 112-122. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-112-122. (In Russian).

Richcheri M. 2017. Kak spasti social'nost' rynochnoj jekonomiki [How to Save the Sociality of a Market Economy]. *World of change*. №1. P. 124-138. (In Russian).

Hudjakova L.S. 2019. Desjat' let global'noj reforme finansovogo regulirovanija: chto vpered? [Ten Years of the Global Reform of Financial Regulation: What is ahead?]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(5). P. 91-113. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-91-113. (In Russian).

Литература на русском языке:

Моисеев С. 2019. Хайп вокруг (не)денежной (не)теории. *Вопросы экономики*. №9. С. 112-122. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-112-122.

Риччери М. 2017. Как спасти социальность рыночной экономики. *Мир перемен*. №1. С. 124-138.

Худякова Л.С. 2019. Десять лет глобальной реформе финансового регулирования: что впереди? *Вестник МГИМО-Университета*. 12(5). С. 91-113. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-5-68-91-113.

«Мировая экономика коронавируса»: поиск оптимальных путей преодоления последствий кризиса

Е.Н. Смирнов

Государственный университет управления

Нынешняя пандемия коронавируса COVID-19 уже стала проверкой на прочность мирового хозяйства и институтов глобального экономического регулирования. Основной целью нашей статьи является обзор исследований, посвящённых анализу экономики эпидемий, включая пандемию коронавируса, а также разработка концептуальной основы для дальнейшей оценки масштабов негативного воздействия COVID-19 на экономическое развитие стран мира и направлений минимизации этого воздействия. Методологический подход автора выходит за рамки традиционного толкования экономики пандемии: мы вводим термин «мировая экономика коронавируса», чтобы показать беспрецедентное и всеобъемлющее воздействие пандемии на мировое хозяйство, движение факторов производства, экономическую интеграцию и экономический рост. В этих условиях многие теории экономического развития и механизмы торговой и инвестиционной политики необходимо подвергнуть серьёзному переосмыслению. Сравнительный анализ опубликованных исследований показал, что отрицательное воздействие COVID-19 на мировую экономику усиливает то обстоятельство, что она не успела оправиться от глобального кризиса 2008 г. и находилась в предрецессионном состоянии; готовность стран к противодействию пандемии чрезвычайно низкая, институты международного сотрудничества оказались неспособны разработать меры эффективной защиты от последствий COVID-19. Обзор литературы демонстрирует уникальность нынешней пандемии, которая отрицательно влияет не только на глобальный спрос и предложение, но и на мировую финансовую систему, что чревато крайне высокими рисками ввиду высокого бремени задолженности многих стран. Обзор исследований показал также, что высокая скорость распространения пандемии коронавируса как в медицинском, так и в экономическом контекстах представляет собой следствие экономической глобализации, тогда как в мерах противодействия пандемии государства остаются фрагментированными и протекционистски настроенными. Практическое значение результатов нашего исследования заключается в возможности их применения для дальнейших исследований экономики коронавируса и разработки концептуальных рамок адаптивной, упреждающей экономической политики, направленной на минимизацию негативных экономических эффектов пандемий в будущем.

Ключевые слова: пандемия; коронавирус; экономический рост; COVID-19; экономическая политика; международное сотрудничество

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 25.03.2020 г.

Принята к публикации: 17.04.2020 г.

Многие исследования последних десятилетий показали, что здоровье населения положительно связано с экономическим благосостоянием и ростом (например, Robalino et al. 2002; Haacker 2004; McKibbin, Sidorenko 2006). Существует много каналов воздействия вспышки инфекционных заболеваний на экономику. В рамках традиционного подхода, базирующегося на информации о смертности и заболеваниях для оценки потерь будущих доходов, недооцениваются истинные потери, вызванные эпидемиями, которые быстро распространяются и от которых нет вакцины. Л. Йонунг и Р. Вернер обоснованно отмечают, что попытки оценить экономические последствия пандемии непременно включают упоминание о высокой неопределённости (Jonung, Werner 2006: 6). Неопределённость пандемий, на наш взгляд, возрастает по мере роста их масштабности, поэтому прогнозы относительно воздействия пандемий на экономику могут быть весьма противоречивыми.

В зарубежной литературе широко изучены аспекты воздействия разных заболеваний и пандемий на экономику, в частности, влияние СПИДа (Arndt, Levis 2001; Bell et al. 2004), атипичной пневмонии (SARS) (Sui, Wong 2004). Так, макроэкономические последствия SARS оценивались с точки зрения значительного сокращения потребления товаров и услуг, увеличения операционных издержек бизнеса и переоценки страновых рисков, в том числе инвестиционных. Интересным представляется исследование атипичной пневмонии (Brahmbhatt, Dutta 2008: 22), в котором было установлено, что при относительно небольшом количестве болезней и смертей эта эпидемия повлекла за собой существенные экономические издержки, в первую очередь вызванные чрезмерными мерами профилактики со стороны отдельных лиц и (иногда) правительств.

Е. Блум, применив для оценки потенциального экономического эффекта пандемии (в частности, в результате мутации штамма птичьего гриппа) модели экономического прогнозирования, установил, что продолжительный шок с длительной вспышкой и значительным шоком для потребления и экспорта приводит к потере 6,5 % ВВП (283 млрд долл. США) и пришёл к выводу, что открытая экономика более уязвима для международных потрясений, чем та, которая в меньшей степени интегрирована в мирохозяйственные связи (Bloom et al. 2005).

В литературе рассматривались различные сценарии воздействия пандемии на макроэкономические результаты и на финансовые рынки (например, при помощи глобальной гибридной модели общего равновесия *DSGE / CGE*) (McKibbin, Roshen 2020). Эти сценарии, весьма неопределённые в условиях пандемии, демонстрируют, что даже сдерживаемая вспышка в краткосрочной перспективе может оказать значительное влияние на мировую экономику. В. Маккибин и Ф. Рошен считают традиционные инструменты (например, снижение процентных ставок) неэффективными; экономические риски нынешней пандемии требуют не только управления спросом, но и комплексных мер в области денежно-кредитной, налогово-бюджетной политики и политики в сфере здравоохранения

(McKibbin, Roshen 2020: 25). Широкое распространение гигиенической практики, описанной в работе Д. Левина и В. МакКиббина, может быть недорогой и высокоэффективной реакцией, снижающей негативные последствия пандемии для экономики (Levine, McKibbin 2020). В. МакКиббин и А. Сидоренко оценивают потери мировой экономики от пандемии гриппа в диапазоне от 300 до 4,4 трлн долл., в зависимости от сценариев (McKibbin Sidorenko 2006). Д. Блум и Д. Каннинг указывают на значимость международного сотрудничества для предотвращения эпидемий; глобализация, с одной стороны, способствует распространению новых болезней, но, с другой стороны, предоставляет возможности для борьбы с ними (Bloom, Canning 2006: 26). В литературе последних лет справедливо отмечается необходимость совершенствовать национальные политики противодействия эпидемиям и пандемиям (Fan et al. 2018: 132).

За сравнительно короткий срок появились и исследования, посвящённые анализу возможных экономических последствий COVID-19, в том числе и оценке его воздействия на международную торговлю (Долгов, Савинов 2020), экономику отдельных стран (Савинов, Кириллов, Тарановская 2020), а также на развитие отдельных секторов цифровой экономики (Карелина 2020). Дж. Боуи одной из ошибок, ускоривших распространение пандемии COVID-19, считает неверное определение источников появления вирусной инфекции (их изначально связывали с летучими мышами, змеями, морепродуктами), «дающее ложное чувство безопасности, затеняющее настоящую эпидемию» (Boeue 2020: 13). Сравнивая нынешнюю пандемию коронавируса со вспышкой атипичной пневмонии SARS, М. Занди указывает на большую распространённость коронавируса, однако полагает, что затраты Китая в обоих случаях будут примерно одинаковыми. Такой оптимизм объясняется существенно большими ресурсами, которые китайское правительство собирается использовать в качестве финансовых и валютных мер для стабилизации экономики (Zandi 2020).

Уже исследуются и воздействие COVID-19 на глобальную финансовую систему. Т. Бек утверждает, что неблагоприятные эффекты платёжеспособности в финансовой системе, скорее всего, не проявятся немедленно, поэтому будет время подготовки взвешенных решений (Beck 2020: 76). Однако панические и побочные эффекты на рынках наступают весьма быстро, поэтому регулирующим органам необходимо сосредоточиться на возможных сбоях в работе финансовой системы и укрепить доверие к финансовым рынкам, чётко сигнализируя о готовности своего вмешательства.

В литературе отсутствуют концептуальное обоснование и оценки взаимосвязей между пандемиями и развитием мировой экономики. Поскольку задачи управления спросом и предложением имеют ключевое значение, необходимо разработать теоретическую основу выявления комплексных взаимосвязей между распространением пандемии и динамикой экономического роста. По мере того, как траектория пандемии принимает окончательную форму, всё неопределённое выглядит экономической динамикой; с поступлением новой статистики

пандемии формируется понимание масштаба экономических потерь и представление относительно возможных мер регулирующего воздействия.

Структура нашего исследования последовательно включает: обзор оценок и эмпирических обоснований негативного воздействия пандемий на экономику; анализ экономических последствий COVID-19, проведённый в зарубежных исследованиях; выявление острых проблем, возникающих вследствие пандемии, и обоснование дальнейших исследований, направленных на разработку мер по сглаживанию её негативных экономических эффектов.

Оценки экономических рисков пандемий

Исследования свидетельствуют о высокой степени гетерогенности инфекционных заболеваний, которые могут стать эпидемиями (с точки зрения передачи, профилактики, лечения и их краткосрочных и долгосрочных экономических последствий), поэтому каждый случай пандемии уникален с точки зрения масштабов его парализующего воздействия на экономические системы. Известна также и прямо пропорциональная связь между здоровьем и богатством, поэтому в богатых странах более здоровое население. В последние годы здоровье стало рассматриваться в качестве ключевого фактора экономического развития, что наглядно подтверждается на примере пандемии коронавируса, когда у стран «отключаются» возможности развиваться.

Д. Блум и Д. Каннинг обращают внимание на то, что во многих случаях непосредственные издержки пандемий очевидны, а долгосрочные – неясны. Превращение пандемий требует преодоления целого ряда препятствий, равно как и реакции на эпидемию после её возникновения (Bloom, Canning 2006: 2). На наш взгляд, в глобальном масштабе долгосрочная уязвимость к пандемиям будет уменьшаться по мере роста стандартов развития, но усиление глобализации может способствовать возникновению и широкому распространению пандемий.

Коллектив исследователей Гарвардского университета указывает на нетривиальность экономических рисков пандемий и серьёзные последствия для экономики даже в случаях, когда заболеваемость и смертность относительно невысоки; к примеру, во время лихорадки Эбола в Либерии в 2013-2014 гг. ВВП снизился на 8% (Bloom et al. 2018: 46). Экономические последствия пандемий проявляются с запозданием, что отчасти связано с неравномерностью распределения по отраслям. Так, фармацевтические компании получают выгоды от производства вакцин, а компании, оказывающие услуги страхования жизни и медицинского страхования, напротив, в краткосрочной перспективе несут наибольшие расходы.

Анализируя пандемию гриппа, американские исследователи пришли к выводу, что при моделировании риска пандемии основное внимание сосредотачивается на обосновании увеличения инвестиций, тогда как потери от повы-

шенной смертности практически игнорируются (Fan et al. 2018: 129). Интересны оценки так называемого «страха пандемии» (Liu et al. 2005), описанные на примере реакции населения на острый респираторный синдром в Азии.

Имеются оценки, что совокупные убытки, вызванные глобальной пандемией гриппа (пандемия 1918 г.), могут достигать 500 млрд долл. (0,6% мирового ВВП), причём страны со средним уровнем доходов населения подвержены более глубокому воздействию (1,6% ВВП), чем страны с высоким уровнем дохода (0,3% ВВП) (Kostova et al. 2019). В исследовании Международного валютного фонда (МВФ) говорится, что бедные слои населения непропорционально больше страдают от вспышки инфекционных заболеваний, поскольку у них меньше доступа к медицинскому обслуживанию и сбережений для защиты от финансовой катастрофы (Bloom et al. 2018). Оба указанных источника, очевидно, не принимают во внимание нынешней ситуации, когда эпидемии в большей степени подвержены малые страны с высоким уровнем дохода и, соответственно, все слои населения.

Полагаем, что по мере изменения климата и увеличения плотности населения в мегаполисах наименее развитых стран вследствие ухудшения демографической ситуации эпидемии станут всё более распространённым явлением, что указывает на необходимость встраивать данный фактор в модели экономического роста и учитывать его при концептуальном обосновании и разработке мер экономической политики.

С учётом высоких затрат на исследования и разработки вакцин при значительной неопределённости с окупаемостью этих затрат (ввиду низкой вероятности возникновения спроса на отдельные вакцины, вероятности того, что эпидемия вообще наступит и, что важнее, *повторится*), фармацевтические компании не спешат осуществлять инвестиции в разработку вакцин. Иными словами, «интерес к извлечению прибыли плохо согласуется с социальным интересом минимизации риска распространения этих заболеваний» (Bloom et al. 2018: 49). Поэтому необходимо разрабатывать концептуальные рамки международного сотрудничества, которое повысит готовность к эпидемии хотя бы на уровне формирования централизованных запасов вакцин. Полагаем, что международное сотрудничество имеет преимущество перед национальными мерами, поскольку ряд стран (теперь уже и развитых) будет особенно нуждаться в мерах противодействия эпидемии, а глобальное общественное благо под названием «жить без страха перед пандемиями» должно мотивировать как международное сотрудничество, так и распределение затрат на борьбу с пандемиями между странами.

Подходы к анализу экономических каналов и последствий COVID-19

Ещё до пандемии COVID-19 мировая экономика была готова к рецессии: фондовые рынки перегрелись, экономический рост развитых стран замедлился, а агрессивная протекционистская политика Д. Трампа способствовала разруше-

нию глобальных цепочек поставок и усилила глобальные риски. Уже во второй половине 2019 г. стало очевидно, что мировая экономика постепенно входит в очередную рецессию, демонстрируя вялый экономический рост, однако было распространено ожидание, что в 2020 г. ситуация улучшится за счёт крупных развивающихся экономик, а к 2021 г. произойдёт возврат к глобальному росту. Такие настроения откладывали структурное реформирование многих национальных экономик. МВФ опубликовал прогноз роста мирового ВВП в 2020 г. в размере 2,7%¹. Теперь все прогнозы корректируются в сторону понижения (в частности, приводимый нами ниже в табл. 1. прогноз ОЭСР). На наш взгляд, окончательные краткосрочные прогнозы давать преждевременно, цифры зависят от степени распространения и сроков завершения пандемии.

**Табл. 1. Прогноз ОЭСР по среднегодовому росту ВВП на 2020-2021 гг., %
(по состоянию на 2 марта 2020 г.)**

**Table 1. OECD forecast for average annual GDP growth for 2020-2021, %
(March 2, 2020)**

Регион/страна	2019 г. (факт.)	Прогноз			
		2020 г.		2021 г.	
		1	2	1	2
Мир в целом	2,9	2,4	-0,5	3,3	0,3
«Большая двадцатка»	3,1	2,7	-0,5	3,5	0,2
Еврозона	1,2	0,8	-0,3	1,2	0,0
Германия	0,6	0,3	-0,1	0,9	0,0
Франция	1,3	0,9	-0,3	1,4	0,2
Италия	0,2	0,0	-0,4	0,5	0,0
Япония	0,7	0,2	-0,4	0,7	0,0
Великобритания	1,4	0,8	-0,2	0,8	-0,4
США	2,3	1,9	-0,1	2,1	0,1
Китай	6,1	4,9	-0,8	6,4	0,9
Индия	4,9	5,1	-1,1	5,6	-0,8

Источник: Coronavirus: The world economy at risk. 2020. OECD Interim Economic Assessment. Paris: OECD. March 2. 16 p. P. 2.

Приведённая таблица демонстрирует, как изменяются прогнозы, не более. Полагаем, что рост может быть даже слабее, если заболеваемость распространится ещё шире. В ближайшей перспективе основной отрицательный риск заключается в том, что воздействие коронавируса окажется продолжительнее и интенсивнее, чем предполагалось. В случае дальнейшего распространения вспышек в Азиатско-Тихоокеанском регионе или в развитых странах северного полушария негативное воздействие на глобальный рост и торговлю будет много сильнее.

¹ World Economic Outlook: Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. Wash. DC: IMF. October 2019. 187 p.

Отметим, что традиционно во время экономических подъёмов наблюдается тенденция к вытеснению реальной экономической активности финансовым сектором, тогда как дешёвый кредит перераспределяет капитал, отвлекая ресурсы в сектора с низкой производительностью (например, сектор недвижимости). В результате во время кризисов ресурсы распределяются неравномерно, после чего экономика должна снова переориентироваться на более производительные сектора и компании, чему нередко препятствуют кредитные кризисы и дефляционное давление (Мога и др. 2019). Эти циклы также усугубляют разрыв в спросе, увеличивая неравенство, при этом меры жёсткой экономии, принимаемые в ответ на кризис, делают большинство домохозяйств беднее, усиливая разрыв со сверхбогатым 1% населения мира. С. Роч выделяет принципиальное отличие текущей рецессии мировой экономики вследствие распространения коронавируса COVID-19 от предыдущих шоков, в частности, от кризиса 2008 г., когда беспрецедентные решения со стороны Федеральной резервной системы США (ФРС) были ключевыми в устранении основного источника шока – удара по финансовой системе². В данном случае, по всей видимости, любые упреждающие решения в контексте глобальной рецессии лежат не в плоскости монетарной политики. Кроме того, Центральным банкам после кризиса 2008 г. не удалось полностью нормализовать ключевые ставки, что ограничивает их действия в текущей ситуации и показывает очередную неподготовленность экономической политики, когда каждый новый шок мировой экономики не похож на предыдущий.

Исторический опыт крупных эпидемий и стихийных бедствий убедительно свидетельствует, что краткосрочный экономический ущерб может быть существенным. Как указывает К. Смит, уже есть много случаев так называемого «многоотраслевого» воздействия всплеск инфекционных заболеваний (Smith et al. 2019), которые, помимо системы здравоохранения, охватывают такие отрасли, как туризм и путешествия, торговля и транспорт, а также экологические услуги. В результате пандемии коронавируса наблюдается неизвестный ранее интенсивный комбинированный отрицательный шок спроса и предложения, оказывающий негативное влияние на производство. По оценкам, такие двойные шоки приведут ко множественным «эффектам домино»³. Компаниям с высоким уровнем постоянных издержек грозит банкротство, вследствие чего банки, кредитовавшие эти компании, также будут испытывать серьёзные затруднения, т.е. возможен банковский кризис. «Эффекты домино» наблюдались в период кризиса 2007-2008 гг., но в настоящее время первичный шок начал-

² Roach S.S. 2020. The False Crisis Comparison. *Project Syndicate*. March 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid-19-crisis-nothing-like-2008-by-stephen-s-roach-2020-03> (accessed 18.06.2020).

³ De Grauwe P. 2020. The ECB Must Finance COVID-19 Deficits. *Project Syndicate*. March 18 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/ecb-needs-to-embrace-covid19-monetary-financing-by-paul-de-grauwe-2020-03> (accessed 18.06.2020).

ся в реальной экономике, а затем перекинулся на финансовые рынки (в 2007–2008 гг. – наоборот).

Непосредственный признак влияния пандемии на экономику – утрата доверия со стороны потребителей и инвесторов; не менее значимы дефляция активов, слабый совокупный спрос, рост долгового бремени и неравномерности распределения доходов домохозяйств.

Анализ специальной литературы позволяет систематизировать и выделить ключевые каналы разрушительных экономических последствий коронавируса:

Со стороны спроса. Снижение доходов в сочетании с изменением потребительских настроений на фоне возможных увольнений негативно повлияют на частные предприятия, особенно в сфере услуг (туризм, услуги общественного питания, индустрия развлечений). Риски и неопределённость в результате пандемии ведут к уменьшению потребления домохозяйств, поскольку откладываются сбережения «на чёрный день». Классическая монетарная политика способна устранить традиционные (кейнсианские) последствия кризиса, однако в нынешней ситуации в результате политики «количественного смягчения» (QE) и снижения процентных ставок рост совокупного спроса будет, скорее всего, умеренным, поскольку страны перегружены долгами и новых стимулов роста эффективного спроса нет. Кроме того, в условиях пандемии формируется спрос (и расходы) домохозяйств на предметы первой необходимости, что выступает дополнительным фактором неопределённости со спросом и платёжеспособностью домохозяйств в краткосрочной перспективе.

Со стороны предложения. Внезапная остановка производства в наиболее охваченных эпидемией регионах создаёт узкие места в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС), причём продолжительность и масштабы COVID-19 дают основания предполагать, что существующие запасы, которые могли временно поддержать предложение, уже исчерпаны. Массовое закрытие предприятий с нарушением ГЦСС ввиду отсутствия промежуточных ресурсов возможно даже в зонах, которые слабо подвержены распространению коронавируса. Экспорт сырья и готовой продукции начнёт резко снижаться, сказываясь на доходах и занятости. В результате пандемии возможны дефолты крупных корпораций (в первую очередь туристических и авиакомпаний, вероятно, пострадают и другие отрасли), что приведёт к замораживанию ликвидности (как это было в 2008 г.) и обесценению инвестиционных портфелей в наиболее чувствительных секторах. Как указывают эксперты, кризис ликвидности наносит ущерб прежде всего периферийным странам, имеющим собственную валюту, курс которой будет обваливаться, стимулируя бегство в резервные валюты – евро и доллар. Вследствие пандемии COVID-19 наблюдался экспоненциальный рост заболеваемости заболевания в странах «Большой семёрки», на которые приходится 60% мирового спроса и предложения (ВВП), 65% мирового производства и 41% мирового экспорта продукции обрабатывающей промышленности. Эти страны, а также Китай и Корея, самым активным образом участвуют в ГЦСС, поэто-

му их беды вызовут «заражение цепей поставок» практически во всех странах (Baldwin et al. 2020: 2).

Со стороны финансовой стабильности. Рост рисков коронавируса и бегство к ликвидным активам в условиях этого риска уже корректирует рынки акций, облигаций и валют, что привело к их резкой волатильности. В условиях этих рисков за период 2008-2019 гг. совокупный объём долга (долги частного, государственного и финансового секторов) возрос с 152 до 255 трлн долл.⁴, уже в два раза превысив мировой ВВП. В самой критической ситуации окажутся развивающиеся страны-экспортёры сырья с высоким уровнем задолженности и валютными резервами, имеющими тенденцию к снижению. Однако после кризиса 2008 г. и корпоративный сектор в развитых странах активно наращивал задолженность. По данным ОЭСР, объём непогашенных корпоративных облигаций с 2008 по конец 2019 г. удвоился, составив 13,5 трлн долл., причём на облигации без инвестиционного уровня (т.е. с низким кредитным рейтингом) приходится 25% совокупного объёма выпуска⁵. Для компаний с высоким финансовым левереджем, оказавшимся в зоне нарушения ГЦСС в связи с распространением вируса, это особенно опасно.

Таким образом, дефицит спроса в мировой экономике, обусловленный ростом неравенства в доходах, в условиях коронавируса дополняется шоками со стороны предложения (поскольку предприятия испытывают серьёзные затруднения из-за нарушений ГЦСС) и финансовой нестабильностью, усугублённой неразрешённостью долговых кризисов развивающихся стран вследствие глобальной рецессии 2008 г. Последнее исследование Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) показывает, что совокупный долг развивающихся стран в 2018 г. вдвое превысил их суммарный ВВП, и в структуре этого долга $\frac{3}{4}$ принадлежит нефинансовым корпорациям, а «иностранные теневые финансовые институты» играют немаловажную роль в накоплении данной задолженности, поэтому треть долга развивающихся стран номинирована в иностранных валютах⁶.

Негативное воздействие высокого бремени задолженности развивающихся стран (около 191% их совокупного ВВП) следует расценивать с учётом их глубокой экономической интеграции с Китаем. Эксперты ЮНКТАД на основе индекса внутриотраслевой торговли Грубеля-Ллойда провели анализ торговли КНР со странами, которые в наибольшей степени зависят от китайского экспорта товаров промежуточного потребления, и пришли к выводу, что любое

⁴ Global debt surged to a record \$250 trillion in the first half of 2019, led by the US and China. 2019. *CNBC*. November. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2019/11/15/global-debt-surged-to-a-record-250-trillion-in-the-first-half-of-2019-led-by-the-us-and-china.html> (accessed 18.06.2020).

⁵ Corporate bond debt continues to pile up. *OECD*. 2020. February 18 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/newsroom/corporate-bond-debt-continues-to-pile-up.htm> (accessed 18.06.2020).

⁶ Trade and Development Report Update. The Coronavirus Shock: a story of another global crisis foretold and what policymakers should be doing about it. 2020. *UNCTAD/GDS/INF/2020/1*. N.Y. & Geneva: UNCTAD. 9 March. P. 4.

нарушение в Китае будет ощущаться и за его пределами, даже если пандемия COVID-19 в этой стране будет остановлена, поскольку китайские поставщики имеют решающее значение для многих компаний во всём мире. Региональные ГЦСС в Северной Америки, Евросоюзе и Восточной Азии будут разрушаться, и степень этого разрушения будет зависеть от локализации вируса. Ожидается, что побочные эффекты перебоев с поставками будут различаться по секторам экономики и зависеть мер по сдерживанию пандемии в Китае⁷.

Исследователи Кильского института мировой экономики напоминают, что Китай – кредитор развивающихся стран, притом 90% кредитов Китая – суверенные, а не частные займы; в 2008–2017 гг. кредиты Китая этой группе стран возросли с 40 до 400 млрд долл. (Horn et al. 2019: 10). Если шок COVID-19 будет для экономики Китая долгосрочным, то возникнут серьёзные проблемы с долгосрочным кредитованием развивающихся стран. Поэтому чем сильнее страны финансово связаны с Китаем, тем дольше продлится у них период экономического восстановления. На наш взгляд, дополнительная уязвимость этих стран выражается в существенном уменьшении экспорта, поставок сырья и продукции промежуточного потребления, снижении туристического потока. Эти проблемы уже сказываются на занятости, и они усугубляются не только ростом и без того высокой задолженности, но и уменьшением буферных запасов капитала (в результате падения цен на нефть и снижения производства).

Анализ проблем задолженности в условиях пандемии коронавируса привлёк повышенное внимание к риску рекордного уровня долга компаний за пределами США, номинированного в долларах США. Компании-экспортёры по всему миру, чьи доходы серьёзно упали, не могут обслуживать эти долги. П. Тернер отмечает, что надвигающийся кризис в кредитной сфере был очевиден ещё до начала пандемии: в декабре 2019 г. отмечались рекордно высокие уровни долларовой задолженности (12 трлн долл., или 14% мирового ВВП; для сравнения: в 2007 г. этот показатель составлял 10%). Кроме того, объём выпуска долларовых облигаций «неамериканских небанковских организаций (включая Китай и другие развивающиеся страны) составляет 7 трлн долл., что втрое превышает уровень 2007 г.»⁸. В условиях снижения доходов от участия в международной торговле многие корпорации могут начать глобальную борьбу за долларовую ликвидность (например, снимать свои депозиты, активировать кредитные линии), что разрушит созданные банками буферы ликвидности, и они будут сокращать кредитование даже быстрее, чем в период глобальной рецессии 2008 г., поскольку новые правила ликвидности «Базель-3» облегчают банкам отзыв кредитных линий. Кроме того, банки примут участие в распродаже риско-

⁷ Global trade impact of the coronavirus (COVID-19) epidemic. 2020. UNCTAD/DITC/INF/2020/1. N.Y. & Geneva: UNCTAD. 4 March. P. 6.

⁸ Turner P. 2020. Containing the Dollar Credit Crunch. *Project Syndicate*. March 18 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-dollar-debt-crisis-by-philip-turner-2020-03> (accessed 18.06.2020).

вых активов и будут требовать большего объёма залога от заёмщиков, учитывая волатильность на рынках.

После череды банкротств банковских учреждений дефляционное давление на мировую экономику может только усилиться, и тогда будет недостаточно снижения процентных ставок, поскольку рост корпоративной долларовой задолженности велик, а падение доходов корпораций существенно. Среди центральных банков стран лишь ФРС США может обеспечить необходимые объёмы долларовой ликвидности, что подтверждается его эффективными действиями в 2007-2008 гг., однако в настоящее время полномочия ФРС как кредитора последней инстанции существенно уменьшены. Кроме того, грядущий кризис ликвидности будет наблюдаться на рынках долларовых облигаций, эмитированных неамериканскими компаниями, и ФРС вряд ли будет помогать зарубежным компаниям с высоким уровнем долларовых долгов.

Эксперты Азиатского банка развития (Abiad et al. 2020) в качестве каналов воздействия COVID-19 на экономическую активность в странах, охваченных пандемией, выделяют: временное снижение внутреннего потребления и инвестиций, туризма и деловых поездок, а также ослабление спроса на другие секторы через торговые и производственные связи; сбои со стороны предложения, а также последствия для здоровья (рост заболеваемости и смертности) и изменение расходов на здравоохранение.

Оценки последствий COVID-19 важно проводить также в контексте экономической глобализации, исходя из предположения, что растущая пандемия может усилить национализм, изоляционизм и способствовать отступлению от экономической глобализации. Но и напротив, пандемия может привести к всплеску международного сотрудничества, по аналогии с периодом после окончания Второй мировой войны. В любом случае, COVID-19 может быть охарактеризован как кризис глобального управления и глобализации, восприятие и роль которых в будущем существенно изменятся. В результате 50-летнего роста взаимосвязанности мир был открыт для трансграничных потоков товаров/услуг, капитала, людей и данных, но в итоге мировая экономика стала уязвимой и хрупкой. Существующая глобальная социально-экономическая инфраструктура ориентирована на максимизацию эффективности за счёт международной специализации и масштаба; эти процессы позволили многим странам выйти из нищеты, однако в последующем привели к росту неравенства в доходах.

Такая система особенно уязвима перед эпидемиями, стихийными бедствиями и прочими потрясениями, поскольку важнейшие функциональные роли в этой системе чрезмерно сконцентрированы, и шоки, испытываемые центрами (например, Китаем или США) могут парализовать всю мировую экономику: именно поэтому рецессия 2008 г. была столь разрушительной, а COVID-19 может иметь и более серьёзные экономические последствия. К. Рогофф отмечает, что в экономике Китая рецессия уже началась ввиду её закредитованности

и дефицита средств у домохозяйств и бизнеса для выплаты больших долгов⁹, причём отрицательные тенденции усиливаются ввиду негативной демографической ситуации, что приведёт к замедлению экономического роста Китая в ближайшие годы.

В сложившихся условиях все пострадавшие страны будут расходовать огромные средства, что приведёт к росту дефицита бюджета. Опасность неограниченных расходов в периоды экономического бума заключается в том, что эти средства могут быть потрачены в случае рецессий, пандемий и пр. Однако предыдущие рецессии были вызваны падением спроса, а кризис на стороне снижения предложения обуславливает ещё и повсеместный дефицит, усиливающий инфляцию, которая в последние десятилетия была низкой вследствие экономической глобализации. Отступление от последней под воздействием COVID-19 обязательно окажет повышательное давление на цены (хотя бы из-за нарушения международной торговли, где свободный от тарифов импорт позволяет удерживать цены на низком уровне). Рост инфляции может привести к росту процентных ставок, создавая всё новые проблемы (Лукьянов и др. 2019).

В литературе пока приводятся незначительные оценки экономических последствий коронавируса для разных стран. Так, имеются оценки, что в ходе эпидемии ВВП Китая ежеквартально снижается на 2–4%, что обусловлено ущербом производству и потреблению со стороны ограниченной мобильности. Уже наметились некоторые признаки восстановления экономики Китая, хотя этот процесс во многом зависит от сроков завершения пандемии в странах, являющихся его основными торговыми и инвестиционными партнёрами. Следует учесть, что экономика Китая стала менее зависимой от торговли со времён атипичной пневмонии 2003 г., имеет опыт преодоления экономических последствий и сравнительно безболезненного восстановления после эпидемий. Более того, Китай достиг большого прогресса в цифровой экономике: до 35% розничных продаж осуществляется онлайн; системы мобильных платежей – самые передовые в мире. Большинство предприятий и людей подключены и эффективно встроены в цифровые платформы и их экосистемы. Данный аспект чрезвычайно важен в условиях пандемии, ограничивающей физическую мобильность, поскольку позволяет работать в удалённом режиме даже в условиях карантина. Онлайн-платформы упрощают образовательную деятельность, облегчают заказ и доставку лекарств, диверсифицируют страховые продукты, защищают от монопольного взвинчивания цен, ограничивающего доступ к товарам (так, компания *Amazon* уже предупредила продавцов, что в случае повышения цен на медицинские маски они будут отключены от платформ). То, что всё большая часть экономики становится цифровой и выводится в онлайн (Смирнов, Лукья-

⁹ Rogoff K. 2020. That 1970s Feeling. *Project Syndicate*. March 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/next-global-recession-hits-the-supply-side-by-kenneth-rogooff-2020-03> (accessed 18.06.2020).

нов 2019), позволяет точнее отслеживать её производительность и своевременно адаптировать меры экономической политики, повышая точность прогнозов и доверие со стороны бизнеса, стимулируя тем самым инвестиции и ускоряя восстановление экономики.

Гораздо менее определённой видится ситуация в экономике Европейского союза. Со времен Шарля де Голля Европа стремилась к построению внутренних свободных рынков, причём рынков, ничем не ограниченных: сформированы сами рынки, институты экономической интеграции и прочая соответствующая атрибутика. Рынки и институты работали достаточно эффективно, несмотря на то, что в отношении евроинтеграции всегда было множество скептиков. Нынешний кризис показывает не то чтобы несостоятельность панъевропейских институтов, а скорее отсутствие надёжных общеевропейских механизмов противодействия такого рода кризисам. Дело даже не в том, что страны отгораживаются друг от друга физическими барьерами (хотя это тоже весьма значительно), а в отсутствии скоординированного фискального ответа на рецессионные вызовы и последствия пандемии. При этом крупнейшие экономики, Германия и Франция, предложили в мае сформировать пакет финансовой помощи частному сектору в размере 500 млрд евро в виде крупных кредитов и отсрочек по уплате налогов для восстановления экономики после пандемии. Однако такие меры (как и десятилетие назад) предпринимаются по причине недопонимания макроэкономической природы кризиса: в настоящее время, как и ранее, домохозяйства и компании столкнулись с проблемой несостоятельности, а не с проблемой отсутствия ликвидности.

В последних документах ЕС указывается, что со времени последнего финансового кризиса Союз обеспечил себя надёжными инструментами для поддержки государств-членов и обеспечения стабильности финансовых рынков, и Брюссель сделает всё возможное, чтобы минимизировать последствия COVID-19, руководствуясь духом солидарности¹⁰. Учитывая барьеры, которыми страны ЕС отгораживаются друг от друга, эти высказывания выглядят скорее популистскими. Кроме того, по правилам ЕС организация и обеспечение здравоохранения остаётся прерогативой стран-членов, а общеевропейская политика лишь дополняет национальную. На наш взгляд, именно в этом кроется основная причина, по которой даже на уровне медицины в ЕС в части противодействия пандемии пока нет общего подхода. Обмена передовым опытом в рамках исследовательской программы Горизонт-2020 и Европейского фонда стратегических инвестиций в условиях необходимости молниеносного реагирования в сложившейся ситуации явно недостаточно. Инициативы наднациональных органов регулирования ЕС (Delivorias, Scholz 2020: 7-8), были приняты, на наш

¹⁰ *Communication from the Commission of the European Parliament, the European Council, the Council, the European Central Bank, the European Investment Bank and the Eurogroup.* Brussels. 13.3.2020 COM(2020) 112 final. P. 11.

взгляд, слишком поздно, когда коронавирус уже широко распространился по территории региона.

Мировую экономику в целом текущий кризис побуждает к разработке механизмов противодействия синхронизированным спадам, которые всегда продолжительнее и глубже, чем спады, затрагивающие отдельные национальные экономики. Пока неясно, сможет ли противостоять кризису Евросоюз с его открытым внутренним рынком, на котором синхронизированные спады проявляются особенно болезненно. К тому же возможности принимать эффективные ответные меры и противостоять неизбежному экономическому ущербу различаются по странам. Рецессия 2008 г. поставила под угрозу выживание еврозоны, усилив риск её финансовой сегментации, поэтому ЕС необходимо скоординированное финансовое стимулирование, а такого инструмента для поддержки стран-членов в условиях серьёзных потрясений пока не создано.

С этой точки зрения, пандемия коронавируса – это возможность создать на уровне ЕС мощный механизм управления кризисом, который бы интегрировал ресурсы стран-членов и направил их в сферу скоординированной налогово-бюджетной политики. Нынешний геополитический контекст должен усилить мотивацию и потенциал ЕС по урегулированию кризисов, поскольку в 2008 г. преобладало международное сотрудничество, а США были надёжным партнёром Европы (в т.ч. в части помощи по линии обеспечения финансовой стабильности). Сегодня доминирует политика изоляционизма, но при ведущей роли США, которые, в частности, снизили процентную ставку, даже не проводя многосторонних консультаций по данному вопросу.

Концептуальные основы сглаживания негативных экономических последствий коронавируса

При эпидемиях или стихийных бедствиях важна быстрота достижения желаемых целей, поскольку если экономический ущерб не будет быстро устранён, это приведёт к падению уровня жизни и остановит восстановление производства. В макроэкономической политике уже признана целесообразность дефицитного государственного бюджета: когда процентные ставки низки, а в экономике есть избыточные сбережения, дефицитное финансирование государственных расходов способствует улучшению благосостояния. Так, например, правительство Китая уже ослабило монетарную политику в результате пандемии, чтобы воздействовать на ключевые сферы реального сектора экономики, прежде всего, на производство и транспорт. Всегда есть скептики, выступающие против немедленного финансирования расходов (в данном случае на преодоление последствий кризиса), считая, что правительству необходимо ограничивать бюджетный дефицит. Очень важно принимать во внимание, что эпидемия началась при низких темпах роста мировой экономики в условиях высокой задолженности, поэтому шансы глобальной экономической рецессии

намного возросли. Помимо мер фискального реагирования, правительствам необходимо добиться смягчения шока в ГЦСС и снизить введенные в рамках торговых конфликтов пошлины.

При разработке любых экономических мер противодействия последствиям пандемии следует исходить из того, что мировой экономике не удалось окончательно оправиться от глобальной рецессии 2008 года, поскольку не были решены основные причины этого кризиса; мир накопил ещё больше долгов, доверие к глобальной инвестиционной и торговой системе подорвано. Как отмечает Р. Райан¹¹, угроза повтора таких пандемий сигнализирует об угрозе экономических изоляций государств.

Отрицательное воздействие пандемии на доходы мировой экономики за 2020 год ЮНКТАД оценивает примерно в 1 трлн долл.¹², однако многое зависит от: скорости распространения вируса; изготовления вакцины; эффективности политики по уменьшению медицинского и экономического ущерба. Если экономический кризис окажется краткосрочным, в качестве реакции теоретически возможна традиционная комбинация адаптивной денежно-кредитной политики (в идеале – ограниченного сокращения ставки центральных банков, но возможно – и в виде неортодоксальных мер по снижению долгосрочных процентных ставок) с автоматическими финансовыми стабилизаторами. Однако если кризис будет продолжительным, понадобятся инъекции ликвидности со стороны центральных банков, более активная финансовая политика, а также усилия по поддержке политики свободной торговли и иностранных инвестиций. В первом случае восстановление примет V-форму, а во втором – U-форму (как это имело место в случае мирового энергетического кризиса 1970-х гг.). Чтобы эффективно реагировать на экономические последствия Covid-19, необходима не только активная целевая макроэкономическая политика, но и институциональные реформы для обеспечения устойчивого роста, направленные на предотвращение подобных шоков в будущем.

В рамках денежно-кредитной политики государства уже предпринимают определённые меры противодействия негативным экономическим последствиям пандемии. Так, в марте 2020 г. ФРС анонсировало следующие меры: 1) снижение ставки ФРС до почти нулевого уровня, что значительно снизит предельную стоимость банковских займов для домохозяйств и корпораций; 2) перезапуск программы QE и увеличение в ближайшие месяцы вложений в казначейские бумаги минимум на 500 млрд долл., а в ипотечные бумаги национальных ипотечных ассоциаций – минимум на 200 млрд долл.; 3) смягчение требований к ликвидности и капиталу банков; 4) планы по скоординированной политике с

¹¹ Rajan R.G. 2020. The Pandemic Stress Test. *Project Syndicate*. March 13 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-economic-weaknesses-by-raghuram-rajn-2020-03> (accessed 18.06.2020).

¹² Trade and Development Report Update. The Coronavirus Shock: a story of another global crisis foretold and what policymakers should be doing about it. 2020. *UNCTAD/GDS/INF/2020/1*. N.Y. & Geneva: UNCTAD. 9 March. P 1.

центральными банками Канады, Великобритании, Японии, Швейцарии и Европейского центрального банка (ЕЦБ) для обеспечения долларовой ликвидности. Положительным сигналом можно считать признание США необходимости многостороннего регулирования мировой финансовой системы. Денежно-кредитная политика стран, по мнению экспертов ОЭСР, должна оставаться гибкой и носить поддерживающий характер, обеспечивая низкий уровень долгосрочных процентных ставок, которые позволят активнее использовать дискреционную фискальную политику для стимулирования краткосрочного спроса и смягчения воздействия пандемии на наиболее уязвимые компании и слои населения¹³. Кроме того, низкие процентные ставки делают экономически эффективными государственные инвестиции в здравоохранение, образование, экологическую и цифровую инфраструктуру.

Пока неясно, как будет решаться проблема чрезмерной долговой нагрузки. Видится обоснованным предположение Р. Даггера о предстоящем существенном снижении темпов экономического роста вследствие роста государственного долга. Долговая проблема США приводит к более активным интервенциям ФРС на рынках госдолга (покупка облигаций, политика «количественного смягчения») для предотвращения роста процентных ставок и торможения национальной экономики ввиду огромного дефицита бюджета¹⁴. По нашему мнению, как и в период предыдущего кризиса, проблема долларовой ликвидности будет ключевой, что потребует согласованной политики правительств и центральных банков. Многие банки столкнутся с дефолтом по своим долларовым долгам, поэтому регуляторам придётся ослабить правила в отношении ликвидности и капитала банков, ЕЦБ пошёл на это в начале марта 2020 г. Глобальная череда корпоративных дефолтов представляет собой серьёзный вызов для мировой финансовой системы, поэтому очень важна немедленная и прямая помощь компаниям, пострадавшим от пандемии. Смягчение регулирующей политики должно касаться прежде всего ограничений на государственную помощь и налоговых правил: правительствам необходимо предоставлять гарантии банкам, кредитующим проблемные компании, и это особенно актуально в еврозоне.

Спасение предприятий от банкротства, будь то путём субсидирования или финансовой поддержки, в период снижения налоговых доходов неизбежно приведёт к стремительному росту государственного долга и дефицита бюджета. Во многих странах ЕС это осложнит проведение масштабных фискальных экспансий в помощь домохозяйствам и компаниям. Основной риск будет заключаться в том, что правительства будут поддерживать бедные домохозяйства, неликвидные банки и несостоятельные компании. Чтобы предотвратить панику на

¹³ Coronavirus: The world economy at risk. 2020. *OECD Interim Economic Assessment*. Paris: OECD. March 2. P. 14.

¹⁴ Ahn D., Dugger R.H. 2020. The US Federal Reserve's Debt Purchases Are a Warning. *Project Syndicate*. March 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-debt-warning-for-future-generations-by-david-ahn-and-robert-dugger-1-2020-03> (accessed 18.06.2020).

рынке облигаций из-за наращивания правительствами облигационных займов (такая ситуация наблюдалась в 2010–2012 гг.), ЕЦБ обязался быть кредитором последней инстанции для банков Европы и возобновил программу «количественного смягчения», за счёт которой ЕЦБ будет покупать дополнительные государственные облигации на вторичном рынке. Однако программы QE будет недостаточно, и постепенно ЕЦБ придётся начать выпуск денег для финансирования дефицита бюджета стран-членов.

Такую политику «денежного» финансирования бюджетного дефицита могут быстро перенять центральные банки других стран, поскольку её преимущество состоит в отсутствии необходимости для правительств выпускать новые долги. Монетизация нового долга будет означать, что отношение государственного долга к ВВП не изменится. Ограничения по применению политики «денежного» финансирования дефицитов бюджетов стран-членов сводятся к двум контекстам: 1) в Договоре о функционировании ЕС прописан запрет для ЕЦБ применять такую политику – можно ожидать, впрочем, что будут изысканы возможности преодолеть этот запрет; 2) рост инфляции – однако следует учитывать, что ЕС в настоящее время стоит перед дефляционной спиралью, поэтому применение указанной политики может способствовать преодолению дефляционного цикла.

Не стоит забывать, что пандемия COVID-19, в отличие от рецессии 2008 г., есть кризис реальной экономики, вызывающий, как мы указали выше, одновременные шоки на стороне спроса и предложения, а также негативные последствия для финансовой системы, игнорирование которых означает увеличение ущерба в реальном секторе. Поэтому важно обеспечить доступное финансирование компаниям и домохозяйствам, которые столкнулись с уменьшением и даже исчезновением источников доходов. Ключевая проблема заключается в том, что кредитоспособность многих заёмщиков ухудшится, так что для предотвращения массовых банкротств и дефолтов нужны следующие инструменты: 1) квазибюджетные интервенции (кредиты для компаний, которые не соответствуют «нормальным» критериям кредитоспособности) и кредитные гарантии; 2) целевое бюджетное стимулирование (например, для больничных работников; родителей, вынужденных оставаться дома ввиду закрытия школ и пр.); 3) рост государственных расходов и целевых налоговых льгот для компенсации издержек нарушения работы ГЦСС.

Важным вызовом при разработке мер противодействия COVID-19 представляется отсутствие многостороннего подхода, в отличие от реакции на экономические рецессии 2003-го (атипичная пневмония), 2008-го (глобальный финансовый кризис), 2009-го (свиной грипп), 2012-го (MERS) и 2014-2016 (вирус Эбола) годов. Как показывает анализ литературы, экономические спады последних лет всегда решались путём многостороннего сотрудничества, примером чему служит, в частности, отказ стран «Большой двадцатки» от торгового протекционизма с одновременным обязательством проведения денежной

и фискальной экспансии. Потребность в быстрой многосторонней реакции особенно важна, поскольку настоящий кризис выглядит более грозным: пандемия комбинируется с существовавшим ранее кризисным давлением; ситуация осложняется существенным снижением цен на нефть и глубокими нарушениями международной торговли. Отсутствие многосторонних договорённостей привело к заметному снижению цен на нефть; это благоприятно для стран-импортёров, но перед нефтедобывающими компаниями США встала проблема обслуживания заимствований, что означает снижение инвестиций и рост необслуживаемых долгов, которые понижательно скажутся на экономической динамике в целом.

Отсутствие порядка в многостороннем регулировании внешней торговли выражается в том, что почти все партнёры США столкнулись с повышенными импортными тарифами США. Торговый конфликт с Китаем тоже не угадает; неизвестно, будут ли США вводить новые тарифы, вследствие чего импортёры почти не наращивают в Китае свои производственные мощности. Иными словами, протекционизм США во внешней торговле продолжает негативно сказываться на международных инвестициях и глобальных цепочках поставок.

Поэтому для смягчения экономических последствий пандемии недостаточно использовать монетарные и фискальные стимулы: важны глобальная многосторонняя реакция и координация. Только возврат к многосторонним торговым переговорам может способствовать росту инвестиций, которые в условиях пандемии обрушиваются сильнее, чем международная торговля (этот тезис мы объясняем природой самих инвестиций, которые часто требуют физического присутствия инвесторов и инвестиций в стране-реципиенте, в отличие от международной торговли, весомая часть которой уже осуществляется на онлайн-платформах, функционирующих и в условиях пандемии).

В условиях пандемии мировая экономика должна быть переориентирована в финансово стабильном и инклюзивном направлении. Негативное воздействие пандемии на расходы домохозяйств и корпораций может быть скорректировано увеличением спроса со стороны правительства на товары и услуги, по которым не испытывается дефицит, например, на социальные услуги и строительство. Чтобы стабилизировать экономическое развитие, правительства должны наращивать расходы до того, пока спрос и занятость в частном секторе не вернутся к нормальным темпам роста. Реальная проблема, с которой сталкивается мировая экономика (даже с учётом разрушения многих ГЦСС) – государственные расходы на инвестиции в физическую и социальную инфраструктуру, исследования и инновации. Кроме того, растущее в течение десятилетий неравенство подрывало покупательную способность большинства домохозяйств, что в условиях пандемии ставит дополнительный барьер на пути восстановления экономики. Поддерживая рост занятости, государственные расходы стимулируют рост заработной платы. Более строгое регулирование рынка труда также значимо, поскольку оно поддерживает возможность получения гарантированных

доходов. Центральные банки должны направлять кредиты на производство и создание рабочих мест, а не на финансовые спекуляции; предлагать правительствам недорогие инструменты хеджирования для управления валютными рисками вследствие глобальных потрясений. Необходимо отказаться от снижения ставок корпоративных налогов и предельных ставок налогов, выплачиваемых богатыми. Возврат к прогрессивному налогообложению и снижение зависимости от налогов на добавленную стоимость представляется наиболее целесообразным для стимулирования расходов частного сектора.

По оценкам, комплексная фискальная компенсация потерь доходов в результате эпидемии COVID-19 составит до 10% мирового ВВП и до 25% ВВП США и стран ЕС. Основное социально-экономическое последствие во всех крупных экономиках – обещание фактически неограниченных компенсаций потерянных доходов, что предполагается выполнять за счёт фискальных трансфертов на государственном уровне и долгосрочных кредитов с нулевыми процентными ставками на уровне корпораций; последнее приведёт также к влиянию дополнительной ликвидности. Противодействие кризису при помощи беспроцентного долгового финансирования и мер по снижению инфляции уже использовалось правительствами в 2008–2009 гг., но эти механизмы направлены на обеспечение стабильности финансовой системы, а не на укрепление экономического роста. Поэтому ведутся дискуссии по поводу экономической динамики: насколько после преодоления пандемии будет необходима высокая экономическая активность – ведь она может усугубить кризис системы здравоохранения. Более того, любые меры денежно-кредитной политики в сложившейся ситуации не способны стимулировать экономический рост и экономическую активность.

Во многих странах для финансирования убытков странам придётся увеличить уровень своей долговой нагрузки по отношению к ВВП, но это почти невозможно в Италии с её высоким уровнем задолженности. Оптимизм по поводу новых долгов обусловлен опять же краткосрочными (до двух лет) нулевыми ставками, которые никак не повлияют на платёжеспособность и затраты на обслуживание долга. Здесь следует учесть фундаментальные различия между разовыми бюджетными трансфертами (даже чрезмерно большими) и финансовыми стимулами посредством снижения налогов и обязательств по расходам, постоянно увеличивающим дефицит бюджета. По оценкам А. Калецки, разовый трансферт в размере 25% ВВП нанесёт меньший ущерб долгосрочной платёжеспособности страны, нежели снижение налогов на 1–2% ВВП либо новые долгосрочные обязательства, которые изменят структуру бюджета на десятилетия вперёд¹⁵.

¹⁵ Kaletsky A. 2020. Averting Economic Disaster Is the Easy Part. *Project Syndicate*. March 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/government-compensation-for-covid-19-losses-by-anatole-kaletsky-2020-03> (accessed 18.06.2020).

Помимо прочего, центральные банки могут усилить программы QE для поглощения дополнительной эмиссии долгов. Наконец, для предприятий и работников может быть предусмотрена компенсация в виде «вертолётных денег», когда реализуются меры фискального стимулирования, включая прямые платежи работникам и предприятиям за счёт инфляции, а не через увеличение налогов и заимствований (эта концепция стала популярной в последние годы и предлагается для стран, столкнувшихся с низкими темпами экономического роста и приближающихся к рецессии). Мы не склонны считать подобные реанимационные мероприятия высокоэффективными, однако, во-первых, их вполне можно краткосрочно использовать для оживления экономики, во-вторых, это известный инструмент, доказавший свою полезность (например, субсидирование и компенсаций сельскохозяйственных предприятий в результате торговых конфликтов или стихийных бедствий). В отличие от 2008 г., в нынешней ситуации компенсации не будут иметь целевого характера и будут выплачиваться не только на некоторых финансовых рынках и избранным компаниям, а более широкому кругу акторов.

Современная ситуация показывает также, что, несмотря на высокий уровень экономической глобализации, национальные экономики настроены протекционистски. Экономическая глобализация способствовала получению выгод всеми группами стран за счёт участия в международной торговле и ГЦСС, но глобализация была настроена на количественный экономический рост, а не на его качество. Противодействие кризису 2008 г. происходило исключительно исходя из количественных параметров экономического роста, не учитывая недостатки его качества. Бюджетные и монетарные меры способны нивелировать краткосрочные экономические проблемы, но не смягчить последствия эпидемии. Для преодоления текущего кризиса могут быть предприняты меры, нацеленные на повышение надёжности экономических систем, которые в итоге приведут к ослаблению глобализации и усилению изоляционизма (например, в торговле, туризме, финансовой сфере). И даже в условиях нарастания изоляционизма актуализируется потребность в расширении глобального сотрудничества, которое в экономике может предполагать встраивание фактора функциональной избыточности в сложные системы (финансы, ГЦСС), чтобы центральные узлы не стали узкими местами, а отдельные сбои не позволили системам разрушаться.

В дальнейшем исследования экономики пандемий должны в большей степени концентрироваться на оценке возможностей отдельных стран противодействовать вспышкам эпидемий. Теоретически, эти возможности детерминированы уровнем социально-экономического развития стран, однако случай Италии это опровергает, поэтому мы вновь возвращаемся к необходимости обширного международного сотрудничества. COVID-19 почти не охватывает наименее развитые страны, но даже с учётом того, что ведущие экономики располагают возможностями противодействия пандемии, характер распространения инфекции

разрушает сложившиеся «государства всеобщего благоденствия», перечёркивая многие достижения последних десятилетий. Парадоксальным образом развивающиеся страны успешнее противостоят пандемии, поскольку они постоянно сталкиваются с серьёзными социально-экономическими и общественно-политическими проблемами и вызовами.

Об авторе:

Евгений Николаевич Смирнов – доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений, Государственный университет управления. 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99. E-mail: smirnov_en@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: March 25, 2020

Accepted: April 17, 2020

“The World Economy of Coronavirus”: Search for Optimal Ways to Overcome the Consequences of the Crisis

E.N. Smirnov

DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-243-266

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract: The current pandemic of COVID-19 has already become a test of strength for world economy and institutions of global economic regulation. The main goal of the article is to review existing research on the economy of pandemics focusing on COVID-19, and to develop a conceptual framework for further assessment of negative impact of COVID-19 on the economies of the world and ways to minimize this impact on economic development. The author's methodological approach goes beyond the traditional interpretation of the pandemic economy; we use the term “coronavirus global economy” to show the unprecedented and comprehensive impact of a pandemic on the development of the world economy, the movement of factors of production, economic integration and economic growth. Under these conditions, many theories of economic development, the mechanisms of trade and investment policies need to be seriously reevaluated. The review shows that the increasing negative impact of COVID-19 on the global economy lies in the fact that it has not managed to recover from the global crisis of 2008 and was in a “pre-recession” state; the preparedness of countries to counter the pandemic was extremely low, and the institutions of international cooperation were paralyzed failing to develop measures to effectively protect against the current consequences of COVID-19. The review of the literature demonstrates the uniqueness of the current pandemic in terms of negative effects on both the supply and demand side of the global financial system, which is especially aggravated by the high

debt burden of many countries. Globalization is considered to be the main determinant of the high spread of the coronavirus pandemic in both the medical and economic contexts, but at the same time, states remain fragmented and protectionist in terms of combating the pandemic.

Key words: pandemic; coronavirus; economic growth; COVID-19; economic policy; international cooperation

About the author:

Evgeny N. Smirnov – Doctor of Economics, professor, Deputy Head of the Economic World Economy and International Economic Relations Department, State University of Management. Moscow, Ryazanskiy avenue 99. E-mail: smirnov_en@mail.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Abiad A., Arazo M. et al. 2020. The Economic Impact of the COVID-19 Outbreak on Developing Asia. *ADB Briefs*. №128. Asian Development Bank. March 6. 14 p.
- Arndt C., Lewis J.D. 2001. The HIV/AIDS Pandemic in South Africa: Sectoral Impacts and Unemployment. *Journal of International Development*. 13(4). P. 427-449.
- Baldwin R., Weder di Mauro B. (eds.). 2020. *Economics in the Time of COVID-19*. London: A VoxEU.org Book, CEPR Press. 115 p.
- Beck T. 2020. Finance in the times of coronavirus. *Economics in the Time of COVID-19*. Baldwin R. Weder di Mauro B. (eds.). London: A VoxEU.org Book, CEPR Press. 115 p.
- Bell C., Devarajan S., Hersbach H. 2004. Thinking about the Long-Run Economic Costs of AIDS. *The Macroeconomics of HIV/AIDS*. M. Haacker (eds). Washington, DC: IMF. P. 96-144.
- Bloom E.V. d. Wit et al. 2005. Potential economic impact of an Avian Flu pandemic on Asia. *ERD Policy Brief Series*. №42. Manila: Asian Development Bank. 14 p.
- Bloom D.E., Canning D. 2006. Epidemics and Economics. *PGDA Working Paper*. №9. Program of the Global Demography of Aging. 27 p.
- Bloom D.E., Cadarette D., Sevilla J.P. 2018. Epidemics and Economics, *Finance and Development*. 55(2). P. 46-49.
- Bouey J. 2020. *Assessment of COVID-19's Impact on Small and Medium-Sized Enterprises. Implications from China*. Santa Monica, California: RAND Corporation. March 10. 13 p.
- Brahmbhatt M., Dutta A. 2008. On SARS Type Economic Effects during Infectious Disease Outbreaks. *Policy Research Working Paper*. №4466., Washington, DC: The World Bank. 28 p.
- Delivorias A., Scholz N. 2020. *Economic impact of epidemics and pandemics*, European Parliamentary Research Service (EPRS). European Union. February. 10 p.
- Fan V.Y., Jamison D.T., Summers L.H. 2018. Pandemic Risk: How Large are the Expected Losses? *Bull World Health Organ*. Vol. 96. P. 129-134. DOI: 10.2471/BLT.17.199588
- Haacker M. (ed.). 2004. *The Macroeconomics of HIV/AIDS*. Washington, DC: IMF. 344 p.
- Horn S., Reinhart C.M., Trebesch C. 2019. China's Overseas Lending. *Kiel Working Paper*. №2132. Kiel: Kiel Institute for the World Economy (IfW). 64 p.
- Jonung L., Werner R. 2006. The Macroeconomic Effects of a Pandemic in Europe – A Model-Based Assessment. *Directorate-General for Economic and Financial Affairs Economic Paper*. №251. Brussels: European Commission. 21 p.

Kostova D., Cassell C.H., Redd J.T., Williams D.E., Singh T., Martel L.D., Bunnell R.E. 2019. Long-Distance Effects of Epidemics: Assessing the Link between the 2014 West Africa Ebola outbreak and U.S. Exports and Employment. *Health Economics*. 28(11). P. 1248-1261. DOI: 10.1002/hec.3938

Levine D.I., McKibbin W. 2020. *Simple steps to reduce the odds of a global catastrophe*. The Brookings Institution. February 19.

Liu J-T., Hammit J.K., Wang J-D., Tsou M-W. 2005. Valuation of the Risk of SARS in Taiwan. *Health Economics*. 14(1). P. 83-91.

McKibbin W., Roshen F. 2020. The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios. *CAMA Working Paper 19/2020*. Australian National University. 43 p.

McKibbin W., Sidorenko A. 2006. Global Macroeconomic Consequences of Pandemic Influenza. *Lowy Institute Analysis*. February. 79 p.

Robalino D. A., Jenkins C. et al. 2002. The Risks and Macroeconomic Impact of HIV/AIDS in the Middle East and North Africa: Why Waiting to Intervene Can Be Costly. *Policy Research Working Paper Series*. №2874. The World Bank. 36 p.

Smith K.M. et al. 2019. Infectious Disease and Economics: The Case for Considering Multi-Sectoral Impacts. *One Health*. Vol. 7, 100080. DOI:10.1016/j.onehlt.2018.100080.

Sui A., Wong Y. 2004. Economic Impact of SARS: The Case of Hong-Kong. *Asian Economic Papers*. 3(1). P. 62-83.

Zandi M. 2020. *Coronavirus: The Global Economic Threat*, Moody's Analytics, February.

Dolgov S.A., Savinov Yu.A. 2020. Vliyaniye vspyshki novogo koronavirusa na mezhdunarodnyuyu torgovlyu [Impact of the Outbreak of the New Coronavirus on International Trade]. *Rossiyskij vneshneekonomicheskij vestnik*. №2. P. 7-18. (In Russian).

Karelina E.A. 2020. Vozmozhnosti formirovaniya effektivnykh cifrovyyh platform i ekosistem v razvivayushchihsya stranah [Opportunities for Building Effective Digital Platforms and Ecosystems in Developing Countries]. *E-management*. 3(1). P. 59-67. DOI: 10.26425/2658-3445-2020-1-59-67. (In Russian).

Luk'yanov S.A., Smirnov E.N., Pas'ko A.V. 2019. Inflyatsiya i strukturno-hozyajstvennyye disbalansy: predely i instrumentarij garmonizatsii [Inflation and Structural and Economic Imbalances: Limits and Instruments of Harmonization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 63(4). P. 116-122. (In Russian).

Moga P.S., Pasko A.V. et al. 2019. *Strategii razvitiya mezhdunarodnogo menedzhmenta v usloviyakh globalizatsii* [Strategies for the Development of International Management in the Context of Globalization]. Stavropol: Logos. 301 p. (In Russian).

Savinov Y.A., Kirillov V.N., Taranovskaya E.V. 2020. Srochno v nomer: vliyaniye kitajskogo koronavirusa na mirovuyu ekonomiku i torgovlyu [Urgent Issue: The Impact of the Chinese Coronavirus on the World Economy and Trade]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*. №2. P. 63-71. DOI: 10.33920/vne-04-2002-06. (In Russian).

Smirnov E.N., Luk'yanov S.A. 2019. Formirovaniye i razvitiye global'nogo rynka sistem iskusstvennogo intellekta [Formation and Development of the Global Market for Artificial Intelligence Systems]. *Ekonomika regiona*. №1. P. 57-69 DOI: 10.17059/2019-1-5. (In Russian).

Литература на русском языке:

Долгов С.А., Савинов Ю.А. 2020. Влияние вспышки нового коронавируса на международную торговлю. *Российский внешнеэкономический вестник*. № 2. С. 7-18.

Карелина Е.А. 2020. Возможности формирования эффективных цифровых платформ и экосистем в развивающихся странах. *E-management*. 3(1). С. 59-67. DOI: 10.26425/2658-3445-2020-1-59-67

Лукьянов С.А., Смирнов Е.Н., Пасько А.В. 2019. Инфляция и структурно-хозяйственные дисбалансы: пределы и инструментарий гармонизации. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(4). С. 116-122.

Мога И.С., Пасько А.В. и др. 2019. *Стратегии развития международного менеджмента в условиях глобализации*: монография. Ставрополь: Изд. Центр «Логос». 301 с.

Савинов Ю.А., Кириллов В.Н., Тарановская Е.В. 2020. Срочно в номер: влияние китайского коронавируса на мировую экономику и торговлю. *Международная экономика*. №2. С. 63-71. DOI: 10.33920/vne-04-2002-06

Смирнов Е.Н., Лукьянов С.А. 2019. Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта. *Экономика региона*. 15(1). С. 57-69. DOI: 10.17059/2019-1-5

Роль глобальных платформ в стимулировании цифровой трансформации: компетенционный и инновационный аспекты

И.В. Данилин, З.А. Мамедьяров

Институт мировой экономики и международных отношений РАН

На фоне роста значимости информационно-коммуникационных технологий в последнее десятилетие сформировались основы цифровой экономики, наиболее крупным и важным сегментом которой стали интернет-платформы. По мнению авторов, одна из ключевых проблем, связанных с развитием цифровой экономики и функционированием интернет-платформ, состоит в диффузии существующих (особенно связанных с новыми институтами, нормами и практиками), а также генерации новых компетенций – необходимых в цифровой экономике навыков работников, пользователей и компаний-партнёров. В статье проанализирована роль платформ в этом процессе и выделены основные каналы диффузии компетенций. Определены индивидуальное, организационное и институциональное измерения данных процессов. В первом случае речь идёт о наработке компетенций пользователей – как базовых, так и специализированных, во втором – о распространении организационных и институциональных компетенций и лучших практик среди компаний-партнёров и участников корпоративных экосистем платформ. Отмечено, что для партнёров первичные условия приобретения новых компетенций зависят от, во-первых, системы организационных и экономических требований к ним со стороны платформ, а во-вторых – специфических интерфейсов. Рост числа и совершенствование технологии сервисов, динамика и принципы организации рынков платформ обеспечивают формирование и диффузию более сложных экономических и технических компетенций цифровой экономики. Формируется и новый мощный источник наработки и трансфера перспективных технологических и экономических компетенций в рамках расширенных экосистем платформ. При гигантском масштабе операций сам характер их построения и деятельности, включение всех ключевых групп акторов инновационного процесса и субъектов из разных отраслей и сфер деятельности, а также потребителей создают уникальные возможности развития в этой сфере.

Ключевые слова: интернет-платформы, компетенции, цифровая экономика, глобальные процессы

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 20.12.2019 г.

Принята к публикации: 12.03.2020 г.

По мере развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их всё более глубокого внедрения в самые разные отрасли мировой экономики возникли новые экономические, информационные и социальные взаимодействия, дав начало новым бизнес-моделям и организационным структурам. Одним из результатов стало возникновение феномена многосторонних рынков (Rochet, Tirole 2004; Rysman 2009; Zeng et al. 2019) и долевой экономики — шеринга (Hamari et al. 2016; Frenken, Schor 2019), которые реализуются на базе интернет-платформ (далее – просто платформ). Концепция платформы описывает набор компонентов системы, который взаимозависим с большинством других компонентов, что определяет архитектуру системы. Эта концепция лежит в основе многих видов современных технологических продуктов. Показательна картина по США. По оценкам Международного валютного фонда, доля интернет-платформ в ВВП США к концу 2010-х гг. достигла 1,7% ВВП¹ – десятилетие назад их вклад в экономику был статистически незначим. При этом темпы роста цифровой экономики, и прежде всего экономики платформ, в 2-3 раза превышают показатели по ВВП².

Ряд авторов продолжает считать платформы не более чем алгоритмами в рамках деятельности отдельных компаний ИКТ-отрасли (Kenney, Zysman 2016). Однако растёт число специалистов, экспертных центров и международных организаций, рассматривающих их как отдельный феномен в рамках нового перспективного сектора мировой экономики – цифровой экономики, т.е. экономики, основанной на использовании цифровых данных (Langley, Leyshon 2017; Паркер и др. 2017; Parentea et al. 2018)³. Именно с этой позиции в настоящей работе рассмотрен феномен платформ.

Движущей силой внедрения платформ в последние годы стали компании нового типа (в основе их работы лежит цифровая инфраструктура и использование больших данных) — преимущественно транснациональные интернет-корпорации. Их совокупная капитализация в 2017 г. оценивалась более чем в

¹ Measuring The Digital Economy. 2018. The Staff Report. *International Monetary Fund* [Электронный ресурс] URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2018/04/03/022818-measuring-the-digital-economy> (accessed 20.06.2020)

² Barefoot K., Curtis D., Jolliffe W., Nicholson J.R., Omohundro R. 2008. Defining and Measuring the Digital Economy. *Working Paper. The Bureau of Economic Analysis. U.S. Department of Commerce*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bea.gov/system/files/papers/WP2018-4.pdf> (accessed 20.06.2020).

³ New Forms of Work in the Digital Economy. 2016. Working Party on Measurement and Analysis of the Digital Economy. DSTI/ICCP/IIS(2015)13/FINAL. OECD. URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIS\(2015\)13/FINAL&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP/IIS(2015)13/FINAL&docLanguage=En) (accessed 20.06.2020); Evans P.C., Gawer A. 2016. *The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey. The Center for Global Enterprise*. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf (accessed 20.06.2020); Fijneman R. Kuperus K., Pasman J. 2018. *Unlocking the value of the platform economy*. Dutch Transformation Forum. KPMG N.V. URL: <https://dutchitchannel.nl/612528/dutch-transformation-platform-economy-paper-kpmg.pdf> (accessed 20.06.2020); *An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation*. 2017. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/53e5f593-en; *Vectors of Digital Transformation*. 2019. OECD, Digital Economy Papers. No. 273. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5ade2bba-en.pdf?expires=1571320653&id=id&accname=guest&checksum=5C01B398E81E953AA43894EE32FC57A0> (accessed 20.06.2020); *Digital Economy Report 2019*. 2019. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva: United Nations.

7 трлн долл. США и она быстро растёт⁴. К концу 2019 г. капитализация только крупнейших платформ (*Facebook, Alibaba, Amazon, Alphabet (Google), Microsoft, Baidu, Alibaba, Tencent*) – а это почти 70% от совокупной стоимости всех платформенных компаний – достигла 5,9 трлн долл.⁵ Активно растут и менее крупные платформы, появляются их новые поколения. С 2010 г. стартапы, работающие в сегменте платформенных бизнесов, в т.ч. шеринг-экономики, привлекли около 23 млрд долл. венчурных инвестиций (Frenken, Schor 2019).

За счёт масштаба операций, новых бизнес-моделей и принципов организации операций платформы постепенно трансформируют традиционные отрасли – от ритейла до финансов – на новых моделях, соответствующих реалиям цифровой экономики (Паркер и др. 2017; Hänninen et al. 2018)⁶. В этом смысле они уже стали ключевыми, системообразующими акторами цифровой экономики и агентами её развития.

Несмотря на растущее внимание специалистов, пока относительно слабо раскрыт важный аспект, связанный с ролью платформ в цифровой трансформации: их роль в диффузии и формировании компетенций цифровой экономики — как технологических, так и, что более важно, связанных со спецификой «цифровых» социально-экономических институтов, культуры и инноваций. На данный момент проблема компетенций в сфере цифровой экономики рассматривается через призму онлайн-образовательных платформ (Coursera, Udacity, edX и др.). Но хотя они также, несомненно, играют огромную роль в этом процессе, интересующий нас вопрос шире. В настоящей работе мы постараемся наметить некоторые основные линии дискуссии, связанной с данной проблемой.

Платформы как драйверы и агенты развития цифровой экономики: общая информация

Ландшафт экономики платформ крайне разнообразен. Одни платформы представляют собой двусторонние или многосторонние рынки с обеспечивающими онлайн-сервисами и инфраструктурой. Такие платформы стали основной бизнес-моделью для крупных цифровых корпораций (таких, как *Alibaba, Facebook* и *eBay*), и новых прорывных компаний, ассоциированных с цифровой экономикой (*Uber, DidiChuxing* или *Airbnb*). Другой тип платформ – общая среда или иные решения, в которой разработчики, авторы и другие участники могут

⁴ *Global efforts needed to spread digital economy benefits, UN report says*. 2019. URL: <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2175> (accessed 20.06.2020).

⁵ Evans P.C., Gawer A. 2016. *The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey*; Fijneman R. Kuperus K., Pasman J. 2018. *Unlocking the value of the platform economy...* Оценки капитализации по данным finance.yahoo.com.

⁶ Jacobides M.G., Sundararajan A., Van Alstyne M. 2019. *Platforms and Ecosystems: Enabling the Digital Economy*. Briefing Paper. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Digital_Platforms_and_Ecosystems_2019.pdf (accessed 20.06.2020); *Vectors of Digital Transformation...*; Van Alstyne M.W., Parker G.G., Choudary S.P. 2016. *Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy*. Harvard Business Review. April Issue. P. 54-62 [Электронный документ]. URL: <https://hbr.org/2016/04/pipelines-platforms-and-the-new-rules-of-strategy> (accessed 20.06.2020)

совместно создавать программы – например, операционные системы, мобильные приложения или даже новые технологические стандарты, например, стандарты обработки аудио и видео (Inoue, Tsujimoto 2018; Zhou, Song 2018; Choi et al. 2019).

Сфера реализации платформенных принципов организации бизнеса также весьма широка. Это, например, сфера розничной торговли (*Amazon, Alibaba, Rakuten, Wildberries* и пр.), информации, развлечений и рекламы (*Google, Facebook*), коммерческих перевозок (*Uber, Lyft, Didi, Grab, Yandex.такси* и пр.), краткосрочной аренды жилья и отельного бизнеса (*Airbnb, Booking.com*), развлечений, бизнес- и политической коммуникации (*Facebook, Twitter* и пр.) и прочие сектора.

При этом важнее всего не собственно факт захвата платформами лидерских позиций на существующем рынке, но их трансформационное — «подрывное» (*disruptive*) по К. Кристенсену (Кристенсен 2004) влияние на крупные традиционные рынки присутствия или их отдельные сегменты в логике цифровой экономики.

Столь же значительна роль платформ в цифровизации мировой экономики за счёт формирования новых наукоёмких секторов, от ранее не существовавших (облачные услуги, искусственный интеллект по запросу и пр.) до изменения тех старых рынков, которые при наличии мощного потенциала ИКТ всё ещё не охвачены принципами цифровой экономики (здравоохранение, инфраструктура, госуправление и пр.).

Рост влияния и охвата рынков реализуется как через расширение клиентской базы платформ и их инвестиционной экспансии, так и, в растущей мере, повышением инновационности. Всё заметнее лидерство платформ по затратам на исследования и разработки, где на долю крупнейших (*Amazon, Alphabet, Facebook, Microsoft, Apple, Baidu, Alibaba, Tencent, Netflix, JD.com*) к 2019 г. приходилось уже свыше 101 млрд долл.⁷ Основная их доля этих вложений была направлена в самые передовые цифровые технологии — от больших данных и искусственного интеллекта до систем автономного вождения и квантовых вычислений.

За счёт усиления технологического и рыночного потенциала увеличивается и расширяется способность платформ к цифровой трансформации экономики, включая её компетенционную базу.

С учётом растущих масштабов и глубины деятельности платформ с некоторой долей условности можно выделить как минимум четыре ключевых канала диффузии (расширения и распространения деятельности платформ) и формирования цифровых компетенций в рамках двух больших сегментов: диффузии/

⁷ 2019 *Global R&D Funding Forecast*. A Supplement to the R&D Magazine.2019; *The 2019 EU Industrial R&D Investment Scoreboard*. European Commission — Joint Research Centre. JRC118983. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. <https://doi.org/10.2760/59430>.

формирования личных – в т.ч. профессиональных компетенций и компетенций организационно-институционального характера.

Диффузия и формирование индивидуальных цифровых компетенций

Применительно к индивидуальному измерению мы имеем в виду прежде всего личный опыт потребителей по использованию сервисов платформ. Помимо досуга, приобретения товаров и услуг и иных подобных форм взаимодействий, которые в современных условиях также требуют от пользователя платформы определённых цифровых компетенций⁸, к этой категории мы причисляем опыт деловых взаимодействий пользователей с платформами. Это касается как индивидуального опыта, полученного в рамках бизнес-взаимодействий организаций с платформой, так и растущей – хотя и с достаточно низкой базы⁹ – прослойки самозанятых¹⁰. Особенно это верно для развитых стран. По оценкам ОЭСР, ЕС и независимых экспертов, уже по состоянию на середину 2010-х гг. более 70% взрослых американцев хотя бы раз использовали шеринговые или иные индивидуализированные (*on-demand*) онлайн-услуги¹¹. Доля европейцев, пользовавшихся услугами коллаборативных платформ, существенно ниже (17%), притом для Западной и Северной Европы значения показателя существенно выше среднеевропейских¹².

Физической базой реализации данных процессов выступает массовое распространение персональных электронных устройств, прежде всего смартфонов. Диффузии способствуют как более привлекательные экономические условия и широта выбора товаров и услуг, предоставляемых платформами, так и, нередко, сравнительно больший уровень удовлетворения от работы/приобретения услуг или простота пользования – эффекты, которые усиливаются в связи с де-факто геймификацией сервисов платформ (Tobon et al. 2020).

В этой ситуации сам интерфейс взаимодействия «платформа-пользователь» выступает в качестве одного из инструментов обучения, а формирование

⁸ См., например, специальный проект ЕС в части оценки развития цифровых навыков потребителей: Brečko B., Ferrari A. 2016. *The Digital Competence Framework for Consumers*. Ed. by Vuorikari R., Punie Y. Joint Research Centre Science for Policy Report; EUR 28133 EN. [Электронный ресурс]. doi: 10.2791/838886. (accessed 20.06.2020). См. также: The United Nations Conference on Trade and Development. 2019. *Building Digital Competencies to Benefit from Frontier Technologies*. United Nations Publications. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/dtlstict2019d3_en.pdf (accessed 20.06.2020).

⁹ *New Forms of Work in the Digital Economy...*

¹⁰ Как известно, в настоящий момент регуляторы в США и в ряде иных стран оспаривают принципы взаимодействия некоторых платформ со своими индивидуальными партнёрами, настаивая на том, что эти отношения представляют собой форму классической занятости и должны регулироваться как таковые. Наиболее известен в данном отношении кейс *Uber*, подвергающийся серьёзному регуляторному давлению в США (штаты Калифорния, Нью-Джерси и пр.) и в ряде иных стран. Представляется, однако, что специфика регулирования трудовых отношений слабо влияет на диффузию цифровых компетенций и поэтому не будет далее рассматриваться.

¹¹ *New Forms of Work in the Digital Economy...* P. 10.

¹² *New Forms of Work in the Digital Economy...* P. 10.

компетенций происходит и в рамках использования субъектом цифровых сервисов, и посредством консультационных мероприятий самих платформ (в основном в адрес «партнёров» и клиентов). В классификации ОЭСР и ЮНКТАД можно сказать, что эти категории компетенций относятся к базовым или «низшим» ступеням пирамиды компетенций соответственно¹³. Что, однако, не умаляет их значение, поскольку они обеспечивают условия «надстройки» прочих, более сложных компетенций, а зачастую необходимы даже для низкоквалифицированной деятельности, связанной с платформами¹⁴. Более того, некоторые исследования (см., например, обзоры Alonso-Díaz et al. 2019; Acquah, Katz 2020) показывают, что даже такие формально примитивные решения, как видеоигры, помогают накапливать полезные в современном обществе компетенции.

Подобные каналы наработки и распространения компетенций через практику (по сути, вариант «обучения действием», *learning by doing*) интуитивно очевидны и имеют достаточно универсальный характер. Впрочем, как можно понять, по чисто когнитивным причинам на персональном уровне они в наибольшей мере эффективны для молодёжи, лиц младшего и среднего возраста.

То же, в целом, можно сказать и об уже упомянутых образовательных платформах онлайн-обучения (*e-learning*), которые в части собственно цифровой экономики формируют возможности наработки широкого спектра компетенций – от достаточно общих (Prior et al. 2016) до профессиональных навыков, необходимых для специализированных традиционных видов деятельности (Vinagre 2017)¹⁵.

Своего рода промежуточное положение между диффузией цифровых компетенций между индивидуумами-пользователями платформ и организациями занимает профессиональная коммуникация в логике т.н. сообществ практики (*Communities of Practice, CoP*).

Сообщества практики представляют собой группы людей, которых объединяют беспокойство или активный интерес к тому, что они делают, и которые регулярно взаимодействуют друг с другом и делятся опытом (Wenger 1998; Farnsworth et al. 2016). Члены сообществ участвуют в совместных мероприятиях, обмениваются информацией, оказывают друг другу профессиональную помощь, взаимообучаются. Работа или учёба в одной организации не являются обязательным условием для формирования сообщества практики, а сферы их деятельности весьма разнообразны (Orr 2016). Сообщества превращаются в эффективной средство создания и обмена профессиональными и организаци-

¹³ OECD Digital Economy Outlook 2017. OECD Publishing. 2017. Paris: OECD Publishing [Электронный ресурс]. <https://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en>. P. 184-190; Digital Economy Report 2019. Building Digital Competencies...

¹⁴ OECD Digital Economy Outlook 2017. P. 184-190.

¹⁵ Brolpito A. 2018. *Digital skills and competence, and digital and online learning*. Turin: European Training Foundation. [Электронный ресурс] 40 p. URL: https://www.etf.europa.eu/sites/default/files/2018-10/DSC%20and%20DOL_0.pdf (accessed 20.06.2020).

онными знаниями, что отражается, в частности, на усилиях целого ряда предприятий по поощрению формирования и роста сообществ.

Развитие цифровых платформ позволило вывести реализацию сообществ практики на новый уровень (Wang et al. 2008). Платформы смогли предоставить удобные интерфейсы общения как внутри-, так и в межорганизационной среде, обеспечили технологические основы для сетевой структуры коммуникации (например, сеть *Twitter*) (Komorowski et al. 2018). Также цифровые платформы формируют новые условия для мотивирования участников сообществ практики к обмену информацией друг с другом (Lee, Suzuki 2020), создают новые условия для формирования сообществ, что ведёт к интенсификации обмена информацией, преодолению организационных барьеров при взаимодействии. Подобные сообщества распространяются вместе с ростом сегмента онлайн-обучения, консультирования, цифрового здравоохранения и различных платформ взаимопомощи, включая такие организации, как «Гринпис» и Красный Крест (Régnier et al. 2011). При этом разработка конкретной платформы соответствует особенностям сферы деятельности организации.

Организационное и институциональное измерение диффузии и формирования цифровых компетенции

Другие два канала в большей мере относятся к организационной деятельностью и в этом смысле интереснее для нас в контексте сложной структуры компетенций, связанных с формированием институтов цифровой экономики, в т. ч. внутри традиционных отраслей.

Здесь, прежде всего, выделяется очевидный фактор диффузии и формирования компетенций за счёт подключения к платформенным сервисам новых организаций. Сразу заметим, что в подобной схеме диффузии компетенций и лучших практик просматриваются прямые аналогии с ситуацией эффектов перелива вследствие прямых иностранных инвестиций (Todo 2006; Doytch, Uctum 2019; Gorodnichenko et al. 2020).

Глобальные или просто крупные платформы, такие как *Alibaba*, *Uber* или *Amazon*, де-факто задали новые стандарты взаимодействия предприятий и рынка. Этот процесс ведёт, с одной стороны, к диффузии технологических компетенций и отдельных передовых цифровых решений (от электронной техники до облачных услуг) – что характерно для любых ИКТ с их расширенными эффектами перелива¹⁶. Но что более важно, на стороне партнёра подключение к

¹⁶ *Stimulating Digital Innovation for Growth and Inclusiveness: The Role of Policies for The Successful Diffusion of ICT*. Draft background report for Ministerial panel 1.2. DSTI/ICCP(2015)18/FINAL. OECD. 2016 [Электронный ресурс] URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP\(2015\)18/FINAL&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DSTI/ICCP(2015)18/FINAL&docLanguage=En) (accessed 20.06.2020); *OECD Digital Economy Outlook 2017; Digital Economy Report 2019*.

платформе автоматически означает акцепцию партнёром принципов и практики работы с рынками, организацию управления и бизнес-модели, которые вынужденно следуют новой логике платформенных и требованиям платформы. В настоящее время все эти соображения актуальны для компаний в развитых странах, но по мере инновационного развития платформ и роста масштабов их операций станут почти обязательным для всех. Даже производственные процессы приходится перестраивать (цифровая трансформация производства по модели Индустрии 4.0, связь с потребителями, расширенное пользование на-укоёмкими услугами и пр.)¹⁷.

Новым фактором изменения бизнес-практик, особенно для малых и средних предприятий, стал набор перспективных сервисов платформ. Современные платформы – это своего рода конфедерация наукоёмких услуг (доверенные каналы оплаты, облачные вычисления, доступ к интеллектуальным системам обработки информации и пр.). Причём они реализуются на всё более высоком технологическом уровне с привлечением самых передовых технологий, в том числе т.н. перспективных (*emerging*), таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления и криптография, дроны. Их реализация существенно меняет бизнес-процессы в сторону датацентричных моделей, характерных для цифровой экономики.

На уровне малых предприятий процесс акцепции компетенций как минимум в ряде случаев сопровождается неформальным межорганизационным взаимообучением компаний — обменом между их владельцами и работниками сведениями о лучших практиках. Опустим такие очевидные моменты, как распространение информации о правилах работы с платформами (например, между водителями сервиса *Uber*), и обратим внимание на представляющий интерес кейс китайских бедных провинций. Здесь система традиционных неформальных деловых связей (*гуаньси*), по наблюдению ряда исследователей, способствует диффузии знаний и практик работы с *Alibaba* (Liu et al. 2018). Сопоставимая ситуация наблюдается в Африке с финтех-платформой *MPesa*.

Процесс акцепции компетенций (как технических, так и экономических) и его углубления подкрепляется характером работы платформы; неучастие в процессе акцепции новых компетенций для партнёра платформы технически невозможно. Но, что важнее, при всех вызовах и сложностях, возникающих у

¹⁷ Лучше всего рассмотрен в специализированных СМИ т.н. «эффект *Amazon*» для производственных компаний: см. The AMAZON effect in manufacturing. *Industry Today*. 04.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://industrytoday.com/article/the-amazon-effect-in-manufacturing/> (accessed 20.06.2020); Neil S. The Factory Faces the Amazon Effect. *Automation World*. 11.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.automationworld.com/products/motion/article/13319050/the-factory-faces-the-amazon-effect> (accessed 20.06.2020); Hiskey T. 2018. The Amazon Effect — How Manufacturers Can Gain Back Momentum. *Manufacturing Business Technology*. 10.10.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://www.mbtmag.com/best-practices/article/13246729/the-amazon-effecthow-manufacturers-can-gain-back-momentum> (accessed 20.06.2020).

компании-партнёра¹⁸, в пользу диффузии и акцепции действуют два обстоятельства. Позитивный связан с объективной выгодой от использования новых средств для повышения конкурентоспособности относительно третьих компаний. В частности, есть надёжные свидетельства позитивного влияния платформ на такие показатели малых, средних и даже крупных предприятий, как выпуск и экспорт (Паркер и др. 2017; Lund et al. 2018)¹⁹.

Позитивные эффекты особенно ярко иллюстрирует хрестоматийный пример т.н. «деревень *Taobao*»²⁰. Проникновение этого дочернего» маркетплейса группы компаний *Alibaba* в менее развитые регионы Китая привело к тому, что с 2009 г. «деревни» стали значимым феноменом китайской экономики. К середине 2019 г. их число выросло до 4310, в них появилось около 2,4 млн онлайн-магазинов (не говоря о сопутствующих бизнесах), годовой оборот которых (июль 2018 г. — июнь 2019 г.) составил 98 млрд долл.²¹.

Негативным стимулом для партнёров выступает общий рост конкуренции на рынке, в том числе на площадках самих платформ и, в ряде случаев, со стороны компаний-владельцев платформенных ресурсов, принуждающий компании-партнёры к ускорению цифровой трансформации.

За счёт описанных процессов и факторов ширится распространение существующих цифровых компетенций (воплощённых в требованиях платформ и условиях функционирования их рынков), а новые (лучшие практики на сторо-

¹⁸ Manufacturing struggles to adapt. Special report. 2017. *The Economist*. 26.10.2017; Dowsett S., Fares M. 2019. Selling with the enemy: Why rival retailers embrace Amazon.com. *Reuters*. 09.04.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-brands-apparel/selling-with-the-enemy-why-rival-retailers-embrace-amazoncom-idUSKCN1RL0E7> (accessed 20.06.2020).

¹⁹ Digital Trade in the U.S. and Global Economies. Part 2. 2014. Publication 4485, Investigation 332-540. United States International Trade Commission. Washington, DC: USITC. Available at: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub4485.pdf> (accessed 20.06.2020); Fijneman R., Kuperus K., Pasman J. 2018. *Unlocking the value of the platform economy*; Brynjolfsson E., Hui X., Liu M. 2018. *Does Machine Translation Affect International Trade? Evidence from a Large Digital Platform*. Working Paper W24917. National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA. Available at: <https://www.nber.org/papers/w24917.pdf>. (accessed 20.06.2020); Dolata U. 2017. *University of Apple, Amazon, Google, Facebook, Microsoft. Market Concentration — Competition — Innovation — Strategies*. Stuttgart University. Stuttgart Institute for Social Science. SOI Discussion Paper. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/152249/1/880328606.pdf> (accessed 20.06.2020); Digital Economy Report 2019; *2019 Manufacturing Trends Report*. 2019. Microsoft. Available at: <https://info.microsoft.com/rs/157-GQE-382/images/EN-US-CNTNT-Report-2019-Manufacturing-Trends.pdf>. (accessed 20.06.2020); *World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains*. 2020 Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1457-0.

²⁰ Населённые пункты, где не менее 100 онлайн-магазинов зарегистрировано на площадке *Taobao* (C2C/B2C онлайн-сервис *Alibaba*), а их совокупный доход по операциям в сфере e-commerce превышает 10 млн юаней (около 1,5 млн долл. по курсу 2017 г.). *Alibaba turns hundreds of poor villages into 'Taobao Villages'*. *China Daily*. 13.12.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201901/13/W55c3a220ea3106c65c34e4115.html> (accessed 20.06.2020); *Taobao Villages play increasingly important role in boosting rural economy*. *Xinhua*. 30.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/30/c_138351679.htm (accessed 20.06.2020); China's "Taobao Villages" top 4,000: AliResearch. *Xinhua*. 2.08.2019 [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/02/c_138278383.htm (accessed 20.06.2020).

²¹ *Taobao Villages play increasingly important role in boosting rural economy*. *Xinhua*. 30.08.2019 [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/30/c_138351679.htm (accessed 20.06.2020); China's "Taobao Villages" top 4,000: AliResearch. *Xinhua*. 2.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/02/c_138278383.htm (accessed 20.06.2020).

не партнёров) постепенно становятся значимыми. Создаётся в определённом смысле де-факто сетевое сообщество, обладающее устойчивыми доверительными каналами диффузии новых компетенций, формирование которых в условиях быстрого роста, технологического и институционального развития цифровой экономики будет постепенно укрепляться.

Экосистемы платформ: новый фактор диффузии и наработки новых компетенций

Корпоративные экосистемы — в том числе инновационные — феномен хорошо исследованный (см., например, der Valk 2011; de Vasconcelos Gomes 2018; Jacobides et al. 2018; Su et al. 2018). По нашему мнению, экосистемы платформ представляют собой следующий шаг в развитии данного феномена, они имеют специфические импликация для диффузии и наработки новых компетенций для цифровой экономики.

Для начала отметим, что развитие платформенных экосистем идёт ускоренными темпами. Причины этого процесса носят двоякий характер. С одной стороны, платформы активно взаимодействуют, инвестируют и/или поглощают перспективные малые технологические стартапы — держатели перспективных решений и технологий. На уровне венчурных вложений крупнейшие платформы становятся игроками, заметными даже в рамках огромных инновационных систем США и КНР (Данилин 2018)²². С другой стороны, платформы скупают предприятия, которые доминируют на секторальной или региональных рынках с выраженной культурной, экономической или иной спецификой, приобретая своего рода «входной» билет на эти рынки, оптимальные бизнес-модели и иные возможности (Данилин 2018). Наконец, имеет место традиционное расширение экосистем за счёт поставщиков, сервисных (от логистики до дизайна) и прочих компаний. Неудивительно, что платформенные корпоративные экосистемы относятся к числу крупнейших.

Говоря о компетенциях, на поверхности лежит вопрос об их диффузии. Как и в случае с партнёрами, участники экосистемы становятся акцепторами и генераторами новых практик, а платформа (как интерфейс, хозяйствующий субъект, инвестор и пр.) — каналом трансфера компетенций, причём со сниженными — относительно внешних партнёров — транзакционными издержками и ценой информации. Важнее, однако, что в рамках платформенных экосистем формируется, на наш взгляд, совершенно новый источник генерации компетенций, связанных с цифровой экономикой.

²² Top Tech M&A Analysis. 2016. CB Insights [Электронный ресурс] URL: https://www.cbinsights.com/reports/Top-Tech-MA.pdf?utm_source=hs_automation&utm_medium=email&utm_content=38323092&_hsenc=p2ANqtz-8zw72yMc5JRX3QR79qg0La8L5DCdzKbEz_SOX2lA2VrDtgFgPiVxarUAHmv-Sh8veVTpkvg5QYLpbYZbn4SZZReFIt9g&_hsmi=38323092 (accessed 20.06.2020); The Unicorns Backed by FAMGA — Facebook, Apple, Microsoft, Google, Amazon 2017. CB Insights, June 5, 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.cbinsights.com/research/unicorn-investments-facebook-apple-microsoft-google-amazon/> (accessed 20.06.2020).

Внимательный анализ платформенных экосистем показывает, что крупнейшие платформы постепенно движутся к модели «открытых» инноваций в её условно-предельной форме (Чесбро 2007).

Во-первых, подобно интернет-корпорациям 1990-х гг., платформы предполагают проактивное участие пользователей, компаний экосистемы и иных контрагентов в развитии новых продуктов и услуг, превращая их из потребителей услуг в один из механизмов создания добавленной стоимости – свой и своей экосистемы (Rogers 1995; von Hippel 2005).

Во-вторых, экосистема крупнейших платформ обладает беспрецедентной полнотой. Классические корпоративные экосистемы совмещают несколько функций и групп субъектов (например, разработчики ИТ, корпоративный венчурный фонд и т.д.), а их связи с «внешними», независимыми субъектами и функциями реализуются посредством сложных личных и деловых связей. *Modus operandi* крупнейших платформ, и так в значительной мере ориентированных на экосистемные инновации (см., например, Tiwana 2014; Edvardsson, Tronvoll 2019), ведёт к интеграции большего числа субъектов и сетей. Совмещая исследовательскую, финансовую, информационную, бизнес- и иные функции и акторов, крупнейшие платформы реализуют своего рода многоуровневую экосистемную модель, объединяя всех ключевых участников инновационного процесса и связанные с ними функции. При внешней схожести с некоторыми крупными традиционными корпоративными экосистемами, по-настоящему гигантский и глобальный масштаб, многоотраслевой характер и частичное взаимопроникновение крупнейших платформ в смежные (не конкурирующие) платформенные экосистемы определяет, как представляется, новый феномен.

На перспективу этот процесс может быть усилен доступом платформ к большим данным пользователей — ценнейшему ресурсу развития и цифровой экономики, и самих платформ (Hänninen et al. 2018)²³.

Теоретически, эта новая социотехническая система платформенно-экосистемных инноваций может привести к революции в глобальных инновационных процессах. Хотя обычно в таких случаях исследователи обращают внимание на возможность создания перспективных и прорывных технологий, для нас важнейшей импликацией этой складывающейся системы становится генерация и диффузия целого класса новых компетенций, связанных с лучшими практиками, бизнес-моделями, институтами и (пока) неформальными деловыми и иными нормами цифровой экономики.

Распространение и генерация новых компетенций, соответствующих требованиям цифровой экономики, выступает одним из важнейших условий её оптимального развития, в т. ч. с точки зрения наработки институтов, норм и

²³ Personal Data: The Emergence of a New Asset Class. 2011. *World Economic Forum*. [Электронный документ]. 40 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_ITTC_PersonalDataNewAsset_Report_2011.pdf (accessed 20.06.2020); OECD Digital Economy Outlook 2017; Digital economy report 2019.

лучших практик, формирования жизнеспособных бизнес-моделей и связанных с ними перспективных технологий. В настоящее время за пределами специализированных – профессиональных – компетенций, а также смежных вопросов, эта проблематика получила крайне слабое отражение в научной и аналитической литературе. В определённом смысле это ещё один знак ранней стадии развития цифровой экономики в мире.

Хотя многие обозреватели и специалисты при анализе компетенций традиционно уделяют большее внимание университетам, стартапам и иным научно-технологическим субъектам, именно крупнейшие устоявшиеся компании в этой сфере — прежде всего, глобальные платформы, подобно *Amazon* или *Tencent* – действуют как наиболее перспективные и значимые игроки и в формировании, и в диффузии новых компетенций. Поскольку деятельность платформ выстроена на принципах многосторонних рынков и шеринга, притом, что вокруг них сформированы гигантские экосистемы, возможности таких компаний в данной сфере весьма значительны.

В отношении пользователей и партнёров наличие, с одной стороны, системы организационных и экономических требований, а с другой – специфических интерфейсов формируют первичные условия освоения новых компетенций. Растущий и всё более технологически продвинутый набор сервисов, также как динамика и принципы организации рынков платформ, обеспечивают создание и диффузию более сложных экономических и технических компетенций цифровой экономики, в том числе связанных с новыми нормами и практиками.

В рамках расширенных экосистем платформ возникает новый мощный источник наработки и трансфера перспективных технологических и экономических компетенций. При гигантском масштабе операций сам характер их построения и деятельности, включение всех ключевых групп акторов инновационного процесса и субъектов из разных отраслей и сфер деятельности, а также потребителей создаёт уникальные возможности для развития экономики.

Описанные обстоятельства, как представляется, на перспективу усилят роль платформ как канала диффузии перспективных технологических и экономических компетенций, и как всё более продуктивной среды их генерации. Это тем более верно, что продолжает расширяться пространство функционирования самих платформ. Поскольку базовые факторы успеха платформ, включая энтузиазм инвесторов, сохраняют свою силу, пространство для роста есть и оно значительно. В странах с более низким уровнем цифровизации потенциал роста на ближайшие годы ещё выше.

Исходя из вышесказанного, есть основания ожидать дальнейшей экономической экспансии платформ как вширь (новые юрисдикции, новые группы пользователей), так и вглубь (в новые сегменты рынка, включая традиционные отрасли и принципиально новые сектора). Вместе с платформами будут распространяться и мультиплицироваться компетенции цифровой экономики, создаваться новые источники их появления и каналы диффузии, усиливая процессы цифровизации экономики и общества.

Об авторах:

Иван Владимирович Данилин — кандидат политических наук, заведующий Отделом науки и инноваций, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23.
E-mail: danilin.iv@imemo.ru

Заур Аязович Мамедьяров — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная д. 23.
E-mail: mamedyarov@imemo.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-010-01176 «Агенты развития цифровой экономики: формирование, сетевые взаимодействия и государственная политика по их поддержке».

Received: December 20, 2019
Accepted: March 12, 2020

The Role of Global Platforms in Advancing Digital Transformation: Competence and Innovation Aspects

I.V. Danilin, Z.A. Mamedyarov
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-267-282

National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences

Abstract: In the last decade, the foundations of the digital economy have been formed with Internet platforms becoming its largest and most important segment. According to the authors, one of the key problems associated with the development of the digital economy and of Internet platforms is the diffusion of existing and generation of the new competencies. This is important both for platform users and partner companies. The article analyzes the role of platforms in this process and highlights the main channels for competence diffusion. Firstly, individual and, secondly, institutional dimensions of these processes are defined. In the first case, the authors elaborate on the ways of developing user competencies - both basic and specialized. In the second case, the article focuses on the distribution of organizational and institutional competencies, and best practices among partner companies and participants in corporate ecosystems of platforms. For the partners the primary conditions for acquiring new competencies depend, firstly, on a system of organizational and economic requirements of the platforms. Secondly — on specific digital interfaces. Growth and improvement of services, technology, dynamics and principles of platform market organization provide formation and diffusion of more complex economic and technical competencies of digital economy. It is shown that a new powerful source of development and trans-

fer of promising technological and economic competences within the extended platform ecosystems is also being formed. The scope of operations of modern digital platforms, their composition, engagement of all key groups of actors in the innovation processes (including consumers) create unique opportunities for further development of this area.

Key words: Internet platforms, competences, digital economy, global processes

About the authors:

Ivan V. Danilin – Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Science and Innovation, National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. 117997, Russia, Moscow, 23 Profsoyuznaya St. E-mail: danilin.iv@imemo.ru

Zaur A. Mamedyarov – Candidate of Economy Sciences, Senior Researcher, National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. 117997, Russia, Moscow, 23 Profsoyuznaya St. E-mail: mamedyarov@imemo.ru

Conflict of interests: The authors declare absence of conflict of interest.

Acknowledgements: Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project #18-010-01176 «Digital economy development agents: formation, networking and public policy».

References:

- Acquah E.O, Katz H.T. 2020. Digital Game-Based L2 Learning Outcomes for Primary through High-School Students: A Systematic Literature Review. *Computers and Education*. Vol. 143. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103667
- Alonso-Díaz L., Yuste-Tosina R., Mendo-Lázaro S. 2019. Adults Video Gaming: Key Competences for a Globalised Society. *Computers and Education*. Vol. 141. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103616
- Casanova L., Cornelius P.K., Dutta S. 2018. *Financing Entrepreneurship and Innovation in Emerging Markets*. San Diego: Academic Press.
- Choi G., Nam C., Kim S. 2019. The Impacts of Technology Platform Openness on Application Developers' Intention to Continuously Use a Platform: From an Ecosystem Perspective. *Telecommunications Policy*. 43(2). P. 140-153. DOI: 10.1016/j.telpol.2018.04.003.
- de Vasconcelos Gomes, L.A., Figueiredo Facin A.L., Salerno M.S., Kazuo Ikenami R. 2018. Unpacking the Innovation Ecosystem Construct: Evolution, Gaps and Trends. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 136. P. 30-48. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.11.009
- der Valk T., Chappin M.M.H., Gijsbers G.W. 2011. Evaluating Innovation Networks in Emerging Technologies. *Technological Forecasting and Social Change*. 78(1). P. 25-39.
- Doytch N., Uctum M. 2019. Spillovers from Foreign Direct Investment in Services: Evidence at Sub-Sectoral Level for the Asia-Pacific. *Journal of Asian Economics*. Vol. 60. P. 33-44. DOI: 10.1016/j.asieco.2018.10.003
- Edvardsson B., Tronvoll B. 2019. How Platforms Foster Service Innovations. *Organizational Dynamics*. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2019.04.007
- Farnsworth V., Kleanthous I., Wenger-Trayner E. 2016. Communities of Practice as a Social Theory of Learning: A Conversation with Etienne Wenger. *British Journal of Educational Studies*. 64(2). P. 139-160.

Frenken K., Schor J. 2019. Putting the Sharing Economy into Perspective. *A Research Agenda for Sustainable Consumption Governance*. Edward Elgar Publishing.

Gorodnichenko Y., Svejnar J., Terrell K. 2020. Do Foreign Investment and Trade Spur Innovation? *European Economic Review*. Vol. 121. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2019.103343 (In Press)

Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. 2016. The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption. *Journal of the association for information science and technology*. 67(9). P. 2047-2059.

Hänninen M., Smedlund A., Mitronen L. 2018. Digitalization in Retailing: Multi-Sided Platforms as Drivers of Industry Transformation. *Baltic Journal of Management*. 13(2). P. 152-168. DOI: 10.1108/BJM-04-2017-0109

Inoue Y., Tsujimoto M. 2018. New Market Development of Platform Ecosystems: A Case Study of the Nintendo Wii. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 136. P. 235-253. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.01.017

Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. 2018. Towards a Theory of Ecosystems. *Strategic Management Journal*. Vol. 39. P. 2255-2276. DOI: 10.1002/smj.2904.

Kenney M., Zysman J. 2016. The Rise of the Platform Economy. *Issues in science and technology*. 32(3). P. 61.

Komorowski M., Do Huu T., Deligiannis N. 2018. Twitter Data Analysis for Studying Communities of Practice in the Media Industry. *Telematics and Informatics*. 35(1). P. 195-212. DOI: 10.1016/j.tele.2017.11.001.

Langley P., Leyshon A. 2017. Platform Capitalism: the Intermediation and Capitalisation of Digital Economic Circulation. *Finance and Society*. 3(1). P. 11-31.

Lee G., Suzuki A. 2020. Motivation for Information Exchange in a Virtual Community of Practice: Evidence from a Facebook Group for Shrimp Farmers. *World Development*. Vol. 125. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104698. (In Press).

Li A.F. 2017. E-Commerce and Taobao Villages. A Promise for China's Rural Development? *China Perspectives* [Online Version]. 2017/3. P. 57-62. URL: <http://journals.openedition.org/chinaperspectives/7423> (accessed 20.06.2020). DOI: 10.4000/chinaperspectives.7423.

Liu J., Nandhakumar J., Zachariadis M. 2018. When *guanxi* Meets Structural Holes: Exploring the *Guanxi* Networks of Chinese Entrepreneurs on Digital Platforms. *Journal of Strategic Information Systems*. 27(4). P. 311-334. DOI: 10.1016/j.jsis.2018.10.003.

Lund S., Tyson L. 2018. Globalization Is Not in Retreat: Digital Technology and the Future of Trade. *Foreign Affairs*. Vol. 97. P. 130-140.

Orr J. E. 2016. *Talking about Machines: An Ethnography of a Modern Job*. Cornell University Press.

Parentea R.C., Geleilateb J.-M.G., Rong K. 2018. The Sharing Economy Globalization Phenomenon: A Research Agenda. *Journal of International Management*. Vol. 24. P. 52-64. DOI: 10.1016/j.intman.2017.10.00.

Prior D.D., Mazanov J., Meacheam D., Heaslip G., Hanson J. 2016. Attitude, Digital Literacy and Self Efficacy: Flow-on Effects for Online Learning Behavior. *The Internet and Higher Education*. Vol. 29. P. 91-97. DOI: 10.1016/j.iheduc.2016.01.001

Régnier P. 2011. The Emerging Concept of Humanitarian Diplomacy: Identification of a Community of Practice and Prospects for International Recognition. *International Review of the Red Cross*. 93(884). P. 1211-1237.

Rochet J.-C., Tirole J. 2006. Two-Sided Markets: A Progress Report. *The RAND Journal of Economics*. 37(3). P. 645-667.

Rogers E. 1995. *Diffusion of Innovations*. 4th ed. New York: Routledge. 525 p.

Rysman M. 2009. The Economics of Two-Sided Markets. *Journal of Economic Perspectives*. 23(3). P. 125-143.

Su Y.-S., Kajikawa Y., Tsujimoto M., Chen J. 2018. Innovation Ecosystems: Theory, Evidence, Practice, and Implications. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 136. P. 14-17. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.08.009

Tiwana A. 2014. The Rise of Platform Ecosystems. Platform Ecosystems. *Aligning Architecture, Governance, and Strategy*. P. 3-21. DOI: 10.1016/B978-0-12-408066-9.00001-1

Tobon S. J.L.Ruiz-Alba García-Madariaga J. 2020. Gamification and Online Consumer Decisions: Is the Game Over? *Decision Support Systems*. Vol. 128. DOI: 10.1016/j.dss.2019.113167 (In Press).

Todo Y. 2006. Knowledge Spillovers from Foreign Direct Investment in R&D: Evidence from Japanese Firm-Level Data. *Journal of Asian Economics*. 17(6). P. 996-1013. DOI: 10.1016/j.asieco.2006.09.002

Vinagre M. 2017. Developing Teachers' Telecollaborative Competences in Online Experiential Learning. *System*. Vol. 64. P. 34-45. DOI: 10.1016/j.system.2016.12.002

von Hippel E. 2005. *Democratizing Innovation*. Cambridge: The MIT Press. 216 p.

Wenger E. 1998. Communities of Practice: Learning as a Social System. *Systems thinker*. 9(5). P. 2-3.

Zeng J., Khan Z., De Silva M. 2019. The Emergence of Multi-Sided Platform MNEs: Internalization Theory and Networks. *International Business Review*. 28(6). DOI: 10.1016/j.ibusrev.2019.101598 (In Press).

Zhou G., Song P. 2018. Third-Party Apps (TPAs) and Software Platform Performance: The Moderating Role of Competitive Entry. *Information & Management*. 55(7). P. 901-911. DOI: 10.1016/j.im.2018.04.004.

Chesbrough H. 2007. *Otkrytye innovacii. Sozdanie pribyl'nyh tekhnologij* [Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology] Moscow: Pokolenie. 336 p.

Christensen C. 2004. *Dilemma Innovatora* [Innovator's Dilemma] Moscow: Al'pina Biznes Books.

Danilin I.V. 2018. Rol' BAT v razvitii kitajskih internet-rynkov i perspektivnye vyzovy cifrovoy jekonomiki KNR [BAT Role in the Development of Chinese Internet Markets and the Future Challenge for the PRC Digital Economy]. *Mezhdunarodnye processy* [International Trends]. Vol. 16. 4(55). P. 99-116. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.6.

Parker G.G., Van Alstyne M.W., Choudary S.P. 2017. *Revoljucija platform* [Platform Revolution]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 304 p.

Литература на русском языке:

Данилин И.В. 2018. Роль БАТ в развитии китайских интернет-рынков и перспективные вызовы цифровой экономики КНР. *Международные процессы*. Том 16. 4(55). С. 99-116. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.6.

Кристенсен К. 2004. *Дилемма инноватора*. Москва: Альпина Бизнес Букс. 239 с.

Паркер Дж., ван Альстин М., Чаудари С. 2017. *Революция платформ*. Москва: Манн, Иванов и Фербер. 304 с.

Чесбро Г. 2007. *Открытые инновации: создание прибыльных технологий*. Москва: Поколение. 336 с.

«Геополитический вызов» исследовательскому буму глобальных городов

Н.А. Слука

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Рецензия на книгу: Окунев И.Ю. Столицы в зеркале критической геополитики. Монография. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020 – 272 с.

Углубление процесса глобализации, выражающегося в растущей открытости и мобильности мировых рынков, активной диффузии человеческого капитала, информации, технологий, и развитие транснациональных сетевых сообществ, привело к существенному изменению роли больших городов. В исторически сжатые сроки они превратились, во-первых, в высококонцентрированные командные пункты мировой экономики; во-вторых, в ключевые места базирования финансовых и специализированных сервисных фирм; в-третьих, в производственные центры новых технологий и инноваций; в-четвёртых, в основные рынки сбыта товаров и услуг. Иными словами, крупнейшие агломерации являются теми местами, где происходят процессы экономической глобализации и транснационализации, а их значение и идентичность выходят далеко за пределы страны базирования (Хватов 2015). Особые позиции в международном корпоративном разделении труда и глобальный охват деятельности таких центров не остались незамеченными международным научным сообществом. Закономерно, что базисом изучения урбанистического мира в последние десятилетия стала концепция глобальных городов.

Термин «глобальный город» введён в научный оборот в начале 1990-х гг. профессором социологии Чикагского университета С. Сассен, которая опреде-

УДК: 327

Поступила в редакцию: 05.04.2020 г.

Принята к публикации: 02.05.2020 г.

ляла его как постиндустриальный центр, глубоко интегрированный в мировую экономику и во многом черпающий ресурсы и возможности развития в результате взаимодействия в глобальных городских сетях (Sassen 1991). Однако высказанные ею гипотезы о «глобальной модели города» получили апробацию лишь через десятилетие. Большим прорывом в консолидации теории и практики стал предложенный международной исследовательской группой «Глобализация и мировые города» (*Globalization and World Cities*, сокр. – GaWC; руководитель П. Тейлор)¹ метод оценки значимости и связности городов в реальных общепланетарных сетях на основе изучения размещения офисов глобальных фирм – производителей высокоспециализированных деловых услуг (Beaverstock et al. 1999). Это обусловило качественный переход от изучения отдельных центров к постижению свойств сети глобальных городов в целом. По результатам математической обработки массивов корпоративных данных GaWC формирует рейтинги мировых центров – α , β , γ , которые публикуются по настоящее время.

Творчество группы вызвало бум исследования глобальных городов в начале XXI в., появление целой лавины публикаций (Abrahamson 2004; Abu-Lughod 1999; Clark 2003; Taylor 2001; Taylor 2004; Taylor 2005). Современное состояние исследований в области глобальных городов можно охарактеризовать как устойчиво-значимое при лидирующей роли международного коллектива GaWC. Общая логика и методика группы продолжает получать апробацию на самостоятельных материалах во многих трудах с вовлечением в исследование широкого спектра функциональных признаков городов. Анализируются промышленно-отраслевые, финансовые, деловые, университетские центры и пр.² (Godfrey, Zhou 2013; Kratke 2014a; Kratke 2014b; Verhetsel, Sel 2009; Wall, van der Кнаар 2011). Активно развиваются ещё ряд направлений:

- «коммуникативное» – с акцентом на оценку роли городов в системе глобальных потоков (международные портовые комплексы, узлы авиационного сообщения, фокусы туристских потоков, интернет-трафика и др.) и сетях (Vinciguerra et al. 2010);

- «полимасштабное» – с использованием пересечений двунаправленной модели – «сверху – вниз» и «снизу – вверх», включая нацеленность на познание городов в глобальных сетях на национальном, региональном и локальном уровне (Lüthi et al. 2018);

- «комплексное», или рейтинговое, заключающееся в оценке международной значимости центров по большой совокупности индикаторов (*Cities of Opportunity 7, Global Cities Index and Emerging Cities Outlook, Global Power City Index, Global Cities Index, Global City Competitiveness* и др.).

¹ Globalization and world cities. GaWC. URL: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/index.html> (accessed 01.06.2020)

² Wyly E. 2011. Mapping Global Firms and World Cities. *Global 350, Introduction to Urban Geography*. URL: <http://ibis.geog.ubc.ca/~ewyly/g350/gawc.pdf> (accessed 1.06.2020)

– «эксклюзивное» – с применением оригинальных приёмов исследования городов, например, с позиций концепции цепочек добавленной стоимости, библиометрического анализа, «центральности в сети»; а также путём исследования расселения членов советов директоров ТНК (Carroll 2007; Derudder, Witlox 2010; Kentor et al. 2011; Neal 2011).

Анализ результатов отечественных и зарубежных исследований за период 1990–2000 гг. свидетельствует об объективном существовании, конкретном списочном составе и определённой иерархии глобальных городов, а также особенностях их размещения, близко соответствующего географии наиболее богатых стран и регионов мира. В состав глобальных центров включается от 25 до 150 городов. Правда, в одном из последних рейтингов группы *GaWC* от 2018 г. – уже более 700 (в 2000 г. – 55 и 67 формирующихся). Но вне зависимости от выбранных показателей и методик перечень городов-лидеров остаётся практически неизменным. Первые две позиции традиционно занимают Нью-Йорк и Лондон. На ступень ниже располагается большая группа столиц стран экономической триады (Токио, Париж, Брюссель), крупнейшие города НИС (Сеул, Сингапур) и БРИКС (Пекин, Шанхай, Москва), а также экономически развитых стран (Лос-Анджелес, Чикаго, Сидней, Торонто). Результаты дальнейшего ранжирования уже во многом зависят от применяемой методики. Например, акцент на экономике возвышает города Китая и Индии, а за счёт качества жизни выигрывают не крупные европейские центры.

Несмотря на достаточную степень проработки исследовательских подходов, вопросов в области дефиниций, состава, рейтингов, начиная с 1990-х гг., изученность роли городов в ходе глубоких изменений пространственной структуры мирового хозяйства под влиянием глобализации нельзя считать исчерпывающей, а дискурс в рамках теории глобальных городов – завершённым. До настоящего времени критерии их выделения чётко не сформулированы. При этом с учётом динамики развития определённые предметные поля уже отчасти обветшали и объективно требуют качественно нового подхода в методическом контексте изучения. Более того, чрезмерная увлечённость экзогенными факторами развития городов и экономикоцентричность концепции имеет ряд негативных последствий. Во-первых, судя по структуре публикаций в ведущих международных журналах в области междисциплинарных исследований городов (прежде всего, *Cities*, *Urban Studies*), если не остались полностью за бортом, то оказались весьма слабо представлены трудами политологов и специалистов в области политической географии. Хотя наряду с ТНК в число влиятельных транснациональных акторов входят и международные организации, и НКО, способные отчасти корректировать конфигурацию общего каркаса мировых «центров силы». Во-вторых, в анализ вовлечено, как правило, ограниченное число центров, которые либо задают правила игры и формируют ядра активности так называемого «архипелага городов», либо представляют интерес для деятельности крупного транснационального бизнеса. В-третьих, как ни парадок-

сально, оказались забытыми и пока не получили развития многие вечные темы, на которые неоднократно указывали классики отечественной школы географии городов, включая общепринятое определение города, критерии его идентификации, типологию городов, город и национальная территория, феномен столичности, взаимодействие столицы и государства и др.

На этом фоне как определённый вызов глобальному «мейнстриму» современной градоведческой мысли можно рассматривать появление новой книги И.Ю. Окунева «Столицы в зеркале критической геополитики». Название произведения звучит весьма интригующе, предполагая содержательный анализ классики жанра изучения лидеров урбанистического мира – столиц – с использованием аппарата новейшей области знания. «Разумеется, было бы ошибочно видеть в критической геополитике новую догму, – указывает в одной из недавних работ известный российский политический географ и политолог В.А. Колосов, – однако на её счету немало принципиальных достижений» (Колосов 2016: 82). Есть ли принципиальные достижения в новом исследовании столиц? В любом случае заявленная тема, безусловно, привлекает и одновременно требует тщательного знакомства с произведением.

Рассматриваемый труд, названный нами «геополитическим вызовом...», – второе, переработанное и дополненное издание книги, увидевшей свет в 2017 г., и ставшей победителем конкурса лучших исследователей-международников, организованного Российской ассоциацией международных исследований, в номинации «Лучшая монография». Второе издание означает, что время и силы автора оказались потраченными не зря, и книга оказалась востребованной, нашла свою аудиторию благодарных читателей. В чисто техническом отношении это – сравнительно скромный по объёму (272 с., 17 п.л.) и прекрасно изданный труд. Он открывается кратким предисловием профессора Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Я.А. Пляйса, отмечающего сложность темы, молодость автора и возможность формирования на базе его трудов отдельного направления в политической науке – столицеведении.

Во введении автор раскрывает задачи книги, главная из которых заключается в интеграции в научный оборот материалов по столичной проблематике зарубежных исследователей, и лаконично описывает структуру работы, состоящей из четырех глав. Для создания у читателя общего представления о содержании монографии перечислим их названия: первая глава – «Методологический синтез в изучении политико-территориальных оснований государственности»; вторая – «Трансформация функций столицы как центра политико-территориальной структуры государства»; третья – «Типы столицы и их функции в политико-территориальной структуре государства»; четвертая – «Эмпирическое исследование столиц без актуальной государственности».

С нашей точки зрения, анализируя структуру произведения, уместно различать два равноценных по объёму, но, на первый взгляд, идейно относительно

слабо сочленённых между собой, но от этого не теряющих ценности раздела – первые три главы и отдельно – четвёртая глава. И вот почему. В первой части автор отталкивается от глубокого анализа эволюции и современного состояния течений геополитической мысли и, пытаясь нащупать конструктивистский сдвиг в исследовательской парадигме науки, размышляет над рядом интересных сюжетов, включая позиционирование категорий географического положения и геополитического кода, атрибутивной и субъектной суверенности, территориальности и пространственности, абсолютного и относительного пространства. И с таких высоких позиций в разделе аргументируется и реализуется исследование столиц на международном материале, выделяются в контексте политико-территориальной структуры государства четыре их основных типа (макростолица моноцентричного государства, макростолица полицентрического государства, микростолица моноцентричного государства и микростолица полицентрического государства) и характеризуются главные выполняемые функции – институциональная, символическая, общественная и региональная.

Во второй части автор намеренно уходит от высокой «официальщины» и исходит из гипотезы, что практически любой город способен претендовать на выполнение миссии столичности, играть роль «придуманной» (вымышленной) столицы. Тем самым он открывает, по сути, новую проблемную область исследований – «столиц без актуальной государственности». Эта богатая идея, по крайней мере, для брендинга городов доказывается на материалах полевых исследований в России с применением широкого арсенала методов, включая блиц-опросы общественного мнения, глубинные интервью, дискурс-анализ и др. В центре внимания три малых города страны – бывшая столица (Старая Ладога), столица исчезнувшего государства (Касимов) и столица выдуманного государства (Мышкин).

Этот раздел вызывает особый интерес у рецензента, представляющего общественно-географическую науку, в силу ряда обстоятельств. Во-первых, близостью концептуального базиса с поведенческой (бихевиористской), когнитивной и гуманитарной географией (Замятин 2006; Замятина, Арутюнян 2005; Колосов и др. 2000; Митин 2005). Во-вторых, напоминанием о разработке основ образного подхода в страноведении ещё в начале 1990-х гг. профессором Н.С. Мироненко совместно с аспирантом С.С. Каринским на кафедре географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова (Методика... 1993). В-третьих, относительным созвучием направленности и неожиданными результатами наших исследований современного имиджа глобальных городов. Так, изучение образа Парижа в Рунете показало, что столица Франции воспринимается подавляющим большинством респондентов не как крупный политический и экономический центр мира с «местным Манхэттенем» – Дефансом, а скорее как «город мечты» и удачного времяпрепровождения; очевидны признаки отождествления столицы со всей Францией. В сознании аудитории сложился устойчивый и довольно ограниченный набор частных образов исключительно исторического

ядра Парижа, во многом формирующегося продуктами массовой культуры и турбизнесом. Представления же как о ближайших пригородах, включая Версаль, так и о конгломерате «градообразующих» ТНК практически отсутствуют (Слука, Кузовлев 2020). Иными словами, использование образно-географического, а, согласно автору, «символического», подхода даёт совершенно новое видение глобального города.

Монография традиционно венчается заключением, где формулируются главные итоги исследования в виде десяти основных результатов, а также мощным списком использованной литературы из 309(!) источников, который представляет самостоятельную ценность как текущий срез накопленной научным сообществом информационной базы по столицам. В противовес богатой библиографии в весьма скромном приложении книги предлагается лишь образец анкеты социологического опроса и две таблицы «Результаты социологического опроса» и «Тип столичности государств мира».

В отличие от диссертационного исследования научный труд, выполненный в монографическом жанре, носит гораздо менее строгий характер и допускает известную степень свободы в изложении материала, что, вероятно, относится и к рецензии. Тем не менее, претендуя на открытие нового направления – столицеведения – автор «геополитического вызова» должен учитывать многие обстоятельства и исходить из жёстких требований. Хотя, по нашему мнению, поднять направление в рамках исключительно одной политологии – непосильная задача, решение, которой возможно только на междисциплинарной основе. Несмотря на активный поиск «конструктивистского сдвига в исследовательской парадигме геополитики» (Окунев 2020: 14), в ходе знакомства с монографией ощутимо, что автор столкнулся с рядом проблем, одна из главных среди которых – методологическая.

«В методологии научного исследования существует постулат, который гласит, что обоснование новой научной области должно начинаться с формулировки дефиниции, описывающей её основные характеристики и предназначение. В дефиниции раскрывается сущность явлений рассматриваемой области, которые детализируются и уточняются на уровне парадигм»³. Но авторское определение феномена терпеливый читатель может обнаружить только в самом конце заключения книги, которое занимает полстраницы и, по сути, сводится к «месту», одновременно выполняющему символическую, институциональную, общественную и региональную функции.

Остаётся широким полем для дальнейшего творчества и вопрос построения стройной системы парадигм. Несмотря на привлечение материалов многих авторитетных учёных из разных областей знания, создать целостный кон-

³ Методология научного исследования. 1969–1978. *Большая Советская Энциклопедия*. Т. 16. Москва: Советская энциклопедия. С. 435.

цепт столичности на платформе критической геополитики пока не получилось. Более того, например, первая часть работы очень близка к идейному багажу, возникшему на стыке разработок ещё советской школы географии городов и страноведения при изучении территориальной структуры хозяйства (Маергойз 1986). «Большие города, писал в свое время выдающийся экономико-географ Н.Н. Баранский, – это ответ на насущную потребность территории в опорных центрах; ...маяки и опорные точки всей хозяйственной географии страны, фокусы её культурной и политической жизни. Они образуют своего рода координатную сетку на экономической карте страны, истинный каркас территории» (Лаппо 1972). При этом жемчужиной в «короне» больших городов любого государства географы всегда признавали столицу. Неслучайно ещё в 1980-е гг. коллектив учёных Института географии АН СССР ввёл применительно к столицам категорию лидерства в трёх рядах явлений – политическом, экономическом и социокультурном, а для понимания их места и роли в политико-территориальной и территориально-хозяйственной структуре страны – обозначение абсолютного, относительного и специализированного лидерства (Московский столичный регион... 1988).

Как заинтересованному читателю, профессионально работающему в сфере геоурбанистики со студенческим корпусом, хотелось бы ознакомиться с ясно изложенной методикой исследования, принципиальной схемой изучения столиц, глубокой аргументированностью отдельных выдвигаемых положений, преимуществами и недостатками используемых методов, богатством доступной информационной базы как реализации преимущества критической геополитики, на что указывает В.А. Колосов: «В то время как классическая геополитика чаще всего предстаёт набором умозрительных спекуляций, опирающихся, как правило, лишь на отдельные факты и примеры, “критическое” направление оперирует большими массивами информации, анализируемой с помощью современных количественных методов» (Колосов 2016: 82). Но и в этом случае автор не стремится к широте охвата, оперируя преимущественно показателем численности населения, в том числе вводя коэффициент столичности как соотношение числа жителей столицы и крупнейших городов страны. Но он, с нашей точки зрения, скорее характеризует особенности верхнего этажа демоурбанистической структуры страны, а не её политико-территориальной структуры через призму «соотношения столицы и Периферии», плотность населения, в пределах которой в сельской местности может достигать значительных величин. Кроме того, подобные индикаторы и абсолютные величины просто не способны отразить истинную значимость официальных и неофициальных столиц в территориальных структурах разного генезиса и масштаба, что хорошо отражают результаты расчёта для 150 городов мира общегеографического индекса размера (на базе синтеза территории, населения и ВВП) (Sluka et al. 2019).

На наш взгляд, исследование, безусловно, выиграло бы, по крайней мере, в трёх случаях. Во-первых, за счёт расширения эмпирической базы; разработки

системы и привлечения в анализ совокупности дополнительных индикаторов. В частности, однозначно «политическим» индикатором выступает, например, число дипломатических миссий. Уровень их территориальной концентрации чётко «отмежевывает» столицы от прочих, в том числе глобальных городов (Слука и др. 2020).

Во-вторых, при более широкой адаптации исторического подхода с конкретизацией как фаз эволюции (например, в таком ряду: возникновение, становление, расцвет, стабилизация, стагнация, деградация, передача функций другому городу), так и типов столиц. В последнем случае – начиная с «новорождённых» и заканчивая «мёртвыми» городами (Яшков и др. 2010).

В-третьих, при ориентации на полимасштабный подход, автор «геополитического вызова» замыкается исключительно рамками национального государства и решительно отмежевывается от внешнего мира, тем самым отвергая миссию официальной столицы как участника выполнения внешних функций государства и как локомотива развития международных отношений. Хотя, согласно классика французской политологии Ж. Готтману, во-первых, именно столицы выступают как особые скрепы, «скрепляющие не только разнообразные этнические и прочие группы страны, а также различные этапы их истории, но и соединяющие государство с внешним миром...»; во-вторых, в общемировом масштабе система столиц «становится основанием формирующихся сетей деловых городов» (Готтман 2013). К этому можно добавить, что в отличие от глобальных городов, согласно нашим исследованиям, именно столицы, выступая площадками базирования геополитических акторов как традиционных, так и новых, в том числе транснациональных, среди которых особое место занимают разного ранга неправительственные организации, становятся ядрами формирования геополитических сетевых структур (Слука, Колясев 2020).

Подведём кратко итоги. Автор, безусловно, справился с главной поставленной задачей, озвученной во введении – привлечь внимание заинтересованного научного сообщества к одной из «вечных тем» в условиях бума исследований глобальных городов и аккумулировать разработки по столичной проблематике. Среди сильных сторон работы хотелось бы отметить, по крайней мере, ещё три момента. Во-первых, в ходе анализа выявлены серьёзные пробелы в популярной концепции, в целом вносящей скромный вклад в познание современной системы отношений город – национальное государство. И посему наименование труда «геополитическим вызовом» можно считать вполне оправданным. Во-вторых, «по духу» в монографии содержится скорее географическая, а не политологическая интерпретация столичности, что, конечно, особенно привлекает рецензента. В-третьих, разработка категории «символического капитала» города и предложение путей к осмыслению нового типа столиц «без актуальной государственности», с нашей точки зрения, имеет не только большое научно-познавательное значение, но и несёт в себе перспективный прикладной эффект, прежде всего, для городов России.

При всех достоинствах очевидна и отчасти слабая сторона работы – относительная рыхлость и уязвимость концептуальной основы исследования. Произведение, не имея «жесткого каркаса», всё-таки предстаёт скорее гирляндой чрезвычайно интересных сюжетов, нанизанных на нить «вечной темы». Это, на наш взгляд, тесно связано, с одной стороны, со стремлением автора обобщить и увязать огромный массив специальной информации, а с другой – как с наивысшей сложностью избранного к рассмотрению объекта, так и несовершенством идейной платформы критической геополитики, для которой город остается пока вне зоны «прямых интересов». Возможно, большую стройность и определённости труд в дальнейшем сможет приобрести при изучении категории столиц в рамках геополитической урбанистики – новой научной проблемной области, формирующейся на стыке ряда дисциплин. Предположительно, её предметным полем может стать исследование особенностей формирования, состава, специализации, размещения и механизмов взаимодействия традиционных и большой группы, так называемых, новых геополитических акторов в мировом урбанистическом сообществе.

Отдельно отмечу, что книга весьма своевременна, написана очень сочным языком и читается с огромным интересом. Она будет полезна всем, кто интересуется столицами, а также историей и географией городов России и мира. Надеюсь, что заложенные идеи будут автором преумножены, а монография переживет ещё не одно переиздание.

Об авторе:

Николай Александрович Слук – доктор географических наук, профессор кафедры географии мирового хозяйства, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. 119991, Москва, Ленинские горы, д.1. E-mail: sluka2011@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: April 5, 2020
Accepted for publication: May 2, 2020

«Geopolitical Challenge» to the Global Urban Research Boom

N.A. Sluka
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-283-294

Lomonosov Moscow state University

Abstract: Book review: Okunev I.Y. Capitals in the Mirror of Critical Geopolitics. Monograph. 2-e Izd., revised and enlarged. M.: Izdatel'stvo "Aspekt Press", 2020. 272 p.

About the author:

Nikolay A. Sluka – doctor of geographical Sciences, Professor of the Department of world economy geography, Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia, 119991 Leninskie gory, 1. E-mail: sluka2011@yandex.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Abrahamson M. 2004. *Global Cities*. Oxford: Oxford University Press.
- Abu-Lughod J.L. 1999. *New York, Chicago, Los Angeles: Americas's Global Cities*. The University of Minnesota Press.
- Beaverstock J.V., Smith J.V., Taylor P.J. 1999. A Roster of World Cities. *Cities*. №16. P. 445-458. DOI: 10.1016/S0264-2751(99)00042-6
- Carroll W.K. 2007. Global Cities in the Global Corporate Network. *Environment and Planning*. Vol. 39. P. 2297-2323.
- Clark D. 2003. *Urban World, Global City*. London: Routledge.
- Derudder B., Wiltoz F. 2010. World Cities and Global Commodity Chains: An Introduction. *Global Networks*. 10(1). P. 1-11.
- Godfrey B.J., Zhou Y. 2013. Ranking World Cities: Multinational Corporations and the Global Urban Hierarchy. *Urban Geography*. 20(3). P. 268-281.
- Kentor J., Sobek A., Timberlake M. 2011. Interlocking Corporate Directorates and the Global City Hierarchy. *American Sociological Association*. 17(2). P. 498-514.
- Kratke S. 2014a. Global Pharmaceutical and Biotechnolog Firms' Linkages in the World City Network. *Urban Studies*. 51(6). P. 1996-1213.
- Kratke S. 2014b. How Manufacturing Industries Connect Cities Across the World: Extending Research on «Multiple Globalizations». *Global Networks*. 14(2). P. 121-147.
- Lüthi S., Thierstein A., Hoyler M. 2018. The World City Network: Evaluating Top-Down versus Bottom-Up Approaches. *Cities*. Vol. 72. P. 287-294.
- Neal Z.P. 2011. Differentiating Centrality and Power in the World City Network. *Urban Studies*. 48(13). P. 2733-2748.
- Sassen S. 1991. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton, New Jersey.
- Sluka N., Tikunov V., Cheresnia O. 2019. The geographical size index for ranking and typology of cities. *Social Indicators Research*. 144(2). P. 981-997. DOI: 10.1007/s11205-019-02069-0.
- Taylor P.J. 2005. Leading World Cities: Empirical Evaluations of Urban Nodes in Multiple Networks. *Urban Studies*. 42(9). P. 1593-1608.
- Taylor P.J. 2001. Specification of the World City Network. *Geographical Analysis*. 33(2). P. 181-194. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2001.tb00443.x
- Taylor P.J. 2004. *World City Network: A Global Urban Analysis*. Routledge,
- Verhetsel A., Sel S. 2009. World Maritime Cities: From Which Cities do Container Shipping Companies Make Decisions? *Transport Policy*. 16(5). P. 240-250.
- Vinciguerra S., Frenken K., Valente M. 2010. The Geography of Internet Infrastructure: An Evolutionary Simulation Approach Based on Preferential Attachment. *Urban Studies*. 47(9). P. 1969-1984. DOI: 10.1177/0042098010372685.

Wall R.S., van der Knaap G.A. 2011. Sectoral Differentiation and Network Structure Within Contemporary Worldwide Corporate Networks. *Economic Geography*. 87(3). P. 267-308.

Gottman Zh. 2013. Stolichnyye goroda [Capital Cities]. *Logos*. №4. P. 15-38. (In Russian)

Hvatov Yu.Yu. 2015. Sravnitelnyi analiz reitingov konkurentosposobnosti globalnykh gorodov [Comparative Analysis of Global Cities Competitiveness]. *Evropeiskii vector ekonomicheskogo razvitiya*. 1(18). P. 195-202. (In Russian)

Kolosov V.A. 2016. Geopolitika i mirovoye khozyaystvo: traditsii i novyye mezhdisciplinarnyye napravleniya issledovaniy [Geopolitics and World Economy: Traditions and New Interdisciplinary Research Directions]. *Geografiya mirovogo hozyaystva: tradicii, sovremennost', perspektivy*. Ed. by V.A. Kolosov, N.A. Sluka. Moscow – Smolensk: Ojkumena. P. 81-94. (In Russian)

Kolosov V.A., Tikunov V.S., Zayats D.V. Mir v zerkale sredstv massovoy informatsii: ispol'zovanie anamorfoz v politikogeograficheskom analize [The World in the Mirror of the Media: the Use of Anamorphoses in Politico-Geographical Analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 5. Geografiya, 2000. №2. P. 15-22. (In Russian)

Lappo G.M. 1972. *Rasskazy o gorodach* [Stories about Cities]. Moscow: Nauka. 224 p. (In Russian)

Mayergoyz I.M. 1986. Territorialnaya struktura khozyaystva [Territorial Structure of the Economy]. Novosibirsk: Nauka. 303 p. (In Russian)

Metodika stranovedcheskogo issledovaniya [Methodology of Country Studies]. 1993. Moscow: MSU Publishing house. 152 p. (In Russian)

Mitin I.I. 2005. *Gumanitarnaya geografiya: Nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manah* [Humanitarian Geography: Scientific and Cultural Enlightenment. Issue 2]. Moscow: Institute naslediya. P. 347-348. (In Russian)

Moskovskiy stolichnyy region: territorialnaya struktura i prirodnaya sreda [Moscow Metropolitan Region: Territorial Structure and Natural Environment]. 1988. Moscow: Institute of geography of the USSR Academy of Sciences. 321 p. (In Russian)

Okunev I.Yu. 2020. *Stolitsy v zerkale kriticheskoy geopolitiki* [Capital Cities in a Critical Geopolitics Mirror]. Moskva: Aspect Press publishing house. 272 p. (In Russian)

Sluka N.A., Karyakin V.V., Kolyasev E.F. 2020. Globalnyye goroda kak khaby novykh transnatsionalnykh aktorov [Global Cities as the Hubs of New Transnational Actors]. *Kontury globalnykh transformatsiy*. № 2. (In print). (In Russian)

Sluka N.A., Kolyasev E.F. 2020. Sovremennaya geografiya tsentrov mezhdunarodnykh organizatsiy [Modern Geography of International Organizations' Centers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 5. Geografiya, №5. (In print). (In Russian)

Sluka N.A., Kuzovlev S.S. 2020. Sovremennyy obraz Parizha v russkoyazychnom segmente internet [Modern Image of Paris in the Russian-Language Segment of the Internet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 5. Geografiya, №2. P. 110-114. (In Russian)

Yashkov I.A., Ivanov A.V., Kuskov A.S., Baranov V.A. 2010. «Mertvyye» goroda v geokologicheskom i kulturnom prostranstve (na primere Kazakhstana) ["Dead" Cities in the Geo-Ecological and Cultural Space (on the Example of Kazakhstan)]. Moscow: publishing house "Kamerton". 212 p. (In Russian)

Zamyatin D.N. 2006. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovaniye geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling of Geographical Images]. Moscow: Znaniye. 488 p. (In Russian)

Zamyatina N.Yu., Harutyunyan K.M. 2005. Vzaimosvjazi obrazov stran Evropy v presse (po materialam gazet "Tajms" i "N'yu-JorkTajms") [The Relationship of the Images of European Countries in the Press (Based on the Newspapers The Times and The New York Times)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 5. Geografiya, №5. P. 60-65. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Готтман Ж. 2013. Столичные города. *Логос*. №4. С. 15-38.
- Замятин Д.Н. 2006. *Культура и пространство: Моделирование географических образов*. Москва: Знак. 488 с.
- Замятина Н.Ю., Арутюнян К.М. 2005. Взаимосвязи образов стран Европы в прессе (по материалам газет «Таймс» и «Нью-Йорк Таймс»). *Вестник Московского университета*. Сер. 5. География. №5. С. 60-65.
- Колосов В.А. 2016. Геополитика и мировое хозяйство: традиции и новые междисциплинарные направления исследований. *География мирового хозяйства: Традиции, современность, перспективы*. Под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. Москва – Смоленск: Ойкумена. С. 81-94.
- Колосов В.А., Тикунов В.С., Заяц Д.В. 2000. Мир в зеркале средств массовой информации: использование анаморфоз в политикогеографическом анализе. *Вестник Московского университета*. Сер. 5. География. №2. С. 15-22.
- Лаппо Г.М. 1972. *Рассказы о городах*. Москва: Наука. 224 с.
- Маергойз И.М. 1986. *Территориальная структура хозяйства*. Новосибирск: Наука. 303 с.
- Методика страноведческого исследования*. 1993. Москва: Изд-во МГУ. 152 с.
- Митин И.И. 2005. Гуманитарная география. *Научный и культурно-просветительский альманах*. Вып. 2. Москва: Институт Наследия. С. 347-348.
- Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда*. 1988. Москва: Институт географии АН СССР. 321 с.
- Окунев И.Ю. 2020. Столицы в зеркале критической геополитики. Москва: Изд-во «Аспект Пресс». 272 с.
- Слука Н.А., Карякин В.В., Колясев Е.Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов. *Контуры глобальных трансформаций*. 2020. №2. (В печати).
- Слука Н.А., Колясев Е.Ф. 2020. Современная география центров международных организаций. *Вестник Московского университета*. Сер. 5. География. №5. (В печати).
- Слука Н.А., Кузовлев С.С. 2020. Современный образ Парижа в русскоязычном сегменте интернета. *Вестник Московского университета*. Сер. 5. География. №2. С. 110-114.
- Хватов Ю.Ю. 2015. Сравнительный анализ рейтингов конкурентоспособности глобальных городов. *Европейський вектор економічного розвитку*. 1(18). С. 195-202.
- Яшков И.А., Иванов А.В., Кусков А.С. Баранов В.А. 2010. «Мертвые» города в геоэкологическом и культурном пространстве (на примере Казахстана). Москва: Издательский дом «Камертон». 212 с.